РОССИЯ ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

МЕМУАРЫ И ДНЕВНИКИ

М.И. ЛЕЛЬЯВ

ДНЕВНИК ОСАДЫ ПОРТ-АРТУРА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга представляет собой дневник потомственного военного инженера М.И. Лилье, активного участника героической обороны Порт-Артура от первого дня до последнего. Читатель найдет в ней как общие оценки Русско-японской войны и действий генералитета, так и взгляд боевого офицера «из окопов». Таких книг у нас еще не было, и она имеет несомненное научное и публицистическое значение.

Почти 100 лет рукопись дневника ждала своего часа, чтобы быть изданной и прочитанной. Ее появление в настоящее время, когда Россия возрождается и преодолевает сходные кризисные явления, глубоко символично и актуально.

- ДНЕВНИК ОСАДЫ ПОРТ-АРТУРА
  - Вместо предисловия. Выполняю долг
  - Свидетельство капитана Лилье
  - Дневник осады Порт-Артура. 24 января 1904 года — 3 января 1905 года
    - 1904 год. Январь
    - Февраль
    - Март
    - Апрель
    - Май
    - Июнь
    - Июль
    - Август
    - Сентябрь
    - Октябрь
    - Ноябрь
    - Декабрь
    - 1905 год
  - Биографическая справка
  - Словарь некоторых терминов, применяемых в дневнике
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

ДНЕВНИК ОСАДЫ ПОРТ-АРТУРА

Вместо предисловия. Выполняю долг

В начале 1980-х годов в рукописном отделе Российской государственной библиотеки в Москве мне удалось разыскать дневник моего родного дяди — Михаила Ивановича Лилье, — который он пронес через многие годы эмиграции и каким-то чудом с оказией сумел передать в Россию (тогда СССР).

Потомственный военный инженер, М.И. Лилье в чине капитана еще до начала Русско-японской войны находился на Квантунском полуострове и возводил укрепления Порт-Артура. Затем ему выпала судьба защищать эти укрепления в течение всех 11 месяцев героической обороны Порт-Артура. При этом Михаил Иванович вел дневник и делал зарисовки.

Научно-историческая ценность записок М.И. Лилье для всех знакомившихся с ними была несомненна, но до издания их ни у кого руки не доходили. С началом «перестройки» и «нового мышления» наметился сдвиг в этом направлении, и в 1990 году за издание дневника М.И. Лилье взялось Военное издательство Министерства обороны СССР. Дело дошло до верстки, и книга была включена в план изданий 1992 года.

Но, как мне написал позже заместитель главного редактора издательства г-н Синицын, «в издательстве произошли кардинальные изменения» и в круговерти перемен была потеряна рукопись М.И. Лилье. Слава Богу, сохранилась и была возвращена его фотография. У меня сохранилась и копия рукописи.

Поэтому я, конечно, бесконечно признательна издательству «Центрполиграф» за решение издать наконец дневник М.И. Лилье. Благодарна я и ответственным редакторам г-же В.А. Благово и г-ну С.А. Сапожникову за труд по подготовке дневника к изданию и иллюстрированию его фотоматериалами из собственного собрания.

Уверена, что эта книга, выходящая в преддверии 100-летия Русско-японской войны 1904-1905 годов, заинтересует не только специалистов-историков, но и всех, кому дорога история государства Российского.

Книга вполне может быть адресована молодому поколению и «потомству в пример».

Зоя Лилье

Свидетельство капитана Лилье

Воспоминания очевидцев, а тем более участников событий, вошедших в отечественную историю, являются ценнейшим свидетельством времени и ключом к пониманию эпохи. Особенно если своей жестокостью эти события кроваво отпечатались на судьбах государства и народа.

О событии, происшедшем сто лет тому назад у восточной окраины России и тяжелым эхом, с последствиями, прокатившемся по всей огромной стране, написано в жанрах беллетристики и научных исследований достаточно страниц. «Цусима» А.С. Новикова-Прибоя, «Порт-Артур» А.Н. Степанова, «Порт-Артур (Осада)» Г.А. Бутковского, «Русско-японская война 1904-1905 гг.» Н.А. Левицкого, труд с таким же названием А.И. Сорокина, брошюра Н.О. фон Эссена «Краткий очерк деятельности флота в Порт-Артуре, служба эскадренного броненосца „Севастополь“ и другое. А с мемуаристикой — значительно сложнее.

В 1954 году, когда отмечалось 50-летие Русско-японской войны, в сборнике «Исторический архив» Академии наук СССР вышел дневник участника обороны Порт-Артура подполковника С.А. Рашевского. Автор погиб за двадцать дней до капитуляции осажденной крепости — и повествование оборвалось. Дневник сохранился благодаря его другу капитану М.И. Лилье, который переслал документальные записки в Россию.

Ждут своего часа до сих пор не увидевшие свет «Воспоминания об осаде Порт-Артура 1904 г.» капитана 2-го ранга, а впоследствии адмирала фон Эссена. Как считает историк К.Л. Козюренко, этот труд обязан своим появлением, скорее всего, распоряжению от 30 марта 1905 г. управляющего Морским министерством вице-адмирала Ф.К. Авелана. Он писал главному командиру Кронштадтского порта А. А. Бирилеву следующее: «Ввиду малочисленности официальных документов о действиях порт-артурского флота и его чинов в отдельности за истекший период войны, прошу ваше превосходительство обязать командиров всех судов и миноносцев и офицеров, имевших отдельное командование на береговых позициях Порт-Артура, представить на мое имя, в возможно непродолжительном времени, заказным конфиденциальным письмом, описание, по своим личным впечатлениям, всех событий, в которых они принимали участие. Было бы желательно особенно подробно изложить все морские события с указанием возможных причин и следствий, а также выводов, которые бы могли служить к

наилучшему освещению специальных вопросов, дабы всецело воспользоваться уроками текущей войны. Критика действий других лиц, по вполне понятным причинам, не может быть допущена в этих описаниях».

И вот теперь, накануне 100-летия Русско-японской войны, читатель может познакомиться с дневником военного инженера капитана Михаила Ивановича Лилье. В нем отражена вся хронология обороны Порт-Артура — с января по декабрь 1904 года. Спустя шестьдесят лет после этих событий в журнале «Наука и жизнь» (1964 г., № 6) было опубликовано несколько небольших фрагментов из дневника. Но это были лишь фрагменты, да и акценты публикации соответствовали времени.

Родился Лилье в 1868 году в семье военного инженера-строителя Ивана Ивановича Лилье (1840-1910) и его жены Марии Александровны, урожденной Подкользиной. Михаил был старшим из детей, кроме него — Иван (1870-1927), Александр (1874-?) и Мария. Примечательно, что Лилье-отец со временем стал генерал-майором, а трое сыновей — полковниками.

Образование Михаил Иванович получил в Киевском Владимирском кадетском корпусе и Николаевской инженерной академии в Петербурге, которую окончил в 1896 году. После завершения учебы состоял в распоряжении начальника инженеров Московского военного округа, а в 1898 году назначен в инженерное управление Приамурского военного округа. Он был направлен на Квантунский полуостров и командирован в Порт-Артур. Здесь Лилье руководил постройкой укреплений, участвовал в обороне крепости и покинул ее уже после сдачи Порт-Артура. Затем Михаил Иванович служил в Петербургском военном округе, в 1912 году вышел в отставку, но с началом Первой мировой войны добровольно возвратился в армию.

В 1917 году в звании полковника М. Лилье оставил службу и эмигрировал в Польшу, а затем во Францию. Здесь он преподавал на Военно-технических курсах, открытых в Париже в сентябре 1930 года по программе Николаевской инженерной академии. Умер М.И. Лилье в 1941 году и похоронен на Русском кладбище[1].

Прошло целое столетие, но «Дневник осады Порт-Артура» воспринимается поразительно понятно и даже свежо (если можно применить к давним трагическим событиям такие мажорные определения). Дело в том, что в записях Михаила Лилье соединились и совершенный литературный язык, и выводы опытного военного инженера, и гражданская позиция патриота России. Удивительно современно (хоть проводи параллели) звучат многие из его определений, относящиеся, например, к

действиям российского генералитета, к постоянной чехарде в оперативном руководстве.

«За несколько дней до начала войны я разговорился случайно с приказчиком одного из японских магазинов Артура. Японец на мой вопрос, как он думает, что мы будем делать в случае объявления войны, хихикая, ответил: „Начнете одних генералов заменять другими“. Тогда я на эти слова как-то не обратил особенного внимания, а теперь с каждым днем приходится на деле убеждаться, что японец был совершенно прав. До сих пор мы только и делаем, что меняем генералов».

Лилье рассказывает о гибели в течение каких-то минут на глазах всей эскадры и крепости броненосца «Петропавловск» с адмиралом Макаровым, его штабом, художником Верещагиным и до 650 человек команды. Спаслись только Великий князь Кирилл Владимирович, 6 офицеров и около 30 матросов. Обладавший редким хладнокровием подполковник Сергей Рашевский успел среди всеобщей паники сделать с Золотой горы, где в этот момент находился, четыре фотоснимка этой катастрофы.

Нельзя без душевной боли читать строки о защите 11 ротами 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и еще тремя приданными ему ротами Цзиньчжоусской позиции, которую атаковали три японские дивизии при поддержке флота.

«К вечеру 5-й полк, голодный, уупомленный целым днем боя, не получая никакой поддержки и помощи, начал постепенно отступать. Таким образом, прекрасно укрепленная Цзиньчжоусская позиция, поглотившая такую массу труда, энергии и средств, была взята штурмом в течение одного дня. Укрепление ее потребовало в свое время трех с половиной месяцев усиленной работы. Эта потеря была тем более тяжела, что сами японцы, как я слыхал, уверяли впоследствии, будто бы к концу боя у них уже не хватало снарядов, и, продержись мы до вечера, они не могли бы продолжать штурм, и позиция осталась бы за нами. Если бы генерал Фок в решительную минуту прислал подкрепление, то Цзиньчжоусская позиция, этот: „ключ“ к Артуру, осталась бы в наших руках, а тогда сильно изменился бы весь ход дальнейших событий и в Порт-Артуре, и в северной армии. Японцы тогда не могли бы занять порт Дальний, который представлял собой такую чудную для них базу».

Лилье-очевидец рассказывает подробности жизни осажденной крепости, говорит о настроении и быте ее жителей и защитников, о подвозе продовольствия и баснословных ценах на него, об обстрелах и штыковых атаках японцев, о больных и раненых, о непонятном бездействии флота, который нередко ограничивался ролью пассивного зрителя, не решаясь выйти из гавани, чтобы

поддержать сухопутные войска.

«На душе была тоска и вместе с тем тупое озлобление на петербургских карьеристов, на корейских лесопромышленников, на всех тех, которым так сладко жилось вдали от этих мест, где из-за них теперь лилась ручьями народная русская кровь».

Очень важным дополнением дневника Лилье являются приводимые им приказы по войскам Квантунского укрепленного района. Эти документы сами по себе тоже красноречиво иллюстрируют порт-артурскую трагедию.

Запись от 14 декабря:

«Сегодня японцы усиленно обстреливают курганскую батарею. Ночью, обходя позицию, я зашел в 5-й форт. Этот форт представляет из себя груду камня, так как война застала его почти в самом начале постройки. Я зашел в блиндаж: все помещение оказалось битком набито исключительно молодыми офицерами. Условия, в которых приходилось жить и работать этим достойным защитникам форта, были самые тяжелые. И офицеры, и нижние чины терпели сильный недостаток решительно во всем, начиная с пищи и кончая одеждой. На батарее Лит. Д куда я тоже заглянул, оставалось около 60 снарядов на все 6 орудий».

И тут Лилье приводит текст приказа генерал-адъютанта Стесселя по войскам от того же 14 декабря:

«Вновь прошу наших священников объезжать и обходить полковые участки обороны, дабы дать возможность нашим геройским защитникам помолиться на Святом Кресте и, приложившись к Нему, получить благословение и услышать слова духовного отца».

22 декабря 1904 года капитан Лилье получил приказ о назначении в комиссию по сдаче Тигрового полуострова японцам.

«Мне было как-то особенно горько и обидно, что именно мне приходится сдавать японцам то, над чем я проработал почти семь лет моей жизни в Артуре».

Затем был французский пароход «Австралия», который доставил возвращавшихся в Россию портартурцев в Шанхай, а оттуда — путь на Родину.

Виталий Ковалинский, историк

Дневник осады Порт-Артура. 24 января 1904 года — 3 января 1905 года

Кому много дано, с того много и спросится.

Из Евангелия

Правду, правду и только правду.

Император Николай II — прессе

1904 год. Январь

26 января

26 января, вечером, я сидел у себя дома, в Порт-Артуре, за чайным столом с двумя своими приятелями, коммерсантами из города Дальнего.

Мы разговаривали о натянутых политических отношениях с Японией, которые, по нашему общему мнению, должны были в близком будущем неминуемо привести к войне; но никто из нас не предполагал, что она может начаться ранее конца февраля.

В окна смотрела темная, безлунная ночь; в крепости царила ничем не нарушаемая тишина...

Вдруг, около полуночи, мы услыхали выстрелы с эскадры, которая незадолго до этого вышла из гавани на наружный рейд, но стояла далеко не в боевом порядке.

Выстрелы с эскадры меня удивили; желая узнать, в чем дело, я кинулся к окну и увидел, что эскадра освещает море прожекторами. Вспомнив, что на этих днях на эскадре должны производиться маневры — отражение атаки миноносцев, — мы приняли эту стрельбу за артиллерийское учение и, успокоившись, продолжали прерванный разговор.

Стрельба начала понемногу стихать. Однако не прошло и 20 минут, как она вновь разгорелась еще с большей силой и приняла уже совсем иной характер: это была нервная, беспорядочная и ускоренная пальба.

Нас охватило сильное волнение. Мы все выбежали на крыльцо. Было холодно.

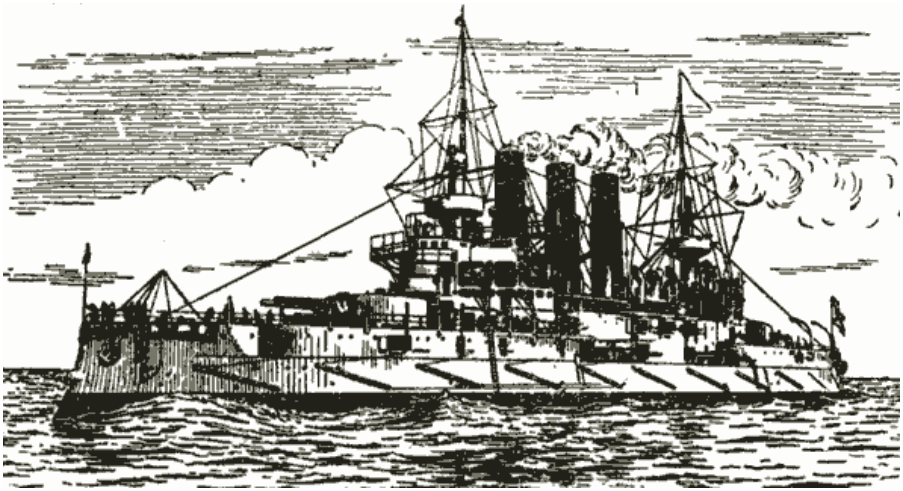
Раскаты выстрелов орудий большого калибра перемешивались с беспорядочной стрельбой мелкой скорострельной артиллерии.

Лучи прожекторов эскадры бороздили море по всем направлениям. Приморские батареи, однако, были погружены в молчание. Только на Золотой горе видны были двигавшиеся огоньки. Около 2 часов ночи канонада прекратилась и все стихло.

Страшно утомленный в этот день, я собрался было уже лечь спать, как вдруг в 3 часа ночи меня потребовал к себе на квартиру мой начальник. Я сразу понял, что случилось какое-то несчастье, и спешно отправился на зов. Мое предчувствие меня не обмануло: генерал сообщил нам — мне и моим товарищам по службе, — что японцы внезапно атаковали 4 миноносцами нашу, совершенно неготовую к бою, эскадру и подорвали броненосцы «Ретвизан» и

«Цесаревич» и крейсер «Паллада».

Броненосец «Ретвизан»



Ужасная весть страшно меня поразила; сердце сжималось от боли и обиды. Я поспешил домой и, разбудив двух моих знакомых, сообщил им о постигшем нас несчастье. Оба они спросонья не поверили сначала мне и приняли мои слова за шутку, но, убедившись по моему взволнованному виду, что я сообщаю им печальную правду, поспешно оделись и побежали по делам в город.

В эту историческую для России ночь у меня зародилась мысль — вести подневную запись всех дальнейших событий в Порт-Артуре.

27 января

Утром мне пришлось самому увидеть гибельные следы смелой ночной атаки японцев: два наших красавца броненосца «Ретвизан» и «Цесаревич», сильно поврежденные, полузатонувшие, беспомощно стояли поперек прохода, почти загородив его и тем сильно затрудняя сообщение между гаванью и наружным рейдом.

На рейде еще сегодня утром выловили 4 неразорвавшиеся, плавающие мины.

Как и можно было предполагать, эскадра наша совершенно не была готова к бою, и ночное нападение застигло ее врасплох, о

чем, между прочим, свидетельствуют следующие факты: 27 января, около 5 часов утра, я ехал по Широкой улице, направляясь на вокзал, где мне нужно было взять несколько билетов в Россию. Навстречу попались несколько молодых морских офицеров, возвращавшихся откуда-то на эскадру— Один из них, инженер-механик, встретившийся со мной близ конторы Восточно-Азиатской компании, на мой вопрос, не знает ли он каких-либо подробностей ночного нападения, выразил полнейшее изумление. Он, оказывается, от меня первого услыхал эту печальную новость, которая как гром поразила его.

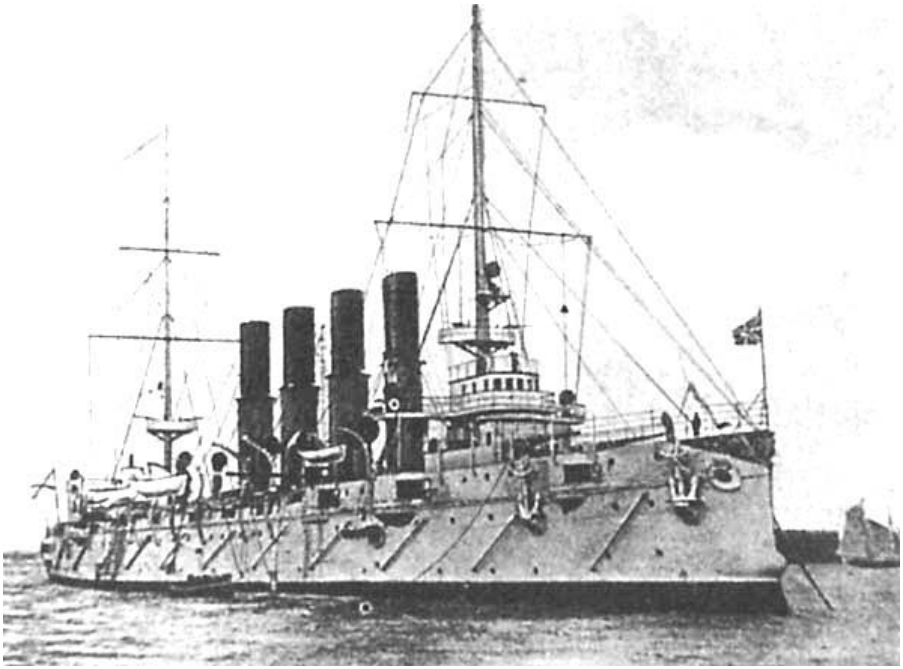
У самого командующего эскадрой адмирала Старка вечером, 26-го, был маленький домашний праздник по случаю именин его супруги. Не знаю как приглашенные гости, но сам адмирал Старк, как я слышал, успел попасть на эскадру во время тревоги.

Моряки, бывшие ночью на эскадре, наперебой рассказывали теперь самые разноречивые подробности ночной атаки японцев.

Некоторые из них уверяли, что приближавшиеся японские миноносцы были приняты за своих, так как на оклик часовых с нашей эскадры японцы давали совершенно правильные ответы на чисто русском языке, называя себя именами некоторых русских миноносцев. Другие офицеры старались утешить и себя и других тем, что три японских миноносца потоплены нами. Вместе с тем они уверяли, что повреждения наших судов очень незначительны и могут быть исправлены в несколько дней.

В этот же день я узнал, что крейсер «Варяг» и канонерка «Кореец» находились в Чемульпо. Страшно было теперь подумать об их судьбе.

Крейсер «Варяг»



В городе между тем царила паника. На вокзале и пристанях толпилась масса публики, преимущественно женщин и детей. Магазины были пусты, а частью закрыты. В банк нельзя было протолкаться. Множество народу теснилось на набережной, передавая друг другу подробности событий минувшей ночи.

Дамы с испуганными и растерянными лицами, полупричесанные, со шляпками на боку, метались по городу.

Сильно озабоченный и подчас комический вид имели многие мужья, спешившие отправить свои семьи в Россию.

Около 9 часов утра разнесся слух, что японская эскадра стоит в Чифу. Японцы, очевидно, предполагали, что их ночная атака вывела у нас из строя значительное количество судов, и потому около полудня решились напасть на нашу эскадру.

Они выбрали самое благоприятное для себя время, так как в полдень солнце светило нашим береговым батареям прямо в глаза и тем сильно затрудняло наводку орудий, а между тем для японцев весь наш берег являлся превосходно освещенной целью.

Сначала появились в виду крепости четыре разведочных крейсера, которые подошли верст на 8-9, но скоро повернули обратно и скрылись. Вскоре за тем на горизонте показались дымки, а немного спустя можно было уже в бинокль различить силуэты приближающейся японской эскадры в составе около 15 судов.

Вначале эскадра шла стройной кильватерной колонной прямо на Порт-Артур, но, не доходя верст 6-8, повернула под

прямым углом влево, вдоль наших берегов.

Весь этот маневр японцы исполнили, как на параде, с полным хладнокровием: суда шли замечательно плавно, спокойно, на равных интервалах. Вытянувшись в одну линию вдоль наших берегов, японцы выкинули красный флаг и открыли огонь.

Наша эскадра и часть береговых батарей стали отвечать. Наиболее деятельное участие в этом артиллерийском поединке принимали, несмотря на свои тяжелые аварии, наши раненые броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич». Стоя в проходе, они направили все свои орудия на море и походили на ощетинившихся ежей. Канонада, постепенно разгораясь, продолжалась 45 минут.

Неумолкаемый гул стрельбы, треск падающих снарядов, клубы дыма на батареях, фосфорические вспышки бездымного пороха у дул орудий, страшная суматоха и сутолока в городе, паническое бегство нескольких тысяч китайцев — рабочих из порта в Новый Китайский город — и, наконец, общее нервное и тревожное настроение — вот картина первой бомбардировки Порт-Артура.

За неимением верховой лошади я не мог сразу попасть ни на одну из береговых батарей, и только к концу канонады мне удалось добраться до Золотой горы.

Почти одновременно со мной туда же приехал наместник, генерал-адъютант Алексеев.

Вдали видны еще были дымки удаляющейся японской эскадры. Наши суда без всякого порядка стояли приблизительно против Крестовой горы и продолжали изредка стрелять по уходившим японцам из орудий большого калибра.

Крейсер «Новик» стоял несколько впереди.

Казалось, что вся наша эскадра готовилась уже начать преследование, но в этот момент наместником почему-то на Золотой горе был поднят сигнал с приказом эскадре вернуться к крепости.

Это возвращение эскадры было одной из крупнейших ошибок нашего флота за всю последующую войну. Именно в этот момент эскадра наша должна была преследовать японцев и заставить их принять бой в открытом море.

Как выяснилось впоследствии, в этой первой попытке бомбардировать крепость «с близких дистанций» японцы понесли серьезные потери, и потому, если бы наша эскадра своевременно перешла в наступление, все шансы на успех были бы на нашей стороне.

Когда канонада совершенно затихла, наместник обошел артиллеристов на батареях Золотой горы, благодарил за

отражение атаки, справился, есть ли раненые, и, узнав, что один артиллерист легко ранен осколком снаряда в щеку, пожаловал ему 5 рублей. Тут же наместник отдал приказание ввести на внутренний рейд пароход «Ангара», который до этого времени совершенно напрасно стоял на наружном рейде и подвергался опасности быть потопленным.

Спускаясь с Золотой горы, я поднял несколько осколков от японских бризантных снарядов, совершивших боевое крещение нашей крепости.

Результаты первой бомбардировки Порт-Артура были следующие: 4 убитых, до 50 раненых нижних чинов и 2 офицера легко ранены на транспорте «Ангара».

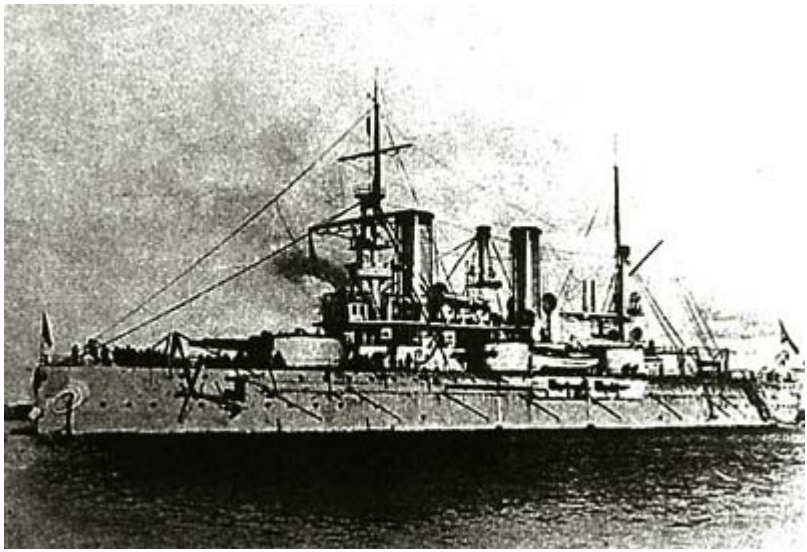
Из всех судов сильнее всего пострадал крейсер «Аскольд», получивший большую подводную пробоину, а у крейсера «Новик» была снесена снарядом боевая рубка.

Несколько снарядов попали в город, но не произвели там каких-либо серьезных повреждений.

По какому-то странному стечению обстоятельств один из первых японских снарядов попал в здание знаменитой лесопромышленной компании на реке Ялу, которая, несомненно, сыграла выдающуюся роль в деле обострения наших отношений с Японией. Еще один из снарядов упал на набережную и взрывом своим вырыл там огромную яму, другой залетел в сад купца Тифонтая, но там не разорвался. Кроме того, оказалась разрушенной одна фанза на Перепелиной горе, где было ранено, кажется, два китайца.

Самого командующего эскадрой, адмирала Старка, в момент появления японцев перед крепостью на эскадре не было, и сигнал «сняться эскадре с якоря» был дан капитаном 1-го ранга Эбергардтом. Адмирал же прибыл позже и уже на ходу пересел со своего катера на броненосец «Петропавловск».

Броненосец «Петропавловск»



Между тем паника в городе все усиливалась. Вокзал целый день осаждала толпа отъезжающих. Все пароходы и даже шаланды были переполнены публикой, особенно китайцами, спешно покидавшими Порт-Артур.

Насколько было внезапно нападение японцев и как мало к нему были подготовлены, можно судить еще и по следующим фактам, которые удалось мне сегодня узнать.

В роковую ночь на 27 января войскам гарнизона приказано было занять форты. Части поспешно выступили, но так как и войска и командиры полков очень плохо знали расположение крепости, а маневров в этом направлении своевременно почему-то не делалось, то, естественно, произошла страшная путаница: одни части занимали не свои позиции, другие заняли форты без патронов, третьи имели только караульные патроны в подсумках.

Впоследствии мне удалось точно узнать, что нападение японцев поразило не только каждого из нас, но и для самого наместника Алексеева оно было полной неожиданностью.

ПРИКАЗЫ наместника

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнем Востоке

Порт-Артур. 27 января 1904 года

№ 39

Во исполнение ВЫСОЧАЙШЕГО повеления, сообщенного мне телеграммой Военного Министра от 25 января сего года за № 408, объявляю на военном положении с 27 сего января крепость Владивосток и местности, состоящие в пользовании Китайской Восточной железной дороги.

Крепость же Порт-Артур, в виду появления перед ней неприятеля, объявляю в осадном положении.

№44

Доблестные войска и флот ВЫСОЧАЙШЕ мне вверенные!

В настоящую минуту, когда взоры обожаемого нашего ЦАРЯ, всей России и даже всего света обращены к нам, мы должны помнить, что на нас лежит святая обязанность постоять за ЦАРЯ и родину. Россия велика и могущественна, и если наш враг силен, то это должно дать нам только новые силы и мощь на борьбу с ним. Велик дух русского солдата и матроса. Немало славных имен знает наша армия и флот, имен, которые должны послужить нам примером в настоящую великую минуту. Господь Бог земли Русской всегда стоял за правое дело. Он постоит за него и теперь. Соединимся же воедино для дальнейшей борьбы. Да сохранит каждый из вас спокойствие духа, чтобы наилучшим образом исполнить свой долг, и, надеясь на помощь Всевышнего, каждый делайте свое дело, помня, что за Богом молитва, за царем служба не пропадает. Да здравствует ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, да здравствует Россия! С нами Бог. УРА!

Наместник, генерал-адъютант *Ев. Алексеев*

28 января

Ночь прошла очень тревожно. Весь город был погружен в зловещую темноту, так как было приказано не зажигать огней, а окна, обращенные к морю, завесить. Эта темнота и какая-то странная тишина в городе, который всего два дня тому назад был полон жизни и деятельности, действовали угнетающим образом на каждого обывателя Порт-Артура и навевали на всех тяжелые думы.

В довершение всего утром поднялся страшно холодный и сильный ветер, который знаком только обывателям Ляодуна и Маньчжурии. В такую погоду нечего было и думать приниматься за оборонительные работы: ни одного китайца не удалось бы вытянуть на работу ни за какие деньги.

Море было бурно, и потому можно было не опасаться десанта со стороны японцев.

В крепости с утра началась спешная, суетливая работа.

По прежним распоряжениям все областные управления должны были со времени объявления войны покинуть Порт-Артур и переехать в Харбин. Ввиду этого во всех управлениях поднялась невообразимая сумятица. Бумаги, архивы, книги, журналы спешно укладывались в ящики, служащие получали новые назначения, выделялись новые крепостные управления из прежних областных управлений.

Только теперь от штаба наместника было выделено комендантство крепости, которая фактически существовала уже 6 лет. Комендантом крепости был назначен генерал-лейтенант Стессель.

В довершение всей этой сутолоки многие из чиновников, по свойственному русским обычаю, с горя так напились, что от этой публики решительно ничего нельзя было добиться.

Вся эта бестолковщина может служить яркой иллюстрацией нашего порядка и подготовленности к войне, и это где же — в Порт-Артуре!

29 января

Сегодня мне случилось с начальником инженеров полковником Григоренко и командиром 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковником Рейсом объезжать район оборонительных работ левого фланга. Означенный район не имеет почти никаких укреплений, кроме полузаконченного 5-го временного укрепления.

Трудно себе представить, сколько потребуется теперь самой усиленной работы, чтобы создать здесь более или менее укрепленные позиции.

Главным препятствием успешному ходу работ в настоящее время служит отсутствие рабочих рук.

Китайцы-рабочие, напуганные предшествовавшими бомбардировками и избегающие вообще работать в сильные холода, очень неохотно и лишь после долгих принуждений выходят на работы. Кроме того, сильно тормозит работы наступление китайского Нового года, почти единственного у них в году большого праздника.

Войск, находящихся в крепости, вообще не хватает даже для занятия оборонительной линии и батарей, не говоря уже о множестве других непредвиденных работ. Несмотря, однако, на все это, в ночь на 29-е из крепости выступил на Ялу 10-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. Таким образом, с 29 января в Порт-Артуре оставалась лишь одна 7-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия, в которой из четырех полков только 25-й был сформирован два года тому назад и потому бы несколько знаком с крепостью. Остальные же полки совершенно молодые и несплоченные; между прочим, один из них, а именно 28-й, пришел в крепость только накануне 26 января и, конечно, совершенно еще не успел ориентироваться на новом месте. Кроме

того, все наши полки имеют роты далеко не полного состава, а именно всего в 100-120 человек.

Само собой понятно, что столь малочисленный гарнизон слишком был слаб для защиты такой обширной и далеко не готовой крепости, как Порт-Артур.

Первое время было особенно тяжелым для крепости.

Полная незаконченность укреплений и жалкий по численности гарнизон, подавленный первыми впечатлениями бомбардировок, тревожное настроение всех жителей и массовое бегство китайцев из Артура, недостаток рабочих рук в порту, неготовность нашего флота, беспорядок и суматоха вследствие отъезда областных управлений в Харбин и, наконец, отсутствие «определенных» предначертаний у высших начальников — все это давало много шансов японцам внезапно высадить десант и с полным успехом штурмовать Порт-Артур. Эта мысль сознавалась многими и тем увеличивала общее беспокойство.

Тяжелое настроение сегодня еще усилилось, когда пришла печальная весть, что два наших миноносца столкнулись на рейде вчера ночью. Один из миноносцев получил значительную пробоину, а другой повредил носовую часть. Виновником этого несчастья, как уверяют моряки, была темная ночь.

Днем шесть наших миноносцев ходили в бухту Сяо-Биндор, расположенную верстах в 20 к северу от Артура, и благополучно вернулись в порт, не найдя там неприятеля.

30 января

Ветрено и холодно. Оборонительные работы слабо подвигаются вперед. Китайцы-рабочие мерзнут, работают лениво и неохотно.

Прошел слух о скором отъезде наместника.

Бегство жителей из крепости продолжается.

Начали дорожать съестные припасы: так, мясо дошло до 25 коп. за фунт вместо прежних 10-12 коп.

Сегодня опять два крупных несчастья постигли наш флот: погибли минный транспорт «Енисей» и крейсер «Боярин».

Транспорт «Енисей» был послан ставить минное заграждение в Дальнинской бухте.

Желая поправить в одном месте неправильно поставленную мину, «Енисей», неосторожно подойдя к ней слишком близко, был нанесен на нее течением и, подорвавшись носовой частью, стал тонуть.

Часть команды спаслась на шлюпках, но так как шлюпок не хватило, то остальные бросились вплавь к берегу, до которого от места катастрофы было 300-400 сажен.

Многие из пловцов потонули, другие, окоченев от холодной воды, хоть и доплыли, но умерли на берегу от паралича сердца.

Так погиб инженер-механик Яновский, плывший к берегу и подобранный на шлюпку еще с признаками жизни. Кроме него погибли мичманы Гриденко и Хрущев и до 80 человек команды.

Командир транспорта, капитан 1-го ранга Степанов, не пожелав оставить свой корабль, геройски погиб вместе с ним.

Почти одновременно произошла катастрофа с «Боярином». Этот хорошенький крейсер был отправлен также в Дальнинскую бухту и там натолкнулся на нашу же плавающую мину и подорвался.

Командир его, капитан 2-го ранга Сарычев, руководствуясь неизвестными побуждениями, отдал команде приказание покинуть корабль. Несмотря на протесты некоторых офицеров, крейсер был оставлен на произвол судьбы и, как говорят, даже без закинутого якоря. Команда сошла на шлюпки и миноносцы, сопровождавшие «Боярина», и вместе с его командиром благополучно прибыла в Артур.

Бедный «Боярин» долго еще держался на воде и, покинутый своими хозяевами, в течение трех дней носился по воле волн у унылых берегов Квантуна, пока северными ветрами не был выкинут на прибрежные камни и не нашел там свою окончательную гибель.

Капитан Сарычев был впоследствии предан морскому суду и приговорен к отстранению от командования судами. Теперь же единственным наказанием ему было то, что его списали на берег.

Позже он командовал маленькой морской батарейкой у подножия Электрического утеса.

В городе сегодня ходят слухи, что наша Владивостокская эскадра разгромила японский порт Хакодатэ. Кроме того, сообщают, что японская эскадра получила очень серьезные повреждения от огня наших батарей в бою 27 января.

31 января

Пурга и вьюга. Очень холодно.

Чем больше присматриваешься, тем все больше и больше убеждаешься в слабости оборонительных сооружений нашей крепости, а между тем ускорить работы за холодами и из-за

китайских праздников невозможно.

В дополнение ко вчерашним слухам в городе говорят, что японцы потеряли под Порт-Артуром 27 января чуть ли не 5 судов. Это несколько утешает и приободряет наших артурцев.

О крейсере «Варяг» и канонерке «Кореец» прошел слух, что они сдались и стоят разоруженные в Чемульпо.

Сегодня в бухте Сяо-Биндао застрелился молодой казачий офицер, посланный туда с 20 казаками для сторожевой службы.

К вечеру мороз и ветер усилились, пошел мелкий снег.

Февраль

1 февраля

Морозит. Выпавший маленький снег покрыл тонким слоем все окрестности.

2 февраля

Сегодня канун китайского Нового года. Обыкновенно в этот день китайское население по всему городу устраивало торжественное шествие с бумажными изображениями дракона и солнца во главе.

Вся эта процессия должна была представлять аллегорически борьбу солнца с драконом — света с тьмою.

Празднества, продолжаясь весь день, не прекращались и ночью. Лишь только стемнело, китайцы начинали пускать ракеты и производили невероятную трескотню своими хлопушками, думая этим шумом напугать злых духов и отогнать их подальше от своих жилищ.

Но ввиду того, что в столь тревожное время трескотня хлопушек легко могла быть принята за выстрелы и всполошить все население, все эти увеселения, по приказанию высшего начальства, были отменены.

Благодаря этим мерам ночь прошла спокойно. Тишина ее лишь изредка нарушалась звуком одинокой хлопушки, которую какой-нибудь китайский фанатик все же зажигал у своей фанзы (избы).

3 февраля

По городу ходят слухи о назначении коменданта крепости, генерал-лейтенанта Стесселя, командиром 3-го Сибирского корпуса. Преемником его называют генерал-лейтенанта Смирнова, который вскоре и выезжает из Петербурга в Артур.

Эти перемещения всем нам совершенно непонятны. Действительно, какой абсурд — поручать крепость, находящуюся уже в осаде, человеку совершенно незнакомому не только с самой

крепостью и местными условиями жизни, но, по всей вероятности, и в глаза никогда не видавшему нашего противника.

4 февраля

Погода стоит отличная.

Оборонительные работы подвигаются вперед довольно успешно.

Сегодня в 5 часов дня уехали в Харбин: областное инженерное управление с генерал-майором Базилевским во главе, главный контролер Михайлов со своими чиновниками и генерал-лейтенант Волков со своим штабом.

Артур сиротеет с каждым днем; его покидают все, кто только может...

5 февраля

Оборонительные работы в полном ходу. Китайцы, привлекаемые хорошей зарплатой, копошатся, как муравьи, на верхах крепости.

Утром на горизонте было видно до 15 военных судов японской эскадры. Крейсера «Аскольд» и «Баян» с двумя миноносцами выходили в море, но скоро вернулись обратно.

6 февраля

Постройка оборонительных сооружений быстро продвигается вперед.

Получена радостная телеграмма о назначении адмирала Макарова командиром эскадры. Все питают надежду, что с его прибытием флот перейдет к более активной деятельности.

Крейсер «Новик» сегодня вышел из дока; его место наконец займет крейсер «Паллада».

Работы по исправлению броненосцев «Ретвизан» и «Цесаревич» продвигаются по-прежнему очень медленно.

В городе ходят слухи о каком-то столкновении японцев с русскими в Корее. Японцы, как говорят, отброшены с большими потерями.

7 февраля

Погода, по-видимому, установилась надолго: стоят чудные, теплые дни.

Японская эскадра, очевидно, крейсирует где-то вблизи Порт-Артура, прикрывая высадку своих десантов в Корее.

Закрытая недавно газета «Новый край» начала снова издаваться под строгой цензурой.

Флот, почти исправленный после мелких повреждений, полученных во время бомбардировки 27 января, стоит в Западном бассейне. В его рядах не хватает броненосцев «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсера «Паллада», починка которых по-прежнему ведется крайне вяло и неэнергично. Вообще в порту царит страшный беспорядок. Командир порта перебранился с судовыми механиками; строитель порта, инженер-полковник Веселаго, почему-то уехал из Артура заведовать Главной квартирой наместника в Мукдене.

Таким образом, все обширное и крайне сложное строительство порта осталось без начальника. К этому присоединилось еще почти поголовное бегство китайцев-рабочих из порта в Чифу. Так как русских рабочих в Артуре нет, то в доке почти остановились все работы. Кроме того, ощущается сильный недостаток в запасных материалах, необходимых для разного рода починок.

Съестные припасы все дорожают и дорожают.

8 февраля

Город сильно опустел. Вместо прежней его кипучей жизни теперь видишь только одну напряженную деятельность военных. Ночью и она затихает. Весь город погружается в безмолвную темноту. Огней почти нигде не видно.

Настроение у всех тоскливое.

В городе ощущается недостаток мяса, и войска начали уже скупать скот и свиней у окрестных китайцев.

Утром, без всяких официальностей, уехал из Артура наместник. Инженерные работы идут по-прежнему очень успешно.

Флот хотя и позачинился, но все еще пребывает в

бездействии.

Ночью произошел трагикомический случай: один конный урядник наткнулся нечаянно на нашу проволочную сеть и так в ней запутался, что принужден был просидеть в ней до рассвета.

9 февраля

По городу ходят слухи о назначении генерала Куропаткина главнокомандующим Маньчжурской армии.

Этот слух встречает полное сочувствие среди всего гарнизона.

Говорят о скором выходе из Кронштадта громадной Балтийской эскадры под флагом адмирала Рожественского.

10 февраля

Крейсера «Новик», «Баян» и «Аскольд» выходили сегодня в море в северном направлении, но никого не встретили.

Сегодня, только на пятнадцатый день после катастрофы, ввели, наконец, в док крейсер «Паллада».

Войска гарнизона окончательно распределены по отдельным укреплениям.

11 февраля

Была темная, безлунная ночь. Над осажденным городом царила ничем не нарушаемая тишина.

Вдруг в 3 часа ночное безмолвие было нарушено выстрелами, раздававшимися с наших батарей. Все учащаясь и учащаясь, они скоро перешли в жаркую канонаду.

Броненосец «Ретвизан», все еще стоявший в нашем проходе, временами буквально ревел от выстрелов своих орудий.

Батареи Тигрового полуострова от него не отставали.

Канонада все разгоралась и разгоралась.

Горя желанием узнать, в чем дело, я бросился к телефону. Мне удалось услышать, что расстреляны два коммерческих парохода.

У меня невольно мелькнула ужасная мысль: «А что, если под

огонь нашей артиллерии попали по ошибке как раз те пароходы, которые должны были привезти нам из Чифу быков». Эта ошибка в настоящее время могла бы иметь роковые последствия, так как все запасы в городе подходили уже к концу.

Между тем канонада то разгоралась, то снова затихала. Так продолжалось всю ночь. Около 4 часов утра я увидел недалеко от броненосца «Ретвизан» яркое пламя горевшего парохода.

Не имея никаких положительных сведений о происходившем, я опять взялся было за телефон, но на этот раз ничего не мог разобрать, так как шел усиленный разговор между батареями.

Около 5 часов утра канонада окончательно стихла.

Вскоре после этого я поехал на батарею Электрического утеса и там узнал все подробности событий минувшей ночи.

Оказалось, что японцы, отлично зная положение нашего броненосца «Ретвизан», который, полузатонув поперек прохода, сильно стеснял движение, решили в этом же узком месте шириною около 150 сажен затопить несколько больших старых коммерческих пароходов. Этим они думали совершенно преградить нашей эскадре выход в море и, заперев ее в порту, обезопасить себя от ее нападения. Если бы японцам удалось выполнить свой план, то они стали бы полными хозяевами на море.

Воспользовавшись полной темнотой минувшей ночи, 5 японских брандеров пошли вдоль берегов Тигрового полуострова, стараясь держаться в мертвом углу обстрела крепостных батарей.

Для этого, однако, им пришлось слишком прижаться к берегам, у которых два брандера, наткнувшись на подводные камни, затонули.

Один из них совершенно скрылся под водою, а другой еле был виден на каменной косе, недалеко от горы «Белого Волка». На этом последнем брандере позже был найден труп застрелившегося японского офицера и план, по которому должны были двигаться брандеры. Все нанесенные на плане отметки, румбы и т. д. были сделаны английским шрифтом.

Остальные брандеры разделили печальную участь своих товарищей. А именно: третий брандер затонул впереди Тигрового полуострова, четвертый — у подошвы Золотой горы, пятый пошел прямо на броненосец «Ретвизан», но, сбитый его огнем, выкинулся у маяка, где и горел целую ночь.

Под влиянием событий последней ночи в городе поднялась утром невообразимая суматоха. Часть оставшейся публики, спешно покидая Порт-Артур, толпилась на вокзале. Китайцы попрятались по домам и, напуганные ночною стрельбой, отказывались выходить на работы. В довершение всего утром в

виду Артура появилась японская эскадра в составе 26 судов.

«Баян» и «Новик» вышли из гавани им навстречу и завязали перестрелку. Японцы стреляли очень метко. Особенно досталось крейсеру «Баян», который, к сожалению, со своей стороны не мог причинить японцам какого-либо вреда, так как его снаряды до них даже и не долетали. Гораздо лучше его стрелял крейсер «Новик».

К 12 часам дня японская эскадра, желавшая, очевидно, только узнать результаты ночного предприятия, прекратила перестрелку и скрылась за горизонтом.

Во время ночной атаки все японцы, бывшие на брандерах, успели сойти со своих тонущих судов и, пересев на сопровождавшие их миноносцы, спастись в открытом море. Говорят, правда, что вечером у Электрического утеса были подобраны два дрожащих от холода японца, выплывших сюда со своих погибших брандеров. Как бы то ни было, но необычайная ловкость японцев возбуждает всеобщее удивление.

Повреждение крейсера «Паллада», ставшего наконец в док, оказывается очень серьезным: почти посредине его корпуса зияет громадная пробоина, площадь которой около 4 квадратных сажен. Работы в доке по-прежнему идут чрезвычайно вяло.

12 февраля

Ночь прошла очень тревожно. Около двух часов ночи под самой крепостью появились миноносцы. Батарея Электрического утеса тотчас открыла по ним огонь, прожектора усиленно работали.

Около 3 часов ночи все стихло.

Утомленный предшествующим днем, я заснул только под утро. Проснувшись, я отправился в Новый Город и по дороге заехал в новое помещение Русско-Китайского банка, который недавно сюда переведен из Старого Города.

В банке я увидел толпу китайцев, которые, собираясь покинуть Артур, спешно вынимали свои вклады. Вдруг около 11 часов утра загремели выстрелы, сперва с Крестовых батарей, а затем и с Тигрового полуострова. Все бывшие в банке страшно заволновались и бросились к выходу.

Кассу тотчас закрыли.

Чтобы выяснить положение дел, я поспешил на батарею Лит. Д, где мне представилась следующая картина: 12 японских судов на равных интервалах стояли приблизительно в 12 верстах от

Крестовой батареи и обстреливали наши береговые укрепления из 12-дюймовых орудий. Несколько их снарядов попали в дачные места.

Наши батареи принужден были молчать, так как не могли причинить какого-либо вреда японцам, бывшим вне дальности наших выстрелов. Только батарея Электрического утеса дала два-три залпа да раздался одинокий выстрел с № 7 11-дюймовой мортирной батареи.

Наши крейсера «Аскольд», «Новик» и «Баян» вышли навстречу эскадре. Остальным же судам вследствие отлива пришлось остаться в гавани. Кроме того, и броненосец «Ретвизан» сильно загораживал и без того узкий проход.

Выйдя из порта, крейсера открыли огонь, и канонада стала все усиливаться.

Японцы почти безошибочно определяли дистанции и стреляли чрезвычайно метко. Из наших же крейсеров опять, как и накануне, лучше всех стрелял крейсер «Новик».

Дав до 80 выстрелов из больших орудий, японцы около 12 часов дня прекратили обстрел города. Повреждения, причиненные этой новой бомбардировкой, были весьма незначительны. Только два снаряда попали в китайскую деревню и, разорвавшись там, ранили несколько человек. Бедные китайцы, страшно перепуганные, начали разбегаться во все стороны.

Лишь только канонада стихла, я увидел, что один наш миноносец «Внушительный», высланный для каких-то целей в Малую Голубиную бухту, не успел проскочить обратно в порт и теперь тщетно старался укрыться за скалами в Большой Голубиной бухте. Японцы его заметили. И вот из-за Ляотешаня показались 4 японских крейсера, направлявшихся, очевидно, к нашему несчастному миноносцу.

Вскоре на одном из них блеснул зловещий огонь, раздался звук выстрела и японцы у меня на глазах хладнокровно начали расстреливать наш миноносец с 4-верстного расстояния, от наших же сухопутных батарей японские крейсера находились верстах в 8, то есть вне дальности огня этой части крепости.

Несмотря на это, 2-я Тигровая батарея (6-дюйм. Канэ) дала два выстрела, но оба снаряда легли недолетами.

Расстрелявши наш миноносец, японцы спокойно повернули назад и, скрывшись за Ляотешанем, пошли на соединение к своей эскадре.

Перестрелка в Голубиной бухте переполошила весь город. Начальство вообразило, что японцы там высаживают десант, и приказало отправить туда резервы. Я сам видел, как войска стройными колоннами беглым шагом двинулись по направлению

к бухте.

Вскоре, однако, все выяснилось, и тревога мало-помалу улеглась.

Впоследствии я узнал, что командир миноносца «Внушительный» лейтенант Подушкин, видя безвыходное свое положение, открыл кингстоны и затопил миноносец, получивший всего две или три пробоины. Команда же бросилась в воду и благополучно достигла берега.

Таким образом, никаких потерь на миноносце не было.

Вечером японцы опять появились у наших берегов; опять загремели выстрелы с наших батарей. Перестрелка, впрочем, скоро прекратилась.

К ночи поднялся сильный и холодный северный ветер.

13 февраля

Холодно. Сильный ветер поднял большое волнение в море, и можно поэтому надеяться, что японцы сегодня не покажутся под крепостью.

14 февраля

Ночь прошла спокойно.

Первые работы по подводке кессона под броненосец «Ретвизан» окончились неудачей: кессон не выдержал давления воды и лопнул.

Японский флот не показывается.

Вечером поднялась метель с громом и молнией.

Гроза, сопровождаемая сильным холодным ветром, свирепствовала напролет всю ночь.

ПРИКАЗЫ коменданта крепости Порт-Артур

14 февраля 1904 года

№ 120

Несмотря на то, что вчера поймали 20 человек, замеченных в производстве какой-то сигнализации, сего числа, ночью, около 3 часов, на площадке между моим домом и интендантскими складами, кто-то сигнализировал фонарем; поймать его не могли, убежал он по направлению к -Новому Китайскому городу. Всех задержанных за этим невинным занятием буду предавать суду по законам военного времени. Постам, которые будут для сего

учреждены, вменить в обязанность стрелять по убегающим сигнализаторам. Предлагаю гражданскому комиссару приказ сей объявить во всеобщее сведение.

№ 125

Согласно телеграмм наместника ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнем Востоке от 13 февраля за № 355 вверенная мне крепость Порт-Артур объявляется в осадном положении с применением во всей строгости предоставленных мне, как коменданту, прав и обязанности, в особенности по отношению к гражданскому и туземному населению.

Вновь подтверждаю, что с уличенными в сигнализации с неприятелем китайцами буду поступать по всей строгости законов. Гражданскому начальству разъяснить населению, какой ответственности подвергается каждый уличенный в шпионстве и сигнализации с неприятелем. Везде это расклеить на китайском, английском и русском языках.

№ 126

Славные защитники крепости Порт-Артура и всего укрепленного района и все население области! Обращаюсь к вам со следующим: по той назойливости, с которой неприятель ведет атаки и бомбардировки против крепости и различных бухт полуострова, я заключаю, что он намерен высадиться на полуострове и попытаться захватить крепость, а в случае неудачи — испортить железную дорогу и, сев на суда, уйти. Помните, что захват Артура они считают вопросом своей национальной чести; но враг ошибается, как он уже во многом ошибся. Войска твердо знают, а населению объявляю, что отступления ниоткуда не будет, потому, во 1-х, ЧТО КРЕПОСТЬ ДОЛЖНА ДРАТЬСЯ ДО ПОСЛЕДНЕГО И Я, КАК КОМЕНДАНТ, НИКОГДА НЕ ОТДАМ ПРИКАЗ ОБ ОТСТУПЛЕНИИ; и, во 2-х, что отступать решительно некуда. Обращая на это внимание более робких, призываю всех к тому, чтобы прониклись твердым убеждением в необходимости каждому драться до смерти; человек, который решился на это, страшен, и он дорого продает свою жизнь; кто же без драки, думая спастись, уйдет, тот сам себя все равно не спасет, так как идти некуда: с 3 сторон море, а с 4-й стороны будет неприятель; драться надо, и тогда противник со срамом уйдет и будет вечно помнить ту трепку, которая ожидает его от русской доблести, при которой, я уверен, каждый русский, кто бы он ни был, будет биться, забыв даже о возможности отступления. Помните, что вечная память убитым и вечная слава живым.

И. д. коменданта крепости генерал-лейтенант *Стессель*

15 февраля

Ввиду сильного и холодного ветра китайцы почти не вышли на работу. Починка судов находится на точке замерзания.

Вообще в порту замерла почти всякая деятельность...

Эскадра ничем не проявляет своего существования и, пребывая в бездействии, ждет адмирала Макарова.

Во время сильной грозы в ночь на 15-е число на Цзиньчжоусской позиции наблюдалось любопытное явление: во время сильных ударов молнии на позициях совершенно самостоятельно повзрывались фугасы.

Очевидно, здесь играли роль особое напряжение атмосферного электричества во время грозы и ошибки, допущенные в изоляции проводов, ведущих к самим фугасам. Впоследствии все самостоятельно взорвавшиеся фугасы были заменены новыми.

16 февраля

Холодно.

Японской эскадры не видно.

В крепость начинают прибывать первые партии запасных солдат из Западной Сибири.

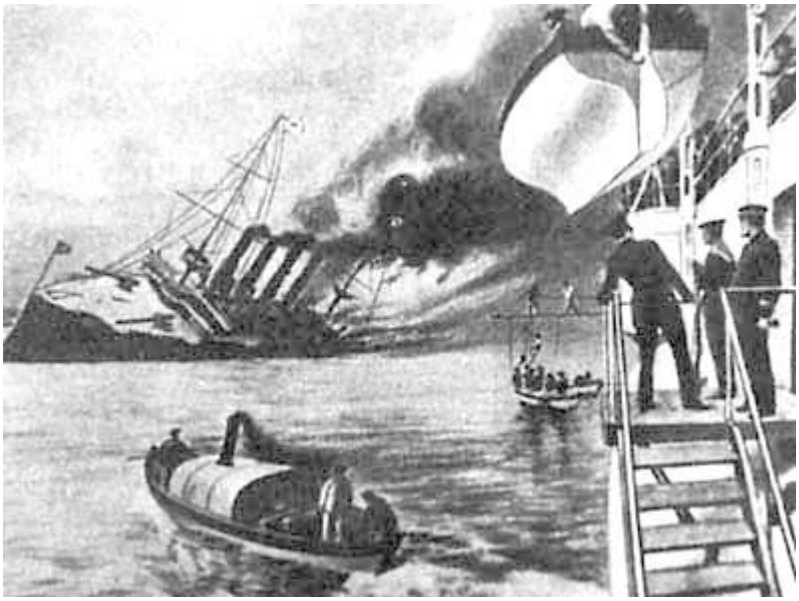
Сегодня я подсчитал потери нашего флота за время войны и с ужасом убедился, что потери эти очень значительны и флот наш за такой короткий промежуток времени — каких-нибудь три недели — сильно уменьшился в своем боевом составе.

За это время из строя выведены броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» и крейсер «Паллада», которые до сих пор еще чинятся и неизвестно, когда будут готовы.

Погибли крейсер «Боярин» и минный транспорт «Енисей», налетевшие на собственные мины.

Крейсер «Варяг» и канонерка «Кореец» подверглись нападению многочисленного японского флота в Чемульпо и, расстрелянные им, были затоплены своими командирами.

Гибель «Варяга»



Канонерки «Манджур» и «Сивуч» разоружены, первая — в Шанхае, вторая — в Ньючванге, где впоследствии, говорят, и взорвана.

Наконец, во время последней бомбардировки в Голубиной бухте потоплен миноносец «Внушительный».

Но это еще не все: в этот перечень не включено несколько миноносцев, имеющих те или другие повреждения, полученные по разным морским случайностям.

Может быть, именно эти-то тяжелые потери и заставляют наш флот до настоящего времени держаться строго пассивного образа действия.

17 февраля

Сегодня китайцы празднуют первое новолуние Нового года и потому на работы не вышли.

В прежние годы в этот день было большое оживление среди китайского населения города, теперь же его почти незаметно.

Сам Китайский город сильно опустел, так как большинство китайцев уехало и теперь еще продолжает уезжать из Артура.

В самом Артуре и его окрестностях остаются только те китайцы, которые составляют здесь коренное население Квантуна.

18 февраля

В последнее время, преимущественно по ночам, в разных местах крепости многими лицами из гарнизона не раз замечалась какая-то сигнализация фонарями с нашего берега в море.

Очевидно, японцы имеют между нашими китайцами своих сообщников.

Ввиду этого сегодня все коменданты укреплений и командиры батарей опять получили напоминание о приказе № 120 (данном 14 февраля).

19 февраля

Одним из первых распоряжений генерал-лейтенанта Стесселя по крепости при объявлении ее на осадном положении было воспрещение продажи спиртных напитков не только нижним чинам гарнизона, но даже и жителям города.

Этот приказ и строгое его исполнение имели самые благоприятные последствия. Пьянство и неизбежно связанных с ним безобразий в крепости почти не встречалось.

Сам генерал-лейтенант Стессель почти ежедневно по утрам верхом объезжал город и осматривал санитарное его состояние, на которое им также было обращено особое внимание.

Горе тому, кого генерал Стессель встретит пьяным или даже слегка выпившим. Обыкновенно таких несчастливцев ожидала довольно неприятная участь: их через полицию посылали на несколько дней либо чистить улицы, либо на оборонительные работы крепости.

Простолюдины и, впоследствии особенно, мастеровые порта всячески избегали попадаться на глаза генералу Стесселю и предпочитали при встрече с ним поскорее юркнуть в первый попавшийся переулок.

На оборонительных работах и на верхах крепости генерал Стессель бывал очень редко и вообще обращал на них мало внимания, как будто не придавая им особенного значения.

Я слыхал даже, что, когда число китайцев, работавших на укреплениях, доведено было до 7000 человек, он велел сократить число рабочих. К счастью, однако, его приказание не было исполнено и работы продолжались при прежних условиях.

При слабости гарнизона (около 15 000 чел.) и полной незаконченности оборонительных сооружений сокращать число рабочих являлось делом более чем рискованным.

20 февраля

Сегодня, в 7 часов утра, генерал-лейтенантом Стесселем была произведена ложная тревога, по которой войска должны были занять свои места на позициях. Недалеко от Лесного редута мне попались навстречу две роты 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка под командою подполковника Козляковского, который заблудился в крепости и никак не мог попасть на форт № 6, куда генерал Стессель отправил его форсированным маршем.

Я вызвал отряд на дорогу и дал знать в штаб крепости, что отряд подполковника Козляковского в таком-то часу прибыл и занял назначенную позицию.

Такие маневры, но только более частые, несомненно, могли принести большую пользу, так как хоть несколько знакомили вновь прибывших лиц с крепостью.

Мокрый снег крупными хлопьями падал на землю и быстро превращался в грязь.

Настроение отвратительное.

Завтра ожидается приезд из России двух рот крепостной артиллерии.

21 февраля

Холодно и грязно.

В полдень прибыли две роты крепостной артиллерии.

Командир нашей артиллерии генерал-майор Белый и его офицеры встретили вновь прибывших с редким радушием. В то время, как рослые и красивые артиллеристы возились со своим имуществом около вагонов железной дороги, наши старые квантунцы делились со своими новыми боевыми товарищами впечатлениями последних событий. Офицеры же толпились в маленькой зале вокзала, где вновь прибывшим была устроена радушная встреча с шампанским.

Многих из них я впоследствии не досчитывал. Немало их полегло на своих батареях, честно и самоотверженно исполняя свой долг перед Царем и Родиной.

Вообще нужно отметить, что состав артиллерийских офицеров в Порт-Артурском гарнизоне, за малыми

исключениями, был выше всяких похвал.

Крепостная артиллерия при обороне Артура блестяще исполнила свою роль, а громадный процент раненых и убитых офицеров, особенно среди молодых, красноречиво показывает и подтверждает всю беззаветную храбрость и самоотверженность этих скромных героев.

22 февраля

Около 11 часов дня мне пришлось заехать по делам службы к командиру 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковнику Мурману.

Полковник оказался крайне озабоченным, почему и не пожелал выслушать моих служебных донесений. Причиною его волнения была только что полученная из штаба крепости телефонограмма с приказанием немедленно отправить один батальон его полка в бухту «10 кораблей» ввиду высадки там японцев.

В ту минуту, когда я пришел, полковник Мурман как раз отдавал последние приказания командиру назначенного батальона, подполковнику Киленину, который был сильно взволнован и горячо критиковал начальство за слишком слабые силы, которые собирались выслать против десанта японцев.

Телеграмма, полученная в штабе крепости от вольного телеграфиста из бухты «10 кораблей», содержала в себе следующее донесение:

«Японцы высаживаются южнее бухты „10 кораблей“. Ближайшие деревни уже заняты японцами. Семь кораблей у берега, два еще в море.

Беру аппарат, бумаги и оставляю станцию».

Естественно, что по получении такой телеграммы в крепости поднялась тревога. К вокзалу спешно был подан экстренный поезд для отправки совершенно готовых к отъезду войск.

«Новик», «Баян» и «Аскольд», как самые быстроходные наши крейсеры, были высланы на разведку, а броненосцам было приказано развести пары и быть готовыми к отплытию по первому требованию.

К часу дня, крайне встревоженный всем виденным и слышанным, я приехал к своим товарищам, думая узнать от них какие-либо подробности. Но они оказались осведомлены не более меня.

Побывав затем в разных местах, мне только к вечеру удалось

окончательно выяснить это происшествие.

Дело объяснилось чрезвычайно просто: один из телеграфистов вблизи бухты «10 кораблей» до того напился, что ему, под влиянием всеобщего тревожного настроения и постоянного ожидания японцев, померещились корабли в море, высадка японцев и т. д. Он сгоряча возьми да и пошли телеграмму, наделавшую такой переполох.

Телеграмма эта обошлась нам очень дорого, если сосчитать даже только стоимость угля, сожженного эскадрой, собиравшейся выйти в море.

Телеграфист за свою пылкую фантазию был, как говорят, по приказанию генерал-лейтенанта Стесселя просто высечен.

Сегодня состоялся суд над бывшим командиром погибшего крейсера «Боярин». Мягкое решение суда (виновный был отрешен от командования судном и списан на берег) объясняется отчасти тем, что капитан Сарычев состоит Георгиевским кавалером за бой при Таку.

23 февраля

Теплый тихий день.

По городу ходят упорные слухи о новой готовящейся попытке японцев загородить выход из гавани, для чего они решили даже пожертвовать одним старым броненосцем.

Ввиду этого из города Дальнего присланы сегодня три коммерческих парохода, которые должны быть затоплены впереди входа в гавань и, образовав собой нечто вроде брекватера, помешать выполнению вышесказанного плана японцев.

Сегодня отдан приказ о немедленном выезде из крепости всех американских и английских подданных. Мера эта была далеко не лишнею, так как в одном известном веселом доме мисс Мод полицией случайно найден какой-то весьма подозрительный американский подданный.

Подтверждаются слухи о назначении новым комендантом крепости генерал-лейтенанта Смирнова.

24 февраля

Приехал, наконец, новый командир эскадры, адмирал Макаров. Вместе с ним приехали из Петербурга скороспелые

мичманы и механики. Прибытие адмирала Макарова вселяет во всех уверенность, что наконец-то флот наш выйдет из своего упорного бездействия и проявит более активную деятельность.

Броненосец «Ретвизан» благодаря удачно подведенному кессону снят с мели и введен в Восточный бассейн.

В этом совпадении дня прибытия нового адмирала с днем снятия броненосца «Ретвизан» с мели многие склонны видеть светлое предзнаменование.

Видел сегодня громадную пробоину крейсера «Паллада», который стоит в доке. По крайне вялому ходу работ вряд ли можно рассчитывать на скорое его исправление.

Ходят слухи о столкновениях наших отрядов с японскими на реке Ялу и о бомбардировке японцами Владивостока.

25 февраля

Проект затопления пароходов впереди входа в нашу гавань для ограждения от новых попыток японцев заградить его потоплением брандеров одобрен адмиралом Макаровым и сегодня приведен в исполнение.

Один из приговоренных к смерти пароходов «Харбин» был пушенными в него минами превращен в решето и пошел ко дну около 12 часов дня, другой — «Хайлар» — только к вечеру, как бы сопротивляясь, погрузился в свою могилу, сильно накренившись на один бок.

Многим намеренное потопление своих же судов казалось бессмысленным. Однако вскоре они должны были сознаться в своем заблуждении, когда эти мертвецы оказали столь громадную услугу Порт-Артуру. Благодаря только им часть судов вторых и третьих брандеров была задержана и не могла достигнуть прохода в гавань.

Сегодня один из молодых офицеров 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, поручик Карселадзе, герой Андижанской резни, награжденный за свою храбрость Владимирским крестом, не выдержал преждевременного восхваления генералом Богдановичем героизма начальников Порт-Артура, которых тот сравнивал с Нахимовым и Суворовым, послал ему следующую телеграмму:

«*Петербург*.

Министерство внутренних дел.

Генерал-лейтенанту Богдановичу.

Мы здесь все верим, что Ваш просвещенный ум, пылкое

патриотическое солдатски доброе и храброе сердце мысленно всегда с нами. Но никто из нас знающих здесь не верит и не видит, особенно теперь, Суворова, Нахимова и Скобелева, лишь одних достойных предводительствовать великим русским народом в сражениях и баталиях, в том, в ком Вы ошибочно то нашли.

Русский солдат, поручик *Карселадзе*».

В тот же день он отправил еще другую телеграмму:

«*Тифлис*.

Генерал-адъютанту князю Амилахвари.

Вам, храброму русскому солдату и доблестному начальнику, шлю правдивое сказание о здешних Вас интересующих и волнующих делах: здесь нет людей долга, а есть бездарные выскочки, лишенные творческой плодотворной и предусмотрительной государственной работы.

В этом исключительно надо искать причину захвата неприятелем инициативы, этого важнейшего и ошеломляющего фактора на войне.

26-е и 27 января 1904 года создали блестящие страницы японского флота. Мне, равно как и всем очевидцам от начала до конца блестящей, рыцарской, без страха и упрека, атаки японским флотом нашего флота, поддержанного молодецким артиллерийским огнем наших береговых батарей, решительно непонятно, почему враг окрещен вероломным и коварным.

В глазах истинно военных людей японцы заслужили пока полную похвалу и уважение.

26-е и 27 января воочию вместе с тем указало Великому Русскому народу, кому надо в эту роковую минуту вручать свою судьбу.

Они уже выбраны свыше.

Под руководством вновь назначенных полководцев вероятно, намек на генерала Куропаткина я крепко верую в несокрушимость русского солдата и матроса.

Неприятель, слава Богу, прозевал и не сумел воспользоваться всеми выгодами инициативы.

Но после грома, перекрестившись широким, православным крестом, мы уже не зеваем.

Пока одни подготовления, вскоре произойдут решительные столкновения на суше и на море.

Прикомандированный к 25-му В.-С. стр. полку

Глубоко Вас уважающий и почитающий

поручик *Карселадзе*».

Обе эти телеграммы были переданы генерал-лейтенанту Стесселю, так как дежурный телеграфист не решился отправить

их в Россию.

Генерал-лейтенант приказал:

1) поручика Карселадзе тотчас же арестовать; 2) военному следователю произвести следствие и 3) судить поручика Карселадзе по законам военного времени, как восхваляющего действия противника 26-го и 27 января и осуждающего действия нашего флота и высших начальствующих лиц.

Суд постановил: поручика Карселадзе за его депешу генералу Богдановичу, в которой он оскорбительно и пренебрежительно отнесся к своему начальнику генерал-лейтенанту Стесселю, поместивши фразу: «Но никто... нашли», подвергнуть содержанию на гауптвахте один месяц без ограничений прав и преимуществ по службе. Впоследствии генерал-лейтенант Стессель совершенно выслал поручика Карселадзе из крепости и отправил его к генерал-адъютанту Куропаткину, который, оставив его у себя, назначил в действующую армию.

Поручик Карселадзе высокий и на редкость красивый кавказец. С первых же дней войны он весь ушел в нужды своих подчиненных и, как я слышал, большую часть своего содержания раздавал наиболее неимущим солдатикам.

Смелые и роковые предсказания поручика Карселадзе впоследствии сбылись.

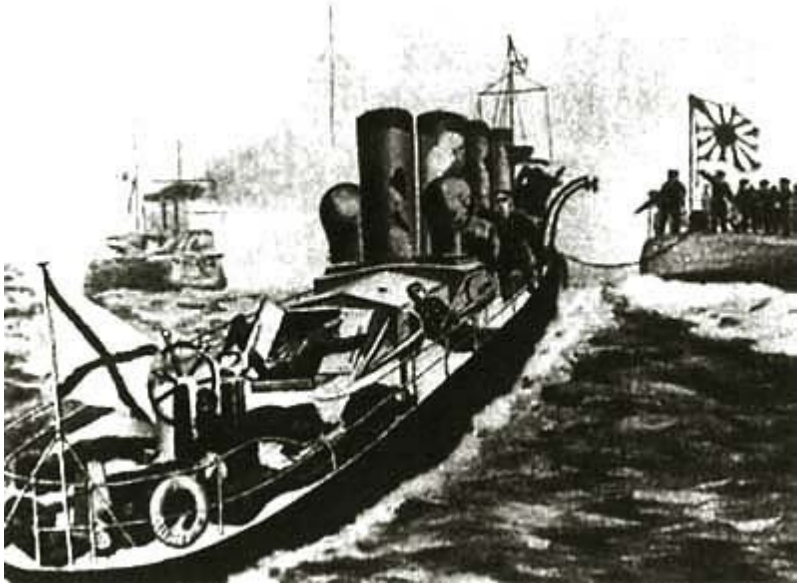
26 февраля

В ночь на 26-е в море, верстах 15 от крепости, были видны многочисленные огоньки. Ввиду дальности расстояния наши береговые прожекторы не могли их выяснить.

Ночью и рано утром была слышна стрельба с наших батарей.

Шесть наших миноносцев были посланы на ночную рекогносцировку. К утру четыре из них, после незначительной перестрелки с неприятелем, благополучно вернулись в крепость. Два же остальных, «Решительный» и «Стерегущий», были настигнуты и окружены неприятельскими крейсерами и миноносцами, которые открыли по ним сильный огонь. Вскоре «Стерегущий» оказался в самом беспомощном состоянии и, потеряв руль, утратил всякую способность двигаться.

Воспользовавшись этим, японцы захотели было уже им овладеть, но безызвестные герои, «два Ивана», заперлись в трюме и, не пожелав сдаться в плен, открыли кингстоны и на дне моря нашли общую могилу вместе со своим миноносцем.



Мир Вам, доблестные и скромные герои Русской земли!

«Решительный» был счастливее своего товарища: ему удалось ускользнуть от неприятеля и благополучно вернуться в Порт-Артур.

В 10 часов утра с Электрического Утеса, где я был с 8? часов, увидел следующую картину.

Японская эскадра открыла огонь по нашим возвращающимся с моря крейсерам «Баян» и «Новик»; на последнем в это время находился адмирал Макаров.

Стрельба велась из 12-дюймовых орудий с очень больших дистанций при легком волнении. Всего было дано по проходу не более 15 выстрелов. Все снаряды ложились удивительно метко прямо в проход, имея вилку не более 50 сажен. Один снаряд попал как раз в то место прохода, где еще недавно стоял броненосец «Ретвизан».

Несмотря на это, нашим крейсерам удалось благополучно проскочить в гавань.

Тогда японцы, оставив часть эскадры перед крепостью, с 4 крейсерами и 3 броненосцами пошли за Ляотешань и скрылись. Прошло несколько минут, как вдруг японцы, неожиданно для всех, открыли перекидную стрельбу через Ляотешаньские высоты по створам. Перекидная стрельба по невидимой цели, да еще флотом, представляет массу трудностей. Японцы же, надо им отдать справедливость, вели ее замечательно искусно. Помогала

им в этом та часть эскадры, которая стояла перед крепостью и с помощью телеграфа Маркони корректировала стрельбу.

Главной мишенью для нее был, конечно, наш флот, стоявший в Западном бассейне. Туда-то и была направлена вся сила неприятельского огня. К этому времени на батарее Электрического утеса собралось начальство и много офицеров. Здесь находились генерал-лейтенант Стессель, генерал-майор Рознатовский, полковники Григоренко и Тахателов, капитаны Жуковский, Затурский и другие.

Все мы с напряженным вниманием следили за стрельбой противника. Я лично видел следующие места попадания: один снаряд попал в верхнюю часть правого эполимента[2] Золотой горы, два других — в правую сторону той же горы, прямо в скалу. Эффект взрыва этих снарядов был ужасный. Третий снаряд упал вблизи казарм под Электрическим утесом, дал рикошет и каким-то чудом пролетел через самую казарму, не задев ее, и, не разорвавшись, лег в овраг.

Четвертый снаряд приблизительно около 12 часов дня попал в правый эполимент нашей батареи. От взрыва снаряда меня как будто подбросило. Все мы были обсыпаны землей, камнями и осколками. К счастью, никто не был ранен. Здесь я впервые поднял теплый еще осколок, по которому мы вычертили окружность снаряда; оказалось, что это был 8-дюймовый снаряд.

Во время этой бомбардировки на батарее редким хладнокровием отличался полковник Тахателов и особенно капитан Жуковский, командир батареи, а также молодой адъютант генерал-лейтенанта Стесселя поручик князь Гантимуров, постоянно посылаемый по разным поручениям.

Из всех прежних бомбардировок бомбардировка 26 февраля была самой неприятной, коварной и хорошо обдуманной неприятелем. Японцы, поставив свои суда за Ляотешанем, безнаказанно могли бить во фланг всей крепости. С нашей же стороны стреляла только батарея Электрического утеса из 10-дюймовых орудий с дистанции 6260 саженей по 2 японским судам, то показывающимся, то снова исчезающим за скалами Ляотешаня.

С Ляотешаньского маяка в продолжение всей бомбардировки генерал-лейтенант Стессель получал очень толковые и обстоятельные телефонограммы от молодого мичмана Флейшера (убитого впоследствии на Высокой горе).

Около часу дня вся японская эскадра ушла к югу. С Электрического утеса скоро все разъехались.

Я приехал домой со страшной головной болью от сильного сотрясения воздуха во время стрельбы наших батарей.

К вечеру до некоторой степени выяснились результаты этой третьей бомбардировки Порт-Артура.

Наши потери: на броненосце «Ретвизан» убито 2, ранено 13 матросов, на пароходе «Силач» убито и ранено 5, на других судах также пострадало несколько человек.

Броненосец «Севастополь» получил кое-какие незначительные повреждения.

В Новом Городе убит в своей квартире залетевшими туда осколками разорвавшегося вблизи снаряда частный поверенный Сидорский, убита присутствовавшая случайно жена военного юриста, подполковника Франка, и смертельно ранена молоденькая м-ль Валевич, вскоре и скончавшаяся.

М-ль Валевич только накануне прибыла из города Дальнего, чтобы посмотреть на бомбардировку, и нашла здесь свою раннюю могилу.

Кроме того, в Новом Городе попорчено несколько зданий: так, пострадал дом купца Чурина, Управление финансового комиссара, дом контролера Разумовского и других.

На батареях никаких потерь, ни повреждений не было, если не считать одного случая на Золотой горе, где один из 12 снарядов попал в бетонный траверс батареи, но пробить его не смог.

Таким образом, бомбардировка 26 февраля особых материальных повреждений в крепости не произвела. Зато нравственное потрясение среди жителей и гарнизона было громадно.

Гарнизон впервые вполне ясно осознал, что крепость может подвергнуться нападению с той стороны, откуда его меньше всего можно было ожидать, мало того, — откуда многие авторитетные люди считали его прямо-таки невозможным.

Кроме этого, последняя бомбардировка еще значительно увеличила число покидающих Порт-Артур. Многие семьи, до сего времени желавшие остаться в крепости, теперь спешно ее покидали.

К вечеру поднялся сильный ветер и развел настолько сильное волнение, что можно было смело отбросить всякие опасения насчет ночного появления японской эскадры перед крепостью.

27 февраля

Сегодня была отправлена комиссия в составе генерал-майора Белого, военных инженеров полковника Григоренко и капитана

Родионова и других для избрания места постройки новой батареи на высотах Ляотешаня.

Цель постройки батареи на высотах Ляотешаня заключалась в том, чтобы в будущих попытках японцев огнем этой батареи не дать им возможности произвести новые бомбардировки Артура через Ляотешань. Батарею эту генерал-лейтенант Стессель приказал построить и вооружить в три дня.

Рано утром наш флот, за исключением канонерских лодок и чинящихся судов, под начальством адмирала Макарова ходил в море на разведки. Около 5 часов дня флот вернулся в гавань, нигде не встретив неприятеля.

28 февраля

Погода прекрасная.

На море полная тишина.

Японский флот по-прежнему не показывается.

В виду крепости целый день держались семь китайских джонок.

29 февраля

Благодаря чудной погоде китайцы работают очень энергично и оборонительные работы сильно продвинулись вперед

Март

1 марта

Оборонительные работы идут успешно, зато починка поврежденных судов продвигается вперед удивительно медленно. Броненосец «Цесаревич» еще до сих пор чинится на воде, кессон «Ретвизана» дал сильную течь, а крейсер «Паллада» едва ли выйдет из дока ранее трех недель.

Японского флота не видно.

2 марта

Прошел слух о разрыве с Англией и возможной войне с ней.

Около 3 часов дня в Порт-Артур приехал Великий князь Кирилл Владимирович.

3 марта

Рано утром я уехал на Ляотешаньский маяк в комиссию по выбору места для постройки двух батарей по два 6-дюймовых орудия.

Генерал Стессель отдал приказ построить эти батареи и вооружить их в течение не более трех дней.

На Ляотешаньском маяке я познакомился с чрезвычайно дельным мичманом Флейшером.

Утром на горизонте показались было три японских военных судна, но вскоре они скрылись.

В порту идут усиленные разговоры о появившейся будто бы у берегов Артура подводной лодке. Возможность ее появления сильно смущает как адмирала Макарова, так и вообще всех моряков.

Сегодня слышал о крупной неудаче, затормозившей и без того медленно подвигающуюся вперед починку наших броненосцев. С броненосца «Ретвизан» сняли кессон и для задержания притока воды подвели пластырь, но пластырь лопнул, и несчастный броненосец осел носом так глубоко, что волны могли совершенно беспрепятственно заливать его палубу.

5 марта

Сегодня в Западном бассейне затонул пароход «Европа», ходивший ранее под названием «Великий князь Александр Михайлович» .

Причиной катастрофы, как говорят, было столкновение погибшего парохода с другим, который наскочил на него и пробил ему бок.

На «Европе» погибло до 4000 тонн угля.

6 марта

Сегодня начал осматривать крепость только что прибывший новый комендант ее генерал-лейтенант Смирнов. Особенно доволен он остался укреплениями правого фланга.

В Дальнем несколько китайцев захотели выловить приплывшую к берегу мину, оторвавшуюся от нашего минного заграждения. При вытаскивании на берег мина взорвалась, и несчастные китайцы были разорваны в клочки.

Этот ужасный взрыв переполошил всех обитателей города Дальнего, которые сперва предположили, что это один из японских миноносцев, пробираясь к городу, налетел на наше минное заграждение и подорвался.

7 марта

Холодно. Выпал маленький снег. Ходят слухи о вновь готовящейся бомбардировке Порт-Артура.

Новый комендант продолжает осматривать укрепленные позиции и знакомиться с крепостью.

8 марта

Если серьезно вдуматься в то, что делается у нас в Порт-Артуре, то невольно придешь к грустному выводу.

Все происходящее представляет собой не что иное, как сплошной ряд грубых нарушений самых элементарных правил, которыми должна руководствоваться осажденная крепость.

Приведу несколько фактов, особенно резко бросающихся в глаза.

Теория военного искусства учит, что во главе осажденной крепости должен стоять опытный комендант, свыкшийся и с самой крепостью, и с гарнизоном и вполне знакомый с местными условиями жизни. Равным образом войска, составляющие гарнизон, должны знать отлично как самую крепость, так и все ее окрестности, для чего в крепостях обыкновенно формируются специальные крепостные полки.

Посмотрим, как эти основные правила применяются на практике у нас, в Порт-Артуре.

Прежний комендант, генерал-лейтенант Стессель, получает новое назначение командира 3-го армейского корпуса, а его место занимает генерал-лейтенант Смирнов, человек никогда в жизни не бывавший в Порт-Артуре и вообще в Китае и совершенно незнакомый с местными условиями. Что же касается гарнизона, то специальных крепостных полков в Артуре совершенно не было сформировано, а те части, которые успели несколько привыкнуть к незнакомому краю (как, например, 3-я В.-С. стр. дивизия), в самом начале осады по каким-то непонятным соображениям уходят на Ялу. Вместо них присылаются незнакомые части (7-я В.-С. стр. дивизия), из которых некоторые полки прибыли в Порт-Артур только 26 января.

То же самое явление замечается и среди некоторых отрядов специальных родов оружия, так, например, минная рота и крепостной телеграф, в которых уже давно ощущалась серьезная необходимость, прибыли в крепость только на этих днях. Офицеры и команда их почти поголовно люди совершенно новые в Порт-Артуре, и кроме того, громадный процент нижних чинов составляют новобранцы, совершенно неопытные и незнакомые со своим делом.

Можно указать еще целый ряд аналогичных фактов. Так, командира эскадры, адмирала Старка, сменил недавно приехавший адмирал Макаров; прежний командир порта, адмирал Греве, уступил место адмиралу Григоровичу; командиром Квантунской саперной роты назначен подполковник Жеребцов, вместо подполковника Жданова, получившего какое-то другое назначение.

Все эти вновь назначенные начальники отдельных частей в крепости были люди совершенно незнакомые ни с самим Порт-Артуром, ни с его гарнизоном, ни вообще с местными условиями

жизни.

Итак, практика шла совершенно вразрез с той теорией военного искусства, которую нас заставляли изучать в военных училищах и академиях.

Здесь мне невольно вспоминается следующий факт, показывающий, насколько успели нас изучить японцы.

За несколько дней до начала войны я разговорился случайно с приказчиком одного из японских магазинов Артура. Японец на мой вопрос, как он думает, что мы будем делать в случае объявления войны, хихикая, ответил: «Начнете одних генералов заменять другими». Тогда я на эти слова как-то не обратил особенного внимания, а теперь с каждым днем приходится на деле убеждаться, что японец был совершенно прав. До сих пор мы только и делаем, что меняем генералов.

9 марта

Утомленный предшествующим днем, я крепко заснул. Но скоро мой сон был прерван.

Около 12 часов ночи меня разбудил мой вестовой.

— Ваше Высокоблагородие, стрельба большая идет в море, — докладывал мне мой голубоглазый нижегородец.

Действительно, с моря ясно доносились все учащающиеся и усиливающиеся раскаты выстрелов.

Среди глубокой ночной темноты особенно резко видны были лучи прожекторов, ярко освещавшие море.

Размышляя о новых неведомых замыслах японцев, я стал наблюдать за стрельбой. О сне, конечно, нечего было и думать.

В течение ночи стрельба разгоралась несколько раз: в 12, в 3 часа и третий раз под утро, около 6 часов.

На другой день выяснилось, что пальбу подняли наши береговые батареи и канонерки «Отважный» и «Гремящий», открывшие огонь по японским миноносцам, которые хозяйничали перед крепостью как у себя дома. Около 8 часов утра показалась и вся японская эскадра, состоявшая из 18 кораблей и 8 миноносок.

Шесть японских броненосцев, отделившись от эскадры, ушли за Ляотешань и начали опять перекидную стрельбу по городу. Им стали отвечать также перекидным огнем наши броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и «Пересвет». Корректировка этой стрельбы производилась посредством телефона, которым броненосец «Ретвизан» был соединен с маяком на Ляотешане.

Наш перекидной огонь оказался, по-видимому, очень

действенным, потому что японские броненосцы очень скоро прекратили свою стрельбу и, присоединившись к своей эскадре, ушли на север.

Ввиду того, что японцы вели на этот раз свою стрельбу с более дальних дистанций от берегов, чем в прошлый раз, снаряды их ложились плохо и не попадали в назначенные места. Так, один снаряд упал у форта № 6, три снаряда попали в залив против редута № 3 и, взорвавшись там, далеко раскидали массу грязи. На круговой дороге, идущей вдоль Западного бассейна, осколком взорвавшегося снаряда тяжело ранило в правую руку одного солдатика.

Но больше всего бед причинил нам снаряд, попавший в телефонную станцию на Тигровом Хвосте.

Станция эта помещалась в деревянном бараке.

Снаряд пробил крышу и разорвался недалеко от телефонного аппарата, у которого в то время столпилась группа солдатиков, слушавших получаемые известия.

Взрывом снаряда шестеро из них было убито, трое тяжело и пятеро легко ранено.

Наша батарея, построенная на Ляотешане незадолго до этого и вполне вооруженная, по какому-то недоразумению не открыла огня, хотя условия для стрельбы были исключительно благоприятными. Командовал ею штабс-капитан Люпов.

Днем, около 11 часов, почти вся наша эскадра, в количестве девяти больших судов и восьми миноносцев, вышла на наружный рейд и выстроилась перед крепостью в ожидании нового появления неприятеля.

Утром прибыли для подкрепления гарнизона первая партия запасных из Енисейской губернии в количестве до 1000 человек.

10-11 марта

Идет дождь.

На дворе пасмурно, грязно и скучно.

Доходят слухи о мелких стычках между японскими и нашими кавалерийскими частями в Корее. Новостей никаких нет.

12 марта

В воздухе потеплело. Ясный весенний день.

В крепости все тихо.

С батареи Плоского мыса был сегодня утром замечен недалеко от берега какой-то плавающий предмет. Батарея приняла его за подводную лодку и открыла по нему огонь.

Неизвестный предмет, наделавший столько шуму, оказался обыкновенной лодкой, перевернувшейся кверху килем и плавающей в таком положении.

13 марта

Адмирал Макаров со всею эскадрою вышел в море.

Броненосцы пошли вдоль берегов Ляотешаня, миноносцы с крейсером «Новик» — к островам Мяо-Дао, а крейсер «Аскольд» направился к 4 коммерческим пароходам, которые видны были на море в виду Артура.

При осмотре этих пароходов выяснилось, что они принадлежали английской компании и шли порожняком из Чифу в Инкоу.

Прошло немного времени после разделения эскадры, как вдруг послышались выстрелы в том направлении, куда ушел крейсер «Новик» с миноносцами.

У всех мелькнула мысль, что завязался морской бой.

Вскоре, однако, дело разъяснилось.

Один из наших миноносцев, «Внимательный», встретил в море недалеко от островов Мяо-Дао небольшой пароход, буксировавший баржу. «Внимательный» с расстояния 5 кабельтовых сделал ему под нос выстрел. Пароход тотчас спустил японский флаг, но не подал сигнала о сдаче, продолжая полным ходом идти вперед.

Тогда «Внимательный», приблизившись, дал второй выстрел. Пароход остановился, и в то же время часть его экипажа стала поспешно переходить в буксируемую баржу, очевидно намереваясь на ней ускользнуть.

Командир миноносца тотчас приказал спустить шлюпку и послал ее под командой мичмана Пини осмотреть баржу, а сам направился прямо к пароходу, который назывался «Хан-Йень-Мару». Взяв его на буксир, он подвел его к крейсеру «Новик», с которого тотчас же на захваченный пароход направилась команда с офицером во главе для осмотра.

К этому времени вернулась шлюпка при мичмане Пини и привезла 4 задержанных японцев и массу телеграмм. На пароходе же «Хан-Йень-Мару» оказалось до 30 человек японцев и было

найдено множество книг, бумаг, подробная карта, несколько фальшивых китайских кос и мина Уайтхеда.

Экипаж и пассажиры захваченного парохода были переведены на «Новик», а командование пароходом поручено лейтенанту Штеру.

«Новик» попытался тащить свою добычу на буксире, но, протащив несколько миль, оборвал ему кнехт и принужден был отказаться от своего намерения. Так как пароход представлял собой дрянное суденышко, обладающее ходом не более 5 узлов, то капитан «Новика» не решился оставить на нем офицера и команду из опасения, что они могут быть настигнуты японцами, а несколькими снарядами пустил пароход ко дну.

В это же время миноносец «Боевой» расстреливал баржу, которую пароход вел на буксире.

Эти-то выстрелы и были приняты в Порт-Артуре за перестрелку.

После этого крейсер «Новик» поднял сигнал о возвращении в Порт-Артур и вместе с миноносцами, около 2 часов дня, благополучно прибыл в гавань.

Опрос захваченных на пароходе и джонке китайцев и японцев показал, что «Хан-Йень-Мару» получил поручение собирать джонки для перевозки риса (или десанта). Но так как местный Даотай издал объявление, чтобы жители не давали своих джонок ни одной из воюющих сторон, то китайцы очень неохотно исполняли требования японцев и, очевидно, не верили их обещаниям платить до 300 долларов за каждую джонку. Тогда японцы решили захватывать джонки силой, но здесь были настигнуты нашей эскадрой. Возможно, что кроме этой цели японцы имели задачей учредить сигнальную станцию на одном из островов Мяо-Дао и служить военными разведчиками. Иначе трудно объяснить то, что японцы были в китайских костюмах, а часть их имела и фальшивые косы. Наконец, найденная на пароходе мина Уайтхеда совершенно ясно показывает, что пароход служил для военных целей.

14 марта

В тихую, безветренную ночь на 14 марта я опять был внезапно разбужен донесшейся с моря стрельбой. Подбежав к окну, я увидел, что прожектора эскадры энергично работали, посылая по всем направлениям яркие снопы света.

Усиленная стрельба продолжалась в течение почти целого

часа, причем фосфорические вспышки бездымного пороха замечательно красиво отражались в темном небе.

В канонаде принимали деятельное участие батареи Тигрового полуострова и некоторые суда нашего флота, стоявшие прямо против прохода. Стрельба в течение ночи повторялась с небольшими промежутками три раза.

Количество снарядов, выпущенных крепостью и судами за эту ночь, наверное, доходило до нескольких сотен. Рано утром мой вестовой, успевший уже узнать причины ночной стрельбы, доложил мне: «Так что, Ваше Высокоблагородие, он опять нам своими пароходами хотел проход загородить». Я поспешно собрался и поехал на батарею Электрического утеса, где глазам моим представилась следующая картина: один из погибших за эту ночь брандеров воткнулся носом в ранее затопленный брандер у маяка и в таком положении затонул до половины. Другой торчал из воды недалеко от Электрического утеса, а еще два брандера, связанные между собою, как будто бы выкинулись сами на берег под Золотой горой.

Таковы были гибельные для японцев результаты страшной ночной работы наших батарей.

Все погибшие брандеры представляли собой хорошие коммерческие пароходы средней величины. Каждый из них был вооружен несколькими скорострелками, которые энергично отвечали во время атаки на огонь наших орудий. Брандеры сопровождало в виде подкрепления несколько миноносцев, также принимавших деятельное участие в перестрелке.

Почти все оставшиеся в живых японцы успели под страшным нашим огнем уйти на шлюпках в открытое море и спастись, за исключением одной шлюпки, которая была нами потоплена.

Чтобы задержать брандеры во что бы то ни стало, на них кинулись в атаку два наших миноносца.

Пущенная миноносцем «Сильным» мина попала в один из брандеров и оторвала ему носовую часть. Но в ту же почти минуту в «Сильного» попал, как уверяют, с нашей же батареи 6-дюймовый снаряд, который произвел на нем взрыв парового котла.

В этом нет ничего невозможного, так как ночью, во время жаркой перестрелки, разобрать что-либо среди сбившихся в кучу наших и японских судов было очень трудно.

Взрывом котла убит был механик Зверев и около 7 человек команды. Ввиду того, что «Сильный» начал тонуть, командир его, лейтенант Криницкий, не надеясь успеть дойти до порта, решил выкинуться на берег под Золотой горой. В этот же день, около 2 часов, он был снят с мели и заведен для починки в порт.

Командир его получил впоследствии за взрыв японского брандера Георгия.

На одном из брандеров, как передавали мне, найдена была следующая надпись, сделанная по-русски: «Мы еще раз придем и достигнем своей цели, проход ваш загородим. Лейтенант японского флота N.N.».

Необычайная отвага и ловкость, выказанная японцами во время этого безумного смелого ночного предприятия, справедливо возбуждали всеобщее удивление. Благодаря густому туману на море они едва не достигли своей цели, так как наши береговые батареи заметили приближение брандеров только тогда, когда те подошли уже очень близко к проходу.

Рано утром перед крепостью снова появилась японская эскадра, очевидно желавшая разузнать, каковы результаты ночного предприятия...

Вскоре к крейсерам «Новик» и «Баян», уже бывшим на рейде, присоединились и остальные наши суда, за исключением двух броненосцев «Севастополь» и «Пересвет», пострадавших еще накануне при столкновении и исправлявших теперь в порту свои аварии.

Эти аварии были весьма серьезны, так как броненосец «Пересвет», бывший под командой адмирала князя Ухтомского, наскочил тараном на броненосец «Севастополь» и, пробив ему бок, себе своротил носовую часть.

Это новое несчастье с нашим флотом произошло при маневрировании эскадры в «открытом» море, во время выхода ее 13 марта.

Итак, эскадра наша вышла из гавани и выстроилась, представляя собой красивую картину.

Японский флот расположился против Крестовой горы и, простояв тут до 10 часов утра, начал уходить в море и вскоре скрылся из вида.

Немного позже, около 12 часов, и наша эскадра начала покидать свои позиции против крепости и стала понемногу входить в гавань.

Четыре брандера, погибшие в последнюю ночь, были, как говорят в городе, те самые коммерческие пароходы, которые накануне крайне поверхностно были осмотрены «Аскольдом».

Это предположение подтверждало и то обстоятельство, что борта брандеров были только что выкрашены, и просвечивающие еще сквозь свежую краску английские имена пароходов были заменены японскими.

Кроме этого, на пароходах нашли еще и английские флаги.

Насколько сильна была ночная канонада, можно судить по

тому, что вследствие страшного сотрясения воздуха утром под Артуром появился легкий туман и пошел мелкий дождь.

Все ожидают, что в годовщину занятия нами Порт-Артура, 17 марта, японцы нам поднесут какой-нибудь сюрприз.

Поживем — увидим!

15 марта

Был сегодня на одном из брандеров, на котором по-русски сделана следующая надпись: «*Помните, русские, что лейтенант NN у вас уже второй раз*».

Адмирал Макаров, чтобы предупреждать дальнейшие попытки японцев загородить вход в гавань, решил на будущее время, при первом появлении брандеров, идти на них на абордаж.

Говорят, что охотником на это дело вызвался лейтенант князь Ливен.

Ночью опять все население Порт-Артура было встревожено звуками взрывов, раздававшихся на море; тревога, впрочем, скоро улеглась, так как оказалось, что это наши моряки по распоряжению командира порта подрывали мачты на японских брандерах.

Распоряжение это было в высшей степени непонятно, так как эти работы можно было бы произвести днем, а не ночью, и тем избежать лишней тревоги и беспокойства и без того нервно настроенных жителей и гарнизона.

Сегодня в «Новом крае» помещено стихотворение, посвященное памяти погибшего вчера на «Сильном» инженер-механика Зверева. Автор его, капитан Линдер, был впоследствии смертельно ранен в живот.

Вот это стихотворение:

Памяти инженер-механика Зверева

Вчера, в бою с врагом, геройски, но нежданно
В могилу ты сошел в расцвете юных сил,
Твоя душа ушла в предел обетованный,
Как чистый фимиам от жертвенных кадил.

Мир праху твоему! С поникшей головою
Последнюю мы честь останкам отдадим,
За упокой души к Спасителю с мольбою
У гроба твоего колени преклоним.

Вдали от родины главу склонил ты долу.
Ты умер на посту, как верный часовой, —
Ты отдал жизнь свою, как присягал, Престолу!
Мы память вечную поем тебе, герой!

15 марта 1904 года

16 марта

Получена телеграмма из С.-Петербурга о назначении генерал-лейтенанта Стесселя начальником укрепленного района (Артур — Цвиньчжоу). Это назначение, как объясняли у нас, вызвано тем, что в главной квартире непременно пожелали оставить его в Порт-Артуре, как человека, давно уже там живущего и потому более всех других знакомого и с самой крепостью, и с местными условиями.

17-18 марта

Благодаря прекрасной погоде и значительному количеству китайцев оборонительные работы быстро продвигаются вперед.

Состоялся парад по случаю годовщины занятия нами Артура. Приехали в Порт-Артур Великие князья Кирилл и Борис Владимировичи.

19 марта

Приехал наместник, генерал-адъютант Алексеев, который начал объезд и осмотр укреплений Порт-Артура, причем оборонительными работами остался весьма доволен.

Погода прекрасная.

Ночи стоят лунные.

20 марта

На море спешно принимаются всевозможные меры, чтобы

воспрепятствовать попыткам японцев загородить наш проход. Так, на внешнем рейде начала ставить минное заграждение вновь прибывшая минная рота. Между потопленными брандерами устраивается бонное заграждение.

Сегодня получено приказание построить на Ляотешане еще одну батарею из 6-дюймовых орудий Канэ. Постройка поручена инженеру капитану Родионову.

21 марта

Пришли вести о первом успешном столкновении отряда генерала Мищенко с японцами в Корее.

Прибыли отряды запасных, благодаря чему состав рот пополнен и доведен до 250 человек. Вооружение же все еще неудовлетворительное, так как запасов оружия в Артуре нет.

Ввиду этого пришлось часть войск пока вооружить драгунскими 3-линейными винтовками, присланными нам из Владивостока.

22 марта

Сегодня, во время работ в гавани, погиб ужасной смертью один из лучших наших водолазов.

Подводя пластырь под «Ретвизана», он начал уже закладывать подушку, но по неосторожности слишком сильно нажал ее, почему у него втянуло руку под пластырь; желая ее высвободить, он оперся ногою, но так неудачно, что и ногу втянуло туда же...

Выбившись из сил, несчастный умер под водою в страшных мучениях.

23 марта

Прекрасный, теплый весенний день.

Ждем со дня на день новых сюрпризов от японцев.

24 марта

Ветрено.

Минная рота усиленно работает по постановке минного заграждения на внешнем рейде.

Настали теплые ночи.

25 марта

Тепло.

Новостей никаких нет.

К вечеру заморосил мелкий дождь.

26 марта

Дождь льет с утра как из ведра. Туманно, сыро и холодно.

Ночью от сильного волнения взорвались две наши мины, только что поставленные вновь прибывшей минной ротой.

27 марта

В крепости царит обычное предпраздничное оживление.

Несмотря на всевозможные невзгоды военного времени, обитатели Порт-Артура готовятся торжественно встретить Светлый Праздник и спешно делают кое-какие закупки.

Все успевшие отправить свои семьи из Порт-Артура невольно переносятся мыслями к своим близким и родным в далекой России.

Сегодня начальником почтово-телеграфной конторы, при рапорте от 27 марта № 1302, было представлено начальнику укрепленного района генерал-лейтенанту Стесселю письмо на немецком языке; адрес тоже по-немецки:

«Его Превосходительству адмиралу Того в Порт-Артуре от Лео Хердан из Брюнн — Астория — Моравия — Фердинанде — Фердинандгассе 25-27».

Содержание письма:

«Ваше Превосходительство!

В твердом уверении, что победоносный флот Японии до получения этих строк прогнал из Порт-Артура последнего русского, позволяю я себе передать наисердечнейшие

благопожелания к геройскому состоянию (стойкости) вашего флота и с вами молить у неба скорой победы над врагом.

С почтением *Лео Хердан*».

15 марта 1904 года

Генерал-лейтенант Стессель прислал это письмо при следующей надписи:

«Предлагаю напечатать в „Новом крае“, дабы видели все, какими сведениями обладают господа иностранцы. Хердан-то этот ведь получил же откуда-нибудь подобный нелепый адрес, ну и с большого ума поверил этим сведениям.

Генерал-лейтенант *Стессель*».

28 марта

Первый день Пасхи.

Погода стоит прекрасная, но, несмотря на это, город далеко не имеет праздничного вида.

Минная рота, несмотря на праздник, продолжает усиленно работать по постановке заграждений на рейде.

Случайно удалось узнать из разговоров некоторые подробности столкновения броненосцев «Пересвет» и «Севастополь». Они представляются в следующем виде.

Когда эскадра наша 13 марта вышла в море и шла одной кильватерной колонной, у броненосца «Севастополь» в машине произошло какое-то повреждение, и он принужден был на время выйти из общего строя.

Броненосец «Пересвет», шедший за ним следом, хотел занять почему-то его место в колонне. Между тем «Севастополь», успевший к тому времени исправить машину, снова взошел в кильватер. В этот самый момент «Пересвет» налетел на него и ударил его тараном в бок.

В результате: у «Севастополя» разворочен бок, а у «Пересвета» испорчена носовая часть.

Оба броненосца еще чинятся.

Между тем в порту опять несчастье: при подводке кессона под «Ретвизан» двое рабочих упали в море и погибли.

Не сегодня завтра ждем японцев.

29 марта

В бухте «10 кораблей» сильным волнением выбросило на берег 10 мин из нашего минного заграждения.

Солдатики нашей заставы, в количестве 11 человек, пожелавшие спасти казенное добро, взвалили одну мину на плечи и намеревались отнести ее дальше на берег. Мина от сотрясения взорвалась, и все 11 человек были убиты на месте.

Уже не первый раз причиняют нам столько бед наши же собственные морские мины. Главная причина всех этих несчастий кроется в том, что они совершенно не могут выдержать здешних волнений, которые их быстро срывают с места и уносят. На днях подобный случай имел место в Талиенванской бухте, где сильным ветром разбросало морские мины по всему заливу.

К похоронам погибших при взрыве солдат куплено в магазине фирмы «Кунст-Альберс» несколько венков.

ПРИКАЗ по Квантунскому укрепленному району

29 марта 1904 года

№ 82

Во время 1-й бомбардировки крепости Порт-Артур, бывшей 27 января сего года, из неприятельских снарядов один упал около батареи № 17 и не разорвался.

Стоявший вблизи запасный канонир Квантунской крепостной артиллерии — Придик Муликас при падении снаряда был повален на землю силой воздуха, но несмотря на это не растерялся, подбежал к снаряду и совместно с рядовым 12-й роты 25-го В.-С. стр. полка Дегтяренко, находившимся вблизи, вынули из снаряда донно-ударную трубку и скатили его за насыпь. За столь самоотверженный поступок благодарю запасного канонира Квантунской крепостной артиллерии Придика Муликаса и рядового 12-й роты 25-го В.-С. стр. полка Дегтяренко.

Приказ этот прочесть во всех батареях и сотнях.

Командир 3-го Сибирского армейского корпуса

генерал-лейтенант *Стессель*

30 марта

Опять катастрофа в нашем многострадальном флоте. Минный транспорт «Амур» при выходе на рейд взял неверный курс, наткнулся на один из затопленных нами пароходов, получил пробоину.

Я видел его уже позже, когда он, сильно накренившись, заведен был в Восточный бассейн. Впоследствии его чинили, не заводя в док, на крене.

Ввиду прибытия в порт партии русских рабочих починка крейсера «Паллада» пошла гораздо успешнее.

Минная рота продолжает усиленно работать по постановке на внешнем рейде минного заграждения, для которого у нас применяются гальваноударные мины.

31 марта

Рано утром, по приказанию адмирала Макарова, из порта отправились в море на разведки два отряда миноносцев. Вскоре они открыли местопребывание японской эскадры и завязали с ней перестрелку.

Это произошло около 6 часов утра.

Говорили, что наш миноносец «Страшный» атаковал японский крейсер и удачно пущенной миной нанес ему серьезное повреждение, но был сам совершенно расстрелян и начал тонуть. К нему на помощь пошел крейсер «Баян».

Но было уже слишком поздно: ему удалось спасти только 5 человек команды. Офицеры же все погибли.

Около 8 часов утра в море ушла и остальная наша эскадра.

Приблизительно в 10 часов утра я был в порту и неожиданно увидел, как наши миноносцы полным ходом вылетали один за другим из Восточного бассейна. Тут я заметил, что на Золотой горе внезапно был поднят сигнал о каком-то несчастье, происшедшем на внешнем рейде.

Когда я доехал до Электрического утеса, там все уже говорили о только что поразившей наш флот неслыханной катастрофе, которая превзошла своим ужасом все бывшее до сих пор.

Наш броненосец «Петропавловск», шедший во главе эскадры, уже возвращавшейся в гавань, взорвался и в течение каких-либо трех минут затонул на глазах всей эскадры и крепости.

Адмирал Макаров, весь его штаб, художник Верещагин, полковник Генерального штаба Агапеев и до 650 человек команды погибли в морской пучине.

Великий князь Кирилл Владимирович спасся каким-то чудом и был подобран одним из наших миноносцев. Кроме него, как говорят, спаслись только 6 офицеров и около 30 матросов.

Ужасная катастрофа произвела потрясающее впечатление на гарнизон. Многие плакали. Солдатики на батареях набожно крестились.

Мой товарищ, подполковник Д., был так потрясен этой

картиной, что с ним сделался обморок.

Но этим не окончились беды этого злосчастного дня. Через четверть часа после трагической гибели «Петропавловска» раздался новый взрыв и броненосец «Победа», внезапно получивший минную пробоину, сильно накренился и начал поспешно входить в Восточный бассейн.

На эскадре, под страшным впечатлением неожиданных и непонятных взрывов, возникла паника, которая еще усилилась благодаря внезапно мелькнувшему у всех предположению, что наши броненосцы подверглись нападению подводных лодок. Все орудия, словно по команде, направились в воду вокруг судов, и поднялась отчаянная стрельба по невидимому врагу.

Всю эту картину всеобщей растерянности и паники ясно видела японская эскадра, которая находилась в это время перед нашей крепостью, но огня почему-то не открывала. Это было крупным промахом со стороны японцев, так как, воспользуйся они благоприятным моментом, они могли бы причинить нашей эскадре неисчислимые потери и достигнуть крупного успеха.

Город долго не мог опомниться от ужасных впечатлений только что пережитого дня.

Причины гибели «Петропавловска» долго служили предметом самых горячих споров среди моряков.

Мнения по этому вопросу разделялись. Многие из моряков уверяли, что они лично видели подводную лодку, другие, напротив, стояли за то, что подводной лодки не было, а «Петропавловск» просто налетел на мину.

Скажу одно, что если это была подводная лодка, то ею управляла удивительно искусная и отважная рука.

Бывший во время катастрофы на Золотой горе военный инженер, подполковник Рашевский, человек, обладающий редким хладнокровием, успел сделать четыре фотографических снимка гибели «Петропавловска».

В тот же день, 31 марта 1904 г., контр-адмирал Григорович послал в Петербург на имя ГОСУДАРЯ телеграмму с донесением о грустном событии:

«№ 1 — Броненосец „Петропавловск“ наскочил на мину, взорвался и опрокинулся.

Наша эскадра под Золотой горой, японская приближается.

№ 2 — Адмирал Макаров, по-видимому, погиб; № 3 — Великий князь Кирилл Владимирович спасен, легко ранен; № 4 — Всеподданнейше доношу ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, что пока подобрано с «Петропавловска» кроме Великого князя тяжело раненный капитан 1-го ранга Яковлев, лейтенанты: Тениш, Унковский, мичманы: Шмидт, Яковлев и Шлиппе и 32 нижних

чина тяжело и легко раненных. Найдены тела капитана 2-го ранга Васильева 1-го, мичмана Акимова, Бурачка, старшего врача Волковича и 12 нижних чинов. Японский флот скрылся. Дальнейшие подробности будут донесены вступившим во временное командование флотом контр-адмиралом князем Ухтомским».

Вечером с экстренным поездом выехали из Артура на север Великие князья Кирилл и Борис Владимировичи.

В «Новом крае» приведены следующие подробности гибели броненосца «Петропавловск».

«Когда наша эскадра подошла к Артуру и начала строиться в боевой порядок, броненосец „Петропавловск“ наткнулся на группу мин, разбросанных неприятелем. По другой версии, в него была выпущена мина Уайтхеда из подводной лодки.

По словам спасшихся гг. офицеров и матросов, устанавливаются отдельные эпизоды гибели этой плавучей крепости.

В 10 часов 20 минут справа, у носа «Петропавловска», показался огромный столб воды. Люди, стоявшие у кормовой башни 12-дюймовых орудий, бросились на бок, но не успели отбежать нескольких шагов — как раздается второй страшный взрыв, поднимается огромный столб желтовато-бурого дыма и вся стальная громада объята пламенем; палуба «Петропавловска» моментально приняла вертикальное положение, корма поднялась кверху; винты беспомощно завертелись в воздухе, носовая часть быстро погружалась. Кто мог, бросился спасаться, последние мгновения «Петропавловска» настали, — гигант погибал в виду крепости, на глазах всей эскадры.

Дул сильный N-W, люди беспомощно боролись со стихией воды, а на быстро погружавшемся броненосце продолжались взрывы, — предполагают, что детонировал пироксилин в бомбовых и минных погребах.

При первом взрыве покойный командующий флотом вице-адмирал Макаров, стоявший на командном мостике, страшной силой взрыва, очевидно смертельно раненный, упал вниз.

Великий князь Кирилл Владимирович, выброшенный напором воздуха в море, на лету получил два удара в голову, а когда очутился на поверхности воды, получил еще чем-то удар и, обессиленный, едва выгребал. Это были все мгновения.

С приближавшихся миноносцев, со спешивших на помощь вельботов, с батарей фортов, с судов эскадры — отовсюду видели, как люди бросались в воду и погибали.

Спасавшиеся со страшными усилиями выгребали в высоко вздымавшихся холодных волнах, а образовавшийся водоворот

тянул их назад, в глубину 18 сажен, в морскую бездну, куда быстро погружался «Петропавловск».

Слышались голоса более сильных, спрашивали: где командующий, видели его пальто, но командующего не было, — адмирал Макаров погиб.

Подошедший миноносец «Бесшумный» подобрал окоченевшего от холода Великого князя.

Через минуты с момента взрыва от «Петропавловска» остались лишь мутное пятно на воде да масса обломков, на которых в ледяной воде морского прибоя боролись люди между жизнью и смертью».

Апрель

1 апреля

Сильный ветер.

Тяжелое впечатление, произведенное ужасной картиной гибели броненосца «Петропавловск», до сих пор еще не может рассеяться.

Всех волнующий вопрос о причинах загадочной катастрофы все еще остается открытым.

Днем прибыла из Петербурга в порт новая партия русских мастеровых, численностью до 850 человек.

2 апреля

Японская эскадра с раннего утра начала в море никому не понятную стрельбу.

Шутники в городе говорили, что японцы до того смелы, что устроили у нас перед крепостью двухсторонние маневры.

Пожалуй, это была правда...

Около 10 часов утра японская эскадра опять зашла за Ляотешань и начала перекидную стрельбу. Наша эскадра, стоя в порту, стала отвечать тоже перекидной стрельбой.

Батарея, построенная на Ляотешане под командой вновь назначенного подпоручика Малинникова, на этот раз не молчала, а поддержала нашу эскадру, чем и привлекла на себя страшный огонь противника. Кроме того, японцы сильно обстреливали и другую, вновь строящуюся батарею для пушек Канэ.

К часу дня бомбардировка прекратилась и японцы ушли в море в южном направлении.

На этот раз перекидная стрельба японцев оказалась далеко не столь удачной. Никаких серьезных повреждений в крепости не было произведено.

Одним снарядом только был разбит сарай на Тигровом Хвосте, построенный из волнистого железа и предназначенный для хранения бонного имущества. Взрывом другого, упавшего у Перепелиной горы, убито 7 китайцев, ранено 2 солдата и 3 китайца, легко ранена м-ль Гейст.

По нашим батареям на Ляотешане японцы выпустили до 150 снарядов. Из всех их только один попал в траверс батареи, но не

произвел никакого разрушения. Потерь на батареях тоже не было.

Сегодня в 8 часов утра неожиданно приехал в Порт-Артур наместник генерал-адъютант Алексеев и поднял свой флаг на броненосце «Севастополь».

3 апреля

Погода прекрасная.

По городу разнесся слух о покушении переодетого японца на жизнь генерал-адъютанта Куропаткина в Ляояне.

Сегодня была послана телеграмма со списком погибших на броненосце «Петропавловск».

«Петербург. 3 апреля

Список гг. офицеров, находившихся на эскадренном броненосце «Петропавловск».

Командующий флотом в Тихом океане вице-адмирал Степан Осипович Макаров (погиб), начальник штаба контр-адмирал Михаил Павлович Молас (погиб), начальник военно-морского отдела, флигель-адъютант капитан 2-го ранга ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великий Князь Кирилл Владимирович (спасен), начальник военного отдела, полковник Генерального штаба Агапеев (погиб), флагманский капитан, капитан 2-го ранга Михаил Васильев 2-й (погиб), флагманский офицер, лейтенант Николай фон Кубе (погиб), флагманский офицер, мичман Владимир Шмидт (спасен), флагманский офицер, мичман Павел Бурачок (погиб), флагманский офицер, мичман Василий Яковлев (спасен), флагманский минный капитан 2-го ранга Константин фон Шульц (погиб), флагманский артиллерист, капитан 2-го ранга Андрей Мякишев (погиб), фл. шт. кор. подполковник Александр Королицын (погиб), делопроизводитель, титулярный советник Константин Лобанов (погиб), капитан 1-го ранга Яковлев (спасен), старший офицер лейтенант А. Ладыгин (погиб), вахтенный начальник мичман Алексей Окунев (погиб), вахтенный начальник мичман барон Николай фон Клебек (погиб), ревизор мичман Петр Акимов 5-й (погиб), старший минный лейтенант Константин Унковский (спасен), младший минный лейтенант Николай Тениш 2-й (спасен), старший артиллерийский лейтенант Любим Кнорринг 1-й (погиб), младший штурман Владимир Вульф (погиб), вахтенный офицер мичман Николай Шлиппе (спасен), вахтенный офицер мичман Петр Лепешкин (погиб), и. д. ст. суд. мех. помощ. старшего инженер-механика Антон Перковский 2-й (погиб),

помощ. ст. суд. мех. младший инженер-механик Генрих Сейпель (погиб), младший суд. механ. младший инженер-механик Дмитрий Смирнов (погиб), старший врач надворный советник Андрей Волкович (погиб), младший врач лекарь Иван Константинов (погиб), титулярный советник Александр Шмидт (погиб), Иеромонах отец Алексей (погиб), капитан 2-го ранга Кроун (погиб), художник Верещагин (погиб), мичман Шишко (погиб), мичман Бодиско (погиб)».

4 апреля

Крейсер «Паллада» починился и наконец вышел из дока. Таким образом, починка его продолжалась ни много ни мало 69 дней. По этой продолжительности починки можно было смело сказать, что она была далеко не успешна, и в этом можно было смело упрекнуть наше портовое начальство. На этом еще не окончились несчастья с крейсером «Паллада».

При выходе из дока крейсер наткнулся на бочку, служащую для привязывания судов, и попортил себе винт.

Слыхал, что сегодня для осмотра этого повреждения спускали водолаза.

В этом новом несчастье, конечно, нельзя было уже винить порт, а кое-кого другого...

От 5-го до 7 апреля

Погода стоит отличная.

Новостей никаких нет.

8 апреля

Не везет нашему флоту!

Сегодня моряки начали ставить против Ляотешаня минные заграждения, с целью положить конец всяким попыткам японцев вести оттуда перекидную стрельбу.

Ввиду ли неосторожности или неумения обращаться с минами, но паровой катер, ставивший их, взорвался и потонул. Командир его, лейтенант Пель, и около 11 человек матросов

погибли...

9 апреля

Сегодня при тралении внешнего рейда наши моряки по неосторожности сорвали одну из мин нашего заграждения, только что поставленного минною ротою.

10 апреля

Прошел слух о мелких, но удачных для нас стычках с японцами в Корее.

Сегодня уехал в двухмесячный отпуск в С.-Петербург мой знакомый капитан 2-го ранга Д.

Странно и как-то непонятно давать в настоящее время отпуск морским офицерам, да еще на такой странный срок.

11 апреля

Погода отличная.

12 апреля

Сегодня опять несчастье на море.

Прекрасный коммерческий пароход, шедший с нашими моряками из Дальненской бухты в Порт-Артур, наткнулся на нашу же мину и затонул.

13 апреля

Сегодня из порта внезапно исчез известный китайский инженер Хо.

Инженер Хо, почтенный уже старик, служил у нас в порту с момента занятия нами Порт-Артура и получал большой оклад жалованья. Держали его у нас на службе главным образом как

посредника между китайцами-рабочими и нашим портовым правлением. Кроме того, Хо знал Порт-Артур до мельчайших подробностей, так как служил в нем инженером еще во времена китайского владычества.

Все поиски инженера Хо были напрасны, он исчез бесследно.

Ввиду же того, что причины внезапного его исчезновения никому не были известны, предположениям не было конца.

Одни говорили, что Хо уже давно был японским шпионом и теперь бежал к ним, чтобы передать им все сведения и документы о состоянии нашей эскадры, другие уверяли, что бегство инженера Хо вызвано появлением в порту русских рабочих, которые всячески стали притеснять китайцев, наконец, третьи объясняли это бегство вероятием скорой высадки японцев на Квантуне.

Так или иначе, но бесследное исчезновение инженера Хо всеми было принято за предзнаменование каких-то грозных событий в ближайшем будущем.

14 апреля

Сегодня пришло в город радостное известие о лихом набеге наших владивостокских крейсеров на японские транспорты. Вот что говорила телеграмма:

«*Владивосток. 14 апреля 1904 года*

По донесению контр-адмирала Гессена 12 апреля в Гензане два наших миноносца взорвали японский коммерческий пароход «Топо-Мару», около 500 тонн, спустив всех людей на берег. В 8 часов вечера взорвали в море японский коммерческий пароход «Накануро-Мару», в 220 тонн, приняв к себе людей; а в 11 час. 30 мин. ночи в море же взорвали большой японский транспорт «Киншию-Мару», в 3967 тонн с 1650 тоннами угля, с грузом риса и военных припасов, вооруженный четырьмя пушками Гочкиса, 47 миллим.

С него снято 17 офицеров, 20 нижних чинов, 65 человек судовой команды и 85 военных кули. Десантная рота, оставшись без офицеров, отказалась наотрез сойти с транспорта и оказала сопротивление. Поэтому вынужден был взорвать пароход вместе с нею».

15 апреля

Новостей нет.

Тихо.

16 апреля

Ночью несколько японских миноносцев шныряли у нас перед крепостью, очевидно расставляя мины.

По ним открыли огонь. Миноносцы отстреливались.

Вот что пишет об этом «Новый край» в своем дневнике осады:

«Около часу ночи, когда светила полная луна на взморье, в направлении, где погиб „Петропавловск“, на приблизительной дистанции 2400 сажен появилось множество огней из фосфорно-кальциевых банок.

Как только в 1 час. 40 мин. скрылась за набежавшими тучами луна — на море появились сигнальные вспышки и непосредственно за ними мелькнул огонек и последовал неприятельский выстрел; затем последовал второй. Тотчас после первого выстрела светом прожектора был обнаружен двигающийся к востоку неприятельский миноносец, по которому сделано было два удачных выстрела.

После первого выстрела миноносец продолжал оставаться на той же дистанции, а после второго исчез из-под луча и более обнаружен не был.

Неприятель, открыв огонь, очевидно, целил по прожектору. Есть основание предположить, что миноносцев было несколько и среди них, катер, который вел за собой целую цепь мин.

В исходе 3-го часа ночи с расстояния 8 миль опять показались огни и через несколько минут заметили 7 миноносцев, которые удалялись от Ляотешаня на юго-восток, пройдя в 10 милях от берега; в 3 часа они скрылись за горизонтом. После 3 часов горизонт был чист.

По собранным осколкам и найденной донной трубки установлено, что неприятель стрелял 75-миллиметровыми мелинитовыми гранатами.

Дальномер дал 5 верст».

19 апреля

Простудился и заболел. Ввиду этого дневник невольно прервался. Впрочем, каких-либо серьезных событий в крепости за это время не было.

Продолжают ходить неопределенные слухи о наших новых столкновениях на Ялу.

20 апреля

Была лунная ночь. В море было небольшое волнение.

Около часу ночи наши батареи открыли стрельбу, как потом оказалось, по японским миноносцам, появившимся перед крепостью.

Приблизительно через час стрельба прекратилась. Но не прошло и нескольких минут, как она возобновилась с новой силой и уже не прекращалась вплоть до 4 часов утра. Такой канонады в крепости еще никогда не слыхали.

Канонерские лодки «Гиляк», «Отважный» и «Гремящий» не отставали от батареи и осыпали новое наступление японских брандеров тучей снарядов, даже крейсер «Аскольд», стоявший против прохода, стрелял через головы остальных судов.

Это был целый ад огня и рева орудий. Количество выпущенных снарядов надо было считать тысячами.

Знали, наверное, что 10-дюймовые пушки батареи Электрического утеса выпустили 54 снаряда, а 57-миллиметровые пушки той же батареи до 300 снарядов.

Утром я сам видел гору гильз от выпущенных снарядов на батареях.

Когда артиллерийская стрельба начала уже стихать, послышались ружейные залпы и трескотня пулеметов.

Над моим домом просвистало несколько пуль, а в окно соседнего дома залетел осколок снаряда.

К утру выяснилось, что вслед за появившимися ночью 5 японскими миноносцами ко входу в гавань направились 10 брандеров, но не все сразу, а партиями по 2 или 4 судна.

Но и на этот раз попытка японцев запереть доступ в гавань окончилась полной неудачей.

Так, четыре брандера взорвались на минном нашем заграждении. Два других, сильно расстрелянные, наскочили на наши потопленные пароходы и затонули около них.

Из остальных 4 три взяли неверный курс, причем один из них выкинулся на берег под самым Электрическим утесом.

Два же других вовремя заметили свою ошибку и, дав задний ход, пошли к нашему проходу под адским огнем всей крепости, но и они не дошли до прохода и были расстреляны.

Кроме брандеров, по словам многих моряков, было потоплено еще 2 миноносца.

Команды японцев на брандерах вели себя более чем геройски.

Так, на мачте одного из затонувших уже брандеров долго еще держался один из его матросов и сигнализировал фонариком следующим идущим за ним брандерам, указывая им верное

направление их пути.

Несчастного мы расстреливали из скорострелок и пулеметов. Трудно себе представить, сколько пуль и снарядов было выпущено по этому герою.

Каким героизмом и хладнокровием обладал этот японец, видно из того, что, приговоренный к смерти, расстреливаемый со всех сторон, он до последней минуты исполнял долг своей службы...

Часть японцев с брандеров пыталась спастись на шлюпках, но почти все шлюпки были расстреляны и пущены ко дну. Люди же в безумном фанатизме бросались в море, плыли неизвестно куда и тонули.

Один японский унтер-офицер, сильно раненный, выплыл и уцепился за камень под Электрическим утесом, где холодные волны постоянно обдавали его с ног до головы. Когда же его захотели взять в плен, он вынул револьвер и сделал три выстрела, но промахнулся. Залп 3 наших стрелков покончил с ним.

Всего японцев погибло до 200 человек.

Взято в плен только двенадцать. Все пленники были сильно пьяны и от долгого пребывания в воде имели очень жалкий вид. Их обогрели и положили спать.

Один же из японцев, снятый с бонного заграждения, был настолько пьян, что даже холодная ванна его не отрезвила.

Только на другой день он очнулся и, заметив, что попал в плен, быстро схватился за тоненький шнурок, находившийся у него на шее; еще минута — и японец задушил бы себя собственными руками, но подоспевшие солдатики перерезали шнурок и этим спасли фанатику жизнь.

Во время самого разгара боя с судна, где находился наместник генерал-адъютант Алексеев, дважды был дан в рупор приказ о выходе миноносцам в море для атаки брандеров, но миноносцы почему-то из порта не вышли.

Во время атаки брандерами нашего прохода масса начальствующих лиц находилась на батарее Электрического утеса.

Некоторые из начальствующих лиц приняли даже активное участие в отражении этой атаки брандеров. Так, например, генерал-лейтенант Стессель и генерал-майор Белый лично стреляли из ружей по спасавшимся в море японцам.

В 4 часа утра наместник был на канонерской лодке «Гиляк» и пожаловал команде шесть Георгиевских крестов.

21 апреля

В крепости только и разговоров, что о вчерашних брандерах или о Тюренченском бое.

Так как полки, участвовавшие в сражении на Ялу, принадлежали раньше к Артурскому гарнизону, то вполне понятно, почему мы особенно интересуемся этим сражением и его потерями.

22 апреля

В крепости тихо.

23 апреля

Сегодня разнеслась весть о высадке японцев у Бицзево. Подробностей никаких пока не получено.

ПРИКАЗ по войскам Квантунского укрепленного района.

Апреля 23 дня 1904 г. креп. Порт-Артур.

Славные войска укрепленного района!

Неприятель 17-го и 18 апреля перешел реку Ялу в больших силах; наши отошли на позиции, заранее выбранные. Вчера противник произвел значительную высадку на Ляодуне, южнее Бицзево, близ бухты Кинчань. Теперь начнется наше дело. Противник, разумеется, прервет сообщение по железной дороге, а затем постарается оттеснить войска наши до Артура и обложить крепость. Артур — оплот России на Дальнем Востоке. Вы отстоите его до подхода войск, которые придут к нам на выручку.

Я считаю долгом указать вам, что необходимо быть всегда бдительными и осмотрительными, готовыми к тому, чтобы везде встретить противника в порядке, достойном славных русских войск. Ни от каких случайностей не теряться, помните, что на войне все бывает. Спокойствие главное.

Офицерам беречь свои части, патроны и снаряды.

С Божьей помощью мы выполним трудную задачу, на нас возложенную!

Начальник укрепленного района
генерал-лейтенант *Стессель*

24-го, 25 апреля

Путь на север пока еще свободен.

Инженер путей сообщения Губанов самоотверженно проехал его до самого конца и лично сделал массу распоряжений по его исправлению.

26 апреля

Сегодня наместник генерал-адъютант Алексеев неожиданно со всем своим штабом выехал из Порт-Артура с экстренным поездом.

Желающих уехать оказалось очень много, но так как поезд ушел внезапно, то вся эта публика невольно застряла.

Я лично видел опоздавшего на поезд нашего дипломата Плансона.

Какой испуг изображало его лицо и какой жалкий вид имела вся его фигура!

Дипломат, очевидно, очень боялся остаться в том самом Артуре, который был занят нами «дипломатическим путем».

Сегодня с севера прорвался поезд, под начальством 4-го Заамурского железнодорожного батальона подполковника Спиридонова, доставивший в крепость массу снарядов.

Командование эскадрой передано адмиралу Витгефту.

Завтра, говорят, пригонят в Артур 800 быков. Это является как нельзя более желанной вещью, так как мяса уже два дня нет в продаже.

Получена следующая телефонограмма.

«*Генералу Стесселю*.

26 апреля 1904 года

Неприятель, по-видимому, двигается по Мандаринской дороге, где у дер. Западной Саншилипу обнаружено до 2 полков; у дер. Эршилипу обнаружены их передовые части; около 200 человек стоят биваком в лощине севернее дер. Аншилипу. Севернее мыса Терминал стоит до 30 судов; восточнее Мандаринской дороги противник в направлении на юг не продвигается. У реки Чань-су-хэ присутствие противника не обнаружено. У бухты Сиц-хао производится с нашей стороны разведка. Сегодня отданы распоряжения и сделаны передвижения.

Генерал *Фок*».

27 апреля

Ввиду уже совершившейся высадки японцев у Терминала решено было часть орудий с флота экстренно установить на сухопутном фронте.

Кроме орудий с канонерских лодок и миноносцев приказано было снять лишние прожекторы и установить их на фронтах.

Работы по доставке и установке орудий на места вот уже третий день энергично ведутся нашими матросами.

Очевидно, им наскучила однообразная служба на судах, почему они теперь так охотно и работают в новой обстановке.

Ушел последний санитарный поезд на север под начальством жандармского полковника Уранова, которому, как раз в это время, необходимо было выехать из Артура для устройства каких-то полицейских порядков.

С этим же поездом выехал из Артура и дипломат Плансон.

Сегодня выяснилось, что дорога испорчена не японцами, а нашей же пограничной стражей. Она же прервала телеграфное сообщение, умудрившись верст на 10 вырубить телеграфные столбики, которые и были немедленно разворованы китайцами.

28 апреля

Движение, как говорят, восстановлено. Около 12 часов дня экстренно ушел на север последний поезд.

Ожидаем, что через день начнет работать и телеграф.

29 апреля

Погода чудная.

Эскадра стоит в гавани.

Ходят слухи, что японцы высадили всего два полка, которые отошли к Бицзево. Японской эскадры не видно. Надо, однако, полагать, что она прикрывает свои десанты.

Ожидаем новых брандеров.

Русско-китайский банк и масса других коммерсантов хотят выехать завтра из Артура.

Мяса нет. За курицу приходится платить до 3 рублей.

29 апреля было получено от генерала Фока донесение, что японцы обстреливали бухту Керр, затем миноносцы высадили до 60 человек, которые попортили телефон. К вечеру показались, кроме военных судов, 4 транспорта и стали за островами;

предполагали, что будет высадка в бухте Керр. 30 апреля в бухту Керр зашел крейсер «Касаги» и спустил со шлюпки людей на берег, по-видимому, для осмотра.

29 апреля был отправлен поезд из Дальнего с обывателями. Он благополучно дошел до Пуландяна, но затем должен был вернуться назад, так как в 5 верстах севернее Пуландяна японцы попортили путь в 2 местах.

30 апреля

Свежо.

Сообщение по железной дороге окончательно прервано.

Установка морских орудий на сухопутном фронте идет сравнительно быстро.

Почты, а следовательно, и известий никаких нет. Слухов же масса.

Говорят, что японцы усиленно высаживаются в бухте Керр.

Слыхал, что есть приказание генерала Куропаткина: «НЕ ПРЕПЯТСТВОВАТЬ ВЫСАДКЕ ЯПОНЦЕВ, НЕ ВОССТАНАВЛИВАТЬ ЖЕЛЕЗНУЮ ДОРОГУ И ДАЖЕ ТЕЛЕГРАФА».

Для нас, обыкновенных смертных, эти высшие соображения генерала Куропаткина по меньшей мере были непонятны...

Сегодня мне передавали, что все последние брандеры были заново отремонтированы, причем особое внимание было обращено на передачу движения рулю.

Стоимость каждого брандера определяют в 70-100 тысяч рублей

Май

1 мая

Заехал в банк и узнал, что наличных денег в нем уже нет. Невольно напрашивается печальный вопрос: как же будет продолжаться жизнь в Артуре, а главное — чем мы будем вообще расплачиваться ?

Большинство служащих в банке собирались на днях покинуть крепость, но не успели и поневоле должны были застрять в Порт-Артуре.

На основании приказа по укрепленному району за № 189 в г. Дальний выехала комиссия для решения на месте вопроса о том, какие из крупных сооружений г. Дальнего следует уничтожить в случае оставления нами этого порта.

Днем на горизонте видны были четыре японских судна. Японцы держат нас, очевидно, в правильной блокаде.

Слыхал, что японцы энергично укрепляются в Бицзево, выставивши два сторожевых отряда: один на Порт-Артур, другой — к северу.

За работу и продукты японцы платят местному населению русскими кредитными рублями. По всей вероятности, деньги это фальшивые.

Продукты в крепости все дорожают.

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района

№ 189

Для решения вопроса, какие крупные сооружения г. Дальнего, как, например, док и мол, следует уничтожить и в какой мере, в случае оставления нами г. Дальнего, назначаю на 1 мая комиссию под председательством полковника Григоренко; членов: 2 военных инженеров по назначению председателя; капитана 2-го ранга Скорупа, инженера из г. Дальнего по назначению градоначальника Сахарова.

Генерал-лейтенант *Стессель*

2 мая

Сегодня весь гарнизон в бодром и приподнятом настроении духа.

Японский флот постигла крупная катастрофа: на глазах всей крепости большой трехтрубный японский броненосец наткнулся на нашу мину и, взорвавшись, тут же затонул.

Почти все начальство Порт-Артура собралось на Электрическом утесе.

Я приехал туда немного спустя после гибели японского броненосца, как раз в тот момент, когда 16 наших миноносцев полным ходом выходили из порта, чтобы атаковать другой броненосец, тоже налетевший на нашу мину.

Решительной атаки наши миноносцы, однако, не предприняли и, ограничившись легкой перестрелкой с японцами, благополучно вернулись в порт.

Пострадавший же броненосец, сильно накренившись, ушел в море по направлению к островам Мяо-Дао.

Ночью наши миноносцы почему-то опять упустили благоприятный момент и не произвели атаки на подорванный броненосец.

«Новый край» так описывает событие сегодняшнего дня:

«В ночь на 2 мая в бухте Керр взорвался японский броненосный крейсер двухмачтовый, вероятно „Асама“, так как утром он был обнаружен затонувшим на семисаженной глубине и от него были видны только концы мачт».

* * *

«В продолжение ночи на 2 мая неприятельские миноносцы, в числе шестнадцати, подходили к Артуру. Наша ближайшая батарея произвела по ним два выстрела, вследствие чего они отошли и к утру скрылись в море.

Через некоторое время были усмотрены от Ляотешаня на О три неприятельских броненосца, шедших в кильватерной колонне.

В 10 минут одиннадцатого головной (вероятно, флагманский) броненосец, по виду подходящий к типу «Фуджи» или «Яшимо», внезапно сильно накренился, причем одновременно виден был громадный столб воды и паров. Поврежденный броненосец понесло течением к W.

Через некоторый промежуток времени этот броненосец стал выпрямляться и спустил на воду две шлюпки, другие два взяли направление к нему.

В этот момент (приблизительно через полчаса после взрыва на головном броненосце) на другом броненосце по наружному виду типа «Сикишима» или «Хатсузе» (три трубы) был усмотрен взрыв, при этом показалось громадное облако из дыма, паров и воды, за которым последовал вторичный столб дыма и услышан

был звук взрыва (детонация), после которого в течение очень малого промежутка времени (меньше минуты) броненосец пошел ко дну.

Когда произошел взрыв на головном броненосце, то раздалась пальба с двух других броненосцев с обоих бортов в воду, вероятно, в предположении, что отряд броненосцев атакован нашими подводными лодками.

В 12 часов 15 минут шестнадцать наших миноносцев быстро вылетели на рейд в кильватерной колонне со своими отрядными начальниками капитанами 2-го ранга Бубновым и Елисеевым и понеслись к месту катастрофы.

Вслед за ними крейсер «Новик» вышел не внешний рейд, где стал на якорь. А крейсерский отряд приготовился к выходу.

В это время с моря было усмотрено еще три неприятельских крейсера, из которых один направился на W, а другой О, а третий стал наступать на наши миноносцы. Все неприятельские суда открыли огонь по нашим миноносцам.

Подойдя приблизительно на расстояние десяти миль, они все повернули на W, и, когда с ближайшей батареи по ним стали стрелять, они все повернули на S-O и стали удаляться в море, не прекращая своей стрельбы по миноносцам.

Стрельба неприятеля не причинила нам никакого вреда, и в половине четвертого наши миноносцы вернулись с подробным донесением о происшедшем».

3 мая

Сегодня с Цзиньчжоусской позиции для определения сил и выяснения намерений противника был двинут по направлению к Бицзево отряд под начальством генерал-майора Фока, силой из восьми батальонов при 16 орудиях.

Вблизи высоты деревни Сигоу-Чафантань отряд встретился с наступающими японскими колоннами.

Батарея подполковника Романовского первая открыла по японцам огонь. Снаряды ее, как мне после рассказывали наши раненые солдатики, вырывали целые улицы в японских колоннах, но через некоторое время эти улицы смыкались и японцы продолжали наступление.

Только благодаря батарее подполковника Саблукова, энергично действовавшей на нашем правом фланге, удалось остановить в этом месте наступление японцев.

Когда силы противника были достаточно выяснены, генерал-

майор Фок, ввиду значительного численного превосходства японцев, приказал отряду начать отступление.

Как оказалось, японцев в бою было 24 батальона, при 6 батареях, то есть ровно в три раза больше нашего отряда.

С нашей стороны убиты: капитан Гемзюков, капитан Суворов и поручик Шишкин; ранены легко: генерал Надеин, подполковник Романовский (остался в строю), капитан Бенуа, подполковник Успенский; тяжело ранены: штабс-капитан Штеллинг, поручик Пушков, подпоручики Вендягонский и Борлюк.

Нижних чинов убито 23, ранены 148 человек.

Я сегодня же успел побывать в госпитале, где мне удалось поговорить с некоторыми из только что прибывших раненых.

Многие из них рассказывали, что успели выпустить в течение этого боя по 160 патронов, стреляя залпами на дистанции 600, 800 и 1200 шагов.

Здесь же, при раздаче раненым солдатикам табаку, я увидел впервые раненого японца. У несчастного была ампутирована нога.

Крейсер «Новик» ходил сегодня в море, но, по-видимому, на что-то наткнулся, так как по приходе его в гавань для осмотра спускали водолаза.

4 мая

Ночью японские миноноски опять побывали под крепостью. Вообще японцы за последнее время стали хозяйничать на море, как у себя дома.

Сегодня с эскадры для вооружения сухопутного фронта сняты еще некоторые орудия. Теперь моряки считают себя вправе пребывать в бездействии, сваливая всю ответственность за это на сухопутное начальство. Оно-де заставило их разоружиться и тем лишило их возможности действовать более активно. На самом же деле моряки наши вообще охотно покидают свои суда и чувствуют себя на суше несравненно лучше, чем в родной стихии.

Кроме того, само разоружение судов ведется совершенно неправильно. С броненосца «Севастополь», у которого разобрана машина, орудий «не снимают», а «Пересвет», который вполне исправен и мог бы выходить в море, «начали разоружать».

Двадцать наших миноносцев тоже почему-то держатся пассивного образа действия и постоянно упускают благоприятные моменты для нападения на врага.

Достаточно указать на подорванный на днях нашей миной японский броненосец, которому, единственно благодаря

бездействию наших миноносцев, удалось достигнуть островов Мяо-Дао, где он теперь преспокойно исправляет полученные им повреждения.

Пришла весть, что японцы хотели высадиться в одной из близлежащих бухт, но это им не удалось. Они успели только попортить телеграф и телефон.

Солдатам начали давать уменьшенные порции мяса.

Сегодня японские канонерки обстреливали недалеко от Артура поезд, в котором ехал генерал Стессель.

Вот что писал по поводу этого «Новый край».

«ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИЗВЕСТИЯ»

Генерал Стессель возвращался 4 мая с Кинжоусской позиции в сопровождении генералов Никитина, Разнотовского и еще 5 офицеров на поезде.

Доехав до водокачки у бухты Хэси, лошади были сгружены, и начальник укрепленного района решил проехать по берегу верхом, так как на горизонте бухты виднелись два крейсера, несколько ближе два миноносца, а верстах в 5-6 две канонерские лодки.

Поезду было приказано попробовать пройти полным ходом поражаемое пространство. Не успели проехать верхом и версты, как канонерские лодки стали быстро приближаться к берегу, а одна из них, ближайшая, открыла огонь из 10 орудий по группе всадников.

Три снаряда легли у самого полотна, шагах в 150-300 от генерала Стесселя.

В этот момент появился из-за поворота оставленный поезд, который и отвлек внимание канонерки. Она перенесла огонь на поезд, причинив небольшие повреждения паровозу: машинист был ранен легко в руку. Тогда поезду был дан задний ход, и он скрылся у водокачки.

Генерал Стессель с сопровождавшими его лицами рысью проехал в лощину, где оставался в течение 45 минут, так как японцы, по удалении поезда, начали обстреливать лощину.

Все снаряды ложились близко, а один, разорвавшись шагах в 50, осыпал осколками камней и землей генералов Стесселя и Никитина, а также бывших около них двух офицеров.

Всего было японцами сделано 108 выстрелов. Генерал Стессель проехал со своими спутниками горной дорогой на станцию Инченцзы, куда был подан поезд, успевший часа через три проскочить благодаря тому, что канонерки отошли от бухты верст на 12.

5 мая

Сегодня, ко всеобщему удивлению, из города Дальнего благополучно пришла землечерпательная машина.

Ночью ходили в море, на разведку, наши миноносцы, а днем крейсера «Новик» и «Аскольд».

Крейсер «Новик» встретил недалеко от крепости японские миноносцы, по которым и открыл огонь.

На Цзиньчжоу поручик Афанасьев произвел со своей охотничьей командой в 107 человек усиленную рекогносцировку местности около горы Самсона и встретился там с двумя ротами японцев. Завязалась жаркая перестрелка, после которой отряд наш должен был отступить.

При отступлении были захвачены два японских раненых солдата.

Наши потери: 8 убитых и 23 раненых нижних чина.

Очевидцы с большой похвалой отзываются о храбрости поручика Афанасьева и о его лихой команде.

Слыхал, что между генералом Стесселем и генералом Смирновым произошли крупные недоразумения.

6 мая

Чудный, ясный день.

По случаю дня рождения ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА состоялся парад, на котором присутствовала масса публики и даже дамы.

Когда под веселые и бодрящие звуки военного оркестра наши солдатики проходили церемониальным маршем, право, как-то не верилось, что мы в блокаде и что эту мощь могут сокрушить японцы: солдатики выглядели такими молодцами.

7 мая

Около 12 часов ночи я был разбужен первыми выстрелами с моря, которые скоро перешли в жаркую канонаду. Стрельба слышалась из береговых батарей и с судов эскадры и сливалась в какой-то сплошной рев.

Первой моей мыслью было, что это опять брандеры.

Странно, что эта новая бомбардировка не произвела уже на меня такого сильного впечатления, как в первые разы. Я спокойно

решил ждать до утра выяснения причин ночной тревоги.

Около 2 часов ночи канонада прекратилась.

Наутро выяснилось, что ночью, недалеко от прохода, на рейде показались пять японских пароходов в сопровождении двух миноносцев и стали разбрасывать мины. На наш огонь суда и миноносцы также отвечали выстрелами. Один из их снарядов залетел в Новый Город и разорвался вблизи ресторана Никобадзе, а другой попал в нестроевую роту 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, недалеко от церкви. Взрывом последнего ранены: один нижний чин тяжело и два легко и убиты две лошади.

Днем на рейде выловили восемь мин.

Около часу дня на горизонте были видны японские миноносцы.

8 мая

Погода прекрасная.

Рано утром пришел из Дальнего пароход «Амур».

На горизонте видны были четыре японских крейсера, которые вскоре скрылись.

На рейде опять вытралили несколько мин.

Слыхал, что японцы сильно окапываются около горы Самсона.

Из Чифу прибыло несколько шаланд с мясом и другой провизией.

9 мая

Два наших миноносца «Бесшумный» и «Расторопный» наткнулись на рейде на мины и подорвались.

Особенно серьезные повреждения получил «Бесшумный». Оба миноносца введены в док и чинятся.

Из г. Дальнего начали перевозить кое-какие грузы и материалы, все это в страшном беспорядке сваливается около вокзала и нещадно разворовывается публикой.

В море днем видны были восемь японских миноносцев.

При тралении рейда взорвана еще одна мина.

Говорят, что на этих днях в бухте Тахэ при постановке мин взорвался один наш минный катер.

10 мая

Сегодня по городу усиленно циркулировали слухи о каких-то казаках, которым будто бы удалось пробраться с севера сквозь линии японской армии и привезти начальству разные новости. Говорят еще о почтовых голубях, прилетевших будто бы с известиями от нашей армии.

Все эти слухи и толки оказались, однако, ни на чем не основанными.

На горизонте утром были видны два неприятельских крейсера, а потом весь день до вечера сновали 11 миноносок. Очевидно, японцы соблюдают строгую блокаду и зорко следят за каждым движением нашего флота, по всей вероятности опасаясь его неожиданного выхода из гавани.

Днем на рейде вытралили еще 6 мин. Кроме того, две взорвались совершенно самостоятельно.

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района

10 мая 1904 года

№ 237

Всякий день почти я получаю глупые анонимные письма, большей частью даже неграмотные; письма эти наполнены всякими вздорными советами; советы эти вызваны трусостью и боязнью за свою шкуру; мне и времени-то нет читать подобные глупости. Если мне удастся хотя одного подобного писаку узнать и точно установить, что писано им, я объявляю, что выселю его вон из области за Цзиньчжоу и пусть несет свои советы японцам. Заявление, прямо обращенное ко мне, а не аноним, я всегда выслушиваю; за глупое заявление, разумеется, прогоню; за аноним же, если, повторяю, узнаю, буду поступать, как выше указано.

Генерал-лейтенант *Стессель*

11 мая

Все тихо.

В крепость прибыл из Маньчжурской армии, от генерал-лейтенанта Куропаткина, поручик князь Гантимуров, адъютант генерала Стесселя.

Князю Гантимурову удалось прорваться через блокаду на китайской шаланде, причем он тысячу раз рисковал быть захваченным японцами в плен. Он привез известие, что армия

наша расположена в Ляояне, Инкоу и Дашичао.

Сегодня один доктор рассказывал, что во время последней ночной бомбардировки 6 мая раненый японский унтер-офицер, лежавший у нас в госпитале, пришел в такое волнение, что сорвался с кровати и, забившись под нее, умер.

12 мая

Утром, с Цзиньчжоусской позиции, замечено было какое-то передвижение войск в расположении японцев. В то же время они открыли огонь с некоторых своих батарей.

Все наши батареи, как бы обрадовавшись случаю, тотчас начали дружно отвечать неприятелю.

Но вряд ли наш огонь нанес какой-либо существенный вред японцам, скорее он принес им пользу в том отношении, что обнаружил места расположения наших батарей.

Очевидно, японцы только этого и желали, так как их огонь скоро прекратился.

Наши готовы уже были торжествовать победу, но, увы, это было слишком рано. Японцы оказались дальновиднее нас. Они произвели сегодня, так сказать, только «артиллерийскую рекогносцировку» и, очевидно, заметили места расположения наших батарей для предстоящего штурма.

Потери наши за этот день были два раненых нижних чина.

К вечеру разыгралась ужасная гроза с проливным дождем, свирепствовавшая почти всю ночь. Темень была страшная. Раскаты грома, порывистый ветер и сильный дождь не давали возможности нашим сторожевым частям следить за впереди лежащей местностью. Яркие вспышки молнии только на мгновение освещали окрестности, и потом все опять погружалось в сплошной мрак. К оглушительным раскатам грома присоединялись грохот наших фугасов, взрывавшихся благодаря сильному напряжению земного магнетизма и некоторым ошибкам в их установке. Между тем японцы не дремали...

В течение этой роковой для нас ночи они быстро и незаметно придвинули все свои батареи к нашим позициям, окопались и доставили к своим орудиям массу снарядов.

«Новый край» писал в своем отделе официальных известий о сегодняшнем дне.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

(Сухопутного района)

Вчера 12 мая в 5? часов утра обнаружено наступление

японцев на город Цзиньчжоу с севера, нами город занят небольшим отрядом.

В 5 часов 15 минут утра наша артиллерия открыла огонь.

Около 7 часов показался противник и из бухты Керр не менее 7 батальонов с 8 орудиями. Японцы открыли огонь по Цзиньчжоу шрапнелью и по позиции гранатами. Затем с нашей позиции открыли и ружейный огонь. Японцы не имели никакого успеха, даже город остался за нами. У нас ранен на позиции командир 2-й роты 5-го полка капитан Бучацкий и в городе 4 стрелка того же полка.

Около 12 часов на позиции все же было спокойно.

13 мая

К утру погода прояснилась.

На рассвете с наших позиций раздался одинокий выстрел, а около 5 часов утра общим залпом со всех японских батарей началась бомбардировка Цзиньчжоусской позиции.

Узнав еще накануне расположение наших батарей, японцы стали их осыпать снарядами систематически одну за другой, применяя при этом почти безошибочно следующий прием: сконцентрировав весь огонь своей артиллерии на одной из батарей и разгромив ее, они быстро перенесли тот же огонь на вторую, со второй на третью и т. д.

Против нашей позиции японцы выставили всего до 120 орудий, главным образом полевых и частью 6-дюймовых.

Шрапнель рвалась, как конфетти во время карнавала, на нашей небольшой, сжатой между заливами, позиции. Количество выпущенных неприятелем снарядов, по уверению одних, 40 тысяч, по словам других — 70 тысяч. Можно принять в среднем тысяч 50.

Против 120 японских орудий наша артиллерия могла выставить только 58, разных калибров, и к 10 или 11 часам дня выпустила уже все свои 9 тысяч снарядов. Большая часть нашей артиллерии состояла из старых орудий, взятых нами их Тяньцзиньского арсенала еще во время Китайского похода. А между тем качество артиллерии имело в этом бою громадное значение, так как весь исход его был решен исключительно артиллерийским огнем, и японцы справедливо называли впоследствии этот бой «АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ДУЭЛЬЮ».

Кроме того, у нашей артиллерии не было во время боя общего руководителя, который бы мог управлять ее действиями и

ставить ей определенные задачи, так как полковник Тахателов, назначенный командовать ею, не успел прибыть вовремя на позицию.

Правда, всей артиллерией заведовал капитан Высоких 1-й, выдающийся артиллерист, но в то же время у него была и своя батарея. К тому же он был тяжело контужен почти в самом начале боя.

Таким образом, в действиях нашей артиллерии не было «единства» и вся «инициатива» была предоставлена командирам отдельных батарей, которые и израсходовали очень быстро все свои снаряды.

Против левого нашего фланга действовали, кроме сухопутных батарей, еще 4 японские канонерки, а позже еще и 6 миноносцев, которые своим огнем сильно поддерживали наступление японцев.

В пылу боя две из японских канонерок, пользуясь приливом, подошли так близко к берегу, что при отливе оказались стоящими в грязи залива. Эти канонерки стреляли по полевым нашим укреплениям 8— и 10-дюймовыми снарядами так удачно, что местами буквально срезали земляные брустверы наших окопов.

Правый фланг нашей позиции энергично поддерживала своим метким огнем наша канонерская лодка «Бобр», стрелявшая без перерыва с 9 часов утра до 12 часов дня. Но, к сожалению, вскоре она должна была отойти в Талиенванскую бухту, кажется, вследствие порчи своего 9-дюймового орудия.

Я слыхал, что командир «Бобра», капитан 2-го ранга Шельтинга, получил приказание из порта взорвать свою канонерку после боя, но, к счастью, этого приказания не исполнил и благополучно вернулся на ней в Артур.

В Талиенванской бухте во время боя находились еще 2 наших миноносца и 2 минных катера, но участия в бою не принимали, не знаю почему.

Две наши канонерки «Гремящий» и «Отважный» тоже получили приказание в Порт-Артуре идти в Талиенванскую бухту, присоединиться к «Бобру» и поддержать наш правый фланг, но по каким-то причинам не исполнили этого приказания.

Командиры канонерок, как я слыхал, заявили сначала начальству, что у них недостает угля, потом сослались на недостаток снарядов и, наконец, объявили, что у них и сами машины неисправны.

Впоследствии оба командира, капитаны 2-го ранга Николаев и Лебедев, были списаны с их судов. Тем этот инцидент для них и кончился.

Подготовив артиллерийским огнем наступления, японцы

двинулись сначала на наш правый фланг. Здесь они были встречены таким убийственным огнем наших стрелков и артиллерии, что не выдержали, дрогнули и побежали. Генерал Надеин тотчас телеграфировал в Артур, что «японцы бегут».

Это было около 12 часов дня.

Однако японцы вскоре оправились и, решительно перейдя в наступление, подошли к железнодорожной насыпи и залегли за нею. Дальше этого пункта на нашем правом фланге им продвинуться не удалось. Укрывшись за насыпью, они завязали жаркую перестрелку с нашими стрелками. Левый наш фланг японцы атаковали при поддержке своих батарей и канонерок, но и здесь сначала потерпели неудачу и были отбиты ружейным огнем.

Между прочим, по рассказам очевидцев, одна японская рота дошла до нашей проволочной сети, но здесь несколькими дружными залпами была расстреляна вся, до последнего человека. Часть людей, говорят, так и повисла на кольях и проволоке...

После этой неудачной попытки взять наши позиции с фронта японцы предприняли глубокий обход нашего левого фланга. Их пехота шла заливом по пояс в воде и долгое время принуждена была стоять в таком положении, неся сильные потери от нашего огня. Тут японцы прибегли к хитрости: поставили вместо себя куклы, а сами ушли поодиночке.

Наши многие офицеры, к сожалению, не имели биноклей, и разгоряченные стрелки долго еще палили по куклам, пока не разобрали, в чем дело.

Главные потери у нас понесли те части, которые занимали самый город Цзиньчжоу, так как им, при отступлении, пришлось проходить довольно большое пространство по совершенно открытой местности.

Генерал Фок со штабом во время боя находился на станции Тафашин.

Непосредственно же боем руководил командир 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковник Третьяков, который и находился все время на позиции, причем, оставляя ее почти последним, чуть не попал в плен к японцам.

Генерал Фок, за время боя, на позицию приехал всего «один раз», около 2 часов дня, во время перерыва японской бомбардировки, посидел на камне около полковника Третьякова минут 15 и уехал.

Всю тяжесть боя на Цзиньчжоусской позиции вынесли 11 рот 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, 2 роты 13-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и охотничьи команды 16-

го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Всего, если считать охотничью команду за роту, 14 рот.

Японцы же атаковали позицию несколькими дивизиями.

Здесь я привожу приказ № 271, как вернейшее доказательство численности гарнизона, защищавшего Цзиньчжоусскую позицию.

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района

№ 271

В приказе моем от 15 сего мая за № 257 выражение: «полки постепенно оставляли позицию» надо изменить следующим образом: «5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, который один оборонял позицию с 2 ротами 13-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и охотничьей командой 16-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, понес наибольшие потери».

Генерал-лейтенант *Стессель*

Я должен добавить, что в составе 5-го полка не хватало одной роты, которая и в настоящее еще время находится при посольстве в Пекине, а две роты 13-го полка совершенно случайно попали в бой, так как пришли собственно на оборонительные работы. Несмотря на то, что у генерала Фока была в резерве целая 4-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия, он почему-то не выдвинул во время боя ни одной роты, чтобы поддержать тот слабый гарнизон в 14 рот, на который обрушилась вся тяжесть неожиданного боя, длившегося с раннего утра до вечера.

По моему мнению, это была непростительная ошибка.

Если бы генерал Фок в решительную минуту прислал подкрепление 5-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку, то Цзиньчжоусская позиция, этот «ключ» к Артуру, осталась бы, конечно, в наших руках, а тогда сильно изменился бы весь ход дальнейших событий и в Порт-Артуре, и в северной армии. Японцы тогда не могли бы занять порта Дальнего, который представлял собой такую чудную для них базу.

К вечеру 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, голодный, утомленный целым днем боя, не получая никакой поддержки и помощи, начал постепенно отступать, покидая свои позиции.

Таким образом, прекрасно укрепленная Цзиньчжоусская позиция, поглотившая такую массу труда, энергии и средств, была взята штурмом в течение одного дня.

Укрепление ее потребовало в свое время трех с половиной месяцев усиленной работы, причем непосредственно всеми работами заведовал весьма энергичный и дельный военный инженер капитан фон Шварц под личным руководством полковника Третьякова и самого генерала Фока. Эта потеря

прекрасной позиции была тем более тяжела, что сами японцы, как я слыхал, уверяли впоследствии, будто бы к концу боя у них уже не хватало снарядов, и, продержись мы до вечера, они не могли бы продолжать штурма и позиция осталась бы за нами.

Настал вечер.

Разбитый 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк небольшими группами постепенно стягивался к Тафашину.

Начало темнеть.

Нервно настроенная 4-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия, бывшая свидетельницей этого ужасного боя, готовая ежеминутно быть выдвинутой в боевую линию, не выдержала и дрогнула.

Причиной всеми был крик, раздавший в рядах отступавших: «Японская кавалерия рубит!»

Поднялась невообразимая паника. Войска беспорядочно бросились в бегство, подняли бестолковую пальбу по своим же и т. д. Только благодаря присутствию духа нерастерявшегося полковника Третьякова, который приказал играть музыкантам «Боже, Царя храни» и «Коль славен», паника быстро прекратилась, войска опомнились и стали успокаиваться.

Однако это смятение не обошлось нам даром: во время беспорядочной стрельбы по своим отступающим людям было переранено до 25 человек и убит фельдфебель охотничьей команды 5-го полка, что и подтверждается в приказе № 253 (см. 14 мая).

К счастью для нас, японцы после занятия Цзиньчжоусской позиции нас не преследовали. Это с их стороны тоже была громадная ошибка. Брось они на нас во время отступления свежие части и кавалерию, результаты могли бы быть ужасные. 4-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия могла быть совершенно рассеяна, и наши войска были бы оттеснены до самого Порт-Артура.

Объяснить эту тактическую ошибку японцев можно, с одной стороны, тяжелыми их потерями во время боя и отсутствием свежих частей и кавалерии, с другой — осторожностью, весьма свойственной вообще японской армии.

Генерал Оку, командовавший японскими войсками при штурме Цзиньчжоу, тотчас начал укрепляться на занятой позиции.

Победа японцев во всяком случае была очень крупная. Кроме того, не мало им досталось и военной добычи. Так, ввиду внезапности боя и отступления 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк принужден был оставить на позиции все свои цейхгаузы, часть обоза и лошадей. Офицеры этого полка потеряли

почти все свое имущество. Остальные войска тоже оставили на позиции немало разного своего имущества.

Впоследствии при осаде самого Артура многие из нас не раз видели японцев, одетых в шинели 5-го Восточно-Сибирского полка.

О потерях наших в этот день нельзя дать даже и приблизительных цифр; можно только сказать, что в 5-м полку потери были весьма тяжкие.

Вообще надо отдать должное 5-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку, который геройски защищал вверенную ему позицию в течение целого дня до полного переутомления и физического, и нравственного. Этой стойкостью полк в значительной мере был обязан редкой энергии и неустрашимости своего командира, полковника Третьякова, который, единственный из начальствующих лиц, вынес непосредственно на себе всю тяжесть боя, остановил всеобщую панику и, после всех этих проявлений мужества и распорядительности, остался тем же тихим, скромным и незаносчивым человеком.

Высокие качества полковника Третьякова, как симпатичнейшего человека и как командира полка, обожаемого всеми его офицерами и солдатами, особенно ярко обрисовывались для всех во время дальнейшей обороны самого уже Артура.

В самом Артуре в начале боя и особенно после получения от генерала Фока, около 12 часов дня телеграммы о бегстве японцев, царили самые радужные надежды...

Только этим отчасти можно себе объяснить то, что в Морском собрании у офицеров флота в этот роковой день играл военный оркестр и царило непринужденное веселье.

На вокзале уже к 11 часам утра начали прибывать поезда с первыми ранеными и с разным военным имуществом, которое тут же сваливалось в кучи в страшном беспорядке.

Санитары едва успевали на носилках уносить страдальцев, а поезда с новыми ранеными все прибывали и прибывали. Многих тяжело раненных находили в вагонах уже мертвыми.

Помню, как теперь, один трогательный случай: в одном из вагонов найден был умерший от ран здоровенный артиллерист, в руках у него судорожно зажат был замок от его орудия. Скромный герой до конца честно исполнил свой долг и, будучи, видимо, тяжело ранен, успел все-таки вынуть замок от своей пушки и, не расставаясь с ним, тихо скончался.

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района

13 мая 1904 года

№ 252

Ввиду того, что войска генерала Фока должны будут отойти на Цзиньчжоу, надо объявить всем войскам на батареях и фортах, а также всем караулам и постам, чтобы были теперь особенно бдительны, так как партии японцев и хунхузов могут одиночно проникнуть в крепость, взорвать склады и сжечь запасы. Коменданту завтра же запереть все ворота центральной ограды и поставить караулы, в каждом по 10 человек с унтер-офицером. На день ворота отворять, но часовым всех осматривать. На ночь же запирать и выпускать только вполне удостоверяясь, что это русской, а то не пускать. Железнодорожному начальству и и. д. Начальника военных сообщений строго следить за тем, чтобы после отхода нашего отряда отнюдь бы ни одного паровоза не осталось позади и не могло бы попасть в руки противника. Градоначальнику Сахарову потопить все суда.

Начальник укрепленного района
генерал-лейтенант *Стессель*

14 мая

Поезда продолжают привозить раненых и больных. На вокзале страшная толчея.

Говорят, что общие потери 13 мая убитыми, ранеными и без вести пропавшими доходят до 1500 человек.

Кроме 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, понесли тяжкие потери и артиллеристы.

Расстреляв все свои снаряды, они вынули замки из орудий, а часть их успели даже взорвать, и начали отходить, покидая свои позиции с разрешения полковника Третьякова. Но по приказанию генерала Фока все артиллерийские офицеры должны были вернуться обратно на позиции и остаться в окопах при пехотных частях. Все это и было ими исполнено. Вообще, поведение артиллеристов в бою при Цзиньчжоу было выше всяких похвал.

Сегодня от одного очевидца и участника боя слыхал интересный рассказ.

На одной батарее один из весьма невзрачных солдатиков, как мало пригодный для работы на самой батарее, был посажен в пороховой погреб для подачи из него зарядов.

Вот наш замухрышка сидит в погребе и исправно подает заряд за зарядом.

Из боязни быть убитым или раненым он не рисковал вылезать наружу и мало интересовался ходом боя.

Видит одно: сыплет японец шрапнель да сыплет. Разбил он в конце концов батарею, перебил много на ней людей, а остальные отступили, забыв про своего товарища в погребе. Видит солдатик, что на батарее притихли, не требуют уже зарядов, дай, думает, выгляну.

Глядь — никого из товарищей уже нет, батарея разбита и несколько японцев ходят по ней.

Смекнул солдатик, что дело дрянь, перекрестился да в погреб. Фитили давно и заблаговременно были выданы, зажег фитиль, дрожащей рукой подложил к полке с зарядами, а сам тягу что есть духу из погреба.

Только выскочил, а японцы на него, но в эту минуту раздался взрыв, нашего героя откинуло назад к оврагу, откуда он, подобрав фалды шинели, кинулся сломя голову к своим.

Так и прибежал этот новый «Архип Осипов» к своим целым и невредимым.

К несчастью, фамилия этого героя осталась неизвестной. Не такое время было в те минуты, чтобы фамилии спрашивать и героев записывать, а их не мало в этом бою объявилось.

Наши миноносцы к концу боя 13 мая вышли в море. Почти тотчас же один из них наскочил на камень и был взорван своими товарищами, другие же говорили, что на него наскочил другой миноносец и перерезал его пополам. Так или иначе, но погиб один из лучших миноносцев, «Внимательный», французской постройки, стоящий, как мне говорили, тысяч 600.

Какое понес наказание его командир, не знаю.

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района

мая 14-го дня 1904 года

№ 253

1) Вчера в 10? часов вечера, когда 4-я В.-С. стр. дивизия в полном порядке начала отходить от станции Нангалин, несколько человек, ошалевших людей, выстрелили и перепортили до 25 человек.

2) Сегодня, когда я вернулся домой после осмотра передовых позиций, ко мне пришел какой-то служивший на оставленной станции Цзиньчжоу плотник и начал рассказывать о какой-то необычайной стрельбе японской артиллерии. Вид его был окончательно шалый. Так как несколько дней подобных людей будет достаточно, то, пока они не придут в порядок, сделать следующее: а) коменданту сделать распоряжения о том, чтобы по городу были патрули, которые бы отнюдь не пускали ходить по городу праздно. Отошедшим людям 5-го и других полков, особенного 5-го как наиболее пострадавшего и подвергшегося

наибольшему впечатлению, б) людей, прибывших с обозами 5-го и прочих полков от их мест расположения отнюдь не отпускать и объявить им, что если бы они что-либо болтали и пускали ложные слухи, то я такого прикажу расстрелять.

3) Всем вольным, коим выданы сегодня ружья, объявить, чтобы они не смели по городу ходить с ружьями, а завтра 15 мая выстроить их на площади у 2-й батареи без винтовок.

Начальник укрепленного района
генерал-лейтенант *Стессель*

15 мая

Вследствие отступления нашего отряда генерала Фока к Порт-Артуру, г. Дальний пришлось отдать японцам без боя.

Ввиду этого все жители, пораженные неожиданным падением Цзиньчжоусской позиции, бросив почти все свое имущество, поспешно бежали в Артур. Картина прибытия этих беглецов была ужасная. Улицы Нового Города были загромождены повозками, нагруженными кое-каким домашним скарбом. Масса женщин, детей, возниц, физически утомленные усиленным переходом и нравственно потрясенные всем пережитым, спали на телегах и под ними, под палящими лучами южного солнца.

Прошел слух, что до прибытия еще японцев на Дальний напали хунхузы и начали грабить город.

Говорил, что убито два известных богача-китайца — подрядчики Тайхо и Санфасон.

Градоначальник Дальнего, инженер Сахаров, и полицеймейстер Меньшов прибыли верхом в Артур.

Последним покинул г. Дальний военный инженер, капитан Зедгинидзе, который лично успел взорвать все мосты на линии железной дороги.

ПРИКАЗ
по войскам Квантунского укрепленного района
№ 257

Цзиньчжоусская позиция по моему приказанию очищена в 8 часов вечера 13 сего мая после боя, длившегося с 4 часов утра. Против отряда генерал-майора Фока были 3 дивизии японцев со 120 орудиями, поддерживал их флот: 4 канонерки, 6 миноносцев, став в Цзиньчжоусском заливе, целый день большими снарядами громили позицию. Наступление японцы вели с севера и с северо-востока громадными силами — вели очень осторожно и широким фронтом, придерживаясь Цзиньчжоусского залива, т. е. идя под

прикрытием флота. Шли они даже по пояс в воде, боясь попасть на наши мины. Убыль у них громадная, не менее 5 тысяч. Полки постепенно оставляли позицию; последним оставил 5-й В.-С. стр. полк, который и понес наибольшие потери. Всего у нас выбыло из строя 603 человека раненых, убитых еще точно неизвестно. Из числа раненых половина ранена легко. Канонерская лодка «Бобр», обстреливая колонны противника из залива Хунуэза, принесла большую помощь отряду. Позиционные орудия были частью уничтожены неприятельским огнем особенно с флота, частью испорчены нами и оставлены на позиции; эти орудия, за малым исключением, все китайские, и разумеется, они и предназначались, в случае упорного боя, к оставлению, так как вывоз их потребовал бы громадного времени и средств. Цзиньчжоусская позиция сослужила свою службу. Японцы с 23 апреля до 13 мая шагу не сделали на Квантуне; в эти 20 дней, особенно начиная с 1 мая, велись ежедневно стычки и бои, а бой 3 мая был значительный, затем два дня серьезного боя 12-го и 13 мая более чем достаточны для полевой позиции, совершенно уязвимой обстрелу с флангов таким могущественным средством, как судовые орудия. Приношу искреннюю благодарность генералу Фоку и генералу Надеину за славно исполненное дело. Благодарю гг. командиров полков, батарей, командира лодки «Бобр» капитана 2-го ранга Шельтинга, всех гг. штаб— и обер-офицеров, а молодцам нижним чинам сердечное спасибо за славную беззаветную боевую службу. Ныне я выбрал и приказал занять новые передовые позиции у Артура. Неприятель занял северную часть Квантуна у Тафашина.

Начальник укрепленного района
генерал-лейтенант *Стессель*

Главного же героя Цзиньчжоусского боя полковника Третьякова генерал-лейтенант Стессель, очевидно, позабыл поблагодарить.

16 мая

Сегодня заболел начальник штаба укрепленного района генерал-майор Рознатовский и помещен в Красный Крест. Вместо него в штаб назначен полковник Рейс.

Слыхал, что весь подвижной состав и в том числе все паровозы уведены из Дальнего, только несколько железнодорожных платформ остались в добычу японцам в Талиенване.

Одно время было решено, что войска 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерала Фока войдут прямо в Артур, но потом предпочли сначала занять позицию у горы Юпиладза.

Войска медленно начали стягиваться и распределяться на новых местах.

Сегодня узнал, что по распоряжению генерал-майора Кондратенко перед самым боем на Цзиньчжоусскую позицию почему-то были отправлены 2 пушки Канэ, масса мин и проводов из минной роты, но нам не пришлось извлечь никакой выгоды из этих орудий и мин, так как их не успели установить, и все это досталось совершенно даром японцам. Впрочем, одну пушку Канэ, которую не успели еще сгрузить с платформы, благополучно привезли обратно в Артур.

17 мая

Сегодня остатки 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка вошли прямо в Артур и заняли так называемые Угловые горы.

Потери этого славного полка за бой 13 мая на Цзиньчжоусской позиции, как я узнал, были следующие: 1080 убитых, раненых и без вести пропавших нижних чинов и 27 офицеров.

Сегодня я лично слыхал от командира полка, полковника Третьякова, что масса лиц, пожелавших служить в вольной дружине, бросают ее теперь и переходят на службу под знамя его стрелкового полка. Это ясно показывает, какое всеобщее уважение стяжал этот славный полк своим геройским поведением 13 мая.

Два наших морских минных катера, не принимавших участия в Цзиньчжоусском бою, идя под командой капитана 2-го ранга Скорупа из Дальнего в Артур, заметили на горизонте японские суда. Как говорят, это было причиной того, что катера повернули обратно к Дальнему и взорвались. Команда же, с их командиром во главе, благополучно прибыли в Артур пешком.

Между тем, почти одновременно с этим, два простых коммерческих катера под командой вольных капитанов безо всяких приключений пришли из Дальнего в Артур тем же самым путем.

18 мая

Прошел слух, что японцы заняли город Дальний и, крутыми мерами прекратив грабежи, быстро восстановили полный порядок.

19-го, 20 мая

Согласно приказу, велено из всех жителей Порт-Артура образовать 12 дружин. Каждая дружина находится под начальством отдельного офицера. Всеми же дружинами командует подполковник Дювернуа.

Ежедневно дружинники к 7 часам утра собираются к казармам 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и им производят учение.

«В одной дружине на правом ее фланге стал под ружье егермейстер Балашов, 65-летний старик, уполномоченный Красного Креста в Артуре. В ночь с 19-го на 20 мая была сильная гроза и лил дождь.

21 мая

Сегодня лейтенант Иванов (который помимо своей службы во флоте служил еще при городском управлении и заведовал торговой гаванью в Артуре) имел какие-то недоразумения по службе с комиссаром по гражданской части, подполковником А.А. Вершининым, который занимал вместе с тем и должность председателя городского управления.

Ночью, в 3 часа, лейтенант Иванов с двумя сообщниками явился в квартиру подполковника Вершинина и на вопрос вестового, что ему угодно, приказал доложить, что офицер желает видеть экстренно подполковника по делам службы.

Подполковник Вершинин был разбужен и попросил офицеров войти, извинившись, что принимает в постели.

Лейтенант Иванов со своими спутниками вошел в комнату, и, бросившись на подполковника Вершинина, все трое стали его бить.

К счастью, в этой же квартире случайно ночевали доктор Ястребов и уполномоченный Красного Креста Александровский.

Оба вбежали на шум и, вступившись за подполковника Вершинина, заставили непрошеных гостей удалиться.

Случай этот произвел, конечно, самое неприятное

впечатление среди городских обывателей и гарнизона.

22 мая

Послал первую почту на шаланде с преданным мне китайцем в Чифу.

Около 6? час. дня к Крестовой батарее подходили восемь японских миноносцев.

Подтверждают слухи о том, что японцы, заняв Дальний, быстро восстановили там порядок: повесили несколько хунхузов, дома опечатали и во многих местах поставили часовых.

Сегодня паровая шаланда, тралившая мины на внешнем рейде, случайно наткнулась на целый куст мин, взорвалась и затонула.

23 мая

Ясный, теплый день.

Около 6 час. утра две японские миноноски, пользуясь туманом, подошли удивительно близко к нашим берегам. Когда туман рассеялся настолько, что их можно было заметить, наши батареи, не ожидавшие такой смелости от японцев, приняли их миноносцы за своих и огня не открыли.

Вечером опять 4 миноносца долго стояли против Крестовой горы.

Случайно узнал, что все морские офицеры, принимающие участие в работах по доставке или установке орудий флота на батареях, кроме своего морского большого содержания, получают почему-то еще и суточные деньги.

Флот по-прежнему пребывает в гавани в полном бездействии.

По слухам, японцы укрепляются на Цзиньчжоусской позиции, и, кроме того, они уже успели проложить переносную железную дорогу от залива Керр, где у них происходит выгрузка разных материалов.

24 мая

Сегодня недалеко от батареи «Белого Волка» застрелился 27-

го Восточно-Сибирского стрелкового полка подполковник Вальяно, бывший офицер Л.-гв. Кексгольмского полка. Никакой записки покойным оставлено не было.

Причина самоубийства, как говорят, нервное расстройство и запутанность в денежных делах.

25 мая

Ночью с 24-го на 25-е к Крестовской батарее подошел японский пароход с минами в сопровождении миноносца.

Капитан Вамензон с 22-й батареи, заметивший их, сначала не открыл огня, опасаясь, что это могли быть наши миноноски. Но вскоре, увидев свою ошибку и убедившись с помощью прожектора, что две наши дежурные миноноски спокойно стоят на своих местах в бухте Тахэ и, по-видимому, даже не замечают неприятеля, решился открыть огонь.

С третьего же выстрела он попал в японский транспорт, а следующие два снаряда взорвали на нем мины. Транспорт тотчас же затонул, а миноноска поспешно ушла от наших берегов.

Капитан Вамензон, командир 22-й батареи и раньше известный артурцам своей меткой стрельбой, за потопление японского минного транспорта представлен генерал-лейтенантом Стесселем к Георгиевскому кресту.

26 мая

Ночью две японские миноноски подходили очень близко к берегам укрепления «Белый Волк» и, как говорят, даже спускали шлюпки. Очевидно, японцы и здесь расставляли свои мины. 2-я батарея Тигрового полуострова стреляла по миноноскам, но безрезультатно.

Вообще нужно удивляться той смелости, с какой японцы сплошь и рядом хозяйничают у нас на рейде под самыми выстрелами крепости.

Флот же наш по-прежнему держится строго пассивного образа действия. До сих пор им даже не предпринято ни одной рекогносцировки к городу Дальнему, где японцы, очевидно, высаживают десант и выгружают на пристани различные припасы.

27 мая

Погода отличная. Днем, недалеко от «Белого Волка», был остановлен выстрелами с батарей небольшой пароход.

Командир его, француз, привез из Пекина от полковника Огородникова письмо к генерал-лейтенанту Стесселю.

Полковник Огородников, как я слыхал, сообщает, что против Артура действуют одна армия и еще две дивизии, из которых одна брала Артур приступом еще во время китайско-японской войны.

28 мая

Тихо. Погода отличная.

Сегодня распределяли по укреплениям войсковые части.

Генерал-лейтенант Стессель сегодня в первый раз за все время посетил 5-й форт.

О японцах ничего не слышно.

В 4 часа дня на 6-м форту застрелился капитан крепостной артиллерии Колядинский.

О причинах ничего не известно, и можно лишь предполагать, что самоубийство вызвано постоянным нервным напряжением и отсутствием всякого сообщения с внешним миром.

29 мая

О японцах ничего не слышно.

Более состоятельные китайцы бежали в Чифу, а остальное население усиленно переселяется на Ляотешань.

Положение китайцев очень тяжелое.

Реквизицией у них отобран весь скот, а постоянными фуражировками — сено, солома и зерно. По всем признакам среди них скоро начнется голод.

30 мая

Сегодня на Кирпичном заводе г-на Суворова, гофманская печь которого отдана Морскому ведомству под склад снарядов, убит

матрос-часовой.

Убийца не найден.

Сегодня же убита шестью пулями из револьвера очень красивая, полная жизни, некая мадам Верещагина. Убийца — отчим, дворянин Яков Осипович Гвоздевич. Причины убийства довольны загадочны.

Командиры двух миноносцев, которые были в бухте Тахэ в ночь на 25 мая, оспаривая представление капитана Вамензона к Георгиевскому кресту, подали сегодня рапорт, в котором они доказывают, что японский минный транспорт был потоплен не огнем 22-й батареи, а минами, пущенными ими с миноносцев.

Однако сегодня же одним солдатиком на берегу бухты Тахэ была найдена невзорвавшаяся мина. По номеру на ней узнали, что она должна была находиться на тех именно миноносцах, которые были на дежурстве в ночь на 25 мая в бухте Тахэ.

Таким образом, было обнаружено, что хотя мины и были пущены с миноносцев, но далеко не достигли своей цели.

Узнав об этом, командиры миноносцев тотчас взяли свои рапорты обратно.

Вчера вечером десять наших миноносцев выходили в море. Выход, однако, был неудачный, так как миноносец «Решительный» наскочил на «Смелого». Оба сильно попорчены и надолго выведены из строя.

Но этого мало: говорили, что еще третий миноносец сел где-то на мель и его пришлось стягивать портовым паровым катером.

Поразительно не везет нашим миноносцам. Насколько лихо, храбро и умело плавают японцы на своих миноносцах у наших берегов под самыми выстрелами наших батарей и чувствуют себя на нашем внешнем рейде, как у себя дома, настолько неумелы и неудачны все выходы в море наших миноносцев.

Сегодня появилась в гарнизоне известная всем артурцам «Повесть о белых зайчиках» неизвестного автора.

В печать эта повесть «Новым краем» не была принята, но зато усиленно ходила по рукам в переписке по всему Артуру. Вот ее копия:

Милостивый государь, господин редактор.

Напечатанный в Вашей уважаемой газете «Знаменательный сон» произвел на меня глубокое впечатление, и я, как нервный и глубоко возмущенный настоящими событиями в Порт-Артуре, видел как был продолжение этого сна, которое и прошу поместить на страницах Вашей газеты.

Истомленный дневным трудом, но бодрый духом, я лег и сейчас же заснул...

И снится мне... Бык наседает, собаки до изнеможения сил

грызутся, алая кровь потоками льется, а в это время в лесу по горам зайцы чистенькие да беленькие, в воротничках да манжетах, со златокудрыми сиренами под ручку, стройно разгуливают и приятные разговоры разговаривают...

Пусть-де собаки грызутся, пусть шерсть с них летит, пусть брызжет кровь — нам горя мало. Отгрызутся, а потом мы, как более прыткие, поскачем с вестью, что быка загрызли...

А за это нас покормят лавровыми листиками... а мы их очень любим.

Вдруг видят, что бык показался, — тут зайцы врассыпную и попрятались под собачьи хвосты.

Когда же дело дошло до смертной схватки, зайцы не выдержали и в кильватерной колонне засверкали пятками, взяв направление на Норд-Ост, с предводителем во главе, старым седым и самым трусливым зайцем.

Смрад от этого пошел невозможный...

Но так как зайцы дальше своего лесочка никуда не ходили, то скоро сбились и заблудились...

Картина меняется.

От быка только клочья остались, собаки его разнесли, а тут в железной лодке появляется дедушка Мазай. Видит, зайцы кто где: какой на камне сидит, какой на берег выпрыгнул, у многих одни уши торчат.

Стал их Мазай подбирать: как-то вы, говорит, зайцы, тягу дали и нет чтобы собакам помочь.

— Э, дедушка, — отвечают зайцы, — собачья-то шкура не ценная, а наши шкурки-то дорого стоят — вот и спасались.

— Эх вы, зайцы, трусы нерассудительные, что толку в том, что шкурку спасали, когда вся-то она у вас загажена. — И давай их Мазай палкой тузить да уму-разуму учить...

Многие из них не выжили, а другие прощения запросили.

Тут я и проснулся.

31 мая

Очень жарко.

На Угловой горе ставят орудия большого калибра.

Сегодня еще самоубийство: застрелился стрелок 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Очевидно, тоже нервы не выдержали постоянно напряженного состояния

Июнь

1 июня

Ясный, жаркий день.

Генерал Стессель в 6? часов утра сделал гарнизону вторую ложную тревогу.

Сегодня узнал, что 30 мая поручики 25-го стрелкового полка Бицоев и Злобинский с отрядом охотников произвели усиленную вылазку в расположение японцев.

Выбив японцев из двух рядов окопов, наши стрелки пошли было в атаку на третий ряд, но здесь их постигло несчастье: поручики Бицоев и Злобинский, энергично ведя наступление, были оба смертельно ранены. Отряд по приказанию подполковника Бутусова после жаркой перестрелки вернулся обратно на позиции.

Какую цель преследовала эта вылазка, я, несмотря на все мои расспросы, не мог себе выяснить. Думаю, что каких-либо определенных задач для отряда поручика Бицоева и подполковника Киленина, начальника передовых позиций, намечено не было. А между тем эта, почти бесцельная вылазка, стоила нам потери двух выдающихся храбрых офицеров и нескольких охотников.

Вот что пишет «Новый край» об этом деле.

ДЕЛО НА ПЕРЕДОВОЙ ПОЗИЦИИ

«30 мая сборная рота охотников 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка в 120 человек под начальством поручика Бицоева, при младших офицерах: поручике Злобинском и подпрапорщике Сидорове была отправлена в распоряжение подполковника Киленина на наш правый фланг с целью произвести вылазку.

31 мая, около 6 часов вечера, эта рота охотников начала наступление на левый фланг противника, поддерживаемая на левом своем фланге ротой охранной стражи. Цепь дозоров шла впереди и на обоих флангах, охраняя движение отряда. Однако окопы японцев оказались так хорошо маскированы, что были открыты лишь на расстоянии нескольких десятков шагов, когда их пехота открыла огонь. Тотчас же поручиком Бицоевым выслана была цепь. Первые же выстрелы врага оказались роковыми для поручика Злобинского, находившегося в цепи. Он упал, раненный в грудь.

Раздалась команда «УРА», охотники бросились вперед и

выбили японцев из окопов. Их было человек 50-60. Они бежали, расстреливаемые нашими стрелками. Охотники двинулись вперед и вскоре наткнулись на вторую линию окопов. Здесь было до двух рот японцев. Неприятель открыл сильный, но беспорядочный огонь по наступавшим. Поручик Бицоев, шедший впереди, упал, смертельной раненный в живот. Потеряв второго офицера, на мгновение стрелки остановились. Подпрапорщик Сидоров с резервом подходил, но еще не знал, в чем дело.

Однако остановка длилась несколько секунд. Оставшийся впереди старшим фельдфебель второй роты Роман Аров крикнул «УРА», и шестьдесят человек ринулись вперед, неся с собою смерть врагу. Японцы не выдержали удара русского штыка, и две роты побежали перед горстью храбрецов. Их преследовали жестокими залпами. Заняв вторые окопы, охотники хотели идти дальше, но, получив приказание подполковника Бутусова не втягиваться в бой, вынуждены были отступить. Поручик Бицоев прожил еще минут десять. Он простился с командой, просил их передать привет товарищам и, произнеся следующие слова: «Пусть японцы знают, как умеют наступать русские», тихо скончался.

Как только наши охотники начали отходить, японцы перешли в наступление и открыли жестокий огонь. Но отсутствие у противника дисциплины огня ярко сказалось. При наступлении, кроме офицеров в роте 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, были ранены: смертельно младший унтер-офицер 3-й роты Иван Сагалата — в живот, он вскоре умер; в правое плечо — ефрейтор 1-й роты Егор Киселев и при отступлении стрелок 2-й роты Михаил Жбанов — в левое ухо, причем пуля вышла около левого глаза. Легко раненный 4-й роты стрелок Самусенко остался в строю. При лучшей дисциплине огня и при отсутствии боязни русского штыка — японцы легко могли уничтожить весь отряд.

С поля сражения поручика Злобинского вынес его вестовой, стрелок 4-й роты Василий Трусов. Кое-как перевязав рану, поручик Злобинский с трудом шел. Вскоре обессилев от потери крови, он не мог двигаться. Тогда Трусов побежал к роте охранной стражи, выпросил двух человек, и они понесли раненого офицера. Уже совсем стемнело, и японцы были близко. Сначала Василий Трусов хотел уложить своего барина в рощице, чтобы дать отдохнуть, но побоялся, что стоны будут услышаны и их заберут. Сделав носилки, солдатики уложили офицера и потащили дальше, спотыкаясь о камни и плутая в темноте.

Не скоро добрались они до перевязочного пункта. Здесь поручику Злобинскому сделали перевязку и утром отправили на

носилках в Артур».

Рано утром 1 июня я выехал с командой, снабженной носилками, вперед. Верстах в пяти-шести от Артура я встретил тела поручика Бицоева и младшего унтер-офицера Сагалата и раненого ефрейтора Киселева. Их сопровождала команда 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка при офицере. Верстах в десяти я увидел поручика Злобинского, которого несли на носилках китайцы, и раненых Жбанова и одного охранника. Заметив китайцев, я решил возвратиться с ранеными. Вдали слышалась сильная канонада. Очевидно, на передовых позициях шел бой.

Поручик Злобинский чувствовал себя не дурно. Вскоре к нам присоединился доктор Александров.

Пройдя версты три-четыре, мы остановились, так как поручику Злобинскому сделалось хуже. Пульс настолько упал, что пришлось дать валериановых капель. Доктор Александров мрачно качал головой и заявил мне, что боится не донести поручика Злобинского до ближайшего перевязочного пункта полка. Так оно и случилось. Злобинский вскоре впал в бессознательное состояние и в 11 часов, верстах в четырех от Артура, скончался.

Мир праху несчастных героев, принесших на алтарь отечества не только свою молодость и жизненные силы, но и самую жизнь. Да будет им пухом чуждая земля, обильно уже орошенная кровью верных сынов России.

От раненых я почерпнул все приведенные выше сведения.

Вскоре после отступления поручика Бицоева японцы в свою очередь пошли в атаку на наши позиции, но уже сразу двумя батальонами. Наступление их, однако, не увенчалось успехом и было отбито нашим огнем. Подробностей этой стычки пока никаких не знаю.

Около полудня 14 японских миноносцев подошли к наблюдательному пункту у бухты Тахэ, никем не занятому, и начали его усиленно обстреливать.

При появлении в море крейсера «Новик» и наших миноносцев японцы прекратили стрельбу и ушли к северу.

Слыхал, что генерал-лейтенант Стессель получил от генерал-адъютанта Куропаткина выговор за то, что он, еще до появления японцев под крепостью, просит уже подкрепления. Но генерал Куропаткин, очевидно, не принял во внимание того обстоятельства, что гарнизон Порт-Артура с самого начала был более чем недостаточен. Поэтому увеличение его численности явилось бы не «подкреплением», а только необходимым «пополнением» .

Прошел слух, что с севера на японцев наступают три русские

дивизии.

2 июня

Жарко и душно.

Упорно держится слух, что генерал Куропаткин уже начал свое наступление с севера в составе трех дивизий.

3 июня

Днем шел маленький дождь.

В крепости все тихо.

О японцах ничего не слышно.

4 июня

С утра шел сильный дождь. К полудню, однако, погода прояснилась.

Наш минный транспорт «Амур» ходил куда-то ставить мины и, наткнувшись не то на камень, не то на затонувший пароход, получил пробоину, кажется, впрочем, незначительную.

Сегодня благополучно вернулся из Инкоу посланный туда под командой лейтенанта Долгобородова наш миноносец «Лейтенант Бураков». Им привезено известие о большом сражении у Ляодуна, которое окончилось для нас, как говорят, не вполне счастливо. Наши потери доходят будто бы до трех тысяч человек.

5 июня

Сегодня с нашего поста у бухты «10 кораблей» сообщили, что у местных китайцев найдена масса вещей, взятых ими, по всей вероятности, с русских военных судов.

По расследованию дела оказалось, что один из наших миноносцев, потерпевших аварию, был взорван своей же командой, но очень небрежно, и вследствие этого он не затонул, а

остался сидеть на камне. Китайцы-рыбаки, найдя его недалеко от берегов, начали понемногу разворовывать оставленное на нем имущество. В числе прочих вещей, найденных рыбаками, была секретная книга флагов и много различных документов. Все эти вещи были у китайцев немедленно отобраны.

Генерал-лейтенант Стессель сообщил обо всем происшедшем адмиралу Витгефту.

6 июня

Сегодня из газеты «N. Ch. Daily News» мы получили следующие официальные сообщения о потерях японцев при их атаке Цзиньчжоусской позиции.

Японский генеральный консул говорит:

«Все наши потери в битве 13 мая при Цзиньчжоу — Наншань были 4204 человека, из них убито 749, включая 33 офицера, раненых же 3455, включая 100 офицеров. Генеральный штаб не понес никаких потерь».

Наши потери, как в настоящее время известно, были: около 1000 человек нижних чинов и 27 офицеров убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Таким образом, потери японцев при «атаке» Цзиньчжоусской позиции были в четыре раза больше, чем наши при ее «обороне».

8 июня

В 2? часа ночи наши приморские батареи открыли огонь по миноносцам и большому пароходу, по-видимому минному транспорту, шедшему от Ляотешаня.

Стрельба скоро прекратилась.

Проезжая поздно ночью по Новому Городу мимо знаменитого нашего ресторана «Звездочка», я был очень удивлен, увидев, что ресторан весь освещен, слышится музыка, хохот и крики...

Оказывается, это кутят наши морские офицеры...

Тут же видны были и «дамы полусвета», застрявшие на время осады в Порт-Артуре.

Удивительно неунывающая и беззаботная публика наши милые моряки!..

Впрочем, не праздновали ли наши моряки авансом вперед будущий свой прорыв с эскадрой во Владивосток, о котором в

последнее время так много говорят в крепости?!

9 июня

В 4? часа дня на внешнем рейде на наши тралящие суда напали японские миноноски. На помощь к нам подоспели несколько миноносцев. Завязалась перестрелка. Вскоре, однако, она прекратилась и японцы скрылись за горизонтом.

Днем видал очень эффектный взрыв мины, которая была расстреляна ружейными выстрелами с нашего катера.

Вечером осматривал в доке повреждения миноносца «Решительный», полученные им при столкновении с «Бесшумным». У миноносца сильно попорчена носовая часть.

Всем в городе «УЖЕ ИЗВЕСТНО», что завтра утром наша эскадра выходит в море с намерением прорваться во Владивосток. Ввиду этого на внешнем рейде все время идет усиленное траление.

10 июня

В ночь на 10 июня несколько японских миноносок пробрались под самый берег Электрического утеса и занялись расстановкой мин у нас на рейде. Наши сторожевые миноносцы, стоявшие в бухте Тахэ, этого не заметили. Капитан Жуковский, командир батареи Электрического утеса, видя на рейде подозрительные миноносцы, донес об этом в порт, но стрельбу по ним открыть не решился, так как был отдан приказ из порта, что охрана рейда возложена в эту ночь на наши миноносцы.

Рано утром я поспешил на батарею Электрического утеса, чтобы быть свидетелем выхода нашей эскадры. Я приехал вовремя. Суда с 6 часов утра начали выходить из порта на внешний рейд, где под Золотой горой становились на якорь. Всего их было одиннадцать.

Паровые катера усиленно тралили вокруг нашей эскадры. Вдруг раздается оглушительный взрыв и в каких-нибудь 100 саженях от броненосца «Цесаревич» взрывается целый куст мин. Клубы черного дыма медленно поднимаются и расходятся в воздухе...

Не успел еще рассеяться дым от первого взрыва, как раздается два новых взрыва, но уже гораздо меньшей силы, около

крейсеров «Диана» и «Аскольд».

Почти одновременно с этим, совершенно самостоятельно, взрываются целых четыре мины в море, против «Белого Волка».

Причины этих взрывов были для меня совершенно непонятны, так как море в это время было совершенно спокойно и ветру не было.

Счастье было для нашей эскадры, что она при своем выходе не наткнулась на эти мины, поставленные почти против самого прохода, иначе мы опять легко могли бы увидеть новую ужасную катастрофу, подобную недавней трагической гибели броненосца «Петропавловск».

Паровые катера продолжали траление рейда до 12 часов дня, но мин больше найдено не было.

В это время на горизонте появились 18 японских миноносцев, которые, очевидно, следили за нашей эскадрой.

Только в 2 часа дня эскадра, после напутственного молебна, начала сниматься с якоря. Вперед ее шли паровые землечерпалки и катера и усиленно тралили.

На горизонте в это время видны были два крейсера и до 18 миноносок.

Выйдя в открытое море, эскадра наша начала выстраиваться в кильватер, имея во главе «Новика», за ним шли «Диана», «Аскольд» и т. д. Миноносцы шли слева. Как только эскадра вытянулась в кильватер, японские миноноски открыли огонь по нашим миноносцам. Через час перестрелка эта кончилась. Около 5 часов дня наша эскадра начала понемногу скрываться за горизонтом.

Все мы еще раз послали нашим морякам лучшие пожелания и облегченно вздохнули. Всякий из гарнизона ясно сознавал, что Артур ежедневно может быть атакован японцами с суши. Тогда положение нашего флота было бы совершенно безвыходным.

Около 9 1/4 часов вечера с моря вдруг донеслась страшная канонада...

Всех охватило страшное волнение...

Я тотчас поспешил на Электрический утес, и тут, с его вершины, глазам моим представилась картина, которую я, верно, никогда не забуду...

Был тихий вечер.

Эскадра наша в нестройной кильватерной колонне возвращались к Артуру. Японцы ее преследовали, все время атакуя своими миноносцами ее арьергард.

Слышен был рев орудий большого калибра.

Первые наши суда, достигнув внешнего рейда, кинули якоря, так как было слишком рискованно ночью входить через проход,

загроможденный потопленными судами и брандерами. Остальные суда в беспорядке последовали их примеру.

Когда эскадра стала уже на якорь у подошвы Золотой горы, японцы повели снова лихую, отчаянную минную атаку. Я лично видел, как два атакующих миноносца развивали такую скорость хода, что уголь не успевал сгорать в топках и выкидывался светящимся снопом из их труб. Можно было наблюдать, как эти две светящиеся точки, далеко видные в море, быстро приближались к нашей эскадре, которая буквально ревела от своей ускоренной стрельбы из больших и малых орудий. К этому реву на море присоединялось громыхание береговых батарей. Канонада была невероятная, и тихая летняя южная ночь как бы усиливала ее своей тишиной...

После такой ужасной и безнадежной стрельбы миноносцы как будто исчезали, но спустя немного времени появлялись снова.

И так продолжалось целую ночь...

Японцы вели одну атаку отчаяннее другой, а наша эскадра отстреливалась да отстреливалась. Миноносцы же наши ночь провели у перешейка.

С разбитыми нервами и усталый физически от бессонной ночи я покинул Электрический утес около 5 часов утра.

11 июня

Сегодня выяснилось, что японцы в течение минувшей ночи атаковали нашу эскадру девять раз. По словам моряков, они каждый раз пускали в атаку по 4 миноносца, хотя я лично видел их только по два.

Не имея возможности, вследствие адского огня эскадры, подойти к ней достаточно близко, японцы все же пустили издали несколько мин, но без всякого результата. Девять из них сегодня выловили у нас на рейде.

Около 5 часов утра бешеные атаки японцев прекратились и наша эскадра начала входить на внутренний рейд.

Причину своего возвращения в Порт-Артур моряки объясняли тем, что вблизи Квантуна они неожиданно встретили японскую эскадру, которая своей численностью значительно превосходила нашу. Ее сопровождало до 30 одних только миноносцев. Вообще же каких-либо более точных сведений о составе японской эскадры, мне собрать не удалось, так как показания участников боя были крайне разноречивы. Ясно только то, что все признали ее перевес и решили повернуть обратно.

Во время беспорядочного отступления броненосец «Севастополь», взяв неверный курс, вышел из кильватерной колонны и, попав на непротраленное место, наткнулся на мину и получил большую пробоину до 140 кв. футов. Это новое повреждение опять заставило его на неопределенное время выйти из строя. Правда, моряки уверяют, что его исправление займет не более 3 недель, я же думаю, на основании прежних примеров, что оно затянется намного дольше.

Да не в этом дело: теперь вообще не время чиниться!

Японцы высаживают свои десанты в г. Дальнем, и нам нужно во что бы то ни стало препятствовать этому, а без флота здесь ничего не поделаешь.

Моряки же наши не унывают и утешаются тем, что и они своей стрельбой потопили в минувшую ночь до 3 японских миноносцев.

Факта этого, впрочем, проверить пока никто не мог.

Сегодня на сухопутном фронте наши охотники отбили у японцев стадо коз; после этого они успели еще напасть на японский батальон и, как говорят, нанесли ему значительные потери. У нас ранено три охотника.

В море японцы весь день не показывались.

12 июня

Около 4 часов утра японцы появились у берегов Электрического утеса на расстоянии 1200 сажен и начали ставить мины на нашем внешнем рейде.

Когда их заметили, они уже находились в мертвом углу обстрела, и батарея Утеса не могла по ним открыть огня. Стреляли только соседние батареи, кажется, однако, безрезультатно.

13 июня

Сегодня получил секретный пакет от адмирала Григоровича и массу писем от разных лиц для пересылки их через Чифу в Россию. Поэтому целое утро пришлось провозиться вместе с одним преданным мне китайцем над поспешным снаряжением шаланды.

На горизонте были видны 3 крейсера и около 28

неприятельских миноносцев. Еще рано утром пронесся слух, что японцы предприняли новое наступление на наш правый фланг, оборона которого была поручена 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Около 7 часов утра слух этот подтвердился и в то же время выяснилось, что наступление японцев происходит при деятельной поддержке части их флота. Ввиду этого в море были высланы крейсера «Диана» и «Паллада». При появлении их у Крестовой горы японские суда быстро ушли от наших берегов и скрылись за горизонтом.

По свидетельству многих участников боя 13 июня, главный ход действий представляется в следующем виде.

Наступление японцев, обрушившихся на наш правый фланг, было 4 раза подряд отбито нашими охотниками. При пятой атаке охотники, не получая ниоткуда подкрепления, не выдержали отчаянного натиска, дрогнули и, покинув свои позиции, стали в беспорядке отступать.

При самом начале отступления наших охотничьих команд подъехали к месту боя генералы Стессель и Кондратенко, которые стали успокаивать бегущих и приводить их в порядок.

Вскоре оба генерала уехали на левый фланг наших позиций, к генералу Фоку, и таким образом не дождались самого критического момента отступления, когда оно уже превратилось в паническое бегство.

Между тем начальник отступающего отряда подполковник Киленин, обещавший когда-то начальству втянуть японцев в горную войну, внезапно почувствовал сильное нервное расстройство и, покинув вверенный ему отряд, уехал сперва на перевязочный пункт, а потом в Артур к генералу Кондратенко, для объяснений.

Встретив на дороге военного инженера подполковника Крестинского, который только в первый раз ехал на позиции ставить фугасы, он ему и передал командование своим отрядом.

Положение подполковника Крестинского было ужасное: он не знал ни местности, ни частей войск и ни разу не бывал на передовых позициях. А между тем количество бегущих и поодиночке, и целыми взводами все росло и росло. Беспорядок был полный и грозил принять ужасающие размеры.

К счастью, вместе с отступающими частями прибыли несколько офицеров, а именно: подполковник Шишко, Малыгин и др. Благодаря их содействию подполковнику Крестинскому удалось кое-как остановить отступление и занять некоторые прилегающие высоты.

Это отступление могло бы иметь еще более печальные последствия, но, к счастью, японцы опять не стали нас

преследовать, а, заняв определенные пункты, тотчас, по своему обыкновению, стали на них укрепляться.

К вечеру на смену нашим охотничьим командам пришли свежие части.

Здесь нелишним будет отметить ошибку генерала Кондратенко, который до сих пор почему-то посылал на передовые позиции не целые части войск, представлявшие собой вполне определенные тактические единицы, а вновь составленные, разношерстные отряды, так называемые «сводные команды». Эти «сводные команды» представляли собой какие-то мешаные части, не имевшие никакой сплоченности, так как офицеры не знали нижних чинов, а те, в свою очередь, совершенно не были знакомы ни друг с другом, ни со своими начальниками.

Вот таких-то команд и было особенно много в 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерала Кондратенко.

Единственно энергии и распорядительности подполковника Крестинского мы обязаны в этот день тем, что беспорядочное бегство нашего отряда правого фланга было быстро остановлено и не повлекло за собой особенно тяжелых последствий.

14 июня

С утра идет сильный дождь.

Японцы, заняв новые позиции, находятся теперь от Артура верстах в десяти.

Потери наши, насколько выяснилось до сих пор, были: 8 офицеров раненых, из них двое очень тяжело, и до 200 нижних чинов убитыми и ранеными.

Японские миноноски ночью опять побывали под крепостью. Вестей с севера никаких нет.

15 июня

Рано утром береговые батареи открыли огонь по появившимся перед крепостью японским миноноскам.

Одна из них неосторожно приблизилась, говорят, на 1000 шагов к подошве Золотой горы и была потоплена огнем батареи Плоского мыса.

Сегодня с двумя товарищами я ездил осматривать передовые

позиции нашего правого фланга.

Погода была великолепная. Шедший ночью дождь освежил воздух и прибил всю пыль.

Дорога, по которой мы ехали, вела к г. Дальнему и проходила среди удивительно красивой местности

По мере приближения к позиции мы встречали массу отдельных наших рядов, живописно расположившихся в чаще деревьев. Передовая позиция вблизи Лунвантанской долины была занята тремя «сборными командами», то есть сводными, надерганными по распоряжению генерала Кондратенко, из всей 7-й стрелковой дивизии.

Отряд этот был совершенно предоставлен самому себе, так как ему не было дано ни диспозиций, ни каких-либо определенных указаний.

Кроме того, и сама его позиция вблизи Лунвантанской долины была выбрана очень удачно.

Я вполне был согласен с офицерами, которые ею были крайне недовольны.

Действительно, впереди позиций нашего отряда возвышались горы, занятые японцами. Стоило только японцам поставить на этих горах пару горных орудий, и они били бы нашу пехоту сверху вниз совершенно безнаказанно.

Ввиду того, что наши солдатики состояли в «сборных командах», они не имели ни ротной кухни, ни двуколок, ни артельщика и уже трое суток были без горячей пищи. Несмотря на все это, настроение духа среди пехотных офицеров было самое бодрое.

Здесь, между прочим, я встретил капитана Гемельмана, бывшего участкового начальника. В качестве любителя сильных ощущений он вольным туристом разъезжал по передовым позициям.

Он также принимал участие в бою 13 июня, во время которого лично угостил наступавших японцев несколькими камнеметными фугасами.

16 июня

Целый день льет дождь. Туманно и сыро. Улицы обратились в сплошные реки.

На душе смертельная тоска...

Воображаю, как скверно себя чувствуют наши солдатики, находящиеся на передовых позициях...

17 июня

Всю ночь свирепствовала ужасная гроза и дождь лил как из ведра. Я в первый раз в жизни слышал такие оглушительные раскаты грома и видел такой ослепительный, почти беспрерывный блеск молнии.

Во время грозы на передовой позиции одной из рот 26-го Восточно-Сибирского стрелкового полка что-то почудилось. Часовой начал стрелять, а рота в панике, покинув палатки и траншеи, бросилась в бегство. Офицерам после долгих усилий едва удалось остановить и успокоить бегущих.

Трудно описать те тяготы на передовых позициях, какие приходится переносить нашим войскам, да еще в такую погоду.

18 июня

В крепости тихо. Ужасная, гнетущая тоска.

Скучающая публика слоняется или по бульвару, или по порту.

У всех на языке один и тот же вопрос: «Ну, что нового?»

Ходят самые невероятные слухи о каких-то столкновениях армии генерала Куропаткина с японцами.

19 июня

Объезжал наши передовые позиции.

Войска на них поустроились. Везде видны висящие на солнце для просушки шинели, сюртуки, рубахи и прочая амуниция.

Сегодня ночью хотели сделать вылазку в японское расположение, но о ней так много было разговоров, что слух мог легко достичь японцев. Ввиду этого вылазки отменили и поступили, по моему мнению, вполне правильно.

Говорят, что японцы сделали сегодня в полдень, как раз во время нашего обеда, внезапное наступление на наш левый фланг, но были отбиты.

Среди высшего нашего начальства, по слухам, все время идут большие нелады.

20 июня

Чудный ясный день. Небо безоблачно.

Ветра почти нет.

Ночью, около 2 часов, один японский миноносец подходил почти до нашего бонного заграждения. Очевидно, он имел какие-нибудь замыслы против крейсера «Баян», который незадолго до этого был поставлен на наружном рейде за потопленным пароходом «Барри».

Крейсер «Баян» должен был защищать наружный рейд от постоянных нападений японских миноносцев, дерзости которых за последнее время положительно нет границ.

Сегодня вторично благополучно пришел из Инкоу наш миноносец «Лейтенант Бураков» под командой лейтенанта Долгобородова. Привезены новости, которые в значительно преувеличенном виде циркулируют в публике.

Так, сообщают, будто бы адмирал Скрыдлов в своем набеге на берега Японии одержал блестящие победы: потопил два японских транспорта, один с осадной артиллерией, другой — с японским наместником для Маньчжурии; два других парохода с углем взял в плен и привел во Владивосток.

Говорят еще, будто адмирал Скрыдлов расстрелял одного нашего морского офицера за неисполнение его приказаний.

Об армии генерала Куропаткина сообщают, что она находится в блестящем состоянии и насчитывает в своем составе до 120 батальонов.

В «Новом крае» объявлены следующие рыночные цены на продукты первой необходимости на 21 июня 1904 года: куры от 1 руб. 40 коп. до 1 руб. 60 коп. штука. Яйца куриные от 5 руб. 20 коп. до 5 руб. 50 коп. сотня. Масло коровье от 80 коп. до 1 руб. фунт. Маргарин от 50 коп. до 70 коп. фунт. Рыба свежая 25-30 коп. фунт. Макароны 30-35 коп. фунт. Томат-пюре 30 коп. фунт. Шпинат 6 коп. фунт. Лук зеленый 6 коп. фунт. Лук репчатый 20-30 коп. фунт. Бураки 6 коп. фунт. Морковь 4 коп. фунт. Картофель 18-20 коп. фунт. Крупа манная 25 коп. фунт. Перловая 25 коп. фунт. Мясо говяжье 25 коп. фунт. Свиное мясо 25 коп. фунт. Телятина и баранина 35 коп. фунт. Хлеб белый 14-15 коп. фунт. Черный хлеб 5-6 коп. фунт.

21 июня

Японские миноносцы ночью опять побывали под крепостью. Береговые батареи по ним стреляли, но, кажется, без успеха.

С утра слышны были раскаты артиллерийской канонады на правом фланге наших передовых позиций. Бой шел целый день. Принесено около 50 раненых.

Результатов боя и подробностей пока никаких не знаю.

Утром, во время боя на передовых позициях, я встретил генерала Стесселя, который ездил верхом по городу и осматривал его санитарное состояние.

Около 6? часов дня пошел сильный дождь.

Часть банковых деятелей уехала сегодня на шаланде в Чифу. Я сегодня тоже отправил восьмую шаланду с секретными бумагами и корреспонденцией к нашему консулу в Чифу, г-ну Тидеману.

22 июня

С раннего утра на правом фланге слышались раскаты орудийной канонады.

Я поехал на Крестовую батарею, откуда была видна стрельба наших канонерок и крейсера «Новик», а также и разрывы шрапнели под горою Куинсаном.

Здесь я узнал, что мы атаковали позицию на Куинсане, которая недавно была нами потеряна. Теперь, ввиду выяснившегося большого ее значения, мы решили напрячь все свои силы, чтобы вернуть ее обратно. Наша канонерка «Бобр», помогая нам в этом, энергично обстреливала японские позиции. Но скоро она попортила установку своего 9-дюймового орудия и поневоле должна была прекратить дальнейшую стрельбу.

Японцы появились в море на 7 миноносках и 2 канонерках, но держались от крепости на расстоянии верст 12-14.

К вечеру стали ходить слухи о больших наших потерях, до 400 человек, и о взятии нами у японцев 4 орудий и 2 пулеметов. Более же точных результатов сегодняшнего боя выяснить не удалось.

Слыхал, что обостренное отношение между начальствующими лицами Порт-Артура все усиливается.

Сегодня, после долгих розысков, мне удалось достать одну из прокламаций японцев, которые они во множестве разбрасывали, начиная с 7 июня, вблизи наших передовых постов у деревень Инчензы, Хоумучиньи, Цозысу и др. Прокламация напечатана на прекрасной бумаге, чудным шрифтом, но с ошибками, которые

при переписке нарочно мною сохранены.

ВОЗЗВАНИЕ К СОЛДАТАМ РУССКОЙ АРМИИ

Война, в которой вы принимаете участие, самое незаконное, а государство, которое вы принуждены защищать, самое дерзкое и безчеловечное. Русское правительство постоянно стремилось к захвату чужих владений и уничтожение соседних государств. Для достижения этой цели оно незадерживалось никаким средством: обман, насилие, грабеж, убийства, все это было и все находится в постоянном употреблении, с самого основания государства, правители России постоянно нападали на другие страны и возбуждали незаконные войны с их народом.

Жертвы их ненасытной жадности многи они уничтожили самым жестоким образом независимость Польши, покорили Кавказ и истребили огромную часть его населения, оттягали самостоятельность Финляндии и среднеазиатским государствам. Лишили Персию, Турцию, Китай и Румынию их пограничных земель, жителей всех этих стран подвергли самому жестокому притеснению. Они посягнули не только на свободу, на собственность, на родной язык, но даже на вероисповедание, принуждая людей силой принуждать православие, против их совести.

Эта политика грабежа не ведется в пользу русского народа: благодаря ей он обременен тяжелыми налогами и платит за нее своей кровью, проливаемой его сынами.

В последнее время русское правительство снова протянуло дерзкую руку и захватило Маньчжурию, угрожая самостоятельности Кореи. Этот шаг сразу изменил положение дел на Дальнем Востоке и вызвал всеобщее беспокойство.

Государство, которому этот шаг России угрожал, прежде всего Японии, во имя самозащиты и во имя человечества, объявила России войну и война эта, которая стала святой обязанностью японского народа с самого начала ведется нашими храбрыми войсками и согласно совсеми между народными законами. И не прошло много месяцев, а уже русская эскадра Тихого Океана почти уничтожена, а Царская армия в первых сражениях на суше совершенно разбита. В сражении на реке Ялу число убитых и раненых дошло до 3000 человек.

С нами Бог. Он разберет, кто прав и кто виноват! Наша армия неустрашима: храбрый японский солдат охотно отдает жизнь за свое отечество. Где развернется знамя Восходящего солнца, там неприятельскую армию ожидает окончательное поражение.

Как только известия появились в Европе и Америке везде раздались радостные голоса тех, которых неудовольствие и негодование долго было подавляемо. Вместе с тем сильнее стали

революционные движения тех, которые давно стремятся к свободе и цивилизации, которым дорога будущность народа, притесняемого правителями России. В скором времени в самом центре России правительствую угрожает народное восстание.

Солдаты русской армии! Ваша судьба несчастна. Оторванные насилием от ваших жен и детей, вы принуждены проливать кровь в борьбе против человечества, против цивилизации.

Многие из ваших сдались уже в наши руки и судьба тех лучше вашей. Наша армия придерживается принципа человекалюбия и не причиняет вреда безоруженным. С теми которых в числе 500 сдались в сражении на реке Ялу, наши войска обращались любезно: они отправлены в Японию, где могут спокойно и безопасно отдыхать и занятся устройством своего будущаго.

Наша окончательная победа несомненна. Все люди одинаково дети БОГА и одинаково находятся в Его попечении. Он наказывает виновных и покровительствует справедливым. Он всемогущий осудил уже ваше правительство и судьба его решена, ибо не правда в его делах, а кривда.

И вам не боротся за его дело. Сообразите вышесказанное и сдавайтесь, бросив оружие. Таков наш сердечный совет, ибо ваша кровь нам не нужна.

Токио

23 июня

Утром с Крестовой горы наблюдал удивительно меткую стрельбу 22-й батареи по двум японским миноносцам, которые находились от батареи на расстоянии 2700 сажен. Снаряды ложились настолько близко от судов, что они принуждены были поспешно уйти в море. Прямого же попадания, к несчастью, не было.

Сегодня окончательно выяснилось, что все наши атаки на Куинсане были японцами отбиты. Оказывается, японцы не только окончательно укрепились на вершине Куинсана, но успели даже построить там «блокгауз». В самую решительную минуту наших атак японцы внезапно выкатывали из него несколько пулеметов и при помощи их легко отбивали наше наступление.

Только сегодня генерал Фок потребовал к себе через генерала Стесселя начальника инженеров крепости, военного инженера полковника Григоренко, и просил его дать ему инженера для постройки и у него тоже блокгаузов на вершинах некоторых гор,

занятых его дивизией.

Понемногу учимся кое-чему у японцев...

После известия о потоплении нашими владивостокскими крейсерами трех японских транспортов настроение духа у артурской публики значительно поднялось.

24 июня

Сегодня окончательно всем стало известно, что наша попытка отбить обратно Куинсан нам не удалась, и мы понесли очень значительные потери.

Офицерство, особенно 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, вело себя выше всяких похвал. Особенно выделялись командир 12-й роты капитан и его субалтерн-офицер, поручик Левашов. Последний, будучи дважды ранен, все-таки продолжал вести атаку, но шальная пуля попала юному герою в голову и положила его на месте.

Около 4 часов ночи японская миноноска нахально подошла к Электрическому утесу и пустила мину в крейсер «Аскольд», который недавно сменил «Баяна» и стоял за потопленным пароходом «Барри».

Мина ударилась в берег Золотой горы и взорвалась.

Дав несколько выстрелов по прожектору Электрического утеса, японская миноноска ушла в море.

Крейсер «Аскольд», батареи Электрического утеса и «Лагерная» открыли по ней огонь, но безо всякого результата: миноноска успела благополучно уйти из-под выстрелов и скрыться в ночной темноте.

Надо отдать должное храбрости и предприимчивости японских моряков. Не проходит ни одной ночи, чтобы они не появились перед крепостью.

После неудачного выхода 10 июня наша эскадра погрузилась в полное бездействие и теперь уже решительно ничем не обнаруживает своего существования.

Около 8 часов вечера начался дождь, который шел целую ночь.

25 июня

Парит. Душно. Небо покрыто тяжелыми облаками.

Окончательно выяснилось, что потери наших при неудачных атаках Куинсана 20, 21 и 22 июня очень значительны, а именно: 74 убитых и 366 раненых нижних чинов, из них 50 % — легко.

Слыхал, что новый командир 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка подполковник Неведомский после боев заболел и лег в госпиталь; таким образом, в этом полку меняется, в течение непродолжительного времени, уже второй командир.

Мяса в крепости нет. Три раза в неделю солдатикам приходится поститься, то есть не получать вовсе мясных порций, которые и так уже уменьшены до 1/4 фунта.

26 июня

Крейсера «Баян», «Паллада» и «Диана» и броненосец «Полтава» обстреливали с моря японские позиции против правого нашего фланга.

Сегодня я достал копию записки генерала Фока, которую он недавно подал в штаб Укрепленного района. Цель этой записки у генерала Фока была, во-первых, «снять с себя обвинение» в сдаче Цзиньчжоусской позиции и объяснить, почему защитники ее не могли оказать более упорного сопротивления; во-вторых, указать назначение флота для обороны крепости и, наконец, в-третьих, подвергнуть критике действия многих лиц, которым на время обороны было вверено начальство над отдельными частями крепости и особенно флота.

Записка, по моему мнению, очень интересна и отлично характеризует генерала Фока.

Вот ее подлинный текст.

Копия

ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛА ФОКА

Перед Артуром из II-й армии находятся три дивизии действующих и одна резервная, по последним сведениям из III-й армии ко дню штурма Цзиньчжоу подошло еще две дивизии, что отчасти подтверждается тем, что на убитом вчера японце был на погоне № 22. 22-й полк находится в составе одиннадцатой дивизии 3-го корпуса. Итого перед Артуром 5 дивизий и одна резервная.

Слабая, а может быть, сильная сторона этой позиции то, что она опирается обоими флангами в море.

дороге в равнину, что к северу от Волчьих гор, с занятием которой противник приобретает плацдарм, без которого осада Артура немыслима, эта позиция у д. Суанцейгоу, на высоте, где

развалина башни обстреливается с моря. Позиция эта, при условии, что море нейтрально, сама по себе ЧРЕЗВЫЧАЙНО СИЛЬНАЯ. Фронт позиции всего три версты, правый фланг опирается в высоту 129, которая совместно с высотами 139 и 113 фланкируют подступы к позиции, чем уменьшает фронт наступления почти на две версты — в море. Линия фронта позиции идет от моря в том месте, где к нему подходит д. Уанкиятырль и затем по скату высоты, где развалина башни, на высоты 49 и 51 (на карте высота 51 неточна). Эта линия дает ЧУДНЫЙ ОРУДИЙНЫЙ ОБСТРЕЛ всей впереди лежащей местности до деревень Туншиомар, Вукиятань и Шикиясань, а дальним шрапнельным огнем можно обстреливать почти до Инчензы. Условия местности на самой позиции дают возможность артиллерии стрелять по невидимой цели, что дает возможность полевой артиллерии уклоняться от борьбы с осадной, не оставляя позиций для действия по пехоте. Многочисленная полевая артиллерия может развернуться только на равнине, вправо от железной дороги; на линии Куокия до моря — не может, так как высоты в наших руках. Но так занимать позицию возможно только при уверенности, что позиция не будет обстреливаться с моря, так как батареи на высотах 49 и 51 берутся с моря в тыл, а на прочих высотах — во фланг. 28 числа миноносцы, обстреливающие позицию, став на линию островов Эритаор и Хантоар, показали, что только батареи, поставленные на Мандаринской дороге, на скате высоты, где развалины башни неуязвимы от огня с моря, таких батарей можно поставить всего три, но от такого расположения они будут терпеть много от батарей с фронта. Возможность огня с моря заставит оттянуть позиции назад: левый фланг к развалинам у самой башни, а правый на высоту, что к северу от д. Усукиятунь. Огонь с батарей благодаря чрезвычайно пересеченной местности сведется к нулю, и весь бой ляжет исключительно на пехоту, но что особенно опасно, что высота 139 и 113, которые при прежней позиции как бы составляли продолжение позиции, теперь будет как бы на отлете.

Сильная сторона этой позиции та, что если море в руках обороняющего, то постройка осадных батарей на равнине у д. Инчензы невозможна, а равно выкатить всю полевую артиллерию на линию Туншиомара — Куокиятан для подготовки атаки тем более невозможно: огонь с судов, с фланга и тыла сметут батареи наступающего, а огонь 56 орудий нашей отличной полевой артиллерии разделается с пехотой. Следовательно, «АТАКА» по Мандаринской дороге будет «НЕВОЗМОЖНА» (?)[3]. Остается наступающему одно — идти по средней дороге, атаковать в лоб,

почти без содействия артиллерии, перевалы; рассчитывать на успех при этих условиях рискованно (?).

СЛЕДОВАТЕЛЬНО, УЧАСТЬ АРТУРА ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ ЗАВИСИТ ОТ ФЛОТА (?), А ПОТОМУ Я НЕ МОГУ СОГЛАСИТЬСЯ С ТЕМИ, КОТОРЫЕ ДУМАЮТ, ЧТО НАШ ФЛОТ ДОЛЖЕН ВЫЙТИ И ИСКАТЬ БОЯ, — БОЙ ВЕЩЬ РИСКОВАННАЯ, А ПОТОМУ НА НЕГО МОГУТ НАПРАШИВАТЬСЯ ТОЛЬКО ГЕНИИ (?). Начало кампании чрезвычайно неблагоприятно сложилось для нашего флота, а потому мне кажется несколько рискованно смотреть на него, как на флот ЭСКАДРЕННЫЙ, не вернее ли на него смотреть, как на флот БЕРЕГОВОЙ ОБОРОНЫ, в самом УЗКОМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА.

Флот наш должен находиться в Артуре, на внутреннем рейде (?), днем он может для практики (?) выходить на внешний рейд (?).

В ТЕ ДНИ, КОГДА БЫЛО ТИХО И НАКАНУНЕ НЕ БЫЛО БУРИ И НА ГОРИЗОНТЕ НЕ ВИДНО ЯПОНСКИХ СУДОВ (?), МОЖНО РАЗРЕШАТЬ ЕМУ ВЫХОДИТЬ С ВНЕШНЕГО РЕЙДА, НО НЕ ДАЛЬШЕ БУХТЫ ЛУНВАНТАНА (?) и западной бухты Инченза, в крайности и до восточной бухты Инченза, доходить же до бухты Цзиньчжоу ни в каком случае не разрешать. В этой скромной роли он СОСЛУЖИТ СЛУЖБУ: ИЗБАВИТ АРТУР ОТ ОСАДЫ (?), сохранит себя до прихода Петербургской эскадры, чем даст явный перевес нашему флоту и ТЕМ РЕШИТ УЧАСТЬ ВОЙНЫ В НАШУ ПОЛЬЗУ (?).

Вероятный образ действия противника, если флот уйдет или почему-либо будет не в состоянии выйти

Предполагаю, что тогда главный натиск будет направлен по Мандаринской дороге.

Укрепившись в высотах Лизысан и Мазасан и возведя на них сильные батареи, противник под прикрытием их овладеет полуостровом Инчензы, с нашей стороны он не встретит серьезного сопротивления, так как выдвинутые части на линию Унчиятун, Инченза, Шисанчуэн имеют назначение не пропускать одиночных людей и мелкие партии к позиции у Суанцайгоу. С занятием полуострова Инчензы ему будет невозможно приступить к овладению позиции у Суанцайгоу, которая ключ к Волчьим горам. Для овладения позицией он возведет ряды осадных батарей на линии Ханкитэн — Инченза — Шикиясаны. Под прикрытием этих батарей выдвинет всю свою многочисленную артиллерию на линию д. Куокиятан для подготовки атаки огнем. Мы на нашей узкой позиции по дороге более 16 — много 20 — орудий выставить не можем. При таких условиях нашей артиллерии придется прекратить огонь, отвести прислугу в

овраги и ждать, когда противник пойдет в атаку.

Пехоте тоже придется укрыться в оврагах и ждать того момента, когда противник пойдет в атаку. Если рукопашный бой кончится не в нашу пользу, то отряд пойдет не на Волчьи горы, где нет никаких батарей, а на горы Угловую и Высокую, чтобы, УДЕРЖИВАЯ ИХ, ДАТЬ ФЛОТУ УЙТИ ВО ВЛАДИВОСТОК ИЛИ КИОЧАУ, ГДЕ И РАЗОРУЖИТЬСЯ (?). ГОРЫ УГЛОВАЯ И ВЫСОКАЯ ПРИ НЫНЕШНЕМ ИХ ВООРУЖЕНИИ БОЛЬШОГО ЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ ОБЩЕЙ ОБОРОНЫ КРЕПОСТИ НЕ ИМЕЮТ. Для флота эти высоты имеют значение, так как с занятием их противник может потопить небронированные суда, а с бронированных судов сбить все трубы и тем лишить их возможности выйти в море.

С уходом флота мы уйдем в главную крепостную ограду, где будем отсиживаться, пока будет сухарь. Так представляю я себе ход обороны, если флот не решится оставить рейд во время борьбы гарнизона на перевалах. При нынешнем положении дел нельзя и думать, чтобы флот наш решился появиться в бухте Инченза, как ни близок локоть, но его не укусишь.

Небольшой отряд миноносцев почти каждую ночь является с шаландами и забрасывает рейд минами; японские миноносцы так изловчились, что даже днем стали появляться в водах Артура без дядек и только тогда утекают, когда увидят наших миноносцев с дядькою «Новиком».

Следовательно, есть и о чем подумать нашим броненосцам. Даже прежде чем появиться броненосцам в бухту Голубиную, а ведь с марса «Севастополя» в нее плюнуть можно (?), им приходится решать гамлетовский вопрос: «Быть или не быть».

Но мне кажется, что дело пока далеко не пойдет, достаточно флоту броненосному выйти на рейд вместе, чтобы удержать японцев от дальнейших покушений против Артура.

Итак, ПОЛОЖЕНИЕ АРТУРА И ФЛОТА ВОВСЕ НЕ ТАК БЕЗНАДЕЖНО, ЧТОБЫ ОНИ НЕ ПРОДЕРЖАЛИСЬ ДО ОКТЯБРЯ (?), то есть до прихода Петербургской эскадры (?); скажу еще больше, что если гарнизон с флотом будет действовать совместно и согласно, то положение их может быть и хорошее. Как это ни ясно и ни просто, осуществить это не так-то легко, ДАЖЕ В ТАКОМ ГОСУДАРСТВЕ, КАК НАШЕ (?), ЕСЛИ НЕТ ОДНОГО ОТВЕТСТВЕННОГО ЛИЦА.

При настоящих условиях мало того, чтобы во ГЛАВЕ СУХОПУТНЫХ И МОРСКИХ СИЛ стояли люди по своим нравственным (?) качествам достойные своего великого положения, надо еще, чтобы ОНИ УВАЖАЛИ И ДОВЕРЯЛИ ДРУГ ДРУГУ.

Но чтобы доверять, надо знать друг друга и понимать

обстановку, в которой приходится действовать.

Флот должен знать крепость, чтобы не возлагать на нее радужные надежды, и знать, чем и как помочь ей. Флот должен знать и армию, чтобы знать, при какой обстановке, что от нее можно требовать.

ГЕНЕРАЛ МОЖЕТ НЕ ЗНАТЬ ТАКТИКУ БОЯ ФЛОТА, НО АДМИРАЛ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ И ТАКТИКУ, И СТРАТЕГИЮ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК. Пехота залпами не решит морского сражения, а броненосец, как грозная батарея, может решить участь и сухопутного боя. НИ ФЛОТ, НИ АРМИЯ КРЕПОСТИ АРТУРА НЕ ЗНАЮТ, да, я позволяю себе усомниться, ЕСТЬ ЛИ ХОТЬ ОДНО ЛИЦО, КОТОРОЕ ЗНАЛО БЫ КРЕПОСТЬ, т. е. ВСЮ ЕЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРО ИНЖЕНЕРОВ И ГОВОРИТЬ НЕ СТОИТ, ЭТО НЕ ТОЛЬКО ЛЮДИ БЕЗДАРНЫЕ, НО И КРУГЛЫЕ НЕВЕЖДЫ. Артур по своим сухопутным укреплениям немного лучше бывших временных укреплений Цзиньчжоусской позиции.

Если артиллерия Артура окажет несколько более сопротивления, то этим она будет обязана не укреплениям, а топографическому положению. О Цзинъчжоусской позиции прокричали на всю Россию, когда там еще не было ни одной пушки, ни одной траншеи. Генералу Линевичу она была известна тоже только понаслышке, а потому он приказал оборонять (ее) упорно. Я описал положение этой позиции и ее вооружение. Генерал Линевич отменил свое приказание и разрешил бросить ее.

Генерал-адъютант Куропаткин знал эту позицию не понаслышке, а сам лично ее рассматривал, а потому несколько раз писал генералу Стесселю, чтобы упорно ее не оборонять. После боя 3 мая генерал Куропаткин приказал позицию оставить без боя, а орудия увезти. Следовательно, генерал Стессель мог приказать мне снять пушки с Цзиньчжоу и отойти к Артуру сейчас же после 3 мая. Тогда 13 мая не было бы боя, японцы не имели бы трофей, я явился бы в Артур 5 мая с пушками и с лишней тысячей людей и со всяким скарбом 5-го полка. Японцев это не удивило бы, китайцы их к этому приучили. Генерал Стессель решил принять бой, и я ему за это глубоко благодарен. Решиться на это мог человек, у которого душа римлянина, венчавшего после КАНН ТЕРЕНЦИЯ ВАРРОНА. Явись я в Артур с цзиньчжоусскими пушками, я не дал бы, правда, кинуть лишнего упрека русской армии капитану броненосца «Цесаревич», но он кинул ей эти упреки и за битву под Тюреченом, но зато я и вся дивизия может смело смотреть каждому в глаза. Дай Бог, чтобы мое мнение об артурских укреплениях не оправдалось бы, как оно оправдалось о Цзинъчжоусской позиции. Но чем больше (я) знакомлюсь с

крепостью, тем больше убеждаюсь, что она осады не выдержит, хотя бы ей надо продержаться всего четыре месяца. Была бы моя власть, я весь бы гарнизон вывел на перевалы, тогда, может, и без флота отстояли бы их; о чем теперь и нельзя думать, у нас тут флот всё.

Однажды за обедом я сказал генералу Алексееву, что мне не нравится Артур тем, что здесь моряки правая рука. Когда я говорил это, я не понимал, насколько я был прав, и теперь это меня особенно раздражает, без флота мы ничто, какой позор.

Повторяю, никто артурских укреплений не знает, не то было в Севастополе. Генералы Севастополя не знали, но зато знаменитые адмиралы, начиная с Лазарева, знали каждый его камень. Адмирал Корнилов потопил с горечью в сердце свой адмиральский корабль, по велению шута князя, водрузил его флаг на бастионе, и началась знаменитая оборона.. Землебоязнью он не страдал, на суше он чувствовал себя таким же хозяином, как и на море, пожалуй, еще больше, он, сойдя со стопушечного, перешел на тысячепушечный корабль. Марсель, Тулон, Пирей им более известны, чем Кронштадт, Владивосток, Севастополь, Артур.

Вот при этих условиях возможно ли какое-либо совместное и согласное действие армии и флота, а от этого зависит, «быть или не быть».

Генерал-майор *Фок*

Из этой записки читатель, я думаю, сам составит правильную оценку, насколько генерал Фок знал флот, его задачи, знал крепость, инженерное дело и, наконец, насколько он вообще знал военное дело, как начальник дивизии, а впоследствии даже и как начальник сухопутной обороны крепости...

27 июня

Тихо. Никаких событий нет. По городу ходят самые фантастические слухи.

28 июня

Ночью японские миноноски опять шныряли перед крепостью. Опять гремели выстрелы наших приморских батарей.

Пальба продолжалась около часу.

Днем на горизонте были видны 6 крейсеров, 5 канонерок и до 20 миноносцев. Ввиду частых нападений японских миноносок на наши тралящие суда они охраняются теперь во время работы канонерками и несколькими миноносцами.

О каком-либо выходе флота или хотя бы об усиленной рекогносцировке одними миноносцами в сторону Дальнего ничего не слышно. А между тем японцы там совершенно безнаказанно производят высадку десантов и выгрузку артиллерии.

Вообще деятельность флота заснула.

Публика так к этому привыкла, что за последнее время даже перестала и возмущаться этим.

29 июня

Погода прекрасная. Утром был туман, но скоро рассеялся.

Ночью японцы, по обыкновению, хозяйничали у нас на внешнем рейде.

Утром на горизонте видны были 5 неприятельских крейсеров, 3 канонерки и до 8 миноносцев. Четыре крейсера целый день стояли на горизонте, очевидно наблюдая за Артуром.

На рейде вытралили 8 мин, а около 5 мин по неизвестной причине взорвались совершенно самостоятельно.

С одной из вершин на передовых позициях, где устроен у нас наблюдательный пункт, снабженный хорошей подзорной трубой, отлично видно, как японцы на моле г. Дальнего высаживают свои войска и выгружают боевые припасы.

Странно как-то смотреть на эту картину и в то же время видеть полную бездеятельность нашей эскадры.

Сегодня слыхал приятную новость, что все «сборные команды» 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, наконец, расформированы и заменяются определенными тактическими единицами: ротами, батальонами и т. д.

Болезней в гарнизоне пока нет.

Мяса нельзя нигде достать уже четвертый день, остального же продовольствия пока достаточно. Убойного скота осталось 400 голов, кроме коз.

Ежедневно для гарнизона бьют 40 голов.

Начинает чувствоваться недостаток в фураже.

30 июня

Дни не жаркие, погода отличная.

По городу разнеслась весть, будто генерал Куропаткин разбил генерала Куроки и преследовал японцев на протяжении 30 верст.

Потери японцев, как говорят, громадны.

Сегодня, на правом фланге передовых позиций, сменились части 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Мера эта весьма полезна, так как служба на передовых позициях очень тяжелая.

В 9 часов утра в море было видно 7 неприятельских канонерок, 1 большое судно, 6 миноносок и 4 парусные шаланды.

Около 10 часов утра японские миноносцы начали обстреливать наш караван тралящих судов. Им отвечала наша канонерка «Бобр». Перестрелка, впрочем, скоро прекратилась

Июль

1 июля

Сегодня ездил осматривать передовые позиции левого нашего фланга, в отряде генерала Фока.

До одиннадцатой версты мы ехали по железной дороге, а потом пересели на наших верховых лошадей и проехали еще верст 12 до штаба 14-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Поднявшись на знаменитый перевал Шиминцзы, мы, наконец, достигли передовых позиций, занятых 14-м полком.

Перед нашими глазами раскинулся прелестный ландшафт. Масса гор, оврагов, террасок с обработанными китайскими полями, лощинки, усеянные группой деревьев, — все это весело зеленело после недавних обильных дождей. Грозные, голые скалы с виднеющейся среди них вершиной горы Юпилаза, опоясанной темной лентой наших окопов, составляли мрачный контраст в этой жизнерадостной картине.

Отсюда была ясно видна вершина горы Куинсан, так обильно политая русской кровью во время последних наших неудачных атак.

Вершина эта была японцами сильно укреплена и, кроме того, опоясана кругом проволочной сеткой.

Здесь с поразительной ясностью обнаруживалось все различие между нашим и японским способом ведения войны.

У нас все работы по возведению укреплений и сообщение между собой отдельных частей происходило совершенно открыто; между тем у японцев все казалось совершенно вымершим. Ни одного живого существа нельзя было разглядеть у них на укреплениях не только простым невооруженным глазом, но даже и в прекрасный цейсовский бинокль. Только острый глаз нашего солдатика, осмотревшегося уже и привыкшего к здешней местности, мог при большом усилии различить японских часовых, изредка показывающихся в некоторых пунктах.

Это кажущееся отсутствие деятельности объясняется тем, что все свои укрепления японцы возводят только по ночам.

Наша здешняя позиция могла бы назваться неприступной, если бы только на ней было побольше войска. Теперь же ее занимала одна 4-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия. Этого было больше чем недостаточно, и потому прорыв жиденькой цепи нашей пехоты не представлял особенных трудностей.

Поинтересовался я взглянуть в солдатский котел. Вижу —

наварные щи и прекрасная каша.

— Откуда у тебя, братец, такие жирные щи? — спрашиваю кашевара.

— У нас, Ваше Высокоблагородие, свиньи еще не перевелись, — отвечает кашевар.

Действительно, солдат здесь кормят отлично, лучше, пожалуй, чем в Артуре, так как наши солдаты-артельщики умудряются здесь еще находить у бережливых китайцев спрятанных ими и свиней и скот. Вообще же служба на передовых позициях очень тяжелая. Люди все время находятся в нервном состоянии, постоянно ожидая наступления со стороны неприятеля. Несмотря на все это, настроение духа в войсках превосходное.

Все китайские поля еще целы и не вытравлены, хотя здесь и чувствуется недостаток фуража.

Наша артиллерия обстреливает иногда разные пункты японского расположения.

К несчастью, до сих пор никто на позиции не знает точного расположения лагеря японцев, хотя на горе Юпилаза и устроен наблюдательный пункт, с которого ясно можно разглядеть г. Дальний.

Сегодня ночью японцы произвели наступление на отряд полковника Семенова на нашем правом фланге. Подробностей этого дела пока не знаю.

«Новый край» об этом пишет следующее.

«Около полуночи на 1 июля до двух рот японцев пытались по лощине обойти левый фланг позиции полковника Семенова. Встреченные огнем пулеметов, охотничьих команд и взвода 10-й роты 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, они вынуждены были отступить, унося под покровом ночи своих раненых. Нами подобрана брошенная неприятельская фуражка. Ночь в крепости и на позициях прошла спокойно. В течение дня несколько японских миноносцев крейсировало в виду берега. На расстоянии около 10 миль на S-O производили какую-то работу 5 эскадренных миноносцев. На S-W виднелись две стоящие на месте под парусами джонки.

В 12 часов 40 мин. дня на S-O появились два крейсера. Передний, очевидно, разведчик. Задний произвел несколько выстрелов, но по кому — рассмотреть не удалось. На рейд выходили наши миноносцы и канонерка для охраны каравана. В 4 часа 25 мин. дня неприятельские суда скрылись в тумане».

2 июля

По городу ходят разные нелепые слухи, порождаемые полным отсутствием какого-либо сообщения с внешним миром. Из Инкоу прибыла шаланда, привезшая до 12 пудов почты.

3 июля

Наш миноносец «Расторопный» потопил сегодня вблизи Голубиной бухты английский коммерческий пароход, шедший без огней и не исполнивший требования командира миноносца остановиться. Подробностей пока никаких не знаю.

Возвратилась одна из шаланд, посланных мною в Чифу. Китаец, хозяин шаланды, сообщил мне, что вся моя корреспонденция благополучно доставлена на место назначения. Шаланда прибыла в Артур совершенно пустой, так как, по словам хозяина ее, японцы в последнее время стали очень зорко следить за побережьем Чифу с тем, чтобы пресечь всякие попытки провезти в Артур какие-либо продовольственные запасы.

На рейде к нам японцы не заглядывают вот уже вторую ночь.

Последние мины, которые они устанавливали у нас на рейде, ставились ими только на два фута ниже уровня воды. Делалось это, очевидно, для того, чтобы за них могли задеть наши тралящие суда, имеющие очень малую осадку.

С наших сухопутных батарей начали снимать орудия Канэ и снова устанавливать их на суда.

4 июля

Сегодня узнал некоторые подробности вчерашнего происшествия.

Потопленный нашим миноносцем английский пароход «Гипсанр» Жардин — Машинос и К°, как оказалось, вышел из одной бухты в области японского расположения. Нагружен он был, как говорят, бобовыми жмыхами.

Наш миноносец «Расторопный» в ответ на свое требование остановиться получил с парохода несколько выстрелов, после чего он пустил в пароход две мины, а через 25 минут после этого последний пошел ко дну. Нашим морякам удалось спасти до 80 пассажиров. Среди них оказалось: 12 англичан и шанхайский еврей Серебряник, каким-то чудом попавший на этот пароход; личность весьма подозрительная и с самым темным прошлым

(настоящая его фамилия была другая).

Остальные пассажиры были китайцы. Нет никакого сомнения, что потопленный пароход занимался перевозкой контрабанды.

Из России доходят слухи, что у ГОСУДАРЯ родился наследник.

5 июля

Жарко.

В городе начались желудочные заболевания. Мяса почти нет. Припасы сильно вздорожали. Так, цена курицы на базаре дошла до 2 руб. 70 коп. Все окрестности крепости опустошены. У несчастных китайцев взято решительно все.

Изредка доставляют кое-какие припасы те китайцы, которым удается прорваться через японскую блокаду, но привозят они к нам, в Голубиную бухту, исключительно рис, каолян и чумизу.

Все наши миноносцы поисправили свои повреждения и теперь стоят в порту в числе 22 штук.

Японцы уже несколько ночей у нас на рейде не показываются.

На передовых позициях почти все тихо.

Еврея Серебряника, безусловно имевшего какие-то сношения с японцами и служившего, как говорят, и «нашим и вашим», засадили на гауптвахту.

Этот еврей долго проживал в Артуре без определенных занятий и вел самую подозрительную жизнь.

Интересно знать, какая участь его ожидает.

6 июля

Туманно и душно.

Сегодня разговаривал с одним боевым офицером, бывшим все время в делах 21, 22 и 23 июня. По его рассказам самое подавляющее впечатление производит на войска стрельба пулеметов.

Нужно сказать, что пулеметы японцев обладают большими преимуществами перед нашими: они отличаются большей легкостью и простотой, так как все они переносные и потому их можно чрезвычайно быстро установить даже во время наступления в любом пункте. Наши же пулеметы очень тяжелы и поставлены на колеса, почему и не могут легко передвигаться, в

особенности в неровной местности. Кроме того, парусиновая лента, на которой у нас нанизаны патроны, от сырости часто разбухает и при стрельбе легко «заедает», почему наши пулеметы и прекращают иногда огонь в самую решительную минуту. В японских же пулеметах ленты заменены латунной полосой, в гнезда которой и вставляются патроны.

7 июля

Целую ночь шел проливной дождь и бушевал сильный ветер, который к утру развел в море большую волну. На улицах непролазная грязь. В такую погоду всякий раз невольно вспомнишь и от души пожалеешь войска, находящиеся на передовых позициях.

Слыхал, что японцы починили нашу железную дорогу и начали перевозить по ней свои войска на север.

В городе упорно держится слух, что генерал Куропаткин разбил японцев и, преследуя, нанес им тяжелое поражение.

Рассказывают, что позиция на Куинсане была нами сдана японцам почти без боя, так что рота, занимавшая эту позицию, потеряла всего только трех человек. Командира этой роты, говорят, теперь отдали под суд. Оказывается, что такая важная позиция, как Куинсан, своевременно не была почему-то укреплена. Между тем попытка взять Куинсан обратно обошлась нам очень дорого, так как японцы не повторили нашей ошибки, а тотчас, заняв покинутую нами позицию, постарались ее сделать почти недоступной. Не знаю, виноват ли здесь ротный командир или кто-нибудь «повыше»?

Между блокирующими нас японскими судами мы теперь постоянно видим старый броненосец «Чин-Иен», принадлежавший раньше китайцам.

8 июля

Ночью шел дождь. Туман. Сыро. Запасы мяса в крепости кончились. Начали есть коз.

Вестей никаких.

9 июля

Слыхал, что в Большую Голубиную бухту прибывает из Чифу масса шаланд с рисом и чумизой. Мяса не привозят. К несчастью, покупка провизии от китайцев плохо организована. Часто китаец-купец получает вместо денег ассигновку, с которой ему приходится долго возиться, пока он не получит наличных. Эти хлопоты часто отбивают у китайцев всякую охоту заниматься доставкой провизии.

В городе трагическое происшествие: после основательно отпразднованных своих именин застрелился артиллерийский чиновник Васильев, но очень неудачно. Несчастный попал вместо рта себе в подбородок. Пуля раздробила челюсть и застряла в шее. Васильев умер только на другой день в страшных мучениях.

Причины самоубийства совершенно неизвестны. Не объясняет этого и записка, оставленная покойным на столе, следующего содержания: «Был не пьян, лучше не жить».

Сегодня узнал о приезде из Мукдена штабс-капитана Кватунской крепостной артиллерии Кичеева.

Оказывается, штабс-капитан Кичеев с другим стрелковым офицером и с одним стрелком в виду Артура пересели с французского парохода, взявшего их в Инкоу, на шлюпку и отправились к берегу на веслах. Проплыв немало верст и счастливо избежав опасности быть захваченными японцами, эти три героя, после страшных усилий ввиду бывшего на море сильного волнения, благополучно достигли берега и высадились у нас в Голубиной бухте. Штабс-капитан Кичеев между прочим привез с собой 2000 вытяжных трубок для артиллерии, которых так не хватало в крепости, а также и письма.

В крепости, по обыкновению, циркулирует масса слухов. Передам вкратце главнейшие из них.

Говорят, что генерал Куропаткин находится в Дашичао и имеет теперь в своем распоряжении только 150 батальонов. Войско прибывает мало, хотя железная дорога работает совершенно исправно. Пока прибыли только 10-й корпус, часть 17-го и один из полков бригады генерала Арбилиани[4]. Киевский же осадный парк еще находится в пути.

Из штаба наместника сообщает нам, что общественное мнение в Японии требует взятия Артура во что бы то ни стало и что для этой цели формируется отдельная армия. Японская армия во главе с Куроки, как говорят, начала наступательное движение на Ляоян.

Все эти известия крайне неутешительны и заставляют думать, что освобождение осажденного Порт-Артура затянется на неопределенное время.

10 июля

В ночь на 10 июля наши морские батареи два раза открывали огонь. Первый раз, как оказалось потом, по небольшой шаланде, пушенной японцами по ветру на парусах с закрепленным рулем и Андреевским флагом. Эта шаланда затонула только днем недалеко от Плоского мыса, получив три пробоины. В шаланде найден белый флаг и масса нераспечатанных писем, которые, очевидно, пересылались на ней из Артура в Чифу.

Другой раз огонь был открыт около 2 часов ночи по минному заградителю. Стрельба была удачная, и несколько попавших снарядов заставили неприятеля поспешно удалиться.

Особенно усердствовал в стрельбе крейсер «Диана». Всего по этим двум целям было выпущено до 380 снарядов, что, думаю, было далеко не экономично.

Два миноносца, стоявшие на дежурстве в бухте Тахэ, пытались несколько раз выйти и атаковать японский минный транспорт. Несколько раз они давали об этом сигналы на батарею 22, но дело кончилось тем, что один миноносец ударил другого носом. Результат: у одного сворочен нос, а у другого пробит бок. Опять надо чиниться и занимать место в доке, в то время как в него только что хотели ввести крейсер «Баян». Теперь ему опять придется ждать очереди.

11 июля

Давно уже очень многих удивляло распоряжение адмирала Витгефта и его штаба посылать наши миноносцы на ночные дежурства в бухты. Пользы это до сих пор никакой не принесло, а разных несчастий произошло уже достаточно. Но самое худшее случилось сегодня ночью, и предсказания многих сбылись.

Три наших миноносца, «Лейтенант Бураков», «Боевой» и «Грозовой», были высланы на ночное дежурство в бухту Тахэ.

Около 3 часов ночи три маленьких японских минных катера, пользуясь туманом и беспечностью наших моряков, подошли к нашим миноносцам и, разделив, очевидно, между собой цели, пустили в них три мины.

Все три мины были удачны, и все наши миноносцы получили повреждения. Двоих из них кое-как удалось довести до порта, а «Лейтенант Бураков» сел на камень и переломился надвое. В городе усиленно рассказывают о веселом времяпрепровождении и о беспечности наших моряков, бывших на этих миноносцах, но я

думаю, что это сплетни...

Сегодня я лично осматривал затопленный миноносец «Лейтенант Бураков» и, между прочим, удивлялся нераспорядительности нашего порта, приславшего только под вечер на место катастрофы одну шлюпку, которая и начала сгружать артиллерию с погибшего миноносца.

На «Лейтенанте Буракове» во время катастрофы погибли два матроса в машинном отделении.

Таким образом, за два дня у нас выбыло из строя совершенно даром пять миноносцев.

12 июля

Сегодня выяснилось, что миноносец «Грозовой» можно починить довольно легко, а с «Боевым» дело обстоит сложнее. На его исправление, как говорят, требуется три или четыре месяца.

Сегодня получена на одной шаланде большая почта, из которой я получил пять писем.

13 июля

Прохладный, ветреный день.

Как мы и ожидали, японцы перешли сегодня в наступление, открыв сильный огонь со всех своих тщательно укрытых батарей[5].

Бой начался с 5 часов утра.

Все свои усилия японцы направили главным образом на наш правый фланг. Некоторые его укрепленные пункты они буквально засыпали шрапнелью, которая рвалась над этими местами по 26 штук в минуту. Наша артиллерия работала отлично и успешно отбивала одну за другой бешеные атаки японцев.

Флот поддерживал в течение всего боя своим огнем наш правый фланг, действуя одновременно и против сухопутных японских батарей, и против их судов. Очень удачно стрелял крейсер «Новик». Я лично видел, как один из его снарядов попал в неприятельскую канонерскую лодку, которую японцы успели, однако, быстро увести на буксире в море.

На горизонте в это время были видны 35 японских миноносцев, не считая больших судов.

Около полудня недалеко от одного японского судна

взорвалась мина, но, кажется, не причинила ему вреда. Настроение в городе весьма тревожное.

Наступил вечер.

Бой понемногу стал стихать, и все наши позиции остались за нами.

Вот что пишет «Новый край».

«23 июля, для поддержки операций наших на берегу, выслан был отряд в составе крейсеров „Баян“ (брейд-вымпел капитана 1-го ранга Рейценштейна), „Аскольд“, „Паллада“ и „Новик“, лодок „Отважный“, „Гиляк“ и „Гремящий“ (адмирал Лощинский), а также миноносцы.

Наши суда вступили в перестрелку с отрядом неприятельских судов и обстреливали береговые позиции неприятеля. Удачными выстрелами с лодки «Гиляк» и крейсера «Новик» побита одна японская канонерская лодка, с крейсера «Баян» снарядами нанесено повреждение броненосному крейсеру 2-го ранга типа «Итцухушима», а крейсер «Чиода» наскочил на наше минное заграждение. Крейсер остался на плаву, но сильно поврежденный с креном ушел в Талиенван.

В 7 часов вечера наш отряд вернулся в гавань».

14 июля

Оправившись после вчерашней неудачи, японцы около 4? часов утра энергично возобновили свое наступление по всему фронту.

Я целый день следил за боем.

Японцы, как и вчера, засыпали наши позиции шрапнелью. Но, направляя свой натиск опять преимущественно на наш правый фланг, они сегодня обратили внимание и на некоторые пункты нашего левого фланга. Знаменитая гора Юпилаза (198) была атакована ими десять раз подряд, но все атаки были нами отбиты, трупы тысячами покрывали ее склоны.

Генерал Стессель обещал выхлопотать всем офицерам, бывшим на Юпилазе, Георгиевский крест, если они удержат этот важный пункт за нами.

К несчастью, блиндажи, построенные штабс-капитаном Сахаровым (бывшим главным инженером г. Дальнего), оказались весьма слабыми и скоро были совершенно разбиты.

К вечеру японцы усилили огонь по Юпилазе, и в это время на ней был убит комендант ее укрепления, подполковник Гусаков, прозванный «князем горы Юпилаза», человек в высшей степени

симпатичный. Несмотря на это, Юпилаза продолжала стойко держаться.

Такая же неудача постигла японцев и на «Скалистом редуте» , куда они бросили очень большой отряд, который почти весь был расстрелян частями 14-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Наши солдатики в этом пункте особенно лихо отбивали все отчаянные атаки японцев. Кроме штыков были пушены в дело приклады, бревна и камни.

Атака японцев на перевале у дороги также была отбита огнем батареи подполковника Доброва.

Наши крейсера «Новик», «Баян», «Аскольд» и броненосец «Ретвизан» обстреливали японские позиции, помогая нашему правому флангу.

Я лично видел, как одна мелинитовая 12-дюймовая бомба попала в гору Куисан; ясно было видно, как японцы, бывшие там, кинулись бежать в разные стороны.

К вечеру крейсер «Баян» наткнулся на поставленную японцами мину и, получив пробоину, с креном ушел в порт. Кроме того, мне лично удалось увидеть, как взорвалась одна тралящая на рейде паровая землечерпалка (грязнуха) и, полузатонув, с помощью паровых катеров введена была в порт.

С наступлением сумерек, в 8? часов вечера, бой стал стихать. Все позиции опять остались в наших руках; все атаки японцев на протяжении 22 верст были отбиты с громадными для них потерями.

Если японцы не возобновят завтра наступление, то мы смело можем торжествовать «первую победу».

Как уверяли меня участники боя, большинство японских солдат сильно пьяны, это явление наблюдалось и у японских матросов, находившихся на брандерах.

15 июля

Рано утром я узнал, что до ночи вчерашнего дня мы удерживали все наши позиции.

Вечером, после того как стрельба почти везде прекратилась и японцы, как будто окончательно отбитые, отошли по всей линии, наши войска прокричали «ура», а оркестры проиграли «Боже, Царя храни». Прошло немного времени, как вдруг японцы совершенно неожиданно для нас перешли в новое решительное наступление. Войска наши, утомленные двухсуточным боем, не

имея резервов и ввиду страшно растянутой линии обороны, не выдержали отчаянного натиска, сдали и начали отступать.

Первым начал отступление правый фланг, а вслед за ним, после совещания генерала Стесселя и Фока, и левый.

Войска последнего отступали в редком порядке. До слез было трогательно смотреть, как части 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, утомленные двухдневным боем, полуголодные, в изорванной амуниции и одежде, часто без сапог, задыхаясь от страшной пыли, под палящими лучами июльского солнца, отбивали ногу и бодро шли под звуки полкового марша. Генерал Стессель благодарил проходивших мимо него героев за их отличную службу.

Японцы опять нас не преследовали, и это позволило нам завершить отступление в полном порядке.

К вечеру, однако, стало совершенно очевидно, что японцы идут по направлению к Артуру. Их колонны были уже видны на перевале Шининцзы.

В 5 часов 20 минут грянул «первый» выстрел с Армстронговской батареи капитана Высоких 1-го по японской кавалерии, переходившей перевал.

Это был первый выстрел, раздавшийся с сухопутного фронта оборонительной линии крепости, и я его записал...

Вот что писал «Новый край»:

«15 июля, 7 часов утра (по телефону).

Перемена позиций, попросту прямо отступление на правом фланге, согласно приказанию начальника 7-й дивизии, генерал-майора Кондратенко, была начата в 4 часа 30 минут утра.

Этот боевой маневр, благодаря прекрасной организации, совершен в полном порядке. Все части отряда правого фланга передвигались под прикрытием батареи Скрыдлова, взводы которой расположены на различных, высотах, и под прикрытием прибывшего свежего батальона.

Потери у нас сравнительно ничтожны.

Части отходили, останавливая залповым огнем слабо наседавшего неприятеля.

Войска, утомленные 48-часовым боем, под звуки оркестров занимали вновь указанные позиции в бодром состоянии духа.

Несмотря на усталость, войска в отличном состоянии.

Вчера в 9 часов вечера, когда по всей линии смолкла пальба, в общем резерве полковника Семенова, в Лунвантанской долине, был исполнен народный гимн, покрытый восторженным «ура».

В это время противник прорвался в центр и занял одну из высот Зеленых, гор. Удар был настолько сильным, что наши войска подались, но прибывший генерал Кондратенко в

сопутствии полковника Семенова повели их вновь в атаку, и, несмотря на значительное численное превосходство противника, высота была взята обратно.

Перемена позиции на левом фланге была произведена в том же порядке под начальством генерал-майора Фока. Переход войск на новые позиции был произведен вследствие приказания и под общим руководством генерал-лейтенанта Стесселя».

16 июля

3-й и 7-й запасные батальоны и 13-й и 14-й Восточно-Сибирские стрелковые полки заняли позиции на Волчьих горах.

Настроение в городе вследствие последних неудач подавленное.

Потери наши в последних боях на перевалах, насколько я мог собрать о них сведения, состояли из 300 убитых и до 1225 раненых. Потери же японцев, по всем опросам моим, надо было считать от 8 до 10 тысяч.

Десять неудачных атак горы Юпилаза обошлись им в несколько тысяч человек, больших потерь им стоила также атака «Скалистого редута» на левом фланге наших передовых позиций.

Здесь надо добавить, что японцы в составе своей артиллерии имели две 6-дюймовые бризантные батареи, которые обстреливали главным образом левый фланг нашей растянутой на 22 версты позиции.

Сегодня я посетил одного из моих корпусных товарищей 14-го Восточно-Сибирского стрелкового полка капитана Ушакова, который, при взрыве лиддитовой бризантной бомбы в его окопе, получил 14 ран осколками.

Все госпитали переполнены ранеными.

Поведение наших войск в последних боях было, безусловно, выше всяких похвал.

Вот что говорит об этом сегодняшний приказ генерала Стесселя.

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района

Июля 16-го дня 1904 года. Крепость Порт-Артур

№ 437

13-го числа, с 6? час. утра японцы начали сильно обстреливать наши позиции по всему фронту, особенно сильно обстреливали на правом фланге Зеленой горы, в центре перевала Шининзы, высоты 163 и гору Юпилаза. Одновременно с

обстреливанием японцы повели атаки, но, несмотря на очень сильную подготовку огнем, атаки им не удались: везде они были отбиты.

Последние выстрелы были уже в темноте, в 8 час. 45 мин. вечера, итого бой длился 14 часов. Потери наши за этот день: убитыми: офицеров — 1 и нижних чинов — 98, потери японцев очень велики.

14-го числа с 5 час. неприятель вновь начал сильную канонаду, выдвинув против нашего левого фланга, у Инчензы, новых 70-80 орудий, а сзади уступов у Анзысана до 20 орудий большого калибра. Из этих-то больших орудий такие же стояли и в центре, он начал буквально забрасывать Юпилазу и высоту 139 у Таленгоу. Мелинитовые бомбы производили разрушение, будучи первым случаем в военной истории, чтобы против полевых позиций были выдвинуты 6-дюймовые пушки.

Атаки противника против Зеленых гор, высоты 163, отряда капитана Ташкевича, Юпилазы и других не имели успеха, хотя противник подходил в упор и его отбивали даже камнями; в этот славный день атаки окончились к 7? часам, т. е. продолжались 14? часов. Несколько орудий нашей славной артиллерии были подбиты и пришли в негодность, часть пулеметов разбита. Комендант Юпилазы подполковник Гусаков убит. Наши потери за 14 часов: офицеров 3 и нижних чинов 100. Потери противника громадны, да иначе и быть не может. Нас укрывали отлично построенные блиндажи; противник хотя пользовался закрытиями, но все-таки должен был двигаться открыто. Появление большого числа орудий крупного калибра сильно ухудшило наше положение, но все-таки после совещания с главными начальствующими лицами я отдал приказание держать позиции. На третий день ночью противник против левого фланга орудия свои продвинул вперед и, разумеется, тем приобрел новое преимущество бить наши отличные крытые блиндажи; хотя инженером штабс-капитаном Сахаровым за ночь и было исправлено все на Юпилазе, но такое исправление под огнем дело трудное. Ночью около 11 часов противник атаковал Зеленые горы и на некоторое время удержал их, затем был отброшен и вновь атаковал, занял некоторые участки этих гор. Частям 7-й дивизии приказано было перейти на другой берег Лунквантана. Появление большого числа орудий крупного калибра против наших полевых заставило подумать, чтобы и нам недостаток этот восполнить. Занятие Волчьих гор давало возможность принять участие и орудиям крепости и флота, и я в 4 часа утра приказал отойти на Волчьи горы; отход среди дня при теперешнем оружии равен поражению, но мы его совершили блестяще, с малыми потерями:

убито офицеров 1 и нижних чинов 50. 16 июля будет днем нашей славы и полного конфуза противника, который, потеряв за трехдневный бой массу народа, потерял и дух, и, видя, что наши войска среди дня переходят на его глазах да еще под музыку на Волчьи горы, не осмелился преследовать и поражать нас. Только Господь Бог Его Великим промыслом оградил своих православных воинов. Слава начальникам, слава войскам, совершившим геройские подвиги в трехдневном бою 13-го, 14-го и 15 июля.

Душевная и искренняя благодарность генералам Фок, Кондратенко, как главным вожакам боев; Никитину, Надеину, всем гг. командирам полков, бригад артиллерии, начальникам штабов и адъютантам; батарейным, батальонным и ротным командирам. Всем гг. офицерам, начальникам славных охотничьих команд, инженерам, врачам и всем прочим лицам, выполнившим свято свой долг.

Перед вами кланяюсь, герои охотники, стрелки, артиллеристы, саперы, пограничники, морские команды и дружинники, соревновались одни перед другими.

Спасибо вам, герои! Благодарю гг. докторов, как сухопутного ведомства, так и морского, за их самоотверженную помощь, все было образцово.

Дни 13-го, 14-го и 15-го составят славу наших войск. Ура!

Положившим живот свой за Веру, Царя и Родину вечная память...

Генерал-лейтенант *Стессель*

17 июля

Все надежды на то, что японцы не перейдут скоро в дальнейшее наступление, однако, не оправдались.

Японцы, не дав нам времени устроиться и укрепиться на Волчьих горах, перешли сегодня утром в наступление большими массами. Войска наши принуждены были поспешно очистить укрепления Волчьих гор, которые были устроены весьма своеобразно и даже оригинально по личным указаниям генерала Фока.

Так, например, генерал Фок велел рыть окопы не по вершинам и склонам гор, а внизу, у подошвы. Результатам этого было то, что войска, принужденные оставить эти окопы, должны были при отступлении всходить на свои же горы, под страшным огнем неприятеля. Этим главным образом и можно объяснить большие наши потери за этот день.

Все войска вошли сегодня в крепость.

Солдаты, дравшиеся почти без отдыха в течение 4 дней, имеют измученный вид. Но, несмотря на страшное утомление и целый ряд неудач, настроение в гарнизоне бодрое.

18 июля

Сегодня, по каким-то для меня необъяснимым причинам, был выпушен с гауптвахты еврей Серебряник, которого я и встретил свободно разгуливающим по крепости, хотя против него не оказалось «прямых» улик в шпионстве, но зато «косвенных» доказательств было слишком достаточно. Будь на месте нас, русских, немцы, англичане или американцы, конечно, этот подозрительный еврей был бы давно уже повешен.

Настроение в городе тоскливое, в особенности среди интеллигенции.

ПРИКАЗ

коменданта крепости Порт-Артур

18 июля 1904 года

№ 490

Доблестные защитники Порт-Артура!

Настал час, когда все мы соединились для защиты той пяди Русской земли, которая именуется крепостью Порт-Артур.

Наш Великий Царь и наша общая мать родина Россия ожидает от нас беззаветного исполнения нашего святого долга — защиты сей крепости от врага. Пусть каждый из нас вспомнит слова святой присяги и утвердится в мысли, что нет ему иного места, кроме назначенного на верках крепости. Как наши предки, мы не поступимся ни одним шагом Русской земли, постоим за себя и накажем врага за его дерзкое нападение на нас.

С нами Бог, разумейте языцы!

Приказ этот прочесть во всех ротах, батареях и командах.

Комендант крепости

генерал-лейтенант *Смирнов*

19 июля

Ночью на 19 июля шел дождь.

Массу хлопот и затруднений нашим войсковым частям, находящимся на передовых позициях, доставляют гаолян и

другие злаки.

Согласно приказам генерала Стесселя за № 344 и № 361 (от 4 июня), как войскам, так и мирному населению воспрещалась косьба китайского хлеба, даже и за деньги.

Теперь же наши солдатики выбиваются из сил, чтобы в кратчайший срок повалить гаолян, достигший местами высоты человеческого роста.

В нескольких местах против правого фланга нашей крепости попытки скосить его окончились неудачей, так как японцы открывали по гаоляну сильную стрельбу и даже устраивали в нем засады всякий раз, как солдаты наши выходили на работы. Вблизи же наших укреплений весь гаолян и чумизу удалось скосить сравнительно благополучно.

Насколько можно заметить, японцы сильно торопятся скорее окончить свои осадные работы и постройку своих батарей. Сегодня в 5 час. дня батарея Лит. Б открыла стрельбу по работающим японцам и своими удачным выстрелами причинила им, по-видимому, значительные потери.

20 июля

Чудный питомник, находившийся вблизи 5-го временного укрепления, по приказанию начальства был сегодня весь вырублен войсками.

Грустно было смотреть на безжалостное опустошение этого «единственного» в городе уголка, где было так много зелени, ласкавшей взоры жителей Порт-Артура.

Ничего не поделаешь — война!

В городе сегодня говорили, что японцы уже исправили док в Дальнем и теперь производят там починки своих миноносцев.

Нечего сказать, хорошую услугу оказал нам г. Дальний и все те, которые так горячо ратовали за его постройку!

21 июля

Жаркий до духоты день.

Войска, под палящими лучами солнца, устраиваются и приводятся в порядок на новых своих позициях.

Ряд последних боев на передовых позициях обнаружил массу недостатков в устройстве обороны крепости. Ввиду этого в ней

теперь спешно выполняются наиболее неотложные работы. Сегодня узнал, что еврей Серебряник, выпущенный с гауптвахты, уехал в Чифу на шаланде, очевидно с целью сообщить кое-что японцам о нашей крепости, так как последние дни своего пребывания в Артуре он пользовался полной свободой и мог собрать массу ценных для японцев сведений.

Странные у нас порядки!..

22 июля

Жарко.

Войска продолжают усиленно косить гаолян.

О действиях японцев на суше нового ничего не слышно. Кое-где только появляются неожиданно новые траншеи, которые японцы незаметно возводят по ночам.

Сегодня японские суда расстреляли в виду Ляотешаня две шаланды, которые только что вышли из порта и направлялись в Чифу.

Между тем только дня два тому назад они очень любезно вернули обратно одну нашу шаланду, на которой хотели уехать в Чифу несколько наших коммерсантов.

Вообще после падения наших позиций на перевалах из крепости началось бегство европейцев и китайцев, которые целыми массами отплывали на шаландах в Чифу. Но это продолжалось всего несколько дней. В настоящее время бегство почти прекратилось.

Сегодня генерал Стессель получил печальное известие от генерала Флуга, что Инкоу занят японцами. Это был единственный пункт, через который доходили к нам немногие и редкие известия из внешнего мира. С его переходом в руки японцев всякое сообщение крепости с армией генерала Куропаткина неминуемо должно почти прекратиться.

23 июля

В расположении у японцев каких-либо особых перемен незаметно. Но в кажущемся затишье все время кипит работа. Незаметно для глаз постороннего наблюдателя японцы с лихорадочной быстротой по ночам возводят новые укрепления и роют новые траншеи. Скрытность их сказывается во всем. Так,

несмотря на все наши усилия, нам до сих пор не удалось определить точного местоположения их батарей, так как они их помещают за обратными скатами гор.

Среди наших войск я замечал двоякое отношение к своему делу: некоторые части выполняют все оборонительные работы на своих позициях с редкой энергией и быстротой. Другие — наоборот, относятся к ним совершенно равнодушно и ведут их с удивительной неохотой. По моему мнению, это различное отношение солдат к своим обязанностям зависит исключительно от командующего ими офицера.

24 июля

Сегодня узнал, что в числе прочих лиц, уехавших из Артура на шаландах, были и большинство служащих Русско-Китайского банка. В настоящее время всеми делами этого банка заведуют только четыре человека: г-да Мамонов, Буренин, Рихтер и Дроздов.

Первые два из них, как прапорщики запаса, несут, кроме того, службу на батареях. Господин Рихтер служит в одной из вольных дружин, а господин Дроздов поступил охотником в Квантунскую крепостную артиллерию и состоит в штате Зубчатой батареи.

Все эти лица с редкой энергией и добросовестностью несли во все время обороны крепости тяжелую службу в войсках и в то же время успевали заведовать всеми делами банка.

Единственно благодаря их трудам дела банка все время были в полном порядке, и это дало возможность многим из жителей Порт-Артура сохранить в целости свои небольшие сбережения.

25 июля

Жара и духота небывалые.

По случаю начала осады из нашей церкви с 10 утра начался крестный ход. Громадная толпа народа шла за церковной процессией. Тут были и масса рабочих из порта и служащих из магазинов, и местные обыватели, множество женщин и, наконец, свободные от службы офицеры и солдаты.

Это была торжественная и трогательная картина.

Жители осажденного города в гробовом молчании, с серьезными лицами, без шапок, под палящими лучами июльского

солнца медленно двигались по его узким улицам.

Около 11 часов утра посреди базарной площади был отслужен молебен о даровании победы. Все присутствовавшие, чувствуя себя оторванными от всего остального мира, вдали от родины, близких и родных, особенно горячо молились в эти тяжелые для каждого минуты.

Но торжественное молчание скоро было нарушено самым неожиданным образом.

В 11 часов 15 минут с неприятельской стороны раздался выстрел и «первая» граната со свистом прошипела и пронеслась как раз над головами молящихся. Она упала в порт, где и разорвалась.

Вскоре вслед за первой просвистели вторая и третья...

Молящаяся толпа дрогнула, кое-кто не выдержал и бросился спасаться бегством, но громадное большинство осталось и продолжало молиться. Как-то странно и жутко было смотреть на эту массу спокойно молящихся людей, над головами которых одна за другой, со зловещим свистом и воем пролетали неприятельские гранаты.

Японцы сделали в этот день с одной из своих, искусно укрытых, батарей около 30 выстрелов бризантными снарядами.

Все они легли в порт.

Это была «первая» бомбардировка Порт-Артура с сухопутного фронта. Причиненные ею потери и повреждения были довольно незначительны, а именно: один нижний чин убит и один ранен; во дворе фирмы «Кунст-Альберс» ранен в ногу индус-сторож; одна граната попала в броненосец «Цесаревич», и ранило несколько человек. Одному из них, как говорят, оторвало ногу. Кроме того, легкую рану получил адмирал Витгефт.

Около 3 часов дня японцы начали усиленно обстреливать наши передовые позиции Дагу-Шань и Согу-Шань, а к вечеру их пехота перешла в наступление. В это время полил такой страшный дождь, что принудил японцев приостановить движение. Ружейный огонь и кудахтанье пулеметов продолжались, однако, всю ночь. Ночь была удивительно темная. Не видно было ни зги. Лил дождь.

Густой мрак ночи прорезывали только яркие лучи наших прожекторов да вспышки ракет, которые пускались нашими солдатами для освещения местности.

Вряд ли кому спалось в эту зловещую тревожную ночь...

26 июля

Сегодня японцы с утра начали обстреливать наш порт 120-миллиметровыми снарядами. Около 10 часов утра один из их снарядов зажег под Золотой горой склад масла и керосина, принадлежавший Морскому ведомству. Скоро все склады были объяты пламенем. Пожарище было ужасное. Клубы черного дыма застилали почти всю гору. Огненные языки, взрывавшиеся при взрыве бочек с керосином, достигали десяти сажен высоты.

Для тушения пожара были вызваны команды матросов и пожарных, которым с трудом удалось его прекратить только к 12 часам дня.

К счастью для тушивших команд, японцы почему-то не обстреливали места пожара, а то, наверное, не обошлось бы без крупных жертв.

Сегодня наши батареи приморского флота и часть морских орудий открыли перекидную стрельбу по квадратам.

Около часу дня японцы прекратили стрельбу по порту и перенесли весь свой огонь на подошву Перепелиной горы. Снаряды их начали падать вблизи зданий 3-й батареи.

Почти одновременно с этим японцы снова повели наступление на Дагу-Шань. Обе укрепленные нами вершины были буквально засыпаны японской шрапнелью.

В то же время часть японской пехоты подошла к подошве этих гор и залегла в долине, в мертвом их пространстве.

Тогда генерал Смирнов попросил адмирала Витгефта обстрелять с моря долину перед Дагу и Согу-Шанем. Для этой цели тотчас были посланы крейсер «Новик» и одна канонерка с несколькими миноносцами, которые некоторое время и обстреливали усиленно указанную долину. Результаты этой стрельбы, однако, нельзя было определить ввиду пересеченной местности.

Около часу дня всякая стрельба на нашем правом фланге прекратилась и бой на время затих.

Но около 8 часов вечера он возобновился с новой силой. Японцы буквально засыпали Дагу и Согу-Шань своей шрапнелью, которая целыми тучами проносилась в воздухе, неся смерть и разрушение. Под зашитой своей артиллерии японцы большими массами снова повели атаку на Дагу-Шань. Наша пехота, совершенно засыпанная и забитая в своих окопах и блиндажах японской шрапнелью, не успела даже вовремя открыть огонь по атакующим колоннам. Японцы с непостижимой быстротой взошли по почти отвесным склонам и заставили защитников Дагу-Шаня поспешно очистить их позиции и отступить. Увидев, что Дагу-Шань в руках японцев, наши войска, оборонявшие Согу-Шань, покинули свои позиции без боя. Во время своей атаки

японские колонны несли огромные потери от огня нашей крепостной артиллерии, но остановить их натиск невозможно было никакими усилиями.

О наших потерях нет пока никаких точных сведений. Знаю только, что в числе других убит шрапнелью в голову один из самых дельных офицеров Квантунской саперной роты штабс-капитан Эслингер.

Во время сегодняшнего боя особенной стойкостью отличались две роты пограничной стражи.

«Новый край» писал о сегодняшнем дне:

«26 июля, в 8 часов вечера, последняя незначительная часть войск правого фланга после упорного двухдневного боя отошла за верки крепости.

Противник стремительно, целыми массами, вел несколько атак, подвергаясь сильнейшему артиллерийскому огню всего нашего восточного фронта и части береговых батарей.

Когда неприятелю удалось, наконец (вернее, когда нашим приказано было отойти, во избежание лишних потерь), занять Дагу-Шань и Согу-Шань с огромными потерями, численность которых определить очень трудно, с целью, конечно, установить за ночь батареи, — наша артиллерия по приказанию генерал-лейтенанта Смирнова развила настолько сильный огонь по квадратам и прицелу, что не только возводить какие бы то ни было сооружения, но даже далеко кругом не было никакой возможности держаться. Наутро все склоны Дагу-Шаня были изрыты.

Снаряды огненным ливнем всю ночь омывали Аагу-Шань».

27 июля

Сегодня окончательно выяснилось, что Дагу-Шань и Согу-Шань заняты японцами.

Наша артиллерия целую ночь на 27 июля обстреливала оба эти пункта, но без особого успеха.

Крейсер «Новик», канонерки «Гиляк» и «Отважный» и часть миноносцев выходили в море и тоже стреляли по японским позициям, но с приближением к бухте Тахэ нескольких японских судов принуждены были отойти под Золотую гору, где и простояли весь день.

Утром я поехал на Опасную гору и случайно был свидетелем удивительно интересного зрелища, а именно нашей попытки захватить обратно отданный накануне Дагу-Шань. К сожалению,

эта попытка окончилась полной неудачей.

День был ясный и безветренный. Воздух был чист и прозрачен. Я любовался с вершины Опасной впереди лежащей цепью гор, за которыми скрывалась вся японская армия. Японцы ничем не обнаруживали своего присутствия. Изредка только мелькали кое-где отдельные фигуры людей. Вообще же вся местность казалась вымершей и как-то трудно было себе представить, что сейчас же за этой цепью гор стоит целая армия в несколько тысяч человек с несколькими сотнями орудий.

Около 11 часов на Опасную гору приехал один из моих товарищей и сообщил, что по приказанию генерала Смирнова на Дагу-Шань посланы отряд охотников и две роты с целью атаковать его и попытаться отбить четыре наших орудия, оставленных вчера нашими войсками при их поспешном отступлении.

Мы с особенным вниманием стали следить за вершиной Дагу-Шаня.

Японцев на ней по-прежнему не было видно.

Вдруг я ясно различил 12 или 15 наших стрелков, поднимающихся редкой цепью по склонам этой горы. Стрелки, укрываясь от глаз неприятеля за огромными глыбами камней, быстро приближались к вершине.

Одновременно с этим одна из рот 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка вышла из линии наших окопов, очевидно, на подмогу нашим стрелкам.

Командир роты тотчас же сделал непростительную ошибку, рассыпав цепь на совершенно открытом месте на вершине какого-то бугра. Совершенно было необъяснимо, почему он не воспользовался пересеченной местностью и не постарался возможно лучше укрыть свою роту.

Рота залегла, унтер-офицеры стали на колени. Все делалось с соблюдением всех правил, совсем как на параде, но, к несчастью, совершенно были забыты и условия окружающей местности, и сами задачи всего предприятия...

Рота находилась от вершины Дагу-Шаня шагах в 3000.

Между тем наши охотники успели взойти на вершину и залегли за камнями. Вскоре на горе послышались одиночные выстрелы и началась перестрелка между нашими охотниками и японцами, залегшими где-то на другой вершине.

Вдруг, неожиданно для всех, я ясно увидел группу японцев, которые бежали нижней траншеей, намереваясь обойти наших охотников. Так и хотелось крикнуть им и предупредить о грозящей опасности. К несчастью, они не могли, конечно, нас услышать, да и к тому же они были в это время заняты

перестрелкой с несколькими японцами, наступавшими на них с фронта. Но вот наши стрелки сами заметили обход и бросились бежать с горы. Японцы выскочили из окопов и открыли по ним огонь пачками.

В то время как наши охотники под огнем неприятеля спускались с Дагу-Шаня, рота 28-го стрелкового полка, рассыпанная на бугре, почему-то дрогнула и, хотя не находилась в сфере огня, побежала назад.

Я не успел еще опомниться, как на месте ротной цепи увидел не более 30 человек с совершенно растерявшимся офицером.

Все это произошло так быстро, что наша артиллерия только минут через пять спохватилась и открыла огонь по японцам, которые тотчас же рассыпались и укрылись в свои траншеи.

К счастью, все обошлось без потерь: японцы ранили у нас только одного охотника.

Так окончился наш неудачный контрштурм.

Сегодня, во время перекидной стрельбы японцев по порту, несколько их снарядов попали в наши броненосцы: «Ретвизан», «Пересвет» и «Победу».

28 июля

Сегодня, неожиданно для всех, наша эскадра снялась с якоря, вышла в море и в 8 3/4 часов утра, взяв курс вправо вдоль берегов Тигрового полуострова, пошла во Владивосток.

Я только случайно вчера поздно вечером узнал о назначенном на сегодня ее выходе и благодаря этому имел возможность наблюдать за ним с вершины Электрического утеса.

Все присутствующие артурцы провожали наших моряков искренними пожеланиями полной удачи.

Как ни было неожиданно отплытие эскадры, однако наши моряки не забыли прихватить с собой и кое-кого из своих дам.

Таким образом, с уходом эскадры у нас уменьшилось и количество прекрасного пола.

В 11 часов утра, 5 часов дня и ночью, около 12, с моря доносились отдаленные звуки канонады. Все заставляло предполагать, что неожиданный выход нашей эскадры застал японцев совершенно врасплох.

В девятом часу вечера миноносец «Решительный» ушел в Чифу, очевидно, с донесением в С.-Петербург о выходе эскадры для прорыва во Владивосток.

На том же миноносце уехали из Артура артиллерийский

подполковник Меллер и корабельный инженер Беженцев. Оба они получили за свою деятельность в Артуре Владимирские кресты и, вероятно, сочли свое присутствие в крепости, после ухода эскадры, совершенно лишним.

Сегодня, во время перекидной стрельбы японцев, мне случайно довелось быть очевидцем тяжелой картины: один из неприятельских снарядов упал на шоссе близ Пушкинской школы как раз в то время, когда по дороге шли четыре солдатика, возвращавшиеся со смены караула. Все четверо пострадали. Из них двое были ранены смертельно, у одного оторвало ногу, а последний счастливо отделался небольшой сравнительно раной. Пострадавших отнесли в ближайший госпиталь.

Их жалобные стоны звучали у меня в ушах целую ночь.

29 июля

Рано утром меня разбудил мой вестовой со словами:

— Ваше Высокоблагородие, «Ретвизан» вернулся.

Я не выдержал и выругал его за донесение, показавшееся мне совершенно нелепым.

— Откуда ты это узнал? — спрашиваю.

— Своими глазами видел, он теперь уже входит в порт, — отвечает вестовой.

Охваченный неописуемым волнением, я вскочил с постели, оделся и поспешно поехал на Двурогий холм.

Увы! Оказалось, что мой вестовой не ошибся...

Я увидел печальную картину. Наша эскадра, в полном беспорядке, не соблюдая строя, тихо приближалась к Артуру. Броненосец «Ретвизан» входил уже в гавань. У некоторых судов видны были повреждения, у броненосца «Пересвет» были сбиты обе мачты. Очевидно, эскадре пришлось вынести жаркий бой с неприятелем. В рядах ее не хватало крейсеров «Диана», «Новик», «Аскольд», броненосца «Цесаревич» и шести миноносцев.

Все вернувшиеся суда около 12 часов вошли в гавань.

Печальное возвращение нашей эскадры произвело самое удручающее и тяжелое впечатление на весь гарнизон, тем более что никто не имел ни малейшего представления об истинном положении дел.

Только вечером я имел возможность расспросить некоторых из морских офицеров об обстоятельствах встречи нашей эскадры с японцами. Но и от них мне не удалось добыть каких-либо точных сведений, так как все их рассказы были крайне

разноречивы.

В общих же чертах сражение 28 июля представлялось в следующем виде.

После выхода нашей эскадры японцы в течение целого дня тщательно следили за ней. Между тем весь их флот сосредоточился у берегов Шантунга.

Завидев издали наши приближающиеся суда, японцы взяли параллельный нам курс и открыли огонь по нашему головному флагманскому броненосцу «Цесаревич».

Нашей эскадре тоже было отдано с «Цесаревича» приказание сосредоточить весь огонь на головном неприятельском броненосце. Однако этот сигнал почему-то не был принят нашей эскадрой, и приказание командира не было исполнено. Не имея общего руководительства, эскадра наша вела стрельбу совершенно бестолково, без общих целей и задач. Каждый броненосец действовал самостоятельно, без определенного плана. Так, броненосец «Ретвизан» вышел почему-то из общей линии и пошел навстречу японской эскадре на таран.

Темнота надвигающейся ночи внесла еще больший беспорядок и путаницу в действия как нашей, так и японской эскадры.

Стало совершенно невозможным отличать свои суда от неприятельских. Некоторые моряки меня уверяли впоследствии, что некоторые наши суда стреляли в своих же. То же самое я слыхал и от матросов.

У нас особенно сильно пострадал броненосец «Цесаревич», на котором с самого начала боя был сосредоточен весь огонь неприятельской эскадры. У него оказался испорченным рулевой аппарат, вследствие чего он потерял всякую способность управляться и начал кружить на одном месте. Вскоре на нем был поднят сигнал: «Передаю командование эскадрой старшему».

Старшим был адмирал князь Ухтомский, который немедленно принял командование. Одни рассказывают, что Ухтомский тотчас же поднял сигнал: «Идти в Артур». Другие, наоборот, уверяют, что суда начали поворачивать в Артур совершенно самостоятельно.

Так или иначе, но наша эскадра, оставив на произвол судьбы свое «флагманское» судно с адмиралом Витгефтом, вместо того чтобы защищать его и твердо продолжать свой путь на Владивосток, повернула назад и врассыпную, в страшном беспорядке, пошла к Артуру.

Это была страшная ошибка, имевшая самые ужасные последствия.

Японцы в этом сражении понесли, очевидно, тяжелые потери,

и флот их был сильно ослаблен. Ясным доказательством этому служит то, что они не только не преследовали нашу отступавшую эскадру, но даже не предприняли против нее ни одной минной атаки.

Благодаря этому суда наши поодиночке могли благополучно дойти до берегов Артура, встречаясь «неожиданно» друг с другом только у самой гавани, так как во время поспешного отступления каждый думал только о себе. О судьбе невернувшихся наши моряки ничего не знали, и мы их считали погибшими во время боя, кроме быстроходных крейсеров «Новик» и «Аскольд», которым, по общему мнению, удалось прорваться во Владивосток.

Потери в нашей вернувшейся эскадре были незначительные, если принять во внимание продолжительность боя.

Из офицеров убит один и ранено восемь. Матросов убито и ранено до 150 человек. Из судов особенно сильно пострадал броненосец «Пересвет». С него сегодня свезли на берег полуживых от пережитых ужасов дам, которых любезный капитан 1-го ранга Бойсман взял на свой броненосец для веселой и приятной прогулки во Владивосток.

«Новый край» в своем морском отделе написал о бое 28 июля следующие немногие строки:

«Флот наш, вышедший, как известно, вчера в море, имел весьма жаркий бой с неприятелем (в составе 4 броненосцев, 3 бронированных крейсеров и 3 крейсеров 2-го класса при 30 миноносцах).

Бой этот покрыл неувядаемой славой наших героев, моряков».

Не знаю, что именно хотел выразить в последних своих словах господин редактор.

Предоставляю решить этот вопрос самому читателю.

Перекидная стрельба японцев по городу велась сегодня, не умолкая, и днем, и вечером.

30 июля

Стрельба японцев, по обыкновению, продолжается весь день и не смолкает и вечером. До сих пор, несмотря на все страдания, не удается определить местоположение японской 120-миллиметровой батареи, с которой главным образом и ведется перекидная стрельба.

Вечером в Новом Городе снарядами убиты три лошади. Несколько других снарядов попали в нашу церковь и в магазины «

Кунст-Альберс» и Кандакова.

Встревоженные зрители начинают покидать Старый Город и переселяются в Новый.

Сегодня же японцы некоторое время бомбардировали 3-е временное укрепление и Курганскую батарею фугасными бомбами, но не причинили никаких разрушений и потерь.

Я думаю, что это была только пристрелка.

31 июля

Пасмурный день. Моросит мелкий дождь.

Угнетенное настроение в публике после неудачного выхода эскадры начинает понемногу рассеиваться.

Вчера, как я узнал, японцы выпустили по 3-му временному укреплению тридцать два 120-миллиметровых снаряда. Несмотря на это, повреждения в форту самые незначительные.

Сегодня они опять открыли стрельбу по 3-му форту и по 3-му временному укреплению и дали до 150 выстрелов.

Кроме фугасных снарядов, они стреляли по фортам и шрапнелью, но без всяких результатов. Ни разрушений, ни потерь людьми не было.

Получены сведения, что против Артура действует армия в шесть дивизий, то есть до 70 тысяч.

Японцы, по-видимому, намерены в ближайшем будущем атаковать наш первый сектор крепости, то есть наш правый фланг.

Флот начал чиниться.

Машины оказались все в полной исправности. Вообще никаких, кажется, серьезных повреждений нет.

Теперь почти все моряки единогласно утверждают, что во время боя и японские, и наши суда после сигнала адмирала князя Ухтомского почти одновременно отступили в разные стороны.

Рассказывают, что наш броненосец «Ретвизан» своим метким огнем снес мостик на японском флагманском судне «Миказа» и заклинил у него одну башню, так что «Миказа» должен был стрелять только двумя 12-дюймовыми орудиями.

«Ретвизан» хотел его даже таранить и приблизился уже к нему на 12 кабельтовых, но броненосцу «Миказа» удалось ускользнуть.

Из всех этих и многих других рассказов о подвигах наших моряков можно заключить, что броненосец «Ретвизан» действительно дрался храбро и отчаянно.

Печально только одно, что, вероятно, наша эскадра имела полную возможность прорваться во Владивосток, но почему-то ею не воспользовалась

Август

1 августа

Дождливый, туманный день.

Рано утром узнал, что японцы начали обход нашей Угловой горы.

К 9 часам утра я приехал на 4-й форт. Со стороны Угловой слышалась сильная артиллерийская канонада. Бой был в полном разгаре, и целый град шрапнели и лиддитовых бризантных снарядов осыпал наши позиции. От взрывов снарядов то тут, то там поднимались клубы черного дыма.

Японцы уже четыре раза атаковали Угловую гору, но пока все их атаки были отбиты.

За обратным скатом одного из холмов стояла наша скорострельная батарея. Время от времени наши солдатики быстро выскакивали из блиндажей и, произведя несколько выстрелов, снова спешили укрыться от шрапнели, которой японцы все время обсыпали нашу батарею.

Было странно сознавать, что в эти минуты любуешься и наблюдаешь не за простой картиной, а за боем, жестоким боем, в котором гибнут десятки, а может быть, и сотни человеческих жизней.

Вдруг, около 11? часов утра, как раз над нашими головами прошипел снаряд и, пролетев над 4-м фортом, упал в овраг.

Все бросились в бетонные казематы.

Вскоре послышалось еще несколько выстрелов по нашему форту, но все были перелеты.

Около часу, когда я уже уезжал с форта, к нему подъехал генерал Фок, начальник резервов в крепости. Генерал неистово ругал кого-то за то, что ему вовремя не доносят о необходимости двинуть куда надо его резервы. Вслед за этим он быстро прошел в казематы форта, а я поехал в Старый Город.

Канонада между тем продолжалась и не смолкала в течение целого дня.

О результатах наступления японцев ничего достоверного я узнать сегодня не мог.

2 августа

Идет сильный дождь. На улицах непролазная грязь.

Еще с раннего утра японцы снова начали усиленно бомбардировать Угловую гору. Около полудня они повели на нее энергичную атаку, но были отбиты. Это была, кажется, пятая по счету атака Угловой горы.

Видя, что все усилия их тщетны, японцы решили на время оставить Угловую в наших руках, а пока занять лишь маленькую горку, лежащую впереди только что названной позиции. Ее обороняла одна из наших охотничьих команд. На эту-то маленькую вершину и обрушился весь огонь японской артиллерии. Вся она была буквально засыпана шрапнелью. Я, следя по часам, насчитал до 50 разрывов шрапнели в минуту над этим несчастным укреплением, как оказалось впоследствии не имевшим даже блиндажей.

Потеряв почти половину своего состава, наши охотники принуждены были бросить окопы и отступить. Их место тотчас заняла японская пехота, овладевшая нашей позицией почти без единого ружейного выстрела: все было сделано одним артиллерийским огнем.

Но теперь японцы, в свою очередь, подверглись сосредоточенному огню нашей артиллерии.

Несмотря на это, им удалось удержать эту позицию в своих руках, так как контрштурма мы не предприняли.

Весь день на Угловой стояли рев орудий и трескотня ружейной перестрелки.

По порту японцы в течение дня открывали стрельбу три раза.

Настроение в гарнизоне крайне нервное.

3 августа

Сегодня выяснилось, что наши потери за 1 августа достигают 150 человек, а за 2-е — до 200.

За эти же дни, как я узнал, ранены Генерального штаба подполковник Толшин в обе ноги и руку и охотничьей команды 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка подпоручик Андреев, у которого оторвало осколком четыре пальца.

Несмотря на отчаянные усилия японцев, они за два дня штурма ничего не смогли сделать, и все их атаки на Угловую гору были отбиты. Сегодня японцы наступления не предпринимают. Весьма вероятно, что причиной этому служит отчасти ужасное состояние почвы: всю ночь лил сильнейший дождь и грязь стоит невероятная.

В деле 2 августа на Угловых горах принимал деятельное участие один из флотских экипажей, который состоял исключительно из новобранцев, обученных пехотными офицерами. Под их командой роты этого экипажа несколько раз ходили в контратаку и вели себя выше похвал. К несчастью, в одной из атак они попали под сильный огонь японцев и понесли громадные потери до 88 человек.

В крепость сегодня приезжал японский парламентер, но цель его приезда пока никому не известна.

Часть орудий флота и Золотой горы стреляли сегодня по японским позициям.

Мяса в городе нет. Кур очень мало, на базаре было только два цыпленка, за которых просили по 2 рубля за штуку.

Белый хлеб приходит к концу, и достать его очень трудно.

Солдатам начали давать конину.

В магазинах остались только рыбные консервы.

4 августа

Ночью шел дождь. Погода пасмурная.

Японцы в течение ночи два раза пробовали атаковать Угловую гору, но оба раза были отбиты.

Флот исправляет свои повреждения.

Японский парламентер, как оказалось, привозил вчера два очень любезных письма: одно — коменданту крепости, а другое — командиру эскадры с предложением сдаться.

Генерал Стессель ответил японцам любезным отказом.

Гарнизону же был отдан такой приказ.

По войскам Квантунского укрепленного района

4 августа 1904 года

№ 496

Славные защитники Артура!

Сегодня дерзкий враг через парламентера, майора Мооки, прислал письмо с предложением сдать крепость. Вы, разумеется, знаете, как могли ответить русские адмиралы и генералы, коим вверена часть России; предложение отвергнуто. Я уверен в вас, мои храбрые соратники, готовьтесь драться за Веру и своего обожаемого Царя. Ура!

Бог всесильный поможет нам.

Генерал-лейтенант *Стессель*

Сегодня три еврея 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка дезертировали к японцам.

Это пока первый случай.

5 августа

Жаркий день. Небо совершенно безоблачно.

В 1 час и 4 часа дня японцы вели по городу перекидную стрельбу. Два снаряда упали недалеко от сводного госпиталя. Повреждений никаких нет.

6 августа

Сегодня японцы опять возобновили свои атаки на Угловую гору. Еще с утра они начали ее обстреливать усиленным артиллерийским огнем. Вся вершина Угловой дымилась, как вулкан, от бесчисленных разрывов лиддитовых снарядов и шрапнели.

Подготовив, таким образом, себе наступление, японцы перешли в атаку. Девять раз они шли приступом на наши укрепления, но каждый раз со страшными потерями должны были отступить перед геройской стойкостью наших войск. Одновременно с этим японцы вели еще усиленную стрельбу по некоторым другим пунктам, в том числе и по городу.

Около 3 часов дня я услыхал страшный рев орудий в нашем центре. Мне показалось, что японцы хотят прорваться в крепость по Мандаринской дороге. Но предположения мои не оправдались.

Около 6 часов вечера, при закате солнца, я следил за боем с одной из вершин вблизи 5-го временного укрепления. Потрясающая картина, которая представилась моим глазам, нескоро изгладится из моей памяти.

Старый и Новый Город весь был в огне. Орудия батарей и флота ревели неистово.

На Угловой горе шла страшная ружейная трескотня. Батареи Золотой горы. Электрического утеса, Двурогого холма стреляли по Волчьим горам, со стороны Голубиной бухты две японские канонерки тоже обстреливали несчастную Угловую гору.

В самом центре крепости, недалеко от Перепелки, горел арсенал. Ясно были слышны взрывы патронов и снарядов, красные языки пламени своими вспышками прорезывали клубы черного дыма. Пожарище было грандиозное. И вот в эти страшные минуты, при виде этой ужасной картины войны, с

редута Лесной горки неожиданно раздались звуки хорошенького вальса, исполняемого полковым оркестром...

Какой странный и мрачный контраст: тут картина беспощадной войны, смерти, разрушения — а там веселые звуки музыки, переносящие вас совершенно в иную обстановку!..

Только темнота наступившей ночи положила конец всем ужасам этого дня. Крепость не спала. Всю ночь то тут, то там раздавались одиночные выстрелы, а иногда даже целые залпы.

Только поздно ночью я узнал, что все атаки японцев снова отбиты. Все остальное за нами!

Днем слыхал, что наша канонерка «Гремящий» наскочила на мину и затонула. Все спасены, за исключением восьми человек машинной команды.

Вся тяжесть отбития атак на Угловую легла опять на геройский 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. Самое деятельное участие в этих боях принимали полковники Ирман и Третьяков.

7 августа

В 6 часов утра японцы перешли в решительное наступление на Водопроводный редут. Благодаря своевременно подоспевшему резерву в две роты, все отчаянные атаки японцев были отбиты с большим для них уроном. Трупы их наполняли весь ров редута и покрывали всю ближайшую окрестность.

Особенную храбрость и решительность при отбитии штурма проявил капитан Кириленко, который на бруствере редута лично рубился с атаковавшими его японцами.

Наши потери по 7 августа составляют убитыми и ранеными: до 627 нижних чинов и до 19 офицеров. Японцы с утра ведут усиленную бомбардировку 3-го форта. Можно ожидать, что они предпримут атаку на промежуток между 2-м и 3-м фортом.

Днем японцы, после неудачных атак Водопроводного редута, заняли деревню Шуйшиинь. Тогда все наши батареи Приморского фронта сосредоточили свой огонь на этой деревне и нанесли японцам громадные потери.

Вечером неприятель сосредоточил свою стрельбу на батарее Лит. Б, где тяжело ранен осколками командир ее, капитан Вахнеев. Кроме того, при взрыве порохового погреба получил тяжелые повреждения капитан Высоких 1-й, один из выдающихся артиллеристов.

Вечером японцы усиленно обстреливали город перекидным

огнем.

Около 6 часов вечера одна из наших чугунных бомб, пущенных батареей Золотой горы, преждевременно лопнула в воздухе, причем одна из ее половин упала около штаба укрепленного района, а другая — вблизи инженерного городка.

Сегодня к берегам Артура прибыл небольшой французский пароход с консервами и письмом от нашего военного агента в Пекине, полковника Огородникова. Большую часть провизии взял магазин экономического общества.

К несчастью, пароход почему-то совсем не привез мясных, самых необходимых консервов, а консервов спаржи, наоборот, привезено очень много.

Настроение в гарнизоне тревожное и нервное.

Ночь тихая. Светит луна...

8 августа

Целую ночь японцы вели по городу перекидную стрельбу. Регулярно через каждые 10 минут раздавался выстрел, слышалось шипение гранат, а затем их взрыв.

С раннего утра японцы опять открыли ожесточенный артиллерийский огонь, который продолжался целый день. Выстрелы наших и японских орудий сливались в один общий рев.

К 12 часам дня было приказано выдвинуть к правому флангу крепости все резервы. Одиннадцать вольных дружин, а также команды из писарей, денщиков и нестроевых были направлены на центральную ограду.

Гул артиллерийской канонады то утихал, то разгорался с новой силой. Разобраться во всем, что происходило, не было никакой возможности. Слыхал только, что все осталось за нами, кроме Угловой, которая будто бы отдана японцам.

Насколько это верно, не знаю.

Настроение в гарнизоне нервное. Начальство злое и не в меру раздражительное. На лицах солдат видны серьезность и сосредоточенность.

9 августа

В ночь на 9 августа японцы пробовали атаковать промежуток между 2-м и 3-м фортом, но потерпели неудачу. Все их атаки

были отбиты.

Для производства контратаки здесь впервые были пущены в дело морские десанты, которые, несмотря на страшные потери от огня неприятеля, лихо пошли в штыки.

Рано утром японцы повели атаку на правый фланг Длинной горы.

Наша артиллерия развила страшный огонь. Я слышал трескотню нескольких наших пулеметов, которые без перерыва плавно и хорошо работали в течение целых 45 минут. Ленты, очевидно, проходили не заедая, и бесчисленный град пуль осыпал штурмующих неприятелей.

Около 12 часов дня стало известно, что все атаки японцев на Длинную гору также отбиты со страшными для них потерями.

Около полудня японцы, чтобы подготовить себе атаку 1-го и 2-го редутов, открыли огонь по Зубчатой батарее, которая сильно мешала их наступлению. Направив на нее целый град шрапнели и фугасных бомб, они заставили ее защитников прекратить огонь и попрятаться в бетонные казематы и ближайшие блиндажи.

Воспользовавшись этим, японцы передвинули свои полевые батареи ближе к восточному фронту и подтянули к нему свою пехоту.

Развив потом невероятный огонь по 1-му и 2-му редутам и достаточно подготовив себе атаку, японцы густыми массами перешли в наступление.

При первом же натиске они захватили 1-й редут, но тотчас были оттуда выбиты нашими стрелками и десантными командами. Заняв снова потерянную было нами позицию, наши люди тотчас попали под сосредоточенный огонь японской артиллерии и понесли страшные потери, так как блиндажи почти все были разрушены и укрыться было решительно некуда.

В этих атаках редкой распорядительностью и отвагой выделился мичман Бок с командой своих комендоров.

Между тем японцы, поддержанные своими резервами, снова перешли в атаку. Завязался ожесточенный бой. 1-й редут несколько раз переходил из рук в руки. Около 2 часов дня японцы бросили сюда большие силы и снова повели наступление сразу громадными массами.

В редутах завязался ужасный рукопашный бой, на жизнь и смерть...

Штыки, приклады, банники — все было пущено в дело.

Упорство противника было необычайным.

Наконец, потеряв около 75 % в людях, под напором целой лавы свежих японских сил, мы должны были отступить и оставить 1-й и 2-й редуты в руках неприятеля.

Из 200 человек 5-й роты 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка осталось в живых 40 человек...

Комендант, генерал-лейтенант Смирнов, наблюдал за боем с Большой горы.

Японцы же еще с утра подняли у себя воздушный привязной шар, с которого во все время боя вели свои наблюдения. День был тихий и безветренный, и шар плавно покачивался в воздухе.

Днем, после усиленного обстреливания Саперной батареи, на ней произошел взрыв порохового погреба, а на форту был сильный пожар.

Около полудня я встретил у Саперных казарм 5-ю роту 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, возвращавшуюся после отбития ею японской атаки на так называемую Мертвую сопку. Оставшиеся в живых люди (их осталось не более 25 %) нервно шагали, делясь друг с другом недавно пережитыми впечатлениями. Многие солдатики шли с перевязанными руками и ногами. Помню ефрейтора Захарова, которому японец ударом байонета отсек мизинец левой руки. Захаров перевязал кисть руки какой-то тряпкой и не захотел покинуть роты. Впереди роты в разорванной и страшно окровавленной рубахе, с повязкой на шее, шел командир ее, поручик Стариков.

Он был ранен в голову еще в боях на Зеленых горах, но не пожелал лечь в госпиталь, а остался при роте и только недавно снял свою повязку.

В контратаке на Мертвую сопку поручик Стариков повел лихое наступление, выбил японцев и в штыковой схватке был ранен пулей в шею навылет. Кроме того, одна шрапнельная пуля попала ему в живот. К счастью, у него в этот момент висела через плечо фляжка с водой. Пуля пробила ее и, ослабев, застряла в ней, оставив на теле поручика Старикова лишь громадный синяк.

Скромный, никогда не говоривший о своих подвигах, поручик Стариков пользовался в полку всеобщим уважением и любовью, как среди своих товарищей-офицеров, так и среди подчиненных ему солдат, которые его обожали. Вообще Стариков, как редко лихой и храбрый офицер, симпатичный товарищ и сердечный начальник, служил лучшим украшением 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Теперь этот скромный герой с редкой простотой рассказывал о деле своей роты и только после долгих убеждений решился пойти на лечение в госпиталь.

Японская канонерка целый день стояла за скалой у Голубиной бухты и стреляла по нашим позициям. Два ее снаряда упали в 5-е временное укрепление и разрушили блиндаж.

Несчастий с людьми не было.

Так окончился 4-й день целого ряда усиленных штурмов японцев.

10 августа

После пятидневного обстреливания японцами и нами 1-го и 2-го редутов оба эти укрепления представляют теперь сплошные груды развалин. Вся местность около редутов, а также около Куропаткинского люнета усеяна нашими, а главным образом японскими трупами. В некоторых местах, говорят, лежат горы тел.

Начальнику жандармской крепостной команды, ротмистру князю Микеладзе, и ротмистру Познанскому отдано уже приказание начать, с помощью китайцев и санитаров, уборку этих трупов с ближайших укреплений.

Японцы сегодня обстреливали только город перекидным огнем, по позициям же стрельбы почти не было.

Батареи Золотой горы, Перепелки и Двурогого холма днем несколько раз открывали огонь и обстреливали 1-й и 2-й редуты и другие места японского расположения.

Японский воздушный шар продолжает летать над крепостью на громадной высоте.

Броненосец «Севастополь» ходил в бухту Тахэ и расстрелял там одну мину, которую вовремя заметил в нескольких саженях от себя. Но несколько минут спустя он налетел на другую мину и получил, как говорят, большую подводную пробоину.

Печально! Теперь не до починок...

Говорят, будто наши потери за все эти дни достигают в обшей сложности громадной цифры — 3500 человек. Особенно велики потери среди офицеров.

Сегодня умер от ран капитан Высоких 1-й.

В крепостной артиллерии убиты подпоручики Дударов и Мостинский.

Если считать, что у японцев, как у атакующих, потери должны быть приблизительно втрое больше наших, то у них выбыло из строя до 10 тысяч человек.

Точных данных пока нет.

К вечеру по всей линии обороны наступило полное затишье.

11 августа

Ночью японцы произвели сильную и энергичную атаку по направлению 1-го и 2-го редутов, дошли до Орлиного Гнезда и даже были на Заредутной батарее. Но утвердиться нигде они не смогли и должны были отступить. Один очевидец, капитан Линдер, уверял, что при наступлении японцы играли наши сигналы и этим вводили в заблуждение наших солдат. Только отчаянные крики офицеров заставили их не прекращать стрельбу.

Самое деятельное участие в отбитии штурма принимала 12-я рота 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, командир которой, капитан Малевич, был убит почти в самом начале штурма. Дальнейшее командование перешло к зауряд-прапоршику из вольноопределяющихся Зеленевскому.

Последний, услышав ночью какой-то шум со стороны японцев, пополз на гребень горы, чтобы выяснить положение дел. По другому склону навстречу ему полз японский офицер. И вот два врага совершенно неожиданно встретились друг с другом лицом к лицу на гребне горы. К счастью, зауряд-прапорщик Зеленевский успел выхватить шашку, убил японца, вызвал роту и начал отбивать наступление неприятеля. Он же со своей ротой помог артиллеристам отбить атаку на Заредутную батарею, на которую уже успели забраться несколько японцев.

Здоровенные крепостные артиллеристы работали здесь не только штыками и прикладами, но даже кирками, которые были им выданы для саперных работ.

Впоследствии я лично видел трупы японцев с черепами, пробитыми, очевидно, кирками или мотыгами.

Генерал-майор Горбатовский, начальник обороны этого сектора, получивший несколько донесений о наступлении японцев, сначала этому не поверил. Чтобы лично убедиться, он подъехал к Заредутной батарее и, остановившись внизу на дороге, приказал принести ему хотя бы один труп японца. Зауряд-прапорщик Зеленевский исполнил это странное приказание и положил перед генералом труп японского унтер-офицера.

Только после этого генерал уверовал и прислал резервы.

12-я рота 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка в течение ночи три раза бросалась в штыки для отбития атак. Наутро оказалось, что в ней из 200 человек выбыло: 19 убитыми, 87 раненых ушли в госпиталь и 16 пожелали остаться в строю.

За эти дни штурма на наших батареях были приведены в негодность несколько орудий. Так, на батарее Лит. Б подбиты три 6-дюймовые пушки в 190 пудов, на Заредутной батарее — две, на Саперной — одна, на Орлином Гнезде испорчены обе пушки Канэ.

Об остальных батареях точных сведений пока не имею.

В течение ночи японцы освещали наши позиции

удивительным по силе света прожектором. В сравнении с ним наши прожектора, взятые с военных судов, казались просто игрушками.

От 2 до 3 часов ночи японцы перекидным огнем обстреливали город. Флот и береговые батареи отвечали также перекидной стрельбой по японскому расположению.

Сегодня встретил раненного в голову штабс-капитана 15-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Мельникова, который, несмотря на жар и лихорадочное состояние, уехал на позицию к своей роте.

Два наших миноносца наткнулись сегодня в бухте Тахэ на мины. Миноносец «Внушительный» переломлен взрывом пополам и затонул, а другой получил повреждение и приведен в порт на буксире.

12 августа

Сегодня окончательно выяснилось, что редуты 1-й и 2-й заняты японцами.

Таким образом, на правом фланге крепости у нас остался только старый, плохо приспособленный китайский вал, который один должен служить защитой против дальнейших наступлений японцев.

Я лично еще днем ездил осматривать эту часть оборонительной линии, а ночью ознакомился с ней уже более подробно.

По моему мнению, со стороны японцев была сделана крупная ошибка, заключающаяся в том, что они не продолжали своего наступления именно в этом пункте. Брось они сюда 9 августа свежую дивизию или даже бригаду, и прорыв был бы вполне возможен.

Крайняя слабость оборонительной линии, утомление нашего гарнизона и небольшое расстояние, отделяющее китайский вал от 1-го и 2-го редутов, давали, по моему мнению, много шансов на возможность успеха. Очевидно, японцы и на этот раз поступили со своей обычной осторожностью. Не будучи точно осведомлены о состоянии нашей оборонительной линии и неся в этих пунктах громадные потери, они прекратили свои дальнейшие штурмы и, отступив, решили заняться правильной осадой крепости.

Еще днем я слыхал от наших солдатиков, что убитых японцев перед 1-ми 2-м редутом лежат целые тысячи. Хотя в воздухе действительно уже чувствовался запах гниющих тел, я все еще не

мог поверить, что потери японцев до такой степени велики. Однако вскоре мне пришлось убедиться в этом собственными глазами. Ночью, посетив Заредутную батарею и обойдя часть китайского вала, я осмотрел поле битвы.

Картина, представившаяся моим глазам, была поистине ужасная.

Груды человеческих тел лежали нагроможденные друг на друга в три, а в некоторых местах даже в четыре ряда...

Близ Заредутной батареи, в каких-нибудь 10-20 шагах, масса японцев лежала на скалах головами вниз. Большинство из них было с пробитыми черепами...

Трупы уже почернели; ременные пояса с подсумками врезались в распухшие животы и страшно безобразили тела. Часть трупов лопнули...

При дуновении ветра со стороны редутов к нам на позицию доносился невыносимый запах тысячи гниющих тел. Куда только хватало глаз, повсюду представлялось одно и то же: трупы, трупы и трупы...

Весь 1-й редут был разбит вдребезги. Колеса орудий, доски, бревна, оружие, снаряжение этого укрепления.

Одно из орудий, кажется 57-миллиметровая пушка, было каким-то шутником повернуто в нашу сторону.

Солдатики сообщили мне, что где-то здесь должен находиться труп одного офицера, который был убит во время штурма и оставлен при отступлении в редуте. Несмотря на все мои старания, я его разыскать не мог в этом хаосе разрушений.

Вдруг, вблизи первого укрепления, я заметил какое-то движение. Солдатики заявили, что это, по всей вероятности, ходят японские санитары. Но все увеличивающееся количество их начинало всех нас сильно тревожить. Я хотел даже послать за ротным командиром, но в это время один стрелок, обладавший чрезвычайно острым зрением, рассмотрел движущиеся фигуры и доложил: «Так что, Ваше Высокоблагородие, это наши стрелки обыскивают трупы японцев».

Действительно, это были наши солдатики, которые, пользуясь временным затишьем, повылезли из своих окопов и преспокойно обшаривали убитых японцев. Главной приманкой для них служили часы с компасом на ручном ременном браслете. Впоследствии почти у каждого солдатика на этой линии укреплений можно было найти такую принадлежность японского снаряжения, которую они носили с большой охотой. У кого был штык, у кого ружье или баклага для воды и т. п.

В эту же самую ночь крепостной артиллерии подпоручик Дьяконов тоже ходил между убитыми японцами и напоил

нескольких раненых водой. Но вместо благодарности один из них выстрелил в этого сердобольного офицера и ранил его в руку.

Начальство этой позиции находится в самом нервном и напряженном настроении. Завтра роковое 13-е число и поэтому есть большое вероятие штурма.

Однако это не помешало одному штаб-офицеру, командиру отдельной части, напиться пьяным и после изрядной перебранки заснуть в самом растерзанном виде под скалой и проспать там до самого наступления дня.

Настроение солдатиков серьезное и сосредоточенное. Никто почти не спит. Одни работают, другие внимательно следят за впереди лежащей местностью и напрягают свое зрение, чтобы проникнуть в ночную тьму и рассмотреть, что делается у неприятеля.

Помню, что при дальнейшем обходе позиций я наткнулся на разбитый наблюдательный пункт. Японский снаряд случайно попал как раз в переднюю его часть и почти завалил внутреннее его помещение.

Когда я взошел, то почувствовал под ногами что-то мягкое. Зажгли спичку. Туча мух поднялась с пола. Между обломками досок, бревен и земли мы увидели сапоги и часть шинели...

Очевидно, наш солдатик, наблюдавший за неприятелем с этого пункта, был убит случайно попавшим снарядом и завален его обломками.

Японцы в течение всей ночи редким огнем обстреливали нашу позицию. Гранаты пролетали главным образом над Заредутной батареей. Весь передний склон следующей за ней горы был изрыт, вернее, вспахан разрывами попадающих туда гранат.

Сама же Заредутная была совершенно разрушена. Два ее орудия были подбиты, бруствер сильно испорчен, часть блиндажей разбита.

Я с любопытством и уважением рассматривал здешних артиллеристов, которые так геройски отбили японскую атаку.

Около 3 часов ночи я зашел на перевязочный пункт и встретил там штабс-капитана Смирнова, который только каким-то чудом избежал смерти. Пуля пробила козырек его фуражки, в котором видно было входное и выходное ее отверстие. Штабс-капитан Смирнов отделался только легкой царапиной на лбу. Вот вам и счастье!..

Днем японцы усиленно обстреливали Старый и Новый Город.

13 августа

Ясный, солнечный день.

Днем японцы, по обыкновению, обстреливали порт и город.

Ночью пришлось опять побывать на Заредутной батарее.

По распоряжению начальства решено было принять наступление на 1-й и 2-й редуты. Однако около часа ночи это распоряжение неожиданно было отменено.

Около 3 часов ночи разразился страшный ливень, а вскоре поднялась сильная стрельба около Заредутной батареи. Я сперва подумал, что нас опять штурмуют, но оказалось, что произошло недоразумение: нервно настроенным солдатикам что-то померещилось, и они открыли огонь пачками.

Не обошлось и без несчастья. Один наш солдатик из заставы, отступая, попал под наш пулемет и был убит чуть ли не 20 пулями.

14 августа

Старый Город подвергся сегодня со стороны японцев особенно злому обстреливанию.

Стрельба в течение дня открывалась три раза: в 8 часов утра, в 12 часов дня и в 4 часа пополудни.

Вечером я уехал на позицию вблизи Заредутной батареи и пробыл там всю ночь.

Здесь я познакомился с молодецкою охотничьею командой 14-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Командир ее, подпоручик Немченко, был очень толковый, дельный и заботливый начальник и вместе с тем в высшей степени скромный и симпатичный человек.

Я любовался простыми и, видимо, сердечными отношениями между плечистыми, а иногда прямо атлетами-стрелками и худеньким, скромным, но энергичным их командиром.

— Ну, как ты смотришь на японцев? — спрашиваю старшего унтер-офицера.

— Противник подходящий, офицеры у них хороши, ну да и наш командир в обиду себя на даст, дай Бог ему здоровья, отец, а не командир, — отвечал мне серьезный и плотный унтер-офицер в расстегнутой рубашке.

Японцы опять целую ночь освещали наши позиции сильным прожектором и время от времени пускали по нашим саперам или шрапнель, или бризантный снаряд.

Наши полевые мортиры тоже обстреливали 1-й редут. К несчастью, чугунные снаряды часто лопались в воздухе, не

долетев до неприятеля. При мне был ранен наш солдатик у нас же на позиции. Рана была легкая, но раненый страшно вопил, конечно, больше от испуга, чем от испытываемой боли.

Подполковник Кириков выругал его, и он притих. Я пошел с ним на перевязочный пункт.

«Вот, Ваше Высокоблагородие, — жаловался мне раненый, — пять раз ходил в атаку, и Бог хранил, а тут от своей же артиллерии ранен. Ей-богу, обидно».

Гарнизоны укреплений не спали всю ночь.

По всей оборонительной линии шла легкая ружейная перестрелка. Часть людей усиленно работали на позициях, восстанавливали то, что было разрушено за день.

Между тем китайцы и санитары под надзором жандармов деятельно занимались уборкой тел, лежавших грудами впереди наших укреплений.

Ввиду сильной жары зловоние от гниющих тел до такой степени усилилось, что временами я чувствовал приступы тошноты.

15 августа

Чудный, ясный день. Тихо.

Японцы особенно усиленно обстреливали город около 4 часов дня.

Ночь провел опять на Заредутной батарее. Оборонительные работы подвигаются слабо, хотя главные повреждения почти все исправлены.

Около 11 часов ночи предположено было сделать наступление на 2-й редут одновременно и с фронта, и с тыла. Для этого надо было сделать обход со стороны Водопроводного редута. Однако эта вылазка не удалась, так как рота, вышедшая от Водопроводного редута, была замечена японцами и встречена сильным огнем. Целую ночь японская артиллерия обстреливала наши редуты. Несколько лиддитовых снарядов попало в передний склон Большого Орлиного Гнезда.

Изредка японцы открывали ружейную пальбу. Наши цепи не отвечали.

16 августа

Ночью опять был на позиции у Заредутной батареи, где на моих глазах произошел следующий случай. Во время работ несколько солдат хотели поднять и перенести бревно. В этот самый момент как раз над ними разрывается шрапнель. В результате — двое убитых и четверо раненых... От шальной пули, видно, нигде не убережешься.

Отсюда около 2 часов ночи я зашел на перевязочный пункт поболтать с докторами. Этот перевязочный пункт был расположен за Скалистым кряжем и представлял собой небольшое блиндированное помещение. Войдя туда, я увидел, что весь потолок и стены были черны от миллионов сидевших на них мух.

Простой стол для первых перевязок, тут же нары для докторов и фельдшеров составляли его скромное убранство.

Служебный персонал с редкой добросовестностью нес свои обязанности при самых тяжелых условиях работы и жизни.

«Здравствуйте, жаль, что приехали поздно, а то бы полюбовались героем, у которого в спине 8 шрапнелей, только что отправили в госпиталь, — говорил мне доктор, встречая меня на пороге своей землянки. — Представьте, я ему делаю перевязку, а он губу закусил и ни звука не проронил, а раны тяжелые, пожалуй, не выживет... „Больно?“ — спрашиваю, а он мне так отрезал, что я не знал, что и ответить. „А вы думаете, доктор, что не больно? Только не в таком полку я службу свою нес, где раненые плачут. У нас раненые смеются, а не плачут“. „В каком же ты полку служил?“ — спрашиваю. „В 12-м Восточно-Сибирском стрелковом, я по запасу попал в 14-й полк“, — отвечал мне этот герой. Как я потом ни старался, никак не мог узнать его фамилии. Знаю только, что это был запасный младший унтер-офицер».

12-й полк может гордиться, что воспитал у себя таких героев, которые с 8 шрапнелями в спине... и ни звука страданий... и такие бессмертные слова: «У нас раненые смеются, а не плачут».

Около полуночи по приказанию высшего начальства одна рота от нас должна была атаковать 2-й редут, занятый японцами, в лоб, другая же рота от 26-го Восточно-Сибирского стрелкового полка должна была зайти от Водопроводного редута в тыл японцам.

От нас атаковать японцев, уже успевших укрепиться в бывших наших редутах, было поручено подпоручику Немченко и его охотничьей команде. Получив подробные наставления от энергичного толкового подполковника Раздольского, подпоручик Немченко со своей охотничьей командой вышел за линию укреплений и повел наступление.

Я сел у офицерской ставки.

Часть офицеров спали. Вдруг раздался ружейный выстрел, за ним другой, а потом дождь пуль посыпался и защелкал по нашему утесу. На сердце у меня была какая-то тоска. Я вполне сознавал бессмысленность такого частичного наступления мелкими отрядами.

Вдруг мимо меня пробежал один раненый, за ним другой, пробежали с носилками санитары. Вот опять раненый, еще и еще...

Стрельба стихла.

Я подбежал к одному раненому, который упал и не мог дальше двигаться. Кровь фонтаном била у него из затылка. Несчастный просил носилки. С трудом отыскав санитаров, мы уложили раненого на носилки и понесли.

С тяжелым чувством я поехал домой...

На душе была тоска и вместе с тем тупое озлобление на петербургских карьеристов, на корейских лесопромышленников, на всех тех, которым так сладко жилось вдали от этих мест, где из-за них теперь лилась ручьями народная русская кровь...

17 августа

С утра до полудня шел сильный дождь.

Вечерняя вылазка на 2-й редут потерпела неудачу. Рота от Водопроводного редута запоздала, и охотничья команда подпоручика Немченко совершенно напрасно потеряла 23 человека убитыми и ранеными. Мои предчувствия оправдались...

Вообще очень рискованно давать малым отрядам такие ответственные и сложные задачи. Успех таких предприятий всецело зависит от одновременности и внезапности нападения, а это бывает очень трудно выполнить, в особенности ночью, да еще в такой пересеченной местности, какая была в данном случае.

Сегодня пришло известие о рождении Наследника.

За оборону Артура генерал-лейтенант Стессель получил генерал-адъютантство.

Ночью опять был на Заредутной. При свете нашего прожектора с 3-го форта ясно было видно, как на 1-м редуте группа японцев укладывала бойницы из белых мешков.

Очевидно, они решили обстоятельно укрепиться в этих пунктах.

Ночью опять один из снарядов нашей полевой мортирной батареи разорвался как раз под Заредутной. К счастью, никто не был ранен.

Ночь прохладная.

Зловоние от трупов еще усилилось.

Прошел слух, что генерал Куропаткин разбил где-то японцев.

18 августа

Ночью к нашим берегам опять подходили японские миноноски.

Днем японцы по городу не стреляли, ночью же город обстреливался с сухопутного фронта редким, методическим артиллерийским огнем.

Наши оборонительные работы сильно подвинулись вперед.

Моряки охотно отдают свою артиллерию, главным образом мелкую, для установки ее в разных местах.

На 1-м и 2-м редутах японцы поставили проволочные сети.

Последнее отбитие штурма сильно ободрило и приподняло настроение гарнизона. Явилась уверенность, что мы сможем отстоять крепость до прихода выручки.

Часть легко раненных вернулась в строй.

19-20 августа

Тихо. Погода прекрасная.

Японцы деятельно работают и укрепляются в 1-м и 2-м редутах.

Гарнизон усиленно работает на позициях.

Японцы продолжают обстреливать город только по ночам.

21 августа

Сегодня японцы обстреливали город утром, днем и в течение целой ночи.

Наши работы на укреплениях сильно подвинулись вперед. Часть их почти закончены.

Каждую ночь провожу на позиции у Заредутной батареи и до сих пор, кроме военного инженера полковника Григоренко и подполковников Раздольского и Кирикова, я никого из высших начальников не видел.

На этих важнейших для крепости позициях генералитет совершенно не показывается и знает о положении здешних дел только по докладам.

Говорят, что только генералы Смирнов и Кондратенко заезжали сюда раза два днем.

Ночью я никого из генералов здесь не видел.

22 августа

Погода отличная.

По городу японцы днем не стреляли, но зато фланкировали шрапнельным огнем долину, лежащую сзади Заредутной батареи, выбирая как раз те моменты, когда в ней появлялись наши двуколки.

Ввиду этого доставка материалов и пиши для этой части позиции сделалась очень затруднительной.

Сегодня на Заредутной батарее тяжело ранен лучший ее наводчик.

Комендант генерал Смирнов заболел дизентерией.

От китайцев слыхал, что к японцам прибыли подкрепления и подвезены 18 больших орудий.

Штурма ожидают около 26 августа.

Ночь темная.

23-24 августа

Тихо. Погода чудная.

Днем стрельбы по городу не было.

Гарнизон деятельно готовится к отражению ожидаемого на днях штурма. Японцы начали вести на Водопроводный редут правильную постепенную атаку. В настоящее время они его почти окружили своей сапой.

На 1-ми 2-м редутах японцы уже сильно укрепились, хотя все еще несут большие потери от огня нашей артиллерии.

Ночи прохладные.

25 августа

Сегодня попал на Соляную батарею как раз во время праздника 12-й роты 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, геройски отбившей первый штурм японцев на Заредутную батарею. Солдатикам дали хороший обед, водки и кое-какое угощение. Играла музыка. Офицерство собралось под навесом и воспользовалось случаем выпить за обедом лишнюю рюмку.

Сегодня получено известие о награждении генерал-адъютанта Стесселя за отбитие штурмов японцев Георгием 3-й степени.

Около полуночи была слышна стрельба где-то у Высокой горы.

Морские батареи стреляли по появившимся у наших берегов японским миноносцам. Те же, в свою очередь, отвечали выстрелами по нашим прожекторам.

26 августа

Вообще тихо. Надо думать, однако, что это затишье перед бурей.

По городу, а главным образом по порту, японцы стреляют два раза в день.

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района

26 августа 1904 года

№ 578

Ввиду того, что, несмотря на неоднократные указания, в газете «Новый край» продолжают печататься не подлежащие оглашению сведения о расположении и действиях наших войск, издание газеты прекращаю на один месяц.

Начальник Квантунского укрепленного района

генерал-адъютант *Стессель*

27 августа

Тихо. Погода прекрасная.

По городу стрельбы не было.

Получено донесение студента Петра Сивякова о собранных им от китайцев сведениях.

Его Превосходительству контр-адмиралу Григоровичу.

Имею честь донести Вашему Превосходительству следующее:

1) По сообщению китайцев — острые желудочные

заболевания среди японских войск начали заметно возрастать.

2) За последнее время значительнейшая часть жизненных припасов поступает к японцам в Дальний из Вей-Хай-Вея и соседних с этим портом приморских деревень и бухточек.

3) В настоящее время японских войск, не считая их артиллерии, на нашем левом фланге около 6000 человек пехоты и 2 эскадрона кавалерии; на правом фланге при долине б. Лунвантань и местности Литангоу не менее 5000 пехоты. На север от Порт-Артура и за Волчьими горами до 2000 человек пехоты и кавалерии (не много).

4) Устроенные и устраиваемые еще до сих пор японцами впереди их позиций проволочные сети, волчьи ямы, закладка фугасов и прочее служат отчасти для более успешного отражения могущих быть вылазок со стороны Порт-Артура, главным же образом японцы этими мерами подготовляют себе средства для скорейшей возможности благополучно увезти свою артиллерию на случай полученного приказания снятия осады под Порт-Артуром и неизбежного их возвращения, не взяв Артур, к себе на родину. Очень важно не пропустить этого момента и не дать им увезти их артиллерию.

5) Говорят, что главный начальник расположенных под Порт-Артуром войск, Нодзу, сильно ранен в руку и находится на излечении в госпитале, в Дальнем.

6) К числу военных хитростей, применяемых японцами, относится также производство диверсий в виде массового передвижения войск.

7) За скорое общее движение генерала Куропаткина с севера японцы пока не беспокоятся, так как они почему-то уверены, что он скоро еще не двинется к Порт-Артуру; кроме того, армии Куроки и Оку окажут ему сопротивление; больше же всего японцы надеются на укрепленные пункты в Цзиньчжоу и Нань-изань-дине, которые могут задержать наступательное движение русской армии.

Студент *Петр Сивяков*

27 августа 1904 г .

28 августа

Погода стоит прекрасная.

Японцы деятельно ведут свои осадные работы. Сапные работы быстро продвигаются вперед. Наш артиллерийский огонь сравнительно слишком слаб, чтобы серьезно воспрепятствовать

этим работам.

Получено известие о Царской Милости: с 1 мая сего года месяц службы в осажденном Порт-Артуре будет считаться за год.

Весть эта принята гарнизоном с большой радостью и значительно приподняла его настроение.

Около 1000 раненых выписалось из госпиталя и стало в строй.

29 августа

Тихо. Погода чудная.

Сегодня генерал-адъютант Стессель был на Лесном редуте, посетил помещение офицеров и очень любезно с ними беседовал. Самого же укрепления не осматривал.

Новостей нет. Да и трудно чего-либо толком добиться. Издание единственной нашей газеты «Новый край» приостановлено, и ввиду этого в городе сразу возросло число самых невероятных слухов.

Отношения между нашими генералами продолжают оставаться крайне обостренными.

Провизии мало. Солдатам начали давать конину. Запасы консервов в магазинах иссякли.

Цены растут небывало: так, сегодня за 2 цыпленка пришлось заплатить 7 руб.

Вечером была сильная зарница, которую многие приняли за отблеск боя на Цзиньчжоусской позиции.

Около часу ночи японцы предприняли наступление вблизи бухты Луизы. Говорят, им удалось овладеть еще одной впереди лежащей деревней.

30 августа

Погода прекрасная.

Говорят, что число японцев, осаждающих Порт-Артур, доходит только до 30 000 штыков. Точных же данных нет.

31 августа

Город прямо наводнен самыми разнообразными слухами.

Рассказывают, между прочим, будто адмиралу князю Ухтомскому велено спустить свой флаг и передать командование эскадрой капитану 1-го ранга Вирену. Ввиду этого князь Ухтомский переехал жить на пароход Красного Креста «Ангара».

Говорят о каких-то шести шаландах, на которых нам будто бы доставлены снаряды.

На Водопроводном редуте, по слухам, велено вести минную галерею, так как есть основание предполагать, что японцы уже начали таковую из ближайшей своей сапы.

Сообщают, что японцы потопили где-то французский крейсер, ввиду этого между Францией и Японией возникли большие осложнения. Франция требует от Японии взамен потопленного крейсера два японских. Называют даже и имена их: это будто бы «Ниссин» и «Кассуга».

Вот какими слухами жила наша крепость во время осады!

Сентябрь

1 сентября

После закрытия газеты по городу ходят самые невероятные слухи, вроде того, например, что Франция объявила войну Японии, что Англия будто бы отказалась от союза с последней и т. д.

Отношения между начальствующими лицами самые натянутые и обостренные. В особенности это замечается в Морском ведомстве. Больше всего от этих постоянных распрей страдают, конечно, низшие чины и, что особенно печально, тормозится все дело.

Паны дерутся, а у холопов чубы летят...

2 сентября

Утром японская канонерка подошла к бухте Луизы и, став за скалу, открыла удивительно меткий огонь по нашим укреплениям впереди Высокой горы. Дав около 25 выстрелов, она прекратила стрельбу и ушла в море.

Около полудня вблизи Высокой горы слышна была ружейная перестрелка.

На Водопроводном редуте сегодня заложена первая «минная рама» для подземных минных работ.

Продовольственные припасы с каждым днем все дорожают.

Чувствуется сильный недостаток в фураже.

Количество раненых все растет.

3 сентября

Погода прекрасная.

Ночью была слышна сильная ружейная стрельба в направлении Заредутной батареи.

Повреждения флота почти уже исправлены, но это нисколько не оживило его деятельности, которая именно теперь могла бы принести особенную пользу. Японские транспорты с некоторых пор совершенно безнаказанно заходят в бухту Луизы и в

Лунвантанскую долину и, очевидно, производят там выгрузку боевых и жизненных припасов. И все это происходит почти на глазах у нашего флота...

Всем солдатам дают конину.

Солдатики наши сильно пообносились; многие ходят в валенках и даже в опорках; у некоторых штаны представляют собой, как говорится, «одно воспоминание».

Японцы с полным правом могут называть наших солдат «оборванцами» .

Виновато здесь, конечно, с одной стороны, и наше интендантство, но с другой стороны, нужно признаться, что и наши солдаты относятся к своим вещам неаккуратно и вообще не отличаются особой бережливостью.

4 сентября

Ночью около Высокой горы слышна была усиленная ружейная стрельба, которую к 4 часам дня сменили частые раскаты орудийных выстрелов.

Вчера одна из наших миноносок захватила в море и привела в порт небольшую японскую парусную баржу, в которой при осмотре нашли небольшое количество риса и около 100 ящиков пива и танзана. Экипаж ее состоял из 10 человек японцев.

Ночью несколько японских миноносок подходили очень близко к нашему проходу и, по-видимому, разбрасывали мины.

Это еще прибавит работы тралящим судам, у которых и без того ее по горло: они все время деятельно заняты вытраливанием мин вблизи прохода и вдоль берегов Тигрового полуострова.

На горизонте за последнее время опять стало заметно обычное движение японских судов: всюду мелькают их миноноски.

Крепость совершенно изолирована. Всякое сообщение с внешним миром отсутствует, что, естественно, порождает массу самых нелепых и чудовищных слухов.

5 сентября

Ветрено.

Сегодня мне пришлось присутствовать при интересном разговоре: один бравый солдатик 9-й роты 27-го Восточно-

Сибирского стрелкового полка, состоящий инструктором при флотском экипаже, жаловался своему ротному командиру, капитану Беденко, на отношение морских офицеров, которые, по его словам, дают награды исключительно своим матросам. Стрелков же, которые исполняют там должности унтер-офицеров и инструкторов, они всячески обходят. Недовольный солдатик усиленно просил командира вернуть его обратно в свою роту.

6 сентября

Утром двумя ротами японцы неожиданно повели наступление на Высокую гору, но были отброшены огнем 5-го временного укрепления.

Вдруг, около 3 часов дня, японцы открыли по Высокой горе страшный артиллерийский огонь.

Первый раз мне пришлось на сравнительно близком расстоянии увидеть все ужасы артиллерийской бомбардировки.

Черная пыль от взрыва лиддитовых снарядов, так называемых «черняков», чередуясь с белыми облачками от разрывов шрапнели, застилала густой завесой всю вершину горы, которая дымилась, как вулкан во время извержения.

Я все время с напряженным вниманием следил за бомбардировкой, которая, ни на минуту не ослабевая, продолжалась вплоть до самой ночи.

Очевидно, японцы главное наступление готовили именно ночью, а пока их пехота ограничивалась лишь частичными атаками, которые все были отбиты.

Японские канонерки, стоявшие в Малой Голубиной бухте, тоже старались поддерживать своих и обстреливали Высокую гору, но на этот раз весьма неудачно: снаряды не долетали и ложились у подошвы горы.

8-я, 9-я и 11-я роты 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка ушли в резерв к Высокой горе.

На правом фланге тоже слышна была сильная канонада.

Очевидно, японцы еще раз решились атаковать крепость сразу с нескольких сторон.

Это было начало сентябрьского штурма Порт-Артура.

7 сентября

Усиленная бомбардировка разных пунктов крепости продолжается.

Главное внимание японцев обращено на Высокую гору. Там все время, не переставая, идет сильнейшая ружейная перестрелка, к которой по временам присоединяются раскаты орудий, посылающих целые тучи лиддитовых снарядов. Со стороны кажется совершенно непонятным, как можно остаться целым и невредимым в этом аду и продолжать отбивать отчаянные атаки неприятеля.

Около 6 часов вечера ружейный огонь усилился до невероятной степени и превратился в какой-то сплошной гул. Со всех сторон Высокой слышно было резкое кудахтанье пулеметов, которое перемешивалось с отчаянной пальбой артиллерии нашего 5-го временного укрепления и батареи Лит. Д. Разобраться толком в чем-либо было невозможно.

Это было что-то стихийное!.. Не верилось, что этот ад пушечного и ружейного огня создан людскими руками...

Ясно было только одно: все силы японцев обрушились на несчастную Высокую гору.

Ночь положила конец артиллерийской канонаде, но ружейный огонь, то ослабевая, то снова разгораясь, продолжался вплоть до самого утра.

О результатах штурма и о положении дел на Высокой горе узнать пока ничего не успел. Вечером только прошел слух, что Водопроводный и Кумирненский редуты пали, но подтверждения пока нет.

Наш флот в бою никакого участия не принимал и ни на минуту не вышел из своего бездействия. Правда, броненосец «Ретвизан» выстрелил раза два, но без всякого результата. Один из его снарядов, между прочим, даже не долетел до берега и разорвался в воздухе.

Вечером японская канонерка стреляла по 5-му форту, но неудачно, так как снаряды ее далеко не долетали до цели.

Слыхал, что на Водопроводном редуте убит минной роты поручик Багговут, которому ручная граната попала в голову.

Ночь очень прохладная.

Вся крепость не спит.

6 сентября

Был вблизи Высокой горы и на месте разузнал о положении дел. Оказалось, что после вчерашнего штурма незначительная

часть японцев успела засесть в небольшом участке передового верхнего окопа нашего укрепления.

Укрепившись там, японцы выставили пулемет и отбивали все атаки нашей цепи, которая стояла на южном склоне и тщетно пыталась выбить их из этих окопов. Между цепью и засевшими японцами шла беспрерывная перестрелка. Иногда к ней присоединялась резкая трескотня японского пулемета. Артиллерийского огня по Высокой горе японцы почти не открывали.

Батареи нашего правого фланга сильно поистратили свои боевые запасы и теперь принуждены были их пополнять из погребов батарей левого фланга.

Сегодня я узнал, что на 7-й батарее приморского фронта от усиленной стрельбы лопнула вторая 11-дюймовая мортира.

Вечером слыхал, что при атаках Высокой горы убит 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка капитан Желткевич. Несчастный получил семь штыковых ран.

Наши потери при отбитии японских штурмов, как говорят, доходят до 600 человек. Особенно пострадал все тот же славный 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.

Потери японцев должны быть громадны.

Днем японцы редким огнем обстреливали Высокую гору. Ружейная же трескотня продолжалась всю ночь до рассвета.

Днем японская канонерка опять обстреливала подошву 5-го форта.

9 сентября

Всю ночь ружейная стрельба на Высокой горе не стихала ни на минуту.

Около 12 часов ночи совершенно отчетливо слышна была усиленная трескотня пулеметов.

Ночь была ясная, лунная, но довольно прохладная.

К утру стрельба как будто ослабла. Но около 10 часов утра она разгорелась с новой силой. Японцы начали усиленно обстреливать Старый Город и умудрились попасть одним из своих снарядов в Золотую гору.

Сегодня мне передавали один из эпизодов последнего боя. При наступлении японцев на второй капонир у 3-го форта подпоручик Немченко со своей охотничьей командой три раза по очереди подпускал к себе японские колонны и затем дружными выдержанными залпами сметал их всех до последнего человека.

Говорят, что наши потери за эти дни достигают 1000 человек; потери же японцев несравненно больше и должны быть громадны.

Вчера на Высокой горе убит подпоручик Доброгорский, один из самых храбрых и лихих офицеров 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Днем генерал-адъютант Стессель посетил 5-е временное укрепление.

Флот наш остается верен себе и по-прежнему ограничивается ролью пассивного и хладнокровного зрителя, не решаясь выйти из гавани. А между тем он мог бы с большим успехом обстреливать тыл японского расположения и тем оказал бы существенную поддержку нашим войскам.

Японцы же придерживаются совершенно противоположного образа действия: их флот пользуется всяким удобным случаем, чтобы принять участие в операциях своих сухопутных войск.

Так и сегодня их канонерка опять — и на этот раз очень удачно — обстреливала 5-й форт.

Каких-либо точных сведений о положении дел на Высокой горе не имею.

Настроение у всех мрачное и тревожное.

Начальствующие лица нервничают и выказывают небывалую раздражительность.

10 сентября

Рано утром узнал радостную весть, что вся Высокая гора осталась за нами и что последние остатки японцев выбиты из окопов.

Наши потери, как говорят, доходят до 1150 человек убитыми и ранеными. Потери японцев как атакующих, по общему мнению, должны быть несравненно больше.

Каких-либо подробностей отражения японских атак не знаю, так как сегодня не видел никого из участников последних боев.

Под вечер японцы обстреливали Высокую гору редким огнем.

Около 10 часов вечера я получил приказ, официально подтверждающий, что все атаки японцев на Высокую гору отбиты.

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района

сентября 10-го дня 1904 года. Кр. Порт-Артур

№ 637

6, 7, 8 и 9-го числа шли ожесточенные штурмы с переменным счастьем. Важный для нас пункт. Высокая гора, был облеплен

японцами, они лезли дни и ночи, много там храбрых легло. Сегодня в 4 часа 45 минут утра от храброго из храбрейших полковника Ирмана я получил следующее донесение:

«С вечера шел сильный бой на Высокой горе с наступающими японцами. Около часу ночи нашим охотникам, высланным вперед с пироксилиновыми зарядами, удалось разрушить блиндаж в нашем окопе, который занимали японцы и где стоял их пулемет; воспользовавшись паникой, вызванной у неприятеля взрывами 18-фунтовых зарядов пироксилина, комендант горы штабс-капитан Сычев приказал атаковать и занять окопы. Потери у неприятеля громадные, у наших сильный подъем духа. Отличились все, а особенно лейтенант Подгурский, руководивший бросанием пироксилиновых зарядов и даже сам бросавший их. Его энергии и храбрости мы обязаны тому, что блиндаж был разрушен.

Полковник *Ирман*

Слава и благодарение Богу, слава войскам-героям, слава Ирману, Сычеву, Подгурскому. Слава всем героям, начальникам и офицерам.

Слава и благодарность героям охотникам, взорвавшим блиндаж. Бог дал нам возможность отбить врага. Молитесь Ему.

Начальник Квантунского укрепленного района

генерал-лейтенант *Стессель*

11 сентября

Сегодня окончательно стало известно, что Водопроводный и Кумирненский редуты взяты японцами.

Говорили, что комендант крепости генерал-лейтенант Смирнов около восьми раз пытался отбить занятые пункты обратно, но все наши контратаки окончились полной неудачей. Каждый раз японцы своим сильным огнем производили в наших рядах странное опустошение и отбивали нашу атаку.

Таким образом, наше наступление на Водопроводный и Кумирненский редуты стоили нам громадных потерь и обошлись гораздо дороже, чем отбитие штурмов Высокой горы.

Участники боев на Высокой горе рассказывали мне массу интересных подробностей.

После страшного обстреливания японцы в течение двух суток вели бесперерывный штурм. Некоторые из них были одеты в какие-то фантастические доспехи и костюмы. Все атаки отличались удивительной храбростью и упорством.

Как я узнал впоследствии, в этом штурме принимали участие

лучшие фамилии самураев и масса волонтеров. Все это были люди, которые слишком громко и открыто высказывали свое недовольство медлительностью действий японской армии, осаждающей Порт-Артур. На это Микадо им весьма остроумно предложил принять самим лично «активное» участие в осаде Порт-Артура, вместо того чтобы кричать и выражать свое неудовольствие. Вот этим-то недовольным и досталось главным образом от наших солдатиков при штурме Высокой горы. Немногие из них вернулись домой, и число крикунов в Японии сильно поуменьшилось...

Не худо было бы, чтобы и наше правительство имело в виду этот остроумный способ избежать критики.

После отчаянных усилий и громадных потерь японцам удалось наконец занять несколько полуразрушенных блиндажей в наших верхних окопах.

Они сумели ловко ими воспользоваться и сильно в них укрепиться. Эту-то горсть японских храбрецов, решивших дорого продать свою жизнь, мы и не могли, несмотря на все усилия, выбить из окопов в течение почти двух суток. Японцы поставили в блиндажах несколько, кажется, четыре пулемета и расстреливали каждого, кто рисковал высунуться из-за гребня горы.

Выбить их оттуда удалось только благодаря изобретательности лейтенанта Подгурского, прибывшего как раз в это время на позиции.

Сначала лейтенант Подгурский хотел скатить к занятым японцами блиндажам гостинец в виде мины с 16 пудами пироксилина, но потом, опасаясь, что мина может задержаться на склоне горы и своим взрывом причинить много вреда и нашим людям, он с несколькими солдатиками начал бросать прямо из-за гребня горы в японские блиндажи небольшие ящики с пироксилином. Несколько из них попали удачно в цель и, взорвавшись, совершенно разрушили блиндаж. Японские герои, так дорого продававшие нам свою жизнь и стоившие нам больших потерь, были погребены под его развалинами.

Теперь надо было кому-нибудь решиться взойти первым в разрушенный блиндаж. На этот подвиг вызвался рядовой 11-й роты 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Дмитрий Труфанов.

Без ружья, с одними ручными гранатами, этот выдающийся герой смело бросился вперед и первый взошел в бывшие японские блиндажи. Вместе с ним одним из первых в блиндаж вошел 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка штабс-капитан Краморенко.

Имена рядового Труфанова, штабс-капитана Краморенко и

лейтенанта Подгурского должны стоять в первых рядах в списке героев и защитников Высокой горы.

Впоследствии рядовой Труфанов был награжден Георгием и произведен в унтер-офицеры.

Уцелевшие японцы кинулись в бегство. Одни из них были расстреляны, а другие, пораженные нашими ручными пироксилиновыми гранатами, горели, как факелы, и умирали в страшных мучениях.

Потери наши в некоторых ротах были громадны. Так, например, в 1-й роте 28-го полка в строю осталось 40 человек, да и из них половина были легко ранены и не пожелали идти в госпиталь.

Самые большие потери понес опять геройский и многострадальный 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.

Здесь я должен сказать, что главная честь геройского отражения штурмов Высокой горы по всей справедливости принадлежит известному герою Порт-Артура, полковнику Ирману. Генерал-адъютант Стессель вполне заслуженно называл его «храбрым из храбрейших». Полковник Ирман представлял собой выдающегося военного человека, горячо любящего и хорошо знающего свое дело.

Энергичный, скромный и приветливый, державшийся всегда вдалеке от тех постоянных раздоров, которые представляют такое обыденное явление среди наших начальствующих лиц, полковник Ирман пользовался искренним уважением и любовью всех своих подчиненных и в особенности молодежи. Единственным его недостатком была чрезмерная храбрость и полное презрение к смерти.

Среди остальных героев — защитников Высокой горы опять особенно выделились командир 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, полковник Третьяков, и комендант укрепления Высокой, капитан Стелневский 1-й.

О потерях японцев можно судить по тому, что в первый день нашими санитарами было убрано с ближайших к Высокой местности до 700 японских трупов, а во второй — до 500.

Дорого обошлись японцам их атаки!..

12 сентября

Ночь прошла спокойно.

День выдался ясный, теплый и тихий.

Около 12 часов пополудни японцы редким огнем

обстреливали правый фланг Дивизионной горы.

Чувствуется сильный недостаток в провизии.

Солдатам уже давно дают конину, но многие из них не могут ее переносить и принуждены довольствоваться чаем.

Офицерство, пользуясь перелетом перепелов, скупает их от китайцев, платя за пару от 10 до 30 копеек.

Все окрестности около Голубиной бухты совершенно разорены. У несчастных китайцев отобрано решительно все, что можно было, и положение их теперь ужасно. Хлеб еще на корню скошен гарнизоном на фураж, огороды опустошены, скотина взята реквизицией. Некоторые войсковые части, чтобы добыть себе топливо, начали разбирать крыши китайских фанз.

Большинство разоренных китайцев переселяются в Ляотешань, как в более безопасное место.

Сегодня случайно узнал, что при отбитии японских штурмов Высокой горы важную роль сыграл взвод полевой артиллерии под начальством подпоручика Ясенского. Замаскировав свои орудия и лафеты их каоляном, он удачно выехал на позицию со стороны Голубиной бухты и здесь, не замеченный японцами, открыл по ним замечательно меткий фланговый и отчасти затыльный огонь, которым и уложил несколько тысяч японцев, атаковавших Высокую гору.

Мне удалось вполне точно установить, что подпоручик Ясенский действовал по личному приказанию коменданта крепости генерал-лейтенанта Смирнова.

Говорят, что флот и обыватели Артура прислали гарнизону Высокой горы свои поздравления по случаю геройского отбития штурма. Солдатам прислано вино, вода и табак.

По городу ходят слухи о победах армии Куропаткина и вести о скорой выручке.

Настроение у всех нервное, но приподнятое.

Госпиталя переполнены ранеными.

13 сентября

Сегодня прибыла из Чифу шаланда, посланная некоею госпожой Циммерман своему мужу. На ней привезено 200 пар солдатских сапог, 79 пудов солонины и два ящика пива. Из письма г-жи Циммерман к мужу видно, что у генерала Куропаткина было в начале сентября большое сражение. О результатах его, однако, ничего не говорится.

В ночь на 13 сентября нами была сделана вылазка по

направлению 2-го редута. Отряд состоял из двух партий по 25 человек в каждой. Целью вылазки было разузнать о направлении сапных работ японцев, а при возможности хотя бы часть их уничтожить.

Вылазка удалась только отчасти. Благодаря ей выяснилось, что японцы свои сапные работы ведут по направлению к батарее Лит. Б. Зарыть же сделанные ими окопы мы не могли.

Количество провизии в крепости уменьшается с каждым днем. Даже порции конины сильно урезаны. Чтобы давать солдатам полную порцию, пришлось бы, по расчету, еженедельно убивать не менее 250 лошадей. А при таком убое мы останемся скоро совсем без них. Между тем лошади нам теперь крайне необходимы для доставки продуктов, снарядов, материала и т. п.

14 сентября

Сегодня мне рассказывали очень интересную историю, которая ярко характеризует порядки нашего порта.

Некто К. (еврей) предложил поставить для нужд порта 7000 фут проводника в свинцовой оболочке по 3 руб. 30 коп. за фут. Главный минер порта, лейтенант Савинский, нашел, однако, эту цену безмерно высокой. Комендант крепости генерал-лейтенант Смирнов, узнав о существовании проводника, крайне необходимого для минных работ, велел его купить по нормальной цене, а в случае упорства г-на К. — взять реквизицией.

К., вызывавшийся ранее доставить проводник в порт, на другой же день теперь заявил, что берется доставить заказ не ранее как через неделю, когда таковой будет получен из Чифу от некоего г-на Ф. (тоже еврея).

Эти увертки показались начальству подозрительными и заставили его предположить, что г-н К. почему-то не желает продать крепости необходимый для нее материал. Генерал Смирнов приказал взять проводник реквизицией.

Появление жандармов сильно смутило г-на К. и заставило его открыть свои проделки. В действительности оказалось, что у него никакого проводника нет, а что он должен был его получить из казенных складов от портового чиновника Д. Полученный таким образом материал он рассчитывал поставить обратно в порт, причем приемку его брал на себя сам же г-н, который был членом приемной комиссии.

В случае удачного исхода дела г-н Д. обязался уплатить г-ну К. за его помощь 1000 руб. куртажа. Но радужные мечтания г-на

Д. не сбылись. Он был посажен на гауптвахту, но до суда дело не дошло. Обвиняемый заявил, что если дело будет передано суду, то он разоблачит все проделки в порту и выведет на сцену многих сильных мира сего.

Сегодня узнал, что японцы внезапным штурмом взяли укрепление Длинной горы. Воспользовавшись временем нашего обеда, японцы в количестве 40-50 человек стремительно бросились на растерявшихся от неожиданности солдатиков. Между двумя ротами 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и моряками, бывшими на позиции, произошла паника. Люди бросились бежать. Комендант укрепления 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка капитан Москвин и артиллерийский поручик Калмыков не в силах были остановить бегства, и оба были убиты.

С утратой Длинной горы мы лишились важного пункта, необходимого для обороны подступов к Высокой горе.

Многие сильно ропщут на нашего консула в Чифу, г-на Тидемана, который не принимает никаких мер для устройства сообщения между осажденной крепостью и внешним миром.

Обостренные отношения между нашими генералами и адмиралами все увеличиваются и дошли до невероятной степени. Поговаривают даже о нескольких дуэлях, которые должны состояться после осады.

За последнее время в крепости замечается большое количество несчастий от неосторожного обращения с неразорвавшимися японскими снарядами. Многие офицеры и солдаты из любопытства позволяют себе обращаться с ними очень бесцеремонно, отчего некоторые из снарядов взрываются и калечат неосторожных. Ввиду этого контр-адмиралом Григоровичем отдан следующий приказ.

ПРИКАЗ

командира порта «Артур»

14 сентября 1904 года

№ 1180

Два дня подряд два несчастных случая от неосторожности. Вчера ранено три офицера. Сегодня убит один нижний чин и два ранено. В обоих случаях оттого, что трогают неразорвавшиеся неприятельские снаряды, которые при малейшем к ним прикосновении от неумелого с ними обращения взрываются.

Предписываю всем начальникам вверенного мне порта подтвердить нижним чинам приказание не прикасаться к неразорвавшимся снарядам, а, найдя таковые, давать знать в порт для зависящих распоряжений.

Контр-адмирал *Григорович*

15 сентября

Японцы с утра начали стрелять по городу и по многострадальной батарее на Перепелке. Много японских снарядов не разрываются, особенно если они попадают в мягкий грунт.

Ввиду возможности падения Высокой горы вдоль берегов Западного бассейна строится новая укрытая дорога для сообщения по Новому Городу.

На укреплениях Высокой горы идут усиленные работы.

Генерал-адъютант Стессель продолжает посещать 1-й форт и 5-е временное укрепление. Оба эти пункта до сих пор ни разу не подвергались атакам.

Генерал-лейтенанта Смирнова в его поездках по крепости постоянно сопровождает корреспондент «Нового края» г-н Ножин.

Слыхал, что сегодня к Ляотешаню подошла парусная лодка, ее встретили два наших миноносца. Подробностей не знаю.

Ходят слухи, что в сентябрьских штурмах со стороны японцев принимали участие масса охотников-патриотов.

Говорят, что в г. Дальнем японцы нашли потопленный инженером Сахаровым ботопорт, почему могли исправить наш док, и теперь в нем чинят свои миноноски.

Вообще деятельность в порту г. Дальнего восстановлена. Работы в некоторых мастерских идут полным ходом. Между Чифу и г. Дальним совершаются правильные пароходные рейсы.

Говорят даже, что в доме самого инженера Сахарова открыт чайный дом и поют гейши...

Если эти слухи даже отчасти только верны, то с сожалением придется сознаться, что наш г. Дальний оказал хорошую услугу нашим врагам...

16 сентября

Чудный осенний день.

По городу сегодня циркулировали две совершенно противоположные новости. Одни рассказывали, что вчера на шлюпке прибыли два француза с весьма важными письмами к генералу Стесселю и к адмиралу Григоровичу и с радостными вестями. Другие уверяли, что это были два американца и

привезли они весьма печальные известия об армии генерала Куропаткина. Генерал Стессель, как говорят, засадил обоих американцев на гауптвахту.

Вечером принесли приказ, который и объяснил нам истинное положение дел.

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района

16 сентября 1904 года. Крепость Порт-Артур

№ 663

Вчера 15 сего сентября в Артур из Чифу прибыли два корреспондента иностранных газет, французской и немецкой. Были они спущены на берег порту без разрешения коменданта и без тщательного осмотра бумаг. У них имеются консульские удостоверения, но нет официального разрешения из штаба армии быть военными корреспондентами. Прибыли они, разумеется, чтобы пронюхать, каково настроение в Артуре, так как в одной газете пишут, что мы уже землю едим, в другой, что у нас музыка играет и мы ни в чем не нуждаемся. Продержав их сутки при штабе корпуса под надзором офицера, я предписал начальнику штаба произвести осмотр бумаг их, так как они прибыли без вещей, а затем немедля выселить из крепости, так как я не имею данных разрешить им пребывание; и без того в иностранных газетах печатают всякий вздор, начиная от взятия Порт-Артура и до отступления генерал-адъютанта Куропаткина чуть не до Харбина. А ведь у нас известно как делается, мы первые всякой газете верим, будь там написано хотя видимый для всех вздор, например, что генерал Куропаткин отошел туда-то, а когда посмотришь это расстояние, то видимо, что надо в два дня сделать 150 верст, но наши умники все-таки верят, потому в газете написано, да еще в иностранной. Впредь прошу портовое начальство отнюдь никого не спускать на берег без разрешения коменданта крепости или, разумеется, моего и без тщательного осмотра документов. Коменданту же предлагаю организовать это дело.

Начальник Квантунского укрепленного района

генерал-адъютант Стессель

Сегодня узнал еще об одном выдающемся герое Высокой горы. Приказ о нем здесь и прилагаю.

ПРИКАЗ

по войскам левого фланга сухопутной обороны крепости

16 сентября 1904 года. Крепость Порт-Артур

№ 11

Ефрейтор 4-й роты 27-го В.-С. стр. полка Ефим Швец в ночь с 9-го на 10 сентября сам вызвался охотником для бросания

метательных пироксилиновых фугасов, что блестяще выполнил — подлез к самому занятому японцами блиндажу, тогда как другие бросали издали сверху. Спасибо молодцу-герою ефрейтору Ефиму Швецу, искренняя благодарность ротному командиру штабс-капитану Соболевскому, поддерживающему такой высокий дух в роте. Вполне уверен, что в каждой роте и батарее таких героев, беззаветно отдающихся святому делу обороны чести России и славы Русского оружия, найдется немало. Смерть врагам! Слава Русскому оружию!

Начальник левого фланга сухопутной обороны
полковник *Ирман*

Швец награжден Георгиевским крестом.

(Впоследствии, занимая позиции на Плоской горе, Швец с таким же беззаветным мужеством выбивал противника из занятой ими части окопа, где и погиб от неприятельской ручной бомбочки, сорвавшей ему полчерепа.)

17 сентября

Ясный и жаркий день.

5-е временное укрепление и батарея Лит. Д обстреливали сегодня сапные работы японцев, которые они ведут против Высокой горы.

С 5-го временного укрепления все время стреляет по работающим японцам мелкая артиллерия, взятая нами с наших судов, а именно: 37— и 47-миллиметровые орудия.

В снарядах чувствуется сильный недостаток. Будь их побольше, и мы могли бы своей стрельбой сильно препятствовать успешному ходу японских осадных работ.

Теперешняя же наша стрельба похожа скорее на пугание японцев, а не на настоящее их обстреливание сильной артиллерией.

В ночь на 17 сентября японцы снова пробовали штурмовать укрепленную нашу позицию у Заредутной батареи. Они три раза переходили в наступление, но каждый раз были отбиваемы огнем наших стрелков.

Потери их, по слухам, доходят до тысячи человек. Наши солдатики одних ружей набрали около 300 штук.

Наши потери достигают 300 человек ранеными и убитыми.

Сегодня японцы особенно усиленно обстреливали не только Город, но и наши суда, стоящие в Западном бассейне.

Три их снаряда попало в броненосец «Победа».

Полное отсутствие каких-либо известий из внешнего мира действует угнетающим образом на настроение гарнизона.

Порции конины снова сильно уменьшены.

Съестные припасы вздорожали до невероятной степени: за курицу на базаре просят 12 руб., за гуся — 25 руб.!..

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района

17 сентября 1904 года. Крепость Порт-Артур

№ 664

17 августа я имел счастье отправить телеграмму ее Императорскому Величеству Государыне Императрице Александре Федоровне. В телеграмме этой я всепредданнейше принес поздравление от войск с рождением России Наследника Престола его Высочества Великого Князя Цесаревича Алексея Николаевича. На сию телеграмму сегодня я имел счастье получить следующую телеграмму от Матушки Государыни:

«*Генерал-адъютанту Стесселю в Порт-Артур*.

Глубоко тронута вашей телеграммой.

Сердцем и мыслью переношусь к славным защитникам страдальцам Порт-Артура. Усердно молю Бога, да поддержит их в самоотверженном их подвиге.

Александра». «*1 сентябряПетергоф — Александрия*.

Счастлив, что могу вновь объявить сей знак высочайшего внимания.

Да поддержат молитвы Царицы славные войска.

Генерал-адъютант *Стессель*».

18 сентября

Жарко. Погода великолепная.

В крепости довольно тихо.

По городу японцы стреляют мало, теперь их главное внимание привлекают наши суда в Западном бассейне. Почти ежедневно наши суда получают от их снарядов все новые и новые повреждения.

Наши батареи редким огнем обстреливают расположение японцев.

Сегодня приказом № 666 газете «Новый край» разрешается продолжать издание, но без права какого бы то ни было участия корреспондента Ножина. Этим генерал-адъютант Стессель ясно выказал свое нерасположение к г-ну Ножину, который до этого времени был постоянным спутником коменданта генерала

Смирнова в его поездках по крепости.

19 сентября

Японцы своими новыми 11-дюймовыми мортирами сильно обстреливали сегодня 2-й форт, батарею Лит. Б и Орлиное Гнездо. Кроме этого, обстреливанию подвергся и наш флот. Говорят, что в броненосец «Победа» попало сегодня до 12 снарядов. На нем есть несколько убитых. Один из снарядов на моих глазах попал в Невский завод на Тигровом Хвосте. Говорят, что четыре 11-дюймовые мортиры поставлены недалеко от Сахарной Головы, за обратным ее скатом.

Ночью японцы дважды предпринимали наступление на 2-й форт, но все атаки их были отбиты. При этом штурме японцы, как говорят, оставили до 400 трупов. Наши потери сравнительно небольшие. Сапные работы японцев сильно подвинулись вперед, особенно против 2-го форта и батареи Лит. Б.

Сегодня ночью на одном из укреплений мне пришлось беседовать с солдатиком Балашовым, рядовым 9-й роты 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Балашов — крестьянин Томской губ., Барнаульского уезда. Он был ранен в колено во время боя 13 июля на Зеленых горах. Пулю почему-то не вынули. Балашов, едва владея ногой, с трудом передвигался. Долго он расспрашивал меня, что ему делать после прекращения осады и как залечить ногу. Мысль остаться калекой и лишиться возможности работать сильно его угнетала. На мой вопрос, что он сможет делать во время наступления японцев, не будучи в состоянии двигаться, Балашов ответил: «Стоять-то на ногах я верно, что не могу, Ваше Высокоблагородие, а руки-то у меня еще здоровые, стрелять из окопа сумею».

Из дальнейших расспросов его я узнал, что раненых в Дальненской больнице кормят плохо, хуже даже, чем в роте. Кроме этого Балашов рассказал еще, при каких тяжелых условиях гнали их по железной дороге в Артур, давая по 20 коп. в сутки кормовых, когда на станциях фунт хлеба стоил 13 коп. «Вот и проели все свои деньги, которые взяли из дому, в дороге на харчи; так на своих харчах до Артура и доехали», — закончил свой рассказ Балашов.

20 сентября

Сегодня около 12 часов дня неожиданно поднялся сильный и холодный ветер и температура понизилась. Очевидно, Порт-Артур попал в район проходящего невдалеке тайфуна.

Японцы продолжают нас обстреливать 11-дюймовыми снарядами. К счастью, только 20 % из них разрываются. Очевидно, в установке ударной трубки есть ошибки. Один из таких снарядов упал около дома наместника и так и остался там лежать, не разорвавшись.

Траншеи японцев у Плоской и Дивизионной гор отстоят теперь от наших окопов на расстоянии каких-нибудь 500 шагов.

Целые ночи напролет как у нас, так и у японцев деятельно ведутся оборонительные и осадные работы.

Количество продовольственных припасов все уменьшается; в магазинах уже распродают разные завалявшиеся консервы.

Солдатам скоромный обед дают только три раза в неделю. Каждый тогда получает борщ с зеленью и 1/3 банки мясных консервов. В остальные же четыре дня в неделю дают так называемый «постный борщ», состоящий из воды, небольшого количества сухих овощей и масла. Взамен гречневой каши, которой в крепости нет, дают рисовую, изредка лишь заправляя ее маслом и луком. Так кормят солдат только в более заботливых частях. Зато там, где начальство мало об этом заботится, я видел такие «рисовые супы», что в Петербурге о них вряд ли кто сможет составить себе даже отдаленное представление.

Офицерство на позициях тоже сильно бедствует с пищей и терпит всякие лишения. Правда, около Ляотешаня удается иногда покупать у местных китайцев перепелов, но это уже представляет собой лакомство.

Говорят, что между ранеными японцами, поднятыми у Высокой горы, нашли волонтера доктора, который подтвердил ходившие у нас слухи о том, что в штурмах Высокой горы принимали участие патриоты, посланные туда Микадо за громкое выражение неудовольствия на медленность действий японской армии.

Сегодня я узнал, что несколько дней тому назад к японцам дезертировал сапер Лазарев (еврей).

Таким образом, до сих пор к японцам дезертировали «исключительно» евреи.

Сегодня получил следующий приказ.

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района

20 сентября 1904 года. Крепость Порт-Артур

№ 678

Военного корреспондента Ножина я лишаю права быть

военным корреспондентом.

Свидетельство на право быть военным корреспондентом сдать в штаб крепости, а сему штабу представить в штаб укрепленного района. Вместе с тем лишается права посещать батареи, форты и позиции.

Начальник Квантунского укрепленного района

генерал-адъютант *Стессель*

До сих пор корреспондент г-н Ножин постоянно состоял при коменданте, генерале Смирнове, сопровождая его во всех его объездах позиции и фортов крепости.

Этот приказ № 678 ясно обрисовывает, до какой степени дошли распри между начальствующими лицами крепости.

21 сентября

К полудню ветер стих, но волнение на море не улеглось. Температура все идет на понижение. Солдатики начали доставать свои тулупы.

Сегодня вышел первый номер «Нового края» и быстро был разобран публикой. Солдатики с жадностью читали газету.

Надо надеяться, что с изданием газеты уменьшится, наконец, количество небылиц и разных нелепых слухов, которые распространяются в гарнизоне.

Впрочем, все известия в газете по большей части крайне запоздалые.

Ночи стали очень темными. Прожектора работают усиленно.

22 сентября

Сегодня мимо Порт-Артура прошли два больших транспорта в сопровождении трех миноносок. Транспорты направлялись, по-видимому, к бухте Луизы.

Японцы своими 11-дюймовыми снарядами обстреливают разные пункты наших позиций. Говорят, что сегодня один такой снаряд попал в батарею Лит. Б, пробил трехфутовый бетонный свод каземата, разорвался и переранил всех в нем находившихся.

В бухты на Ляотешане послан капитан Павловский для правильной организации доставки от китайцев разных продуктов.

Мера эта была совершенно необходима. Дело в том, что за последнее время ввиду разных притеснений со стороны

чиновников китайцы-шаландщики совершенно перестали подвозить к нашим берегам какие-либо припасы.

Ходит, по обыкновению, множество разных слухов, которым, однако, довольно трудно верить.

Количество больных все растет...

Ночь тихая, звездная, но очень темная.

23 сентября

Под утро была сильная гроза. Около 9 часов утра небо прояснилось. В воздухе чувствуется обычная после грозы свежесть.

Один из вчерашних транспортов действительно зашел в бухту Луизы и, кажется, думает там разгружаться.

Сегодня слыхал, что на правом фланге была сделана вылазка отрядом в 60 охотников 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Вылазка окончилась очень печально. Охотники наткнулись на японскую засаду, и ни один из них не вернулся в крепость. Есть основание предполагать, что японцы добили всех раненых.

Японцы особенно усиленно за последнее время обстреливают порт.

Продовольственный вопрос сильно обостряется. Пища у солдат стала еще хуже.

Вследствие этого начались цинготные заболевания.

В общественной городской столовой из 250 человек только 180 согласились есть конину.

Фураж с каждым днем страшно дорожает.

24 сентября

Японцы отлично знают, что в Порт-Артуре имеется всего лишь одна паровая мельница, принадлежащая купцу Тифонтаю, которая и обслуживает в настоящее время всю нашу крепость. Не будь ее, мы не имели бы возможности молоть зерно, и прямо трудно себе представить, что бы стал делать гарнизон без этой единственной мельницы. За семь лет владения Порт-Артуром мы не могли добиться ассигнования денег для постройки казенной паровой мельницы и все время принуждены были кое-как перебиваться мельницей Тифонтая, которая давала последнему большой процент в год дохода.

Зная этот недостаток крепости, японцы за последнее время прилагают все свои старания, чтобы своей стрельбой разрушить мельницу — этот жизненный пульс крепости. Сегодня их старания чуть было не увенчались успехом. Один 6-дюймовый снаряд попал в мельницу, но, по счастью, не причинил ей значительных повреждений.

Кроме того, один снаряд попал в дом инженера, подполковника Крестинского, и разорвался в комнате, в которой, к счастью, никого в это время не было.

Другой снаряд, упав недалеко от Инженерного городка, ранил осколками двух солдатиков на дворе генерал-адъютанта Стесселя.

Слыхал радостную весть. Сигнальная горка, взятая несколько дней назад японцами, сегодня отбита нами обратно.

Теперь окончательно выяснено, что японцы часть 11-дюймовых мортир поставили недалеко от Трехголовой горы. Главной целью для них являются наши форты и флот.

Страшно тяжелое впечатление производит картина методического расстреливания японцами наших судов, неподвижно стоящих в Западном и Восточном бассейнах и покорно ожидающих своей смерти.

Всякая надежда на выход в море и проявление нашей эскадрой какой-либо деятельности давно уже утрачена. Никто не верит в возможность этого, никто теперь об этом даже и не говорит. Все сознают, что роль флота закончена. Теперь уже нет никакой возможности производить какие-либо исправления, вследствие полного отсутствия в порту и материалов, и рабочих. А между тем каждый день наши суда получают все новые и новые повреждения.

Всякая жизнь на кораблях и в порту окончательно замерла...

Ввиду того, что от нашего русского консула в Чифу не получается никаких вестей, не говоря уже о продовольствии, сегодня туда выехал чиновник Бадмаджанов, человек весьма энергичный и хорошо владеющий китайским языком. Ему приказано попытаться организовать доставку в осажденную крепость известий из внешнего мира, а если возможно, то и продовольствие.

Если повести дело достаточно энергично, то, по моему мнению, устройство сообщения является вполне осуществимым.

В разных местах крепости, несмотря на неоднократные приказы и строгие меры, пьянство и карточная игра по-прежнему процветают. Недавно один офицер, молодой зауряд-прапорщик З., отправляясь на позицию, попросил меня одолжить ему карты. Позиция его находится всего в 500 шагах от японцев. На мой

вопрос, зачем ему карты и время ли о них теперь думать, он беспечно ответил мне: «Знаете, в окопах скучно, а будут карты, все в них перекинемся».

Утром подул холодный ветер. Температура сильно пала. Выпал мелкий снег и покрыл тонким слоем всю окрестность. Благодаря удивительной прозрачности воздуха вершины гор казались особенно резко очерченными. К вечеру ветер еще усилился, а ночью даже завернул небольшой морозец, и я сильно промерз.

Интересно знать, как-то чувствуют себя теперь наши приятели-японцы?..

25 сентября

Сегодня с раннего утра японцы обстреливают порт и наши суда.

Бомбардировка на этот раз ведется из 11-дюймовых мортир и 120-миллиметровых пушек. При мне было выпущено около ста снарядов.

Один наш миноносец «Бойкий» только что намеревался выйти из порта в море, как вдруг в самую середину его попал 120-миллиметровый снаряд и, по-видимому, пробил ему котел, так как миноносец сильно «запарил». Слышны были стоны и крики раненых.

В броненосец «Полтава» попало четыре 11-дюймовых снаряда. Один из них пробил три палубы и при этом убил двоих матросов и двоих ранил. Кроме того, броненосец получил подводную пробоину и принял 90 тонн воды. Эти подробности сообщил мне один морской офицер.

Ввиду обстреливания флота офицеры его и команда отпущены на берег. Эти полуголодные, не имеющие приюта и пристанища, они бродят по всей крепости. Теперь наши моряки принуждены с берега наблюдать ужасную картину расстреливания своих судов. Несчастные наши корабли, не принесшие никакой пользы крепости, постепенно наполняются мутной водой приливов и постепенно опускаются на илистое дно Западного бассейна.

Сегодня на предложение начальства уничтожить 11-дюймовую батарею японцев вызвались три охотника. Эти смельчаки должны были на шаланде заехать в тыл японского расположения, высадиться там и, пробравшись на японскую батарею, заклепать орудия. Несмотря на всю очевидную

нелепость подобного предприятия, сегодня ночью этих несчастных солдатиков, идущих на верную смерть, высадили где-то за бухтой Тахэ.

Надо же было додуматься до такого абсурда, будто три стрелка в состоянии пробраться по незнакомой местности, пройти незамеченными мимо массы часовых и, найдя батарею, взорвать или заклепать орудия под самым носом у японцев!!

К несчастью, я не имел возможности узнать фамилии этих трех безвестных героев. Участь их также осталась неизвестной...

Сегодня в 190-м номере газеты «Новый край» был помещен нижеследующий приказ:

ПРИКАЗ

по войскам сухопутной обороны крепости

25 сентября 1904 года. Крепость Порт-Артур

№ 36

Прошу начальников участков обратить внимание ротных командиров и разъяснить нижним чинам, что упорная оборона крепости, не щадя своей жизни, вызывается не только долгом присяги, но весьма важным государственным значением Порт-Артура, как места пребывания наместника его Императорского Величества на Дальнем Востоке. Упорная оборона до последней капли крови, без всякой даже мысли о возможности сдачи в плен, вызывается, сверх того, тем, что японцы, предпочитая сами смерть сдаче в плен, вне всякого сомнения, произведут в случае успеха общее истребление, не обращая ни малейшего внимания ни на Красный Крест, ни на раны, ни на пол и возраст, как это было ими сделано в 1895 году при взятии Артура. Подтверждением изложенного может служить постоянная стрельба их по нашим санитарам и добивание наших раненых, случаи которого имел место даже 22 сего сентября при временном занятии Сигнальной горы. Вследствие весьма важного значения П.-Артура не только Государь и вся наша родина с напряженным вниманием следит за ходом обороны, но и весь мир заинтересован ею, а потому положим все наши силы и нашу жизнь, чтобы оправдать доверие нашего обожаемого Государя и достойно поддержать славу Русского оружия на Дальнем Востоке.

Начальник сухопутной обороны крепости

генерал-майор *Кондратенко*

Ввиду крайне тяжелого и удручающего впечатления, произведенного этим приказом на гарнизон, он вместе со 190-м номером газеты «Новый край» был уничтожен, но как все запрещенное, конечно, был всем гарнизоном прочитан.

26 сентября

День ясный. Прохладно.

Целую ночь японцы обстреливали наш порт 11-дюймовыми мортирами.

В эту же ночь они повели наступление на позицию Малой Голубиной бухты и, заставив нас отойти назад шагов на 400, заняли небольшую сопку (горку).

Сегодня при обстреливании 2-го форта один 11-дюймовый снаряд попал в бетонный каземат, пробил его свод (толщиной в 3 фута) и, разорвавшись внутри, убил писаря и телефониста.

Генерал-адъютант Стессель со всем штабом собирается переехать в дом генерала Волкова под горой Перепелкой.

Чувствуется сильный недостаток в фураже. Пуд плохого сена доходит до 1 руб. 50 коп.

27 сентября

Ночью высшее начальство решило сделать по направлению 1-го редута сильную вылазку двумя батальонами пехоты. Целью ее было разрушить осадные работы японцев, которые за последнее время настолько продвинулись в этом месте вперед, что стали с фланга угрожать нашему 3-му форту.

Вылазка кончилась, по обыкновению, неудачей. Едва одна из наших рот рассыпалась в цепь, как японцы открыли, кроме сильнейшего оружейного огня, еще огонь из восьми пулеметов. Пальба была настолько сильна, что нечего было и думать о дальнейшем наступлении. Батальоны наши под таким адским огнем растаяли бы весьма быстро, не принеся никакой пользы.

Японцы, очевидно, уже успели прочно укрепиться в занятых ими 10 августа наших редутах. Сорок семь дней не были ими потеряны даром.

Во время этой кратковременной вылазки у нас убыло до 30 человек убитыми и ранеными.

Весь день город и гавань обстреливаются японскими мортирами.

Вчера броненосец «Ретвизан» выходил на рейд, чтобы укрыться от дневной бомбардировки. Японцы это заметили и ночью повели минную атаку на место его дневного расположения. По счастью, однако, «Ретвизан» на ночь вернулся в гавань.

Сегодня, как я слыхал, одна бомба попала в «Ретвизан» и пробила все его четыре палубы.

Сегодня японцы 11-дюймовыми снарядами и шрапнелью особенно усиленно обстреливали нашу батарею на Перепелке. Эта батарея, как бельмо на глазу, надоедает японцам, нанося им своим метким огнем большие потери. Одна бомба попала в батарею и пробила блиндированный пороховой погреб, но, по счастью, не разорвалась. Другая бомба попала на батарею Лит. Б и пробила снова бетонный свод каземата. При этом ранено четыре стрелка, а другие четверо, находившиеся тут же, остались совершенно невредимы.

У 2-го форта сапные работы японцев приблизились на 50 шагов и достигли уже гласиса; противодействовать поступательному движению их сапы при нашем крайне ограниченном количестве снарядов мы почти не в состоянии.

По сие число у нас в госпиталях находится 4050 человек нижних чинов больных и раненых.

К Ляотешаню уже не приплывает ни одной китайской шаланды, так как еще недавно одна из них, намеревавшаяся подойти к нашим берегам, была на глазах крепости расстреляна японцами.

Около 11 часов вечера я слыхал сильную стрельбу в направлении Заредутной батареи. Видны были вспышки ракет, ярко освещавших местность. Никаких подробностей не знаю.

Положение гарнизона с каждым днем становится все более и более тяжелым. Солдаты питаются плохо, ходят в опорках, многие давным-давно не меняли белья и не видали бани. Между тем каждый день нужно ожидать новых штурмов, а ночи проводить без сна за оборонительными работами.

Количество больных все увеличивается.

Сегодня вечером узнал содержание телеграммы, полученной от генерала Куропаткина.

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района

сентября 27-го дня 1904 года. Крепость Порт-Артур

№ 709

24 сего сентября мною получена от командующего Маньчжурской армией, генерал-адъютанта Куропаткина, телеграмма следующего содержания:

«*Порт-Артур*

Генерал-адъютанту Стесселю

Мукден, 7 сентября

Получив вашу депешу 3 сентября, сердечно поздравляю с новым успехом. Мы усердно готовимся к переходу в наступление. 1-й армейский корпус уже прибыл к нам. Бог вам в помощь, надейтесь на выручку.

Генерал-адъютант *Куропаткин*».

Надежда на выручку в гарнизоне, однако, постепенно угасает.

28 сентября

Погода отличная. Тепло.

Сегодня утром видал два парохода, которые шли в бухту Луизы.

Японцы везде строят новые окопы; сапа их быстро продвигается вперед. Очевидно, их войска отлично обучены саперному делу. Сегодня случайно пришлось проезжать по дачным местам. Здесь я встретил молодого мичмана, который из «монтекристо» стрелял воробьев...

— Что это вы делаете? — спрашиваю.

— Да вот хочу из воробьев устроить себе завтрак, давно никакого свежего мяса не ел, — отвечал мичман.

В съестных припасах чувствуется сильный недостаток.

29 сентября

Японцы ожесточенно стреляют по порту. Говорят, что сегодня один из снарядов попал прямо в середину палубы броненосца «Пересвет».

Сегодня был в одной роте и пробовал пищу. Теплая мутная водица с бобовыми жмыхами и рисовая каша с запахом дыма.

Очевидно, командир роты не особенно следит за довольствием, так как в других ротах пиша значительно лучше.

Сегодня с полковником Ирманом осматривали позиции близ Малой Голубиной бухты. Здесь стоит сборная охотничья команда 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка под начальством штабс-капитана Соловьева.

Команда эта образована из оставшихся нижних чинов 3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады, которая ушла на Ялу. Охотники под командой штабс-капитана Соловьева бессменно уже восьмой месяц, то есть с самого начала войны, занимают передовые позиции и находятся все время в самом близком соседстве с неприятелем. Здесь, между прочим, я наблюдал, как «развлекаются» наши солдатики. Находясь дни и ночи в окопах, они от скуки додумались до следующего способа заставить японских часовых показываться из их траншей: один из

солдатиков привязывает себе на спину куклу в шинели и папахе и на четвереньках ползет вдоль окопа. Кукла несколько выдается над окопом и издали легко может быть принята за живого человека. Зоркий японский часовой, увидя движущуюся фигуру, высовывается из своего окопа и начинает по ней палить, в полной уверенности, что это разгуливает неосторожный наш стрелок. Этого момента только и дожидается другой наш стрелок, который, спрятавшись за бойницы, ухлопывает неосторожного японца.

Вот вам и пример охоты за живым человеком...

За помещение в № 190 газеты «Новый край» приказа генерала Кондратенко за № 36 редактор его, подполковник Артемьев, получил выговор в приказе от генерал-адъютанта Стесселя.

ПРИКАЗЫ

по войскам Квантунского укрепленного района

29 сентября 1904 года. Крепость Порт-Артур

№ 718

В № 190 газеты «Новый край» был помещен приказ по войскам сухопутной обороны крепости без соблюдения правил цензуры, за что редактору, подполковнику Артемьеву, объявлен выговор.

№ 722

28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка подполковник Шишко откомандировывается от дружины и назначается комендантом города с главной обязанностью следить, чтобы не было в городе людей, задержавшихся по разным случаям при разных командах, когда место их в ротах. Картежные игры должны тоже преследоваться всемерно.

Начальник Квантунского укрепленного района

генерал-адъютант *Стессель*

Последний приказ вызван тем обстоятельством, что наши солдатики, уходя с позиций, часто остаются где-нибудь в городе и таким образом уклоняются от несения своей службы. Кроме того, во многих уголках крепости процветает азартная карточная игра, в которой деятельное участие принимает, между прочим, и наше духовенство.

Подполковник Шишко до сих пор, числясь в дружине, спокойно проживал на левом фланге крепости в казармах 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и занимался фотографиями.

30 сентября

Слыхал, что вчера японцы повели атаку на какой-то пункт нашего правого фланга. Наступление их, однако, было отбито, причем они потеряли около 200 человек убитыми.

В отбитии штурма принимала участие главным образом 8-я рота 14-го В.-С. стрелкового полка под командой поручика Шумского. Эта рота два раза сходилась в штыки с наступающим врагом. Наши потери восемь убитых, числа раненых не знаю.

Сегодня случайно познакомился на Голубиной бухте со скромным героем, волонтером Дедеусом Владиславовичем Ливчинским, который служил техником в фирме Дежевецкого и К°, имевшей свое отделение в Порт-Артуре.

Д.В. Ливчинский — поляк. В начале блокады он вызвался провести на шаланде донесение генерала Стесселя к генералу Куропаткину. Поручение это он блестяще выполнил, причем несколько раз рисковал быть пойманным японцами.

Получив ответ от генерала Куропаткина, он привез его в Порт-Артур и пожелал остаться волонтером при обороне крепости. Д.В. Ливчинский был уже несколько раз в деле.

Теперь он, неся офицерские обязанности в отряде, насколько возможно, облегчает офицерам тяжелую их службу на передовых позициях.

Скромно одетый в хаки, с одним биноклем через плечо, живет в землянке, питается из котла...

Д. В. Ливчинский произвел на меня самое приятное впечатление.

По городу разнесся слух, что к нам пришли три шаланды и привезли 6000 штук снарядов.

Кроме того, упорно держится слух, что у генерала Куропаткина было большое кавалерийское дело, в котором почти вся кавалерия японцев уничтожена.

Октябрь

1 октября

Погода отличная, тепло.

Идет усиленное обстреливание Старого Города и порта. На этот раз стрельба довольно меткая. Так, один снаряд попал в здание редакции «Нового края», другой в известный ресторан «Саратов». Оба здания сильно повреждены.

Досталось и порту. В броненосец «Пересвет» попало, кажется, более десяти снарядов прямо в палубу.

Батарея многострадальной Перепелки тоже подверглась сильному обстреливанию. При мне в гору Перепелки попало уже до 23 снарядов, но разорвались из них только два, остальные дали отказ. Вообще нужно заметить, что японские снаряды обладают каким-то дефектом в установке ударных трубок, отчего большая часть их остается неразорвавшимися и не производит особых разрушений.

Сегодня опубликованы подробности гибели крейсера «Новик» у Корсаковского поста на Сахалине.

Вместе с этим известием в городе упорно держится слух о гибели нашего крейсера «Россия», на котором будто бы погиб и адмирал Скрыдлов.

Японцы удивительно деятельно и энергично ведут свои осадные работы. Везде появляются все новые и новые траншеи, которые с каждым днем приближаются к крепости и постепенно охватывают ее тесным кольцом.

2 октября

Ветрено и холодно.

Сегодня смотритель Сводного госпиталя рассказывал мне, что у него по сие число в самом госпитале убито и ранено 27 человек. От огня неприятеля пострадало не только больничная прислуга, но и несколько раненых, находившихся в госпитале на излечении.

На правом фланге крепости сапные работы сильно продвинулись вперед и отстоят теперь всего в 50 шагах от 2-го форта и в 70 от батареи Лит. Д.

Город, по обыкновению, наводнен самыми разнообразными

слухами.

Говорят, будто генерал Куропаткин окружил японскую армию у Ляояна и намеревается дать решительное сражение.

Балтийскую эскадру надеются видеть в водах Артура не позже 15 октября.

Рассказывают, будто в крепость прибыли три шаланды со снарядами.

Известный мясоторговец Исаев, недавно уехавший из крепости со своей семьей, попал будто бы в море в руки японцев, которые его продержали несколько дней в плену, а затем отпустили.

Ввиду почти поголовного бегства китайцев отбросы в городе никем не убираются и не увозятся, отчего в некоторых местах скопились целые горы навозу и мусора.

Благодаря страшной грязи и зловонию заболеваемость в гарнизоне сильно увеличилась.

Генерал-адъютант Стессель по этому поводу издал следующий приказ.

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района

2 октября 1904 года. Крепость Порт-Артур

№ 729

Тиф увеличился, причина известная и постоянная — вода, а я прибавлю и свинство, грязь, загаживание местности, отправление естественных надобностей повсеместно; какая-то особая халатность ко всему; посмотрите, что делается возле некоторых колодцев, ведь стоит зеленая грязь. Особенную клоаку представляют: овраг, ведущий от завода Ноюкса, казармы 10-го полка, где теперь моряки, морские казармы в Новом Городе, здесь у самых ворот все выбрасывают. Где наша славная санитарная комиссия, которая в мирное время исписала целые тома бумаги, а сама теперь ни за чем не смотрит; где городской голова, первый ответчик за санитарное состояние города, где полиция; все и вся отсутствуют, отсутствуют по понятным для всех причинам. Но, не делая ничего, кроме, разумеется, марания бумаги, содержание продолжают получать полностью. Мне важно здоровье офицеров и солдат, а между тем они-то и болеют. Приказываю строго и в последний раз городской администрации немедля все привести в порядок, иначе предам военному суду как за неисполнение своих обязанностей и неоднократных моих приказаний.

Возле мест биваков следить за санитарным состоянием войсковому начальству, а особливо полковым и прочим войсковым врачам, донося об антисанитарном состоянии корпусному врачу 3-го Сибирского армейского корпуса для

доклада мне.

Городскому голове подполковнику Вершинину ежедневно подробно осматривать город, считая это главным, а не писание бумаг.

Прошу коменданта крепости лично и через начальника своего штаба проверять исполнение сего важного требования; всякий бывший в походах и войнах отлично помнит, что за бич эпидемическая болезнь, с которой не справились в самом начале. Инспектору госпиталей осматривать чаще госпиталя и около них; свинство и грязь везде; ведь посмотрите, что делается у Дальнинского госпиталя.

Начальник Квантунского укрепленного района
генерал-адъютант *Стессель*

3 октября

Ясный и теплый день.

Около полудня внезапно началась артиллерийская канонада в направлении 3-го форта.

Все усиливаясь и усиливаясь, она между 2? и 4 часами дня достигла своего апогея.

Наши береговые батареи принимали в стрельбе самое деятельное участие. Среди грома орудийных выстрелов все время слышалась сильная ружейная трескотня. Все это сливалось в какой-то сплошной рев и гул.

Временами от разрывов лиддитовых снарядов 3-й форт и 3-е временное укрепление совершенно заволакивались дымом.

Около 5? часов дня стрельба начала понемногу стихать, а к 7 часам вечера и совсем замолкла.

Надо полагать, что это японцы предприняли дневную атаку. Подробностей пока никаких не знаю.

Утренняя бомбардировка города не произвела в нем никаких серьезных повреждений, так как большая часть снарядов по-прежнему не разрывается.

4 октября

День теплый. К вечеру подул сильный южный ветер.

О вчерашнем дневном штурме достоверного пока ничего не узнал. Слышал только, что японцы около 12 часов дня в составе

до двух батальонов внезапно предприняли наступление на открытый капонир, находящийся радом с 3-м фортом. При первом же натиске капонир был ими занят, но вскоре они были нами оттуда выбиты.

Говорят, что мы потеряли при этом до 200 человек. Потери японцев должны быть значительно больше.

5 октября

Ночью, около 2 часов, ветер, все усиливаясь, перешел в тайфун, сопровождаемый сильным дождем.

Ночь была облачная и очень темная. В двух шагах от себя нельзя было различить человека.

На дворе страшная грязь. Холодно, сыро и неприятно.

В окопах еще хуже. Набралось масса воды, и у солдат все промокло насквозь. Шинели, пропитавшись водой, сделались невероятно тяжелыми.

Да, месяц за год дается недаром!..

Несмотря на отвратительную погоду, японцы все-таки дали несколько выстрелов по городу.

К вечеру ветер, переменив направление, подул с севера, и стало еще холоднее.

Насколько я мог разузнать, дело 3 октября представляется в следующем виде.

Японцы внезапно предприняли наступление на открытый капонир, лежащий правее 3-го форта. Занять им удалось только половину, а другая пока осталась за нами. Занятие капонира обошлось японцам довольно дорого: одними убитыми они потеряли до 450 человек. Наши же потери убитыми и ранеными не превышают 250 человек.

6 октября

Холодно.

Всю ночь были слышны залпы на позиции вблизи Голубиной бухты.

Сегодня японцы впервые применили свое новое изобретение. Они начали кидать к нам в некоторых местах из минных аппаратов мины Уайтхеда. К счастью, несмотря на небольшие дистанции, разделяющие нас от противника, мины до нас не

долетают.

По городу японцы стреляли только после полудня.

Очевидно, они заметили дефект своих ударных трубок, так как сегодня уже большинство их снарядов разрывалось.

Слыхал, что крейсер «Баян» от попавшего в него снаряда получил большую пробоину, и машина его оказалась сильно испорченной.

Чтобы укрыться от японских снарядов, он, несмотря на свои повреждения, вышел на внешний рейд, но тут в него попало еще два снаряда.

Теперь крейсер «Баян» уже окончательно выведен из строя, так как на его починку в доке потребовалось бы два-три месяца.

В городе упорно держится слух о том, что наши владивостокские крейсера «Громобой» и «Россия» потоплены японцами.

Проезжая мимо японских окопов, находящихся против Высокой горы, я был удивлен при виде массы красных флагов, развешанных и разостланных сзади японских траншей.

При более внимательном осмотре их в бинокль я разобрал, что это были красные одеяла, которые японцы развесили для просушки.

С продовольствием каждый день становится все тяжелее и тяжелее.

Количество больных после дождей и непогоды сильно увеличилось.

Ночь лунная и тихая.

7 октября

Всю ночь японцы вели ожесточенную стрельбу по порту и городу.

Днем же все было тихо.

Сегодня отправил на шаланде два письма в Россию. Авось дойдут!..

Осматривая работы японцев против Высокой горы, я убедился, что за последнее время их траншеи сильно продвинулись вперед. Все эти работы японцы ведут по-прежнему по ночам, днем же у них всякая деятельность затихает и все кажется вымершим.

Цены на жизненные припасы стоят баснословные.

Например: небольшая свинья стоит 120-150 рублей.

10 яиц — 10 рублей.

Курица — 12-15 рублей.

Гусь — 30-35 рублей.

По городу ходит слух, что генерал Куропаткин прижал генерала Нодзу к Инкоу, генерал Куроки будто бы заперт в Ляояне, а генерала Оку наш генерал Линевич гонит на Ялу.

Порции солдатам еще уменьшены. Хлеба выдают всего 2 фунта и к этому небольшое количество рисовой каши.

Количество больных все растет и растет...

8 октября

Погода отличная.

Ночью наша застава впереди Плоской горы, в количестве шести человек 10-й роты 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, нечаянно попала на наш же фугас и взлетела на воздух. Из всей заставы только один остался невредимым, из остальных же пяти — двое убиты и трое ранены.

Сегодня во время обстреливания японцами Нового Города три снаряда попали в наш пароход Красного Креста «Монголия». Один снаряд попал в столовую, другой влетел в каюту доктора. К счастью, все были на палубе и отделались только испугом.

9 октября

Погода стоит отличная.

Ночью японцы обстреливали порт и Старый Город.

Вчера генерал-адъютант Стессель посетил 2-й форт, а сегодня отдал следующий приказ.

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района

9 октября 1904 года. Крепость Порт-Артур

№ 750

Вчерашнего числа на форту № 2 я нашел вид людей отличный, видна заботливость ротных командиров и гг. офицеров. Люди при самой трудной боевой обстановке имеют вид веселый, указывающий на полную веру в своих начальников и в свои силы, а это очень важно. Благодарю коменданта-молодца капитана Резанова, гг. ротных командиров и всех гг. офицеров, а молодцам стрелкам, артиллеристам и саперам форта № 2 и Куропаткинского люнета — сердечное спасибо. Видно, что

молитвы наши достигают престола Всевышнего, и Он, Отец наш, помогает нам не только отстаивать крепость, но и сохранять во всех защитниках тот русский молодецкий геройский дух, сокрушить который никому не удалось.

Начальник Квантунского укрепленного района
генерал-адъютант *Стессель*

10 октября

День ясный, но довольно прохладно.

Слыхал, что японцы ведут минную галерею против 2-го форта. Навстречу ей наши саперы, под руководством военного инженера подполковника Рашевского, повели свою минную галерею. Вести эти работы у 2-го форта, вследствие скалистого грунта, представляет массу трудностей. В довершение всего в крепости чувствуется сильный недостаток в саперах, так как налицо имеется только одна саперная рота.

С раннего утра японцы обстреливали порт, город и некоторые укрепленные пункты крепости. Несколько снарядов попало в броненосец «Пересвет».

Около 20 снарядов было пущено в Зубчатую батарею. Взорвалось не более четырех снарядов, из которых один попортил нишу на этой батарее. По 4-му форту было дано до 25 выстрелов. Большинство снарядов перелетело через форт и упало в овраг. Взорвалось не более трех, но и те не причинили форту особых повреждений.

11 октября

Среди ночи японцы изредка стреляли по городу. Особенно же сильному обстреливанию город подвергся в промежуток от 12 часов до 4 часов пополудни.

Всех томит полная неизвестность о том, что делается на севере.

В госпиталях больных и раненых до 5200 человек.

Ночь ясная и лунная.

Стрельбы не слышно...

12 октября

День ясный. Прохладно.

Сегодня утром с позиции Малой Голубиной бухты было видно какое-то передвижение около бухты Луизы. Двигались какие-то обозы, которые что-то подвозили по направлению к Высокой горе.

Около 12 часов дня японцы открыли сильный артиллерийский огонь по батарее на Перепелке.

Наши батареи стали отвечать, и завязалась перестрелка.

Два 11-дюймовых снаряда упали около здания морского пароходства, но не разорвались.

Слыхал, что из г. Дальнего прибыла маленькая шлюпка с двумя китайцами, однако известий никаких не привезла.

Чувствуется крайний недостаток в артиллерийских снарядах. Ввиду этого в инженерных мастерских идет спешная их отливка.

Ходят слухи, что в Ляояне генерал Куроки сдался генералу Куропаткину.

13 октября

С 2 часов дня японцы начали обстреливать наши батареи. Батарея на Перепелке и особенно 3-й форт и Заредутная буквально были засыпаны лиддитовыми снарядами.

Временами эти злополучные пункты совершенно исчезали в густом дыму от взрывов «черняков».

Старый Город также подвергся страшному обстреливанию. В нем разрушены: типография «Нового края», склад Офицерского экономического общества, пакгауз Добровольного флота и контора купца Гинсбурга и др. Во время пожара этой конторы наблюдалось интересное явление: обыкновенно японцы по всем пожарищам открывали сильный огонь, которым наносили большой урон тушившим командам. У конторы же Гинсбурга японцы против своего обыкновения не сосредоточивали своего огня, что и дало повод одному остряку заметить: «Увидели, что в своего верного союзника случайно попали, вот и каются».

Гинсбург (еврей) составил свое громадное состояние главным образом на поставке угля в Морское ведомство. Он же был главным виновником развращения нашего флота.

После последней бомбардировки Старый Город представляет собой сплошную массу развалин.

Около полудня был виден страшный взрыв близ Саперной Импани. По всей вероятности, это был взорван погреб с дымным порохом.

После достаточной подготовки артиллерийским огнем известных пунктов японцы перешли в наступление. Подробностей пока не знаю.

Бомбардировка, начавшаяся с 11 часов утра, сразу затихла около 6 часов вечера.

На Плоской горе сегодня взяли в плен одного японца.

14 октября

Пошел слух, что генерал-адъютант Стессель ранен в голову.

Точных сведений о вчерашнем штурме до сих пор не имею.

Слыхал, что на правом фланге японцы перешли в общее наступление. Наши потери достигают 100 человек убитыми и ранеными, потери же японцев гораздо серьезнее.

С 2 часов японцы, как и вчера, начали обстреливать наши батареи. Я видел собственными глазами перелеты лиддитовых снарядов через Перепелку.

В инженерной мастерской ежедневно отливается до 50 снарядов.

15 октября

Вчера умер от брюшного тифа и прободения кишок градоначальник и строитель гор. Дальнего, штабс-капитан Сахаров, вступивший в ряды нашего гарнизона после взятия г. Дальнего японцами. Завтра состоятся его похороны вблизи вокзала железной дороги.

На 2-м форте мы дали сегодня против японских минных галерей первый усиленный камуфлет (взрыв), кнопку электрического провода нажал сам комендант крепости, генерал-лейтенант Смирнов.

Говорят, что камуфлет удался, но вместе с тем японцы в том же форту подорвали часть нашего капонира.

Сегодня, около 12 часов дня, японцы своей стрельбой зажгли пакгауз Русско-Китайского банка, недалеко от Перепелки. При этом сгорела масса чая и других товаров. Убытки громадные.

Кроме этого, под Золотой горой опять загорелся склад масла, принадлежащий Морскому ведомству. Клубы густого черного дыма и языки пламени были видны в крепости до 4 часов дня.

Сегодня же сгорели: каретный сарай наместника, управление

строителя порта и контора купца Тифонтая. Одним словом, пожарищ масса...

Нужно сознаться, что все они как-то удручающе действуют на население, хотя особого ущерба крепости и не приносят.

С помощью своих осадных работ и постоянных штурмов японцы подошли к гласису 3-го форта и засели за подошвой его, в мертвом его пространстве.

Наши потери в артиллерии за все время осады громадны. Так, на 6-дюймовой батарее 3-го форта из первоначального состава прислуги по сие число осталось целыми и невредимыми только три артиллериста.

Наша канонерская лодка «Забияка», пробитая несколько дней тому назад японскими снарядами, затонула в Западном бассейне у всех на глазах в течение каких-нибудь 15 минут.

Генерал-адъютант Стессель действительно оказался ранен. Пуля пробила ему папаху и зацепила верхние покровы черепа.

16 октября

Ясно, но холодно.

Всю ночь и весь день японцы ожесточенным артиллерийским огнем обстреливают в разных направлениях несчастную нашу крепость.

Я лично видел несколько разрывов лиддитовых снарядов на Перепелке и затыльное поражение батареи Лит. Д.

Слыхал, что на правом фланге японцы предприняли наступление, но что было дальше, не знаю.

Против Ляотешаня видны были несколько японских судов и шаланд.

Сегодня в одной роте меня угощали довольно необычным блюдом: рисовым супом с ослятиной.

17 октября

Ночь прошла очень тревожно.

Стрельба на Малой Голубиной бухте, начавшаяся еще вчера вечером, продолжалась вплоть до самого утра. Кроме того, время от времени ясно доносились с Высокой горы залпы орудийных выстрелов. 5-е временное укрепление также усиленно обстреливало редуты японцев. Но это было не все...

Рано утром и на правом фланге поднялась страшная канонада.

Описать всех ужасов картины невозможно. Скажу только одно, что гул стоял невообразимый, а дым от взрывов лиддитовых снарядов и шрапнели зловеще окутывал собой все пространство.

Все в сильной тревоге и беспокойстве следили за правым флангом, где кипел ожесточенный бой и где царили ад, ужас и смерть...

Ружейная перестрелка сливалась с орудийной канонадой в сплошной гул. Было ясно, что шел отчаянный штурм...

Вскоре в Новый Город стали приносить раненых.

Все сознавали, что крепость переживает тяжелые испытания, и имели хмурый и озабоченный вид.

А правый фланг все по-прежнему был окутан пороховым дымом и пылью...

Наконец, около 5 часов дня, пришло радостное известие, что «всё» осталось за нами. Если это верно, то мы, безусловно, одержали большую победу. Японцы уже, наверное, напрягли все свои усилия, чтобы сегодняшний их штурм увенчался успехом, и если были все-таки отбиты, то, вероятно, понесли громадные потери.

Зато на Голубиной бухте действия японцев оказались удачнее: они заставили отряд штабс-капитана Соловьева отступить, а сами заняли еще одну возвышенность.

Передовые части конных отрядов Генерального штаба капитана Романовского также принуждены были несколько податься назад. Таким образом, здесь японцам удалось немного продвинуться вперед.

Сегодня плавучий госпиталь «Ангара» (бывшая «Москва») получил пробоину и носовой частью погрузился в воду. Все больные, около 2000 человек, бежали с парохода, опасаясь следующих попаданий, которые были вполне возможны.

Вчера сгорел пробитый снарядами пароход Восточно-Китайского пароходства «Новик».

Сегодня 6-дюймовым снарядом в Старом Городе в моей конюшне убита одна из моих верховых лошадей.

Вообще Старый Город страшно разрушен: в редкий дом не попало несколько снарядов. Жители в страхе начали переселяться в более безопасные части города.

Слыхал, что высшее морское начальство, поставив свои орудия на батареи сухопутного фронта, стало считать себя здесь полным хозяином и начало, помимо начальника крепостной артиллерии, распоряжаться стрельбой, представлять матросов и офицеров к наградам и т. д. Ввиду этого от начальника

крепостной артиллерии последовал весьма дельный приказ.

ПРИКАЗ

по Квантунской крепостной артиллерии крепости Порт-Артур

17 октября 1904 года

№291

(...) В короткое время два случая оскорбления сухопутных начальников нижними чинами флота, находящимися на крепостных батареях, и немало случаев самовольного распоряжения действиями батарей морских орудий со стороны начальнического персонала военных судов, по преимуществу тех, с которых взяты орудия на сушу.

Объявляю командирам батарей морских орудий, что, находясь на суше в составе артиллерии крепости, они с командами своими во всех отношениях отправления службы, а следовательно, и даже более — по части действия батареи, находятся в ведении сухопутного начальства и в тактических действиях батареями должны исполнять только их приказания. Прошу их же держать свои команды в более строгом режиме дисциплины и воинского благочиния, так как ослабление в том и другом отношениях ясно указывает не на недисциплинированность нижних чинов флота вообще, где в этом отношении требования закона, конечно, одинаковы с сухопутным ведомством, а на слабость надзора над вверенными нижними чинами и бездействие власти ближайших начальников — командиров батарей, не умеющих или не желающих держать в руках свои команды и тем распускающих их.

За все проступки, а тем более преступления нижних чинов они будут отданы под суд, который будет судить их, конечно, по законам военного времени, а за преступления против личности начальника — военно-полевым судом. Разъяснить нижним чинам, что это за суды и какие наказания ждут виновных. Ответственным становятся также и начальник, распустивший свою команду или не принявший своевременно мер против зловредных людей этой команды. Зловиновными становятся также и лица, потерпевшие, замалчивающие проступки и преступления нижних чинов.

Начальник крепостной артиллерии

генерал-майор *Белый*

18 октября

Сегодня кое-что узнал о вчерашнем штурме.

Японцы вели свое наступление одновременно на 2-й и 3-й

форты, на 3-е временное укрепление, на батарею Лит. Б; на Куропаткинский редут и даже на Курганную батарею. Наступление всюду было очень упорное и велось большими силами. Говорят, что на одно 3-е временное укрепление наступал целый батальон, в ров 2-го форта спустилось до 40 человек, но так как капонир был еще в наших руках, то все они почти моментально были перебиты.

В бетонной галерее, по которой происходило сообщение с головным капониром 2-го форта, японцы взрывом пироксилинового снаряда пробили сверху дыру. В это отверстие они из траншеи венчания гласиса, находящейся под нашей галереей, просунули ружье и беспрерывно стреляли из него, прервав таким образом всякое сообщение с капониром. Вся впереди лежащая бетонная стенка была буквально избита пулями. Тогда мы в свою очередь поставили в самой бетонной галерее нашего стрелка, который все время должен был следить, не высунется ли косоглазый японец в отверстие, и, в случае его появления, тотчас же его пристрелить.

Количество выпущенных японцами снарядов за время их бомбардировки и штурма 17 октября определить вообще трудно, но я думаю, что по самому приблизительному расчету их надо считать от 15 до 20 тысяч.

Японцы подошли также ко рву 3-го форта, но никак не могут через него перейти.

Сегодня поручик Квантунской саперной роты Селунский удачно попал ручной бомбочкой в неприятельский склад пироксилина на 3-м форту. Японские бомбочки, находившиеся у контрэскарповой стенки, взорвались и разрушили часть японских работ.

Вчера горели склады и магазины Чурина, Петерец и Офицерского экономического общества.

Вечером убит сапер-поручик Левберг.

Подполковник Генерального штаба Иолшин, недавно только выписавшийся из госпиталя после излечения полученных им первых ран, вчера около штаба укрепленного района подошел с одним солдатиком к неразорвавшейся 11-дюймовой бомбе, посмотреть на нее. В это время почти на то же самое место попадает другая 11-дюймовая бомба и... взрывается. Солдатик разорван на куски, а подполковник Иолшин тяжело ранен в руку и ногу. Положение его, как говорят, безнадежно.

Масса народу переселилась на так называемые дачные места, как самые безопасные уголки крепости.

Многие даже вырыли, говорят, себе здесь пещеры и живут в них, почему шутники называют всех обитателей дачных мест

«пещерниками».

Сегодня я прочел следующий приказ.

Спешно.

Дополнение к приказу по войскам западного форта обороны крепости Порт-Артур

18 октября 1904 г

№ 51

§4

В приказе по войскам Квантунского укрепленного района за № 773 объявляю: по сведениям, мною полученным, армия генерала Куропаткина двигается с успехами, причем один японский старший генерал взят в плен, а здесь 13-го или 14-го числа сего месяца тоже один старший японский генерал лишил себя жизни. Взятый в плен японский солдат при опросе почти не отвечал, но все-таки показал, что они потому торопятся, чтобы взять форты к 21-му числу ко дню рождения Микадо; нам же известно, что 21-го числа сего месяца день Восшествия на Престол нашего Великого Царя. Я вас знаю и не сомневаюсь, чья возьмет, осталось два дня.

Ротным командирам лично прочитать этот приказ пред собранием нижних чинов и разъяснить этим последним, что японцы, чтобы порадовать своего Микадо, бесспорно, напрягут все силы, дабы овладеть крепостью. Однако если они не успели в этом в течение почти 9 месяцев, то смешно рассчитывать захватить крепость в два дня с войсками, уже потерпевшими от нас так много поражений, что убыль японцев исчисляется десятками тысяч. Они были бы счастливы порадовать своего Микадо в день его рождения хотя бы одним-двумя из всего многочисленного числа наших фортов и укреплений. Насколько это доставило бы радости Микадо, настолько отдача 1-2 опечалила бы нашего обожаемого Царя именно потому, что пришлось бы в день Восшествия Его Величества на Престол. Печаль Царя была бы понятной, потому что отдача хотя небольшого кусочка крепости накануне Царского дня могла бы дать основание заподозрить, что мы любим своего Царя меньше, чем японцы Микадо. Чтобы доказать, что это не так и что в мире нет народа, любящего своего Царя больше, чем мы, нам надо не дать врагу в эти дни никакого решительного успеха. Приложим же, гг. офицеры и наши молодцы стрелки, все силы, дабы разочаровать врага и тем подорвать его моральное состояние окончательно. А оно бесспорно падет, потому что произойдет в то время, когда японцы напрягут все свои силы.

§5

В приказе войскам сухопутной обороны крепости за № 50

объявлено.

Ввиду возможности повторения штурма, а особенно в ночное время внезапной атаки, подтверждается, чтобы на фортах и укреплениях половина гарнизона находилась под ружьем в полной готовности встретить противника, а другая половина по первому требованию была бы готовой к действию. Обратить особое внимание на самое тщательное отправление сторожевой службы часовыми и секретами.

Начальник Западного фронта
полковник *Петруша*

19 октября

Во время сегодняшней бомбардировки японцы одним снарядом попали в баржу, которая везла 9-дюймовые бомбы с Тигрового полуострова к городской пристани. Баржа со всеми снарядами пошла ко дну.

Затонули еще в Западном бассейне два коммерческих парохода, в которых раньше был сложен пироксилин. Оба они были пробиты японскими снарядами.

Почти все наши военные суда настолько испорчены японскими снарядами, что вряд ли годны еще к плаванию и бою.

Сегодня, будучи на Тигровом полуострове, я узнал, что в казармах Морского ведомства, построенных на 800 человек, теперь помещается 2-й запасный госпиталь. В нем находится до 1200 больных тифом, дизентерией и цингой. Несмотря на столь большое число больных, этот госпиталь почему-то совершенно никого не интересует и всеми как бы забыт. Весь докторский персонал его состоит из 5 врачей, 4 сестер и 2 фельдшеров. От непомерных трудов и ужасной обстановки большинство врачей сами полубольные и многие из них даже имеют явные признаки цинги.

Ни подходящей пищи, ни лекарств, ни прислуги в госпитале нет. Службу санитаров и служителей несут бывшие раненые и неспособные к службе и труду калеки. Ввиду всех этих неблагоприятных условий в госпитале ежедневно умирает 5-12 человек, и он вполне справедливо может называться «госпиталем смерти».

Солдаты страшно боятся попасть в этот госпиталь, так как хорошо знают, что отсюда нет возврата...

Почти такую же картину представляет и 5-й полевой госпиталь, помещенный в казармах Военного ведомства на

Тигровом полуострове у перешейка. Весь он переполнен тифозными, дизентериками и цинготными.

Тигровый полуостров в 1898 году, во время нашего занятия Порт-Артура, представлял собой цветущий уголок с массой зелени, деревень и т. п.; теперь же все это разорено, уныло и обращено в клоаку тифа, дизентерии и цинги...

Вот вам и цивилизация!..

20 октября

Около 10 часов утра раздался страшный взрыв, спустя некоторое время последовал второй.

По цвету дыма можно было предположить, что это взорвался дымный порох. Говорили, будто это взлетел на воздух пороховой склад Саперной роты.

Сегодня крепость бомбардируется уже значительно слабее, чем в прошлые дни.

Наши потери во время последних штурмов правого фланга и Голубиной бухты доходят до 1000 человек убитыми и ранеными. В числе последних находится весьма дельный и энергичный подпоручик 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Крум, который ранен в плечо навылет.

На правом фланге ранен в живот навылет капитан Квантунской саперной роты Линдер. Положение его очень тяжелое, так как ему пришлось вырезать кусок кишки.

Вообще госпиталя совершенно переполнены. Чувствуется сильный недостаток лекарств и перевязочных средств.

21 октября

День ясный и теплый.

Около 11 часов дня японцы открыли по крепости страшно сильный огонь. Наши батареи начали отвечать. Но около полудня все как-то сразу прекратилось.

Сегодня узнал, что вчерашний взрыв действительно был в Саперной роте и произошел от неосторожности. Взрывом был уничтожен большой запас ручных бомбочек. При этом убито 10 саперов и 12 ранено.

В Саперной роте находился главный склад этих бомбочек, и с уничтожением его мы поставлены в большое затруднение.

Правда, отдан приказ поторопиться с их заготовкой, но для этого все-таки нужно время.

Сегодня обедал в офицерском собрании под Высокой горой. Председательское место за столом занимал общий любимец, полковник Ирман.

Стол был сервирован очень скромно, даже без скатерти, одними эмалированными тарелками.

На первое подали рисовый суп, представляющий собой мутную водицу с несколькими плавающими жирными пятнами, на второе — отчаянные котлеты из консервированного мяса, которые были посыпаны зеленым горошком, и на третье — чай.

В крепости начинает ощущаться сильный недостаток в офицерах. Ротами сплошь и рядом командуют подпоручики. Все утомлены и жаждут отдыха. Охотников на рискованные предприятия более уже не находится. Вообще замечается полный упадок одушевления. Все, очевидно, пресытились испытанными впечатлениями всех ужасов войны.

Количество цинготных все растет.

Чувствуется крайний недостаток в предметах первой необходимости. Так, у солдат уже нет мыла.

Сегодня я узнал, что подпоручик Квантунской крепостной артиллерии Эсаулов, очень симпатичный и воспитанный юноша, убит во время штурма на 3-м временном укреплении. Снаряд попал прямо в него и разорвал его на куски, которые и разбросал по всему укреплению.

Сегодня в Старом Городе целый день горит магазин и склады Лангелитье.

По городу по-прежнему ходят самые разнообразные слухи. Говорят, будто Куроки взят в плен и отправлен в Омск; что японцы начали посадку войск на суда в г. Дальнем для обратной отправки в Японию и т. д.

22 октября

Китайская шаланда, пришедшая сегодня к Ляотешаню, привезла сильно запоздалую корреспонденцию от августа месяца. Оказалось, что шаланда, прежде чем ей удалось пристать к нашим берегам, в течение 25 дней носилась по морю.

Сегодня мне рассказывали, что в числе пленных, поднятых нами и положенных в госпиталь, находится студент Токийского университета. Этот студент сообщил, что он единственный сын у родителей, взят в солдаты по набору и во время одного из

штурмов был ранен в голову. Кроме этого, он сообщил, что под Артуром у японцев находится до 40 тысяч войска, но что недавно три пока ушли на север; что с севера никаких известий они не получали, что в самой Японии народ желает скорейшего окончания войны.

Из газет же, взятых у японцев, видно, что под Ляояном было большое сражение. О результатах его ничего не говорится.

К вечеру подул сильный ветер.

23 октября

Сегодня целый день дует сильный холодный ветер.

Японцы обстреливают Старый и Новый Город. В Новом Городе убиты четыре обозные лошади.

Ввиду крайнего недостатка в наших полках офицеров генерал-майор Кондратенко просил контр-адмирала Вирена предложить морским офицерам вступить в сухопутные части.

Количество больных растет с ужасающей быстротой.

Начинает чувствоваться полный недостаток решительно во всем.

24 октября

Ветер стих, но холодно. На море сильная волна.

На предложение генерал-майора Кондратенко вступить в ряды сухопутных войск, согласно прилагаемому здесь приказу, записалось 4 человека.

ПРИКАЗ

командующего отдельным отрядом броненосцев и крейсеров в Порт-Артуре.

Октября 24-го дня 1904 года.

Крепость Порт-Артур

№ 110

Капитан 2-го ранга Бахметов, мичман Нишенков, младший инженер-механик Борис Сачковский и волонтер Логидзе командируются в распоряжение генерал-майора Кондратенко для службы в рядах сухопутных войск.

Подписал: контр-адмирал *Вирен.*

Верно: делопроизводитель *Белухин*

Сегодня японцы при обстреливании Высокой горы около 5

часов дня взорвали у нас склад ручных бомбочек.

Весь гарнизон до сих пор только и живет надеждой на выручку, хотя у некоторых начинает уже зарождаться сомнение в ее осуществлении.

По обыкновению, ходит масса слухов.

25 октября

Погода хорошая.

Ночью японцы на правом фланге недалеко от наших окопов поставили палку с запиской.

В записке, написанной крайне неграмотно, нам сообщалось о поражении генерала Куропаткина, о взятии Ляояна и о необходимости нам сдаться.

Вместе с запиской были присланы и японские газеты, где красными чернилами были отмечены места для прочтения.

Ночью гарнизон усиленно работает на позициях.

26 октября

Погода теплая.

Так как батарея Золотой горы истратила все свои снаряды, то ее командир капитан Зейц собирает по городу неразорвавшиеся 11-дюймовые японские снаряды, меняет в них ударную трубку и со своей батареи отсылает их обратно к японцам.

Сегодня умер от разрыва сердца раненый капитан Линдер.

Капитан Линдер был в высшей степени образованный и воспитанный человек, много видавший и перенесший на своем веку.

Он недурно писал стихи. Здесь я помещаю пришедшее мне на память его стихотворение:

Война — это слезы невинных страдальцев,
Война — это голод, болезнь, нищета,
Толпа разоренных, бездомных скитальцев,
Ряды безымянных могил без креста.
Война — это грозный огонь-разрушитель,
Сжигающий села, губящий плоды,
Слепой и бесстрашный, безжалостный мститель,
Чудовище мрака и демон вражды;

Война — это кротость, улыбка сердечной
У ложа больного склоненной сестры
И трепет молитвы любви бесконечной,
Надежды и веры святые дары;
Война — это взрыв бескорыстной отваги,
Победа над смертью, победа над злом;
Война — это гордо шумящие флаги
Над гибнущим судном в огне боевом;
Грозой пролетая над грязью вседневной
Корысти, заботы и пошлых утех,
Война — это ангел, прекрасный и гневный,
Судящий неправду, карающий грех.

Вл. Линдер

У покойного остался сынишка Боря, кадет Хабаровского корпуса, которого он страстно любил и для которого жил...

Бедный сиротка!..

27 октября

Около 10 часов утра недалеко от 3-го форта взорвался небольшой блиндаж с порохом.

Комендант 2-го форта капитан Резанов, будучи ранен пулей в ногу, должен был подвергнуться сложной операции. Капитан Резанов, не раз видевший смерть перед глазами, отбивавший массу самых бешеных атак неприятеля, до того расстроил свои нервы, что не мог примириться с мыслью об операции и застрелился в госпитале. Так трагически погиб один из выдающихся офицеров и самых храбрых защитников Порт-Артура.

Сегодня ранен в голову осколком 11-дюймовой бомбы военный инженер капитан Заборовский.

Слыхал, что на Ляотешань пришли две шаланды.

От часу до четырех часов дня японцы вели стрельбу по порту и Старому Городу.

28 октября

День ясный и теплый.

Ночью военный инженер капитан Зедгинидзе дал усиленный

камуфлет (взрыв) против минных работ японцев. Насколько можно было судить, камуфлет вполне удался.

Ввиду постоянных усиленных работ, отсутствия хорошего отдыха и приличной пищи гарнизон страшно изнурен.

Однако такое тяжелое положение крепости не мешает нашему офицерству иногда в расстоянии всего нескольких сот шагов от неприятеля предаваться азартной игре в карты.

Японцы стреляли сегодня по порту с часу до четырех часов дня.

Лейтенант Лавров, приехавший в Артур для полетов на воздушном шаре, встретился с большими затруднениями. Необходимые для этого принадлежности и снасти были, как известно, захвачены японцами на пароходе «Манджурия» и не доехали до Порт-Артура.

Лейтенант Лавров потратил массу денег, труда, энергии и материалов для постройки воздушного шара здесь на месте из материала, находящегося под руками, но все его труды не увенчались успехом. Правда, шар был сделан, но добыть нужного количества водорода оказалось невозможно.

В последнее время лейтенант Лавров оставил мысль о воздухоплавании и занялся мыловарением, которое у него идет гораздо успешнее и является теперь весьма кстати. Мыла в крепости уже довольно давно почти нет, и солдаты и матросы терпят от этого большие лишения.

Пища у солдат с каждым днем ухудшается.

29 октября

Сегодня я осматривал осадные работы японцев против Высокой горы. Работы ведутся с большой энергией и очень успешно. Сапные работы быстро продвигаются вперед и в некоторых местах уже отстоят от линии огня Высокой горы не более как на 300-400 шагов.

Вследствие крайнего недостатка в белье и сапогах у нижних чинов высшим начальством приказано вскрыть все солдатские сундучки 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии.

Раньше эта дивизия постоянно стояла в Порт-Артуре, а с объявлением войны спешно ушла на Ялу, оставив все свое имущество здесь.

Теперь крайняя необходимость и недостаток в белье и обуви заставили забыть о неприкосновенности частного имущества, и сундуки солдатиков были вскрыты.

Погода теплая.

Ночи стоят темные.

30 октября

Сегодня город японцами не обстреливался, вероятно, вследствие сильного утреннего тумана.

К вечеру пошел дождь. Ночь страшно темная, так что в двух шагах ничего не видно. Прожекторы почему-то не работают.

В аптеках почти уже все перевязочные средства израсходованы. Даже таких необходимых вещей, как касторовое масло, нельзя достать.

Сегодня в газете описаны кое-какие подробности ужасного боя при Ляояне...

Вчера японцы снова подбросили к нам письмо, в котором советуют сдаваться, рисуя нам привлекательную жизнь в Японии.

На Тигровом полуострове все здания 5-го и 11-го запасных госпиталей переполнены тифозными и дизентериками.

Цинга тоже все растет.

31 октября

Целый день дует сильный северный ветер.

Очень холодно.

В крепости появилась еще новая гостья — инфлуэнца.

Заболевания цингой все учащаются.

Ночью все лужи покрылись тонким слоем льда.

Подполковнику Иолшину ампутировали ногу, положение его почти безнадежно

Ноябрь

1 ноября

День ясный, но холодный.

Город последние два дня почти не обстреливается.

Ввиду бурной погоды и сильного волнения на море в течение последних дней много наших мин оторвалось от своих якорей и всплыло на поверхность. Сегодня наш миноносец «Бдительный» наскочил на одну из таких всплывших мин, подорвался и, как говорят, затонул.

Положение наших войск на фортах очень тяжелое. Японцы совершенно забили нас своим постоянным артиллерийским и оружейным огнем. Буквально нельзя высунуть руку из траншеи, чтобы тотчас же не закудахтал где-нибудь японский пулемет.

В последнее время японцы обвенчали гребень наружного рва (гласис) атакованных ими фортов траншеей (сделали так называемое «венчание гласиса») и в некоторых местах стали строить из мешков род возвышений (кавальеры) на гребне этого рва, чтобы, установив на них пулеметы, обстреливать таким образом всю внутренность форта.

На 2-м форту сегодня, около 3 часов дня, мы дали из наших контргалерей взрыв, который вполне удался.

Сегодня скончался недавно раненный подполковник Генерального штаба Иолшин.

2 ноября

С утра шел снег. К вечеру подул сильный северный ветер и температура сразу сильно понизилась.

Стрельбы в течение дня почти не было слышно.

На фоне сплошного снежного покрова, одевшего все окрестности и склоны гор, яснее заметно передвижение отдельных японцев на неприятельских позициях, тем более что все они теперь оделись в черные шинели.

Вся водка из магазинов Порт-Артура недавно забрана в интендантство, откуда и выдается каждый раз по особому разрешению, получение которого сопряжено с довольно сложной перепиской.

3 ноября

Целую ночь дул ветер, который и смел весь выпавший накануне снег. На дворе грязно и холодно,

Днем город японцами обстреливался довольно вяло, но к вечеру бомбардировка усилилась, особенно по Новому Городу. Говорят, что есть много раненых и в числе их даже один священник.

По городу ходит слух, что отряд русской кавалерии стоит в Дашичао, а пехота и артиллерия будто бы уже идут на выручку Порт-Артура. По всей вероятности, слух этот исходит из китайского источника. Несмотря на явную свою недостоверность, он обсуждается и пережевывается в городе на все лады.

Слыхал, что отдан секретный приказ беречь патроны. Их запасы сильно истощились, и поговаривают даже, будто на ружье приходится теперь не более 800 патронов.

Положение наших войск на позициях крайне тяжелое. Ввиду сильной скученности солдат, расположенных в разных блиндажах и казематах, где им приходится целыми месяцами сидеть, не переменяя белья, развелось страшное количество паразитов, и наших солдат положительно «вошь заела». Положение офицеров нисколько не лучше.

Я лично знаю одного, который на днях пошел в баню и принужден был сжечь все свое платье и белье, кроме шапки, сапог и пальто. Вся его одежда прямо кишела тысячами вшей...

4 ноября

В ночь на 4 ноября был на работах у дер. Яхудзуй, находящейся недалеко от подошвы Высокой горы.

Ночь была тихая и лунная.

Вдруг эту тишину нарушил одиночный орудийный выстрел с японской стороны. Снаряд перелетел Высокую гору и, ударившись о камни у ее подошвы, со страшным треском разорвался.

После этого все опять смолкло и погрузилось в тишину, которая ничем более не нарушалась. В наших окопах до самого утра кипела нервная, лихорадочная работа.

Днем с Голубиной бухты я ясно рассмотрел, что японцы своей сапой под Высокой горой дошли уже до нижнего, брошенного и отчасти засыпанного нами окопа. Часть его они уже очистили, а местами даже разрушили первую линию наших проволочных заграждений. Теперь расстояние, отделяющее наши окопы на

Высокой горе от японских, едва достигает 300-400 шагов.

За последнее время среди гарнизона замечается сильный упадок одушевления. Полная изолированность и отсутствие каких-либо известий из внешнего мира действуют на всех самым угнетающим образом. И офицеры, и солдаты до такой степени устали от тяжелых впечатлений и ужасов войны, что теперь уже очень редко добровольно вызываются на разные отчаянные предприятия. Начальство, уже подметившее это охлаждение и упадок энергии в войсках, теперь не решается более вызывать на опасные вылазки желающих, а само назначает участников.

Вместе с тем за последнее время сильно увеличилось количество офицеров и нижних чинов, всячески уклоняющихся от службы под тем или иным предлогом. Между тем ежедневное ожидание штурма заставляет призывать в строй всех сколько-нибудь годных и здоровых, в особенности офицеров, в которых уже давно чувствуется большой недостаток.

Ввиду всех этих обстоятельств были изданы следующие приказы.

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района

Ноября 4-го дня 1904 года.

Крепость Порт-Артур

№ 823

Выписываемые из госпиталей гг. офицеры для амбулаторного лечения на квартирах должны иметь данный им 7-дневный срок, о чем командирам полков объявлять в приказах, а затем, если бы потребовалось еще 7 дней, то снова в приказе. Всего, значит, не более 2 недель.

Начальник Квантунского укрепленного района

генерал-адъютант Стессель

ПРИКАЗ

по Квантунской крепостной артиллерии

4 ноября 1904 года.

Крепость Порт-Артур

№ 310

§1

Замечаю у некоторых гг. офицеров превратное понятие о праве не нести службу в случае болезни. Нельзя, конечно, требовать от больного человека, чтобы он делал все как здоровый, но и обратно, нельзя считать себя свободным, сказавшись больным, отправляться с передовой линии в город и, под предлогом какого-то домашнего лечения, свободно неопределенное время всюду гулять. Я сам всегда иду навстречу тому, чтобы облегчить положение офицера на передовых

укреплениях, предлагаю достаточно потрудившимся в тяжелой обстановке отдохнуть, смениться, назначаю на смену соответствующего заместителя. Но оставление своего поста по заявлению только о болезни и пребывание затем у себя на квартире под видом какого-то лечения считаю просто за уклонение от службы и, чтобы пресечь это, объявляю: 1) Если офицер, находящийся на батарее или укреплении, заболел настолько, что не в состоянии нести службу, то обязан немедленно доложить Начальнику Артиллерии своего сектора или участка и до прибытия смены, без особого разрешения названных начальников, с батареи не сходить. 2) Больные должны поступать в госпиталь и только по особому свидетельству доктора могут и то для продолжения лечения оставаться у себя на квартире с точным указанием в свидетельстве нужного для этого времени. 3) Офицеров, нуждающихся в отдыхе или чувствующих легкое недомогание в здоровье, покорнейше прошу открыто заявлять о том мне или Начальнику Артиллерии участка, но не прикрываться рапортами о болезни. Я всегда с удовольствием облегчу службу такого офицера сменой и вполне понимаю необходимость ее. Наконец, надо иметь в виду, что офицер, рапортующийся больным, вовсе не имеет права выходить из своей квартиры. Вижу же другое. 4) Уход с батареи без разрешения ближайшего на линии артиллерии начальника, а лишь по заявлению своему о болезни, буду считать за самовольную отлучку и взыскивать за нее, хотя бы болезнь в действительности существовала. Затем, прошу не забывать, что вообще болезнь не может служить привилегией для некоторых нести постоянно службу только исключительно на местах спокойных и удобных. Таким надо выходить из строя вовсе.

Адъютанту по строевой части предписываю подать мне список всем офицерам, выписанным из госпиталей, имеющим медицинские свидетельства на право домашнего лечения (на какой срок). Не имеющих этих свидетельств включить в общую очередь на службу. А также офицерам, подавшим только рапорты о болезни и числящимся у себя на квартире. Этим последним даю трехдневный срок, они должны или поступить в госпиталь, или явиться на службу.

Генерал-майор *Белый*

5 ноября

Сегодня ясный день. Довольно прохладно.

Японцы по-прежнему обстреливают город, но уже гораздо слабее.

Снег почти стаял.

Рассказывают, что к Ляотешаню пришла шаланда и привезла какой-то пакет для генерал-адъютанта Стесселя.

Побывав в Старом Городе, я поражен был представившейся мне картиной разрушения. Особенно пострадали Театральная и Артиллерийская улицы. Редкий дом не носит на себе следов японских снарядов. Пьянство и азартная игра между офицерами сильно увеличивается.

Сегодня поручик Квантунской крепостной артиллерии Васильев обвенчался с сестрой милосердия Пустынниковой.

Даже здесь, среди грома орудийных выстрелов, среди потоков крови, среди стонов умирающих и раненых и неописуемых ужасов войны, любовь находит себе место.

Вечером вышел приказ генерал-адъютанта Стесселя, из которого я узнал несколько новостей.

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района

5 ноября 1904 года.

Крепость Порт-Артур

№ 828

При сем объявляю копии полученных телеграмм следующего содержания:

Генерал-адъютанту Стесселю.

16 октября

1) Передав обязанности Главнокомандующего генерал-адъютанту Куропаткину и отправляясь в Петербург, считаю особым долгом глубоко и сердечно благодарить доблестных защитников Артура, стяжавших своими геройскими подвигами и самоотвержением громкую боевую славу и высокую признательность Царя и России; да благословит и поддержит Всемогущий Бог силы и здоровье Ваше, Ваших главных сотрудников и доблестного гарнизона на дальнейшую упорную и победоносную защиту нашей твердыни на Дальнем Востоке.

Наместник генерал-адъютант *Алексеев*

Генерал-адъютанту Стесселю

Артур

2) Генерал-адъютант Алексеев выезжает в Петербург. Главнокомандующим армиями и флотом назначен генерал-адъютант Куропаткин. Из войск на театре войны и прибывающих корпусов формируются три армии. Командующими армиями назначены: первой — Линевич, второй — Грипенберг, третьей — Каульбарс. Балтийская эскадра бросила берега Испании,

Маньчжурская армия, перейдя двадцать второго сентября в наступление, первоначально заставила противника отойти назад, но затем, встретив с его стороны сильное сопротивление и после ряда упорных боев, с двадцать шестого сентября по четвертое октября остановилась на реке Шаохе, в самом тесном соприкосновении с противником. Все три японские армии перед нами, на укрепленных позициях.

Главнокомандующий надеется атаковать противника и двинуться вперед, будучи уверен, что геройские войска Артура продержатся.

Генерал-лейтенант *Сахаров*

Дер. Хуан-Шань, 19 октября

Получена следующая телеграмма из Министерства иностранных дел.

Егермейстеру Балашову

3) Государь Император в X день октября Всемилостивейше соизволил на зачет временной службы сестрам милосердия Российского общества Красного Креста и другим лицам, состоящим на службе сего общества в Порт-Артуре и пользующимся правом Государственной службы, по расчету месяц за год, начиная с 1 мая до конца осады.

6 ноября

Все мы живем в постоянном ожидании штурма, который, по-видимому, уже близок.

На правом фланге японцы начали подтягивать свои резервы, и вчера ночью наши батареи открыли по ним огонь. В эту же ночь мы несколько раз открывали стрельбу по японским работам у Высокой горы. Однако работы эти продолжают быстро идти вперед.

Положение наших войск на позициях и фортах с каждым днем делается все тяжелее и безнадежнее.

Количество больных сильно растет.

Сегодня случайно попал в Новый Город и обедал там в компании одних моих знакомых коммерсантов, которых судьба принудила остаться в Порт-Артуре и испытать все ужасы осады.

Вместе с ними преспокойно проживает и строитель Порта, военный инженер полковник Веселаго, который живет в особой комнате, расположенной под вертикальным откосом скалы, и вот уже несколько месяцев, кажется, даже и не выглядывает из дома.

Полковник Веселаго совершенно чистосердечно заявляет, что

его нервы не переносят звуков орудийной стрельбы...

За последнее время, вероятно, ввиду постоянного пребывания в полутемной комнате, он сильно осунулся и побледнел.

7 ноября

День отличный. К вечеру подул сильный южный ветер.

Днем японцы довольно слабо обстреливали город, но мы не доверяем этому затишью и деятельно продолжаем готовиться к штурму.

Так как во время штурма нужно ожидать в госпитали большого наплыва раненых, то в настоящее время отдан приказ выписать немедленно из госпиталей всех мало-мальски оправившихся как нижних чинов, так равно и офицеров и отослать их в свои части. Приказание это немедленно было приведено в исполнение, и уже сегодня многие калеки и полубольные вернулись на свои места.

Я лично видел некогда здоровенного рядового Мизгунова, который, заболев дизентерией, полубольным выписан из 2-го запасного госпиталя. Путь госпиталя до 6-го форта, то есть около 2 верст, он шел почти целый день, а теперь, ввиду полного упадка сил, лежит в бараке.

Правда, и в госпиталях положение больных было ужасно. Например, всех дизентериков, за отсутствием белого, кормят черным хлебом.

Во 2-м запасном госпитале на 800 больных тифом, дизентерией и цингой дают всего 25-35 бутылок молока в день.

Перевязочных средств почти нет. Например, сегодня я нигде не мог достать простой марли. Вместо нее на раны начали класть раскрученные пеньковые смоляные канаты.

Весь гарнизон страшно утомлен. Тяжелое осадное положение и полная неизвестность о том, что делается в остальном мире, страшно угнетает всех.

Продовольственные припасы все уменьшаются. Пища с каждым днем становится хуже и хуже.

В приказе по 27-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку от 7 ноября 1904 года за № 59 я прочел следующее:

«Сообщаю сведения, полученные от китайцев 6 ноября 1904 года.

1. По сообщениям китайцев, 7 орудий большого калибра, привезенные ранее в бухту Ин-чезы, в дер. Суань-цай-гоу, отправлены японцами в Нань-гуань-линь; за последнее время

Нань-гуань-линь японцами начат вновь укрепляться и сюда подвозятся из Дальнего снаряды.

2. До привоза упомянутых 7 орудий в Нань-гуань-лине было поставлено еще 7 орудий, тоже большого калибра.

3. В Дальний ежедневно японцы подвозят провиант и снаряды.

4. С Вей-Хай-Веем из Дальнего за последние дни сообщение усилилось.

5. По словам китайцев, в Японии спешно формируются новые части для отправки на театр военных действий, но дело это подвигается очень туго.

6. Большая часть японских женщин (гейш) выехала из Дальнего, и сейчас почти никого из них там не осталось.

Вообще настроение плохое.

7. По словам китайцев, дела на севере у японцев вообще не хороши, что сильно отражается на японцах, находящихся под Порт-Артуром, и они потеряли голову. В войсках недостаток как на севере, так и на юге. Взять Порт-Артур с теми силами, какими они здесь располагают, нельзя; после каждого штурма у них значительные потери. Отойти от Порт-Артура также невозможно, так как японцы боятся, что русские могут выйти из крепости и уничтожить все сделанное ими под Артуром. Нести же службу им становится все тяжелее. Войска утомлены и недовольны настоящим положением дел.

8. Вследствие отвоза снарядов к Нань-гуань-лину бомбардировка Порт-Артура города должна ослабеть и даже вовсе прекратиться» .

По получении этих сведений из штаба укрепленного района приказано было прочесть их солдатам, чтобы этим хоть несколько ободрить упавший духом гарнизон.

Я лично сильно сомневаюсь, чтобы эта мера могла теперь принести какую-либо пользу, так как из разговоров с нашими солдатиками я убедился, что они вообще крайне недоверчиво относятся к разного рода слухам, в особенности в настоящее время.

8 ноября

Ветрено, но не холодно.

Оказывается, что вчера, около 5 часов дня, японцы безо всякой артиллерийской подготовки предприняли внезапно атаку 3-го форта, которая, однако, была отбита. Все мы ждем со дня на

день общего штурма.

Пишу эти строки около 12 часов ночи; по всему фронту крепости слышны то там, то здесь или одиночные выстрелы, или дружные залпы.

Крепость вся бодрствует.

Полная луна освещает своим фосфорическим светом прежние и будущие поля битв, так обильно упитанные уже человеческой кровью.

В эти тихие лунные ночи, выглядывая в отверстия бойницы в сторону неприятеля, каждый невольно задает себе один и тот же жгучий вопрос: «Что-то готовит мне завтрашний день?!»

9 ноября

Сегодня узнал, что миноносец «Расторопный» дней пять тому назад ушел в Чифу с разными важными донесениями из крепости. Около 11? часов дня японцы своей стрельбой по порту зажгли в нем склад керосина или масла. Густой черный дым пожарища застилал даже всю Золотую гору.

Японцы, по обыкновению, сильно обстреливали место пожара и тем затрудняли его тушение. Подробностей не знаю.

Днем шел мелкий снег. Ветрено и холодно.

По городу усиленно ходит слух, что генерал-майор Церпицкий, брат известного героя, генерал-лейтенанта Константина Викентьевича Церпицкого, намеревался жениться на вдове убитого поручика Э. Свадьба, однако, неожиданно расстроилась.

Генерал-майор Церпицкий должен был командовать бригадой 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, но был от этой должности отставлен и назначен заведовать госпиталями.

Слыхал, что японцы произвели взрыв в контрэскарпе 3-го форта, но очень неудачно: обвал получился очень неудобный для восхождения.

Слыхал также от артиллеристов, что снарядов в крепости осталось очень мало. Вообще положение крепости весьма тяжелое, а между высшим начальством по-прежнему идут нелады и раздоры.

Сегодня днем я заехал в штаб укрепленного района узнать новости. Молодежь почти вся разъехалась по позициям.

Полковник Р. совершенно не был расположен разговаривать, так как, по обыкновению, был погружен в чтение французских романов.

10 ноября

День ясный, морозит.

Около 4? часов дня японцы неожиданно открыли отчаянный огонь по восточному фронту (3-е временное укрепление и 2-й и 3-й форты).

Шрапнель рвалась целыми тучами, пулеметы нервно кудахтали, ружейная стрельба хотя и доносилась слабо, но видно было, что стреляли пачками. Взрывы лиддитовых снарядов поднимали густые черные клубы дыма.

Около 6 часов дня все стихло...

Очевидно, это была только короткая атака некоторых определенных пунктов.

Подробности пока неизвестны.

Сегодня же узнал, что еще 7 ноября японцы пробовали атаковать те же пункты, но и тогда были отбиты.

Мой вестовой, рота которого находится на 3-м форту, передавал мне один эпизод рукопашного боя 7 ноября.

Несколько японцев успели ворваться в форт. Один из наших солдат, земляк моего вестового, ударил штыком японского офицера и хотел вырвать у него из рук саблю, но как-то поскользнулся и вместе со своей жертвой упал с отлогости брустверa в ров...

Наибольшие потери японцы понесли при штурме 3-го временного укрепления.

Сегодня узнал, что вчера в порту горело масло. Пожар продолжался целую ночь. Удивительно халатно относится наш порт к хранению такого имущества, как масло. Оно горит у нас уже третий раз, и между тем его, как будто нарочно, оставляют для хранения в самом опасном месте, а именно — под Золотой горой.

Неужели для него нельзя найти другого, более безопасного помещения ?

За последнее время чувствуется сильный недостаток в лесе, которого очень много идет на постройку разных блиндажей и на позициях.

Продовольственный вопрос все более и более обостряется.

Сегодня узнал, что первый выход миноносца «Расторопный» был неудачен, так как он наткнулся в море на японцев и принужден был вернуться в порт.

При этом первом выходе адмирал Вирен получил сверток

бумаг от генерал-адъютанта Стесселя.

Второй выход в море миноносец «Расторопный» предпринял приблизительно через неделю после первой своей попытки. На этот раз адмирал Вирен почему-то не предупредил генерал-адъютанта Стесселя о выходе миноносца и поэтому не получил от него накопившихся за неделю новых бумаг для провоза их в Чифу. А между тем за эту неделю произошло немало крупных событий, о которых интересно было бы сообщить в Россию.

Говорят, что такое невнимание адмирала Вирена к штабу укрепленного района послужило поводом к новым недоразумениям с генерал-адъютантом Стесселем.

Последний, конечно, в этом случае был вполне прав.

Прошел по крепости слух, будто нам хотят прислать три парохода со снарядами и провизией: один из Владивостока и два из России.

Число больных растет с ужасающей быстротой.

Сегодня первый раз ел за обедом мулятину. Сколько я себя ни убеждал, что мул гораздо чище коровы, однако организм не вынес и меня целый вечер тошнило.

11 ноября

Положение оборонительных работ у русских и осадных у японцев у г. Высокая 11 ноября 1904 г. Схема автора дневника.

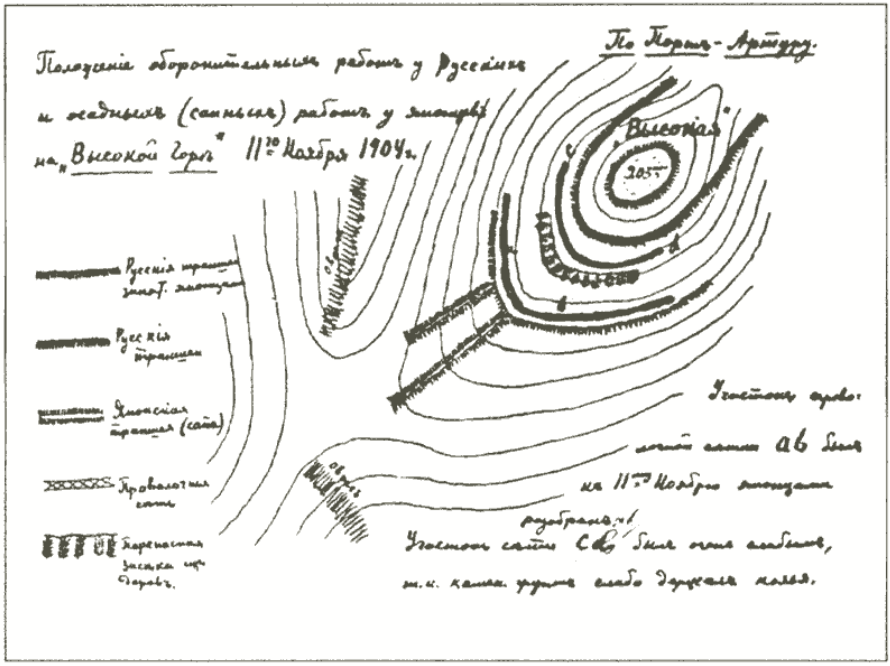
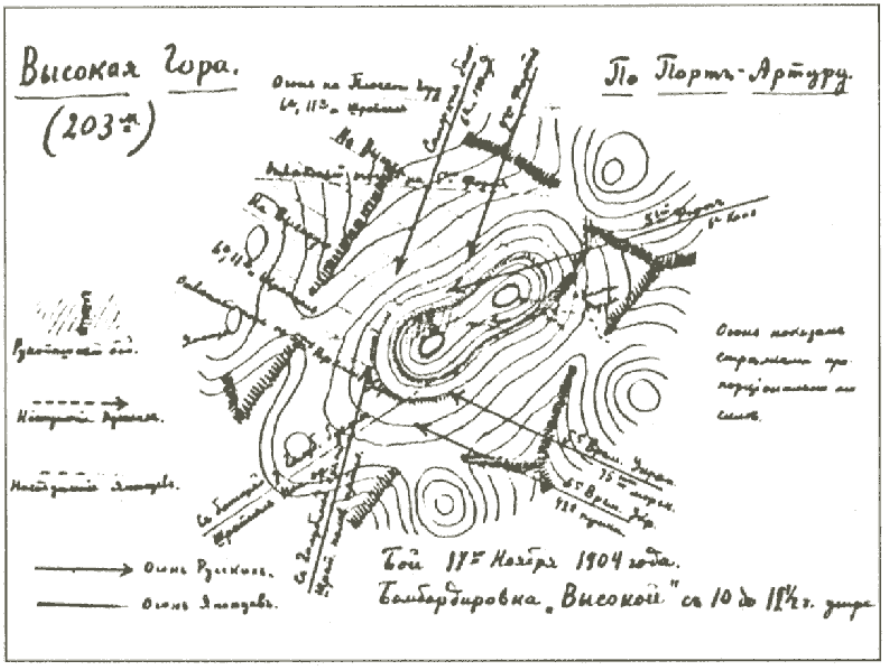


Схема боя у г. Высокая 11 ноября 1904 г. Схема автора дневника.



Сегодня узнал, что вчера на правом фланге японцы два раза предпринимали наступление. Один раз днем (о нем я уже писал), а другой — около часу ночи.

Сначала, как говорят, им удалось занять какой-то окоп, но

потом они были из него выбиты.

Все позиции остались за нами. Чего нам это стоило, пока не знаю.

Ввиду крайнего недостатка в снарядах в инженерных мастерских и порту все время идут спешные работы по их отливке. Ежедневно изготовляют до 20 чугунных снарядов и до 30 бронзовых.

Весь подрывной материал, то есть рокорок и пироксилин продолжают перевозить в укрытую лощину под Соляной батареей, как наиболее безопасное место.

Всего подрывного материала, из которого у нас главным образом выделываются ручные гранаты, осталось до 2000 пудов.

На днях случилось несчастье с зауряд-прапорщиком 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Ильичевским, который за свою выдающуюся храбрость был уже награжден тремя солдатскими Георгиями. Бросая в японцев ручные гранаты, он по неосторожности слишком долго задержал одну из них у себя в руке, она разорвалась... Говорят, что у несчастного оторвало кисть руки, выбило один глаз, сильно повредило другой, страшно изуродовало нижнюю челюсть и все лицо, на котором было до 11 ран.

Этим же взрывом убито трое и ранено четверо стрелков.

Поручик 25-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Рабэ, у которого пулей выбит глаз, на днях женится на одной из сестер милосердия.

Известий никаких.

ПРИКАЗЫ

по войскам Квантунского укрепленного района

11 ноября 1904 года.

Крепость Порт-Артур

№ 841

Считаю своим долгом объявить благодарность коменданту форта № 3 штабс-капитану Булгакову за его беззаветную геройскую службу и славное отражение атак японцев 7 сего ноября, а также и гг. офицерам, принимавшим участие в отбитии штурма: 25-го В.-С. стр. полка подпоручику Вильману, Квантунской крепостной артиллерии поручику Галдину, лейтенанту Подгурскому, 25-го полка капитану Успенскому, 26-го полка поручику Дунину, Квантунской крепостной артиллерии подпоручику Шипинскому, 26-го полка зауряд-прапоргцику Попову, минной роты штабс-капитану Протасову и подпоручику саперной роты Линденвальду и всем прочим гг. офицерам за их геройское поведение в боях.

№ 847

Снова Вы, славные герои, отбили штурмы противника с 7-го по 11-е число. Неприятель вырвался на форты и в окопы, вы штыками, огнем стрелков, артиллерии и изобретенными бомбочками отбили врага. Японцы придумали начинать атаку *с* наступлением сумерек, дабы, захватив что-нибудь, воспользоваться ночью и укрепить за собой захваченное. Но не на тех напали; захваченные участки тотчас были очищаемы Вами от дерзкого врага, не дав ему опомниться. Это ведь главное. Не мало легло его под Вашими ударами. Честь Вам, слава Вам, Ура! Не первый раз Вам, героям Артура, радовать Царя Батюшку и святую Родину; японцы твердо познали Вас: Вы их выучили, и они уже не те, не августовские. Благодарность моя душевная всем начальникам, гг. офицерам, в том числе молодцам зауряд-прапоршикам, стрелкам, артиллеристам, морякам, пограничникам и саперам. Все Вы герои, все долг исполнили на славу. Благодарю врачей, сестер за их беззаветную службу.

Начальник Квантунского укрепленного района
генерал-адъютант *Стессель*

12 ноября

Все в крепости только и заняты теперь разговорами о неизвестном пароходе, который несколько дней тому назад очень близко подходил к берегам Ляотешаня. Говорят, пароход этот подавал свистки и разные другие сигналы, вероятно, нам, но вскоре из бухты Луизы вышла по направлению к нему японская канонерка и спустила вельбот, который и подошел к пароходу. После этого пароход под конвоем канонерки ушел в бухту Луизы.

Все мы со дня на день ожидаем штурма на Высокую, Плоскую и Дивизионную горы.

Уже с утра японцы начали редким огнем своих 11-дюймовых мортир обстреливать Высокую гору, и в течение дня выпустили по ней около 40 снарядов, которые все ложились чрезвычайно метко.

Вообще же стрельба эта, по редкости огня, походила скорее на «пристрелку». К вечеру все стихло...

Днем погода стояла хорошая, но к вечеру задул сильный холодный ветер. Небо затянуто тучами. Ночь темная. Около 12 часов пополуночи пошла крупа; ветер еще больше усилился.

Положение крепости очень тяжелое, почти безнадежное.

У многих начинает уже угасать всякая надежда на выручку.

Ввиду возможности штурма начальство сильно волнуется, нервничает и стало не в меру раздражительное.

Ходят слухи, что на Цзиньчжоусской позиции японцы возвели очень сильные укрепления.

Сегодня опять пришлось есть рагу из мулятины. Почти все ослы в окрестностях левого фланга скуплены и съедены.

Ввиду страшного разрушения в Старом Городе интендантство оставшиеся сухари и муку начало перевозить в Новый Город и складывать в недостроенном доме купца Тифонтая.

В некоторых местах правого фланга наши часовые стоят очень близко от японцев, и между ними происходят интересные разговоры.

Например:

Русский: Здравствуй, макака!

Японец: Здравствуй, солдат!

Русский: Что, мерзнешь, макака?

Японец: Нет, сегодня тепло, вчера у вас отбили три тулупа.

Русский: Смотри только, обезьяна, когда будешь уходить от Артура, тулупы оставь, вешь ведь казенная, ну а пока пользуйся.

Или еще:

Японец: Солдат, дай хлеба!

Наш стрелок бросает из окопа каравай хлеба.

Японец выползает из окопа, берет хлеб и ползет обратно.

Наш солдат не стреляет.

Японец: Спасибо за хлеб!

Русский: Жри, эфиопская рожа, да проваливай подобру-поздорову от Артура!

После этого мирного разговора недавние приятели начинают перестреливаться.

13 ноября

В ночь на 13-е японцы начали сильно теснить отряд штабс-капитана Соловьева у Малой Голубиной бухты.

В 2 часа ночи наступление было поведено еще с большей энергией, и к 3? часам японцы уже успели занять небольшой окоп влево от позиции.

В 4? часа ночи штабс-капитан Соловьев, получив в виде подкрепления взвод от капитана Неклюдова, перешел в контратаку и, идя во главе своих стрелков, был убит двумя пулями. Контратака окончилась полной неудачей: мы потеряли 30 человек убитыми, 35 ранеными и до 16 раненых стрелков остались в строю.

О потерях неприятеля трудно сказать что-либо определенное,

так как к рассвету он уже успел убрать часть своих раненых. Утром я мог насчитать до 30 трупов вправо от нашей позиции.

Таким образом, на позиции у Голубиной бухты японцы засели в одном овраге вправо и заняли маленький окоп на одном бугре влево от этой позиции.

Около 8 часов утра японцы намеревались обстреливать позицию Голубиной бухты артиллерийским огнем, но после нескольких выстрелов с Ляотешаня они прекратили свою стрельбу.

Во время ночного боя один наш пулемет, стоявший на позиции штабс-капитана Соловьева, в самый нужный момент испортился, лента «заела», и он почти не работал, несмотря на то что им заведовал очень опытный и лихой матрос с двумя Георгиями.

Зато два пулемета на позиции капитана Неклюдова сделали свое дело и помешали японцам обойти позицию справа.

Во время боя, разговаривая по телефону, капитан Неклюдов от нервного потрясения почувствовал себя дурно и упал в обморок.

На место штабс-капитана Соловьева прибыл поручик 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Михеев.

С раннего утра японцы начали со страшной силой бомбардировать наш правый фланг. Здесь стоял такой ад, который не поддается никакому описанию. И это опять было роковое 13-е число...

Надо быть очевидцем, чтобы представить себе весь ужас этой картины самой ожесточенной канонады. В подзорную трубу ясно было видно, как 2-й и 3-й форты от разрывов 6— и 11 -дюймовых лиддитовых снарядов временами совершенно застилались густой завесой черного дыма. Этот дым смешивался с желтой пылью от глины и густым облаком висел над нашими многострадальными фортами.

Узнать о результатах сегодняшнего штурма на правом фланге не было никакой возможности. Видел только, что наши батареи, засыпаемые японскими снарядами, сами, ввиду крайнего недостатка снарядов, принуждены были молчать.

Слыхал, что несколько дней назад японцы срубили почти все деревья и кустарники у головы нашего водопровода и, сделав из них род фашин, закидали ими ров 3-го форта, но славные защитники его не растерялись, облили все это керосином и зажгли. Таким образом, этот способ перехода через ров не удался.

В казармах под батареей Лит. А устроено новое помещение для больных скорбутом (цингой), которых насчитывается пока 120 человек.

Сегодня отдан по Квантунской крепостной артиллерии приказ о разрешении поручику Иванову вступить в брак с сестрой милосердия Серебряниковой.

Оказывается, немало находится людей, которые могут в эти тяжелые дни думать о женитьбе!..

14 ноября

Берусь за перо в тяжелые минуты жизни нашего Порт-Артура.

Сегодня около 5 часов вечера, когда начало уже заходить солнце и все горы были покрыты туманом и подернуты вечерней мглой, японцы, после легкой артиллерийской подготовки, неожиданно повели невероятно отчаянный штурм на Высокую гору.

Я вскочил и выбежал из дому. Гул от артиллерийской стрельбы стоял неописуемый. Рассмотреть что-либо на Высокой горе сквозь окутавший ее туман не было никакой возможности. Видны были только бесчисленные огоньки рвущейся шрапнели.

Очевидно, Высокая и Плоская горы подверглись отчаянному штурму.

Ружейная стрельба почти не прерывалась.

Картина была настолько потрясающая, что некоторые солдаты стояли в каком-то оцепенении, другие — набожно крестились. У меня самого во всем теле была какая-то нервная дрожь. Свет наших прожекторов и вспышки ракет были слишком слабы, чтобы проникнуть сквозь туман и осветить высоты перед Высокой горой. Пишу эти строки, а гул, ужасный гул ружейной и артиллерийской стрельбы, стоит над Высокой горой.

На переднем ее скате я три раза видел какие-то огоньки. По всей вероятности, это японцы сигнализировали своим, показывая, до которого места они уже дошли.

Сегодня всех раненых, полубольных и всяких калек собрали в резерв на Лесном редуте.

Утром я был на Голубиной бухте и лично подробно осмотрел поле сражения 13 ноября. В подзорную трубу на правом фланге соловьевской позиции я насчитал до 19 японских трупов.

Вчера один из наших солдатиков полез к этим трупам помародерствовать, но был убит.

Из расспросов солдат я узнал подробности смерти штабс-капитана Соловьева.

Оказывается, что в передний левый окоп за старшего был назначен старший унтер-офицер из запасных, Дмитриев. Будучи

уже сильно выпивши, он взял с собой в окоп еще водки и начал там пьянствовать с остальными солдатами. Благодаря этому японцам удалось незамеченными подкрасться к окопу и неожиданно ворваться в него.

Наши побежали...

Штабс-капитан Соловьев выругал унтер-офицера Дмитриева и сам лично повел контратаку, где и был убит.

Солдаты единогласно считали штабс-капитана Соловьева одним из лучших боевых офицеров.

Здесь я хочу сказать, что заслуги покойного были прямо неисчислимы. В течение 10 месяцев он бессменно нес службу на передовых позициях Голубиной бухты. С августа месяца по последний день, то есть в течение 3? месяцев, он находился в самом близком соседстве с японцами и ежеминутно мог ожидать штурма.

Жил штабс-капитан Соловьев на самой позиции в нескольких шагах от своих окопов, в небольшой землянке, спал на голых досках, ел из солдатского котла.

Скромный, тихий и даже робкий перед начальством, штабс-капитан Соловьев нес безропотно свой тяжелый жребий и безропотно погиб, защищая вверенные ему позиции.

Штабс-капитан Соловьев вполне заслуживает быть поставленным в ряду самых выдающихся героев Порт-Артура.

Ввиду постоянного сильного нервного напряжения он в последнее время казался каким-то ненормальным. Единственным его утешением были воспоминания о сынишке, оставленном где-то в России. Помню, с каким жаром он о нем постоянно рассказывал. Так бедному и не довелось с ним свидеться!..

Наши солдаты подобрали вчера двух тяжело раненных японцев. Кроме того, один японский унтер-офицер почему-то сам перебежал к нам. Наша солдатня забрала этого японца к себе и напоила. Он оказался очень бойким и развитым и говорил даже по-английски.

К несчастью, наши солдатики переусердствовали и напоили его так, что разобрать что-либо из его рассказов не было никакой возможности. Его пришлось отправить в Комендантское управление на двуколке.

В последние дни я заметил и в солдатах, и в офицерах большой прилив мужества.

Вчерашний ужасный штурм на правом фланге, по слухам, отбит, и все осталось за нами.

Говорят, что наш гарнизон насчитывает теперь до 15 900 человек.

15 ноября

С раннего утра японцы сосредоточили на Высокой невероятно сильный артиллерийский огонь. Вся гора сплошь была окутана черным дымом от разрывов бесчисленного количества б— и 11-дюймовых лиддитовых снарядов.

Около 10 часов утра, когда уже все наши блиндажи были разрушены, японцы начали засыпать их шрапнелью.

Несчастные защитники Высокой горы, лишенные всякого прикрытия, принуждены были или скрываться за обратным скатом горы, или прятаться за обломками разлитых блиндажей и терпеливо ожидать приближения японской пехоты, чтобы схватиться с ней врукопашную.

Главный свой артиллерийский огонь японцы сосредоточивали на передней части Высокой горы. Вся линия этой части укрепления была разбита вдребезги.

Всю эту картину я наблюдал в подзорную трубу с Лесного редута.

На передней части Высокой горы не было видно ни малейшего движения, все казалось мертвым и разрушенным.

В этом ужасном хаосе разрушения и смерти я рассмотрел только одно живое существо. Был ли то офицер или солдат, я разобрать не мог. Человек этот то прятался в блиндажи, то выскакивал и бежал на верхушку горы и потом опять, закрыв голову руками, бегом возвращался назад. Вокруг него разрывались сотни снарядов, но Бог хранил этого героя. Временами он совершенно исчезал в густом черном дыму, и я считал его уже погибшим, но спустя несколько минут он опять появлялся на вершине и снова продолжал свою деятельность.

Мне казалось, что этот неизвестный герой только ждал момента, когда японцы появятся на вершине горы.

Не знаю, остался ли он жив? Боюсь сказать, что нет... Вряд ли из этого ада мог кто-нибудь вернуться целым и невредимым.

Около полудня артиллерийский огонь японцев начал как будто стихать, но окончательно не прекратился и тем лишал нас возможности занять наши окопы.

В трубу ясно можно было видеть груды земли, брусьев, досок — все это было навалено друг на друга и лежало в ужасном беспорядке.

Около 4? часов дня японская пехота двинулась на штурм. Часть своего пути она прошла незамеченной, скрываясь в своих окопах и сапе. Наше 5-е временное укрепление стреляло по ней из 37— и 47-миллиметровых морских орудий и изредка из 75-миллиметровых. Думаю, что особого вреда орудия этих калибров

принести японцам не могли.

Смеркалось. Заходящее яркое осеннее солнце посылало на землю свои последние лучи.

Был тот час, когда земля и все живущее на ней должно было погрузиться в сон и отдых...

А между тем в это время на Высокой горе поднялась страшная ружейная стрельба.

Очевидно, наши защитники открыли японцев в своих бывших окопах и бросились на них...

Снова над вершиной горы засверкали бесчисленные огоньки рвущейся и нашей и японской шрапнели. Снова взрывы лиддитовых снарядов стали застилать вершину густым, удушливым дымом.

На этот раз японцы сосредоточили весь свой артиллерийский огонь на задней (правой от меня) вершине горы, на том месте, по которому должны были подходить наши резервы.

Ружейная стрельба, все усиливаясь и усиливаясь, перешла наконец в какой-то сплошной гул.

Я понял, что в этот момент наши защитники сошлись с японцами грудь с грудью и начался ужасный рукопашный бой.

Меня начала бить какая-то нервная дрожь.

Картина была слишком потрясающая.

Я опустил, наконец, трубу, от которой так долго не мог оторваться. Несколько солдатиков молча стояли около меня, устремив свои взоры на Высокую гору. Губы их шептали молитву...

Смерть витала над Высокой горой!..

Около 6 часов вечера ружейная стрельба на Высокой горе несколько стихла.

Положение дел выяснить пока не удалось, так как телефон страшно обременен.

Если даже мы и отбили штурмы японцев, то во всяком случае со страшными для нас потерями.

Теперь 8 часов вечера. Темно.

На Высокой и Плоской горах опять идет ружейная перестрелка. Кое-где слышна монотонная стрельба из орудий большого калибра.

Прожекторы работают отлично.

Количество выпущенных японцами в этот день по Высокой горе снарядов надо считать тысячами, а по правому флангу крепости десятками тысяч.

Вечером я узнал, что в числе других убит капитан 2-го ранга Бахметов, один из симпатичнейших моряков, встреченных мной на Дальнем Востоке.

Поздно вечером я слыхал, что наши потери на правом фланге доходят до 2000 человек.

16 ноября

Целую ночь я не мог уснуть. Все мне казалось, что опять идет штурм на Высокую гору. Каждую минуту я выскакивал, накидывал тулуп и выходил на двор, прислушиваясь, но... все было спокойно. Ночь была тихая и холодная.

Около 7 часов утра на Высокой снова послышалась страшная ружейная стрельба. Всех нас мучил один и тот же вопрос: удалось ли японцам занять передние части наших окопов на Высокой или нет?

Когда совсем уже рассвело, опять начался адский артиллерийский огонь. Опять вся передняя часть горы сплошь окуталась дымом.

Около 9 часов утра огонь начал слабеть, а к 11 часам почти прекратился, и японцы лишь изредка продолжали посылать на Высокую гору 11-дюймовые бомбы.

Около 4? часов вечера канонада опять разгорелась с новой силой. Снова над Высокой засверкали огоньки тысяч рвущихся шрапнелей...

К 6 часам вечера стрельба опять почти стихла.

На Плоскую гору вели наступление удивительно рослые японцы, отлично одетые в тулупы. Мы предполагали, что это была японская гвардия.

Сегодня в четвертый раз был ранен поручик 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Стариков в грудь навылет.

Для отбития одного из штурмов на Высокой горе была сформирована команда из денщиков, конюхов и других нестроевых 28-го В.-С. стр. полка в количестве 80 человек. Сегодня от этой команды осталось в живых только 20 человек; остальные 60 легли на Высокой.

Слыхал, что корреспондент Ножин, которому генерал-адъютант Стессель запретил участвовать в нашей газете «Новый край», а также велел отобрать от него и билет военного корреспондента на право посещения позиции, неожиданно исчез из крепости. Вся полиция и жандармы были поставлены на ноги, обшарили все уголки крепости, но все было тщетно: г-н Ножин как в воду канул...

Недавно только совершенно случайно узнали, что он преспокойно уехал из Артура на миноносце «Расторопный» в

Чифу.

По этому поводу в крепости говорили, что высшие морские чины и кое-кто из Военного ведомства нарочно оказали содействие г-ну Ножину и дали ему возможность выехать в Чифу.

Делалось все это в пику генерал-адъютанту Стесселю, так как Ножин, будучи оскорблен генерал-адъютантом Стесселем, был, конечно, крайне против него настроен и, приехав в Чифу, мог многое написать не в его пользу.

Впрочем, не знаю, может быть, все это были одни лишь сплетни...

Сегодня я разговорился с одним из участников последних боев 10-й роты 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, которая сначала дралась на 2-м форту, а потом, с 7-го до 13 ноября, в окопах под батареей Лит. Б. Он рассказал мне, что из трех взводов этой роты, то есть из 100 человек, каким-то чудом остались целыми и невредимыми только лихой командир этой роты капитан Салоники да четыре стрелка. Эти три взвода за все время боя потеряли 25 человек убитыми, 51 — тяжело раненными, ушедшими в госпиталь, и, кроме того, 20 раненых не пожелали покидать строй. Рота эта с особой любовью формировалась в Севастополе генерал-лейтенантом К. В. Церпицким из отборных людей.

И этим молодцам действительно суждено было удивить всех своей отвагой.

Вот имена некоторых героев.

В одном месте укреплений пришлось бросать в японцев ручные бомбочки, чтобы выбить их из занятого ими окопа. Для этого надо было стать совершенно открыто на траверс (особое возвышение).

Старший унтер-офицер Ижиков быстро вскочил на траверс и начал кидать в японцев подаваемые ему бомбочки с зажженными уже фитилями.

Против него в нескольких шагах выскочил японский унтер-офицер и тоже начал кидать свои бомбочки в нас. Однако японец вскоре не выдержал и соскочил, а может быть, и был ранен.

Наш же унтер-офицер бесстрашно продолжал поражать неприятеля, пока не был убит и не свалился в окопы к своей роте. На его место сейчас же выскочил младший унтер-офицер Якушенко и до того вошел в азарт, что сначала сбросил тулуп, потом мундир и, оставшись в одной разорванной рубахе, под градом пуль, продолжал посылать в японцев свои снаряды, пока не свалился раненым.

Еще один унтер-офицер этой роты из хохлов (к несчастью, я не мог узнать его фамилии) увидел слишком близко подошедшую

группу японцев и со своим отделением бросился на них в штыки. В то же время человек 30 японцев прорвались через наши окопы и попали в выгребную яму, где тотчас и начали окапываться.

Часть солдат стали кричать нашему унтер-офицеру и показывать ему на прорвавшегося неприятеля. Но хохол обернулся и хладнокровно крикнул: «Нехай трохи почакають», то есть пусть немного подождут.

И вот, переколов всех бывших перед ним, наш хохол бросился со своим отделением на остальных прорвавшихся японцев, которые были буквально растерзаны штыками наших стрелков.

В этом же бою выделился своей особой храбростью зауряд-прапорщик Пилевин, который был дважды ранен, но не пожелал идти в госпиталь до смены своей роты. Зауряд-прапорщик Пилевин рубил, говорят, японцев, как капусту. Не только шашка, но и вся его одежда были залита кровью — своей и японской.

Окопы, занятые 10-й ротой 27-го Восточно-Сибирского полка, были завалены целыми грудами трупов, и наших и японских.

Картина была ужасная.

После боя я видел командира этой роты капитана Салоники. Человек этот совершенно переродился. Даже выражение лица его изменилось. Помню, как сейчас, его слова: «Знаете, я испытал то, чего так страстно хотел многие годы. Я был в страшном бою. Если нас выручат и я останусь живым, поеду драться к Куропаткину».

Капитан Салоники принадлежал к офицерам, всей душой любящих военное дело.

17 ноября

С раннего утра японцы опять открыли невероятно страшный огонь по Высокой и Плоской горам. Горы дымились, словно вулканы во время извержения.

С 9? часов утра я начал наблюдать за ходом боя в подзорную трубу. Ровно в 10 часов я совершенно ясно увидел, как японцы забрались на Высокую гору и бежали по направлению к ее вершине. Я даже разобрал одного офицера, который бежал и махал саблей, ярко блестевшей на солнце.

Огонь в это время был отчаянный.

Ясно было видно, как то тут, то там падали люди. Стрелки наши то бежали назад, то опять кидались вперед.

А артиллерия сыпала и сыпала бесконечный град снарядов, разрывы которых застилали густым дымом место боя.

Один из главных ужасов нашего положения вообще

заключался в том, что японцы могли посылать в нас десятки тысяч снарядов, в то время как наши батареи, вследствие недостатка снарядов, принуждены были молчать и не могли даже на время заставить замолчать неприятельские батареи.

Отчаянный штурм продолжался до 11 1/4 часов дня, после чего начал стихать.

Результатов его не знаю.

Второй штурм в этот день начался около часу и кончился в 2 3/4 часа пополудни.

Разобрать что-либо толком было совершенно невозможно, так как вся Высокая и Плоская горы были совершенно скрыты от глаз за густой завесой черного дыма.

Вообще на Высокой я мог различить только нескольких убегавших японцев, очевидно раненых, и нескольких наших стрелков, которые стояли на дороге под откосами задней половины горы.

Вся гора представляла сплошную груду всевозможных обломков и развалин.

Обстреливание как Плоской, так и Высокой горы продолжалось весь день до позднего вечера.

Когда уже стемнело, можно было только слышать, как то поднималась, то опять стихала сильная ружейная перестрелка.

Около 8 часов вечера прошел слух, что вся Высокая опять осталась за нами.

Воображаю, каковы должны быть потери и у нас, и у японцев?!!

Около 9 часов вечера поднялась стрельба, на этот раз у Голубиной бухты, а в 10 часов я слышал стрельбу и у деревни Фадзятунь. Очевидно, японцы везде нас щупали и отыскивали наши слабые пункты.

Днем я видел, как к японцам в бухту Луизы прошли два больших коммерческих парохода.

Сегодня случайно узнал состав 11-го запасного госпиталя:

Главный врач Индолев болен страшно дизентерией.

Старший ординатор Раюнец — болен тем же.

Младшие ординаторы: Томилас, Топчикин, Башкиров и Семибратов.

Прикомандированные доктора Лопшин и Келпш.

Семь фельдшеров. Пять учеников.

Пять сестер милосердия.

Две волонтерки.

Больных — исключительно тифом, дизентерией и цингой — 1010 человек.

Сегодня выздоровело семь, а умерло восемнадцать.

Не знаю, каких только наград не заслуживает самоотверженный персонал этого «госпиталя смерти».

18 ноября

С утра японцы редким огнем обстреливали Высокую гору и главным образом заднюю ее половину.

Сегодня, внимательно осмотрев все работы, я выяснил себе, наконец, положение дел на Высокой горе. Можно было легко заметить, что японцы устроили правильное сообщение между подошвой и вершиной горы.

В трубу с позиции на Голубиной бухте даже ясно было видно, как стройные ряды японцев поднимались на вершину Высокой и несли туда мешки с землей. Другие ряды также стройно и спокойно спускались им навстречу.

Очевидно, японцы энергично строят укрепления и выбить их оттуда будет теперь весьма трудно.

Правда, некоторые офицеры уверяли, что часть японцев уже отошла сегодня от Высокой горы, но я этому не верил.

Слыхал, что японская пехота, неся при наступлении страшный урон от нашего огня, прибегла к хитрости: время от времени она падала на землю, потом группа в 4-5 человек внезапно поднималась, бежала вперед и затем опять падала.

Особенно сильные потери наносила японцам опять наша артиллерия, расположенная на Голубиной бухте. Ее орудия были поставлены за обратными скатами гор, и японцы, несмотря на все свои усилия, открыть их не могли. Японская канонерка, стоявшая в Голубиной бухте, тоже стреляла по этим орудиям, но никакого вреда им не причинила. Только один ее снаряд совершенно случайно ранил своими осколками солдатика — бакенщика 2-й роты 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Таким образом, за все беспрерывные штурмы Высокой горы с 13-го по 18 ноября японцы успели завладеть только небольшим участком наших окопов. Но думаю, что и оттуда сегодня ночью нам удастся их выбить.

Обо всех ужасах ноябрьского штурма, не будучи очевидцем, нельзя себе составить даже и слабого понятия, так как описать их нет никакой возможности.

Здесь русский солдат показал, до какой степени геройства может дойти вообще русский человек.

Ввиду крайнего недостатка в людях вся больничная прислуга, состоявшая из солдат, взята в строй на позиции и заменена

дружинниками. Не сделали исключения даже для калек и раненых.

Сегодня разговаривал с одним из докторов, очень развитым человеком, который высказал такое мнение о нашем солдате:

«Какое животное в состоянии столько вынести, сколько вынес русский солдат в Порт-Артуре?! Целый день в работе, ночью в окопах без сна, вечное ожидание нападения, при невозможной пище, заедаемый вшами, без теплой одежды и каких-либо вообще удобств, — русский солдат в состоянии был еще драться целых десять суток подряд».

Я вполне был согласен с милым доктором: это было все верно, это была правда...

Говорят, что наши потери под Высокой достигали до 500 человек в день.

Сегодня тяжело ранен в пятый раз поручик Седельницкий, у бедняги в России семь человек детей.

Сегодня слыхал один рассказ, свидетельствующий о необыкновенном фанатизме японцев. Во время отбития атак на 3-м форту часть японцев ворвалась в самое укрепление. Начался рукопашный бой. Наши стрелки подняли на штыки японского офицера и бросили его на землю, а он, мучаясь в предсмертной агонии, продолжал рубить своей шашкой по ногам наших солдат. Комендант 3-го форта штабс-капитан Булгаков был ранен три раза, но не пожелал идти в госпиталь.

Во время боев на Малой Голубиной бухте один солдатик из запасных, будучи тяжело ранен, был забыт в покинутом нами окопе. Там этот несчастный страдалец лежал уже около двух суток. В бойницы (отверстия в окопах, из которых стреляют) видно было, как он изредка шевелился и махал рукой. Но достать его оттуда не было никакой возможности. Каждого, кто рискнул бы на этот подвиг, ожидала неминуемая гибель.

Однако двое наших солдат и матрос, не будучи в состоянии видеть больше мучения несчастного, вызвались принести его к нам в окопы.

Получив разрешение, эти три героя ночью, ползком, добрались до раненого и благополучно вернулись с ним обратно, незамеченные неприятелем. Радость наших солдат была неописуемая.

Сам же раненый, имея перелом ноги выше колена, от избытка чувств только крестился и молился. Бедняга имел самый жалкий и измученный вид, и смотреть на него без слез было невозможно.

В течение ночи японцы все время обстреливали Высокую гору, но редким огнем. Кроме того, изредка слышалась и ружейная пальба. Очевидно, это наша пехота выбивала японцев

из своих окопов.

После 12 часов ночи стрельбы уже слышно не было.

19 ноября

Говорят, что вся Высокая гора осталась за нами и что японцы этой ночью окончательно изгнаны из наших окопов.

Однако мне в это что-то не верится.

Сегодня обстреливание японцами Высокой горы продолжалось весь день, но велось довольно вяло.

Передают, что наши потери за последние дни штурмов около 3600 человек ранеными. Число же убитых выяснить невозможно, так как никто их не подбирал.

Один из докторов говорил мне, что общее число больных и раненых в госпиталях доходит уже до 8200 человек. Положение их ужасное. Часть раненых уже заражены цингой, и теперь их кожа и мясо до того дряблы, что напоминают какой-то кисель. На него нельзя даже наложить шва, так как шов немедленно разлезается. Доктора чувствуют себя совершенно бессильными оказать какую-либо существенную помощь. Ввиду страшного истощения организма многие, даже легко раненные, обречены на смерть.

О потерях японцев даже приблизительно ничего не известно. Можно сказать только одно, что вся их пехота, которая шла в атаку, назад уже не вернулась.

Сегодня я посетил раненых офицеров 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, которые помещены в Новом Городе, в доме фирмы «Кунст-Альберс». В небольшой комнате лежит восемь офицеров и зауряд-прапоршиков. Среди них оказались и мои приятели, поручик Стариков, раненный теперь в четвертый раз в грудь навылет, и командир охотничьей команды, поручик Османов, выдающийся по своей храбрости офицер, турок по происхождению, раненный третий раз в голову. Мы разговорились...

При мне офицерам принесли пищу. Жиденькая лапша с маленькими кусочками конины и гречневая каша составляли весь обед.

Офицеры рассказывали мне, что японцы поставили свои орудия не более как в 600 шагах от окопов Плоской горы. Скрыто доставив эти орудия по своим траншеям и сапе, они с такого ничтожного расстояния несколько суток подряд громили нашу полевую позицию на Плоской горе.

Сегодня японцы около 4 часов дня усиленно обстреливали наш флот в Западном бассейне.

На правом фланге я за весь этот день не слыхал ни одного выстрела.

Сегодня на батарее Тигрового полуострова № 6 во время стрельбы разорвало одну 9-дюймовую мортиру. Матросы десанта во время отбития последних штурмов на Высокой горе вели себя геройски и понесли тяжкие потери.

Продовольственный вопрос обострился до невозможности. Цинга все растет с каждым днем.

Гарнизон страшно утомлен, надежда на выручку окончательно исчезает.

Поздно вечером в минном городке на Тигровом полуострове произошел по неосторожности взрыв ручных бомбочек, при этом убито 10 матросов.

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района

19 ноября 1904 года.

Крепость Порт-Артур

№ 865

Сейчас вернулся от полковника Ирмана. Высокая вся наша! Ура вам, герои! Помолимся Богу. Вы сделали невозможное, которое оказалось возможным только для таких героев, как вы. Начиная с 7-го числа сего месяца по 19-е, т. е. в продолжение 12 суток, от лит. А, лит. Б, Куропаткинской люнет, форт № 2, Китайскую стенку, форт № 3, Вр. укрепление № 3, Курганную батарею, Полуншань и кончая Высокой и позицией на Голубиной бухте, т. е. от моря и до моря, противник посылал и посылал свои войска на штурмы; шли они и дни и ночи, шли, не жалея себя; ложились они под вашими ударами массами, но вы не дали им пяди земли. Что было у нас до 7-го, то и осталось после 18-го. Осмеливаюсь от имени Государя Императора, как его генерал-адъютант, объявить вам благодарность Его Императорского Величества. Вы порадовали Батюшку Царя. Да здравствует наш Отец... Ура!..

Начальник Квантунского укрепленного района

генерал-адъютант *Стессель*

20 ноября

Сегодня чувствую себя совсем больным. Очевидно, вчера простудился. Знобит, полная апатия и упадок энергии.

Японцы снова обстреливают Высокую гору 11-дюймовыми лиддитовыми снарядами. Один такой снаряд около 9 часов утра попал в блиндаж, где хранились ручные бомбочки, отчего последовал страшный взрыв.

Сегодня на Высокой горе тяжело ранен в голову командир 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковник Третьяков, один из самых выдающихся и храбрых офицеров и самый деятельный защитник Высокой горы.

Полковник Третьяков с 12-го по 20-е безотлучно находился на Высокой, и ему главным образом мы обязаны тем, что она до сих пор в наших руках.

Гарнизон совершенно измучен.

Каких-либо известий из внешнего мира по-прежнему нет, и по городу ходят самые невероятные слухи, вроде того, например, что генерал Линевич стоит у Самсона (гора впереди Цзиньчжоусской позиции), что Балтийская эскадра имела бой с японцами, причем адмирал Того разбит наголову, и т. д.

Вот какими слухами жила крепость.

21 ноября

Чувствую себя плохо. Горло сильно болит и все время знобит. Вообще, совсем расклеился.

День удивительно тихий.

На позициях сравнительно спокойно.

Один солдатик с позиции Голубиной бухты сообщил мне, что часть японских войск, участвовавших в штурмах Высокой горы, отошли сегодня к бухте Луизы, а их место заняли вновь прибывшие свежие войска. Новых войск было не менее бригады (2 полка). Они направились к Высокой, идя очень укрытою лощиной и везя с собой два новых орудия и массу повозок с ящиками.

Очевидно, японцы не оставили своего намерения снова атаковать Высокую. В течение дня японцы обстреливали ее редким огнем и не давали возможности произвести на ней каких-либо исправлений разрушенных окопов и блиндажей.

Продовольственный вопрос обостряется все более и более. Сегодня в магазине «Кунст-Альберс» уже нельзя было достать красного вина.

Несмотря на то что вначале осады у многих здешних фирм, как «Кунст-Альберс», «Соловей», «Чурин» и др., и были сделаны большие запасы консервов, муки и вина, которыми главным образом и жила крепость и частные лица, теперь даже и они

совершенно иссякли и достать что-нибудь почти невозможно. Особенно тяжело положение бедного населения Порт-Артура, о которых почти никто не заботится и которому скоро буквально нечего будет есть.

22 ноября

С раннего утра японцы начали бомбардировать Высокую гору.

Особенно сильный огонь японцы сосредоточили на правой от меня стороне Высокой горы, как раз на том месте, где должны были проходить наши резервы. Кроме того, и вся остальная гора была сплошь засыпана шрапнелью, укрыться от которой было совершенно негде: все блиндажи были разбиты вдребезги, и бедные защитники Высокой несли страшные потери от непрерывного града шрапнельных пуль.

Около 10 часов утра послышалась ожесточенная ружейная стрельба на Малой Голубиной бухте. Оказалось, что японцы атаковали дер. Фадзятунь, занятую нашими казаками, и повели наступление на наш левый фланг и главным образом на позицию поручика Ерофеева. Вскоре стрельба из залпов перешла в пачки, а к 12 часам дня совершенно прекратилась. С 11 до 12 часов японцы 6-дюймовыми фугасными бомбами обстреливали 5-е временное укрепление, которое своим огнем сильно мешало их наступлению на Высокую гору. Снаряды их попадали главным образом в левый ров.

Сделав около 30 выстрелов по этому укреплению, японцы заставили его замолчать.

Ровно в 1 час 30 минут меня вызвал на двор мой вестовой, который все время наблюдал в трубу за ходом дела на Высокой горе. Здесь глазам моим представилась такая величественная картина, которая, наверное, никогда не изгладится из моей памяти. Японцы густой толпой стояли на правой, задней стороне Высокой горы. Их беспрерывные штурмы в течение 11 суток, очевидно, не пропали даром. После неимоверного напряжения и громадных потерь они, наконец, одолели упорных защитников Высокой и заставили их отступить с их позиций.

Теперь каждый из победителей мог любоваться картиной Артура, которая расстилалась внизу у его ног.

С Высокой горы весь город, порт, вся наша эскадра, наполовину уже затопленная, большинство батарей и укреплений были видны как на ладони.

Я вполне понимал, как каждому японцу должно было быть

интересно взглянуть на то, ради чего он перенес так много различных страданий и лишений.

В то время как толпа любопытных достигла уже 800 человек, наша полевая скорострельная батарея, расположенная недалеко от 5-го форта, внезапно открыла по ним беглый огонь. При дистанции не более 2 верст наша артиллерия быстро пристрелялась, хотя разрывы шрапнели все же были немного высоки.

И вот дождь шрапнельных пуль неожиданно осыпал тех, кто первый дерзнул взглянуть на наш многострадальный Артур.

В это же время с 5-го форта был открыт огонь из 6-дюймовых пушек Канэ. Стрельба велась замечательно удачно: сегментные 6-дюймовые снаряды буквально лизали вершину горы и вырывали целые улицы в густой колонне японцев. Тогда японская артиллерия быстро перенесла свой огонь на 5-й форт, чтобы заставить его замолчать.

Но 5-й форт все стрелял и стрелял...

Дождь шрапнели и страшные потери от 6-дюймовых сегментных снарядов 5-го форта заставили наконец дрогнуть японцев.

Я ясно видел в трубу массу убитых и раненых, которые падали то тут, то там.

Между японцами произошла какая-то сутолока: часть их забегала, засуетилась. Японцы с необыкновенной энергий начали что-то работать.

Я сразу понял, в чем дело.

Японцы, вероятно, предположили, что мы, открыв страшный артиллерийский огонь, намерены еще раз броситься на них в атаку и попытаться отбить этот самый жизненный пункт всей нашей крепости.

И вот, несмотря на страшный артиллерийский огонь, на ужасные потери, японцы на моих глазах начинают строить род завала или баррикады из всего, что им только попадается под руку. Бревна, доски, мешки с землей, камни, трупы убитых — все это наваливается одно на другое, и импровизированный бруствер со сказочной быстротой растет на моих глазах.

За этим бруствером японцы решились, очевидно, встретить нашу пехоту при первой ее попытке атаковать Высокую гору.

Но они ошиблись в расчете: у нас уже не было на новые подвиги ни людей, ни энергии. Резервы были истощены, люди выбились из сил, запасы снарядов иссякли, и Высокая гора должна была пасть...

Я сказал выше, что японцы дрогнули, когда наша артиллерия начала засыпать их шрапнелью. Да, они дрогнули, но не

растерялись и, неся страшные потери, под градом пуль и снарядов, быстро оправились и сумели в каких-нибудь полчаса построить род укрепления, за которым и залегли немногие оставшиеся в живых храбрецы.

Артиллерийский огонь наконец стих.

На Высокой уже не было видно ни одного нашего солдатика, только несколько человек прятались за камнями у ее подножия.

К вечеру мы получили на батареях телефонограмму с приказанием не открывать огня по Высокой. Оказывается, начальство собрало последние резервы и вечером решилось последний раз попытаться выбить японцев.

Уже с 9 часов вечера и вплоть до 12 часов ночи, когда я пишу эти строки, на Высокой слышится непрерывный гул ружейной стрельбы.

Вряд ли, однако, удастся нам выбить японцев!.. Крепость переутомлена и делает свою последнюю отчаянную попытку, посылая на последний свой бой последних своих защитников...

Ночь темная.

На душе как-то грустно, грустно... а ружейная стрельба на Высокой горе, точно барабанная дробь, все трещит и трещит...

Днем слыхал, что через перевязочный пункт, находящийся под Высокой, пронесено около 1000 раненых.

Морские десанты тоже понесли страшно тяжелые потери.

Днем японцы дали около 300 выстрелов по порту и по нашей эскадре, а по 5-му временному укреплению за сегодняшний день выпущено до 250 снарядов (большинство 120-миллиметровых).

Наша артиллерия, под непрерывным страшным огнем неприятеля, принуждена была молчать вследствие недостатка снарядов.

Сегодня тяжело ранен лейтенант Лавров.

Пробираясь около часу ночи по позициям, я все еще слыхал на Высокой отчаянную ружейную стрельбу.

23 ноября

Утомленный столькими тяжелыми впечатлениями минувшего дня и бессонной ночью, я под утро забылся тяжелым сном... Однако чуть начало всходить солнце, я был уже на ногах и вышел посмотреть, что делается на Высокой.

Тишина была поразительная. Ни один выстрел не нарушал полного спокойствия ясного дня.

Неужели Высокая опять наша? Неужели мы вчера опять

выбили японцев, и они наконец отказались от всякой мысли овладеть ею?

Чтобы узнать положение дел, я поскакал на позиции Голубиной бухты.

Здесь я был поражен удивительным зрелищем: японцы за одну ночь успели провести род траншеи через всю гору. Траншея состояла из брустверa (вала), сложенного из десятков тысяч мешков с землей. (Каменный грунт Высокой не позволял делать в ней выемки.) Сегодня японцы продолжали свою работу и укрепление росло с каждым часом. Работа велась тихо, ровно, аккуратно и вполне спокойно. Трудно было поверить, чтобы все это было сооружено в одну ночь, под градом пуль и под выстрелами орудий.

Один из офицеров сообщил мне, что одну половину горы занимаем мы, другую — японцы. Однако в другом месте позиции я узнал от офицеров, что истинное положение дел куда безотраднее. Оказывается, что еще ночью велено было очистить Высокую, Плоскую и Дивизионную горы.

Тут только я понял причину этой странной тишины. Японцы, очевидно, были удивлены неожиданным нашим отступлением с этих позиций и теперь разбирались на новых своих местах.

Все позиции мы оставили в полном порядке, унеся с собой все патроны, снаряды, ручные бомбочки и пр. Только несколько котлов вынести не успели, и их пришлось взорвать. Дело в том, что совет обороны вчера затянулся и только в 2 часа ночи пришел приказ об отступлении с Плоской горы, а то, разумеется, котлы и другие хозяйственные веши не остались бы на позиции.

Сегодня я узнал, что вчера на Высокой был убит известный герой, командир 10-й роты 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка капитан Салоники. Чудом спасенный в страшном бою под батареей Лит. Б., где из его роты остались целыми только 4 человека, капитан Салоники погиб на Высокой, будучи одним из ее комендантов. Ему в последнем штурме осколком снаряда снесло полчерепа... Вот вам и судьба...

Кроме того, убит молодой подпоручик Нечаев, тело которого еще не найдено, а также мой близкий знакомый, артиллерист Карнилович. Он был убит на Рыжей горе, как и замечательно симпатичный и дельный мичман Флейшер.

Говорят, что морских офицеров убито и ранено на Высокой до 20 человек.

В последнее время сильно возбуждает всеобщее негодование преступное поведение наших санитаров, которые сплошь и рядом обкрадывают тяжело раненных и убитых наших офицеров и затем сбрасывают их куда-нибудь в овраги или братские могилы.

К 4 часам дня японцы успели обвенчать Высокую сплошной траншеей и сделать «укрытый» ход сообщения с горы к своим позициям. Энергия при производстве этой работы и столь успешное ее окончание, конечно, возбуждали всеобщее удивление.

Ночью японцы зачем-то зажгли на Высокой три больших красных фонаря, которые и горели всю ночь.

Так пала Высокая после 15-дневных почти сплошных штурмов... Ее вполне правильно назвали у нас «Артурской Голгофой». Потери наши только за время ноябрьских штурмов доходили до 5000 человек.

Теперь положение крепости отчаянное.

Госпиталя переполнены; у докторов прямо руки опускаются при виде своего бессилия. А между тем цинга все растет; у многих раненых от цинги раскрылись старые, уже зажившие раны.

Гарнизон переутомлен и изнурен, и физически и нравственно.

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района

23 ноября 1904 г.

Крепость Порт-Артур

№ 888

Вчера 22 сего ноября с 7 часов утра неприятель снова повел наступление на Высокую, открыв при этом адскую бомбардировку 11» и 6» бомбами, уничтожающую все укрытия; несколько отчаянных натисков противника были отбиты нашими геройскими войсками. Несмотря на большие наши потери, вы держались как скала. К вечеру, однако, неприятелю удалось овладеть вершиной, куда они быстро втащили два пулемета и живо укрепились, выложив мешками укрепления. До глубокой ночи шел бой, так как противник одновременно повел атаки и на участки восточного фронта, но здесь везде был отбит. Ввиду неуспешности нашей контратаки на Высокую, для обратного завладения вершинами горы, я приказал занять основную линию обороны Крепости западного фронта. Я уверен, что коменданты фортов западного фронта, с вверенными им геройскими войсками, также отобьют атаки, как отбиваются они и на восточном фронте. За геройские же бои объявляю душевную благодарность войскам, равных которым нет на свете.

Начальник Квантунского укрепленного района

генерал-адъютант *Стессель*

24 ноября

С падением Высокой всем стало совершенно ясно, что близок конец и самого Артура...

Вообще Высокую смело можно было сдать двумя днями раньше, так как уже тогда было совершенно очевидно, что удержать ее за нами нет никакой возможности. Но против этой сдачи особенно восстали моряки, которые указывали главным образом на то, что с падением ее наш флот, стоявший в Западном и Восточном бассейнах, окажется совершенно открытым и незащищенным от выстрелов японской артиллерии. И действительно, так и случилось. Уже сегодня в грязи порта окончательно затонули разбитые японскими снарядами броненосцы «Ретвизан», «Полтава» и крейсер «Паллада». Вывести их на рейд теперь нет никакой возможности.

Прошел слух, что сегодня ранены: адмирал Вирен в обе ноги и генерал-майор Церпицкий — шрапнелью в голову.

Около 12 часов дня мы послали к японцам парламентера с просьбой разрешить нам вынести наших раненых и убитых, оставленных нами на Высокой. Вскоре, однако, посланный наш офицер почему-то был отозван назад, и переговоры были внезапно прерваны.

К этому времени масса японцев высыпали на вершину Высокой, любуясь картиной Артура, расстилавшейся внизу, у их ног.

День холодный и ветреный.

Узнал некоторые подробности нашего первого дружеского альянса с японцами, состоявшегося несколько дней назад недалеко от батареи Лит. Б. Оказывается, они попросили у нашего начальства перемирия на несколько часов, чтобы убрать трупы, лежавшие около батареи Лит. Б и 2-го и 3-го фортов, на что тотчас же получили согласие. Офицерство не преминуло этим воспользоваться и учинило с японцами небольшую выпивку. Те не остались у нас в долгу и в свою очередь принесли нам в подарок бочку сакэ (род водки), а один из японских офицеров Генерального штаба взял от наших офицеров письма и телеграммы и любезно вызвался переслать их в Россию. Во время этих дружеских излияний военный инженер подполковник Рашевский успел снять с наших и японских офицеров фотографии. Между прочим, он попросил также японского офицера Генерального штаба переслать его телеграмму к семье в Россию и предложил за это 30 рублей; японец любезно взялся исполнить его просьбу, но от денег решительно отказался, заявив, что телеграмма будет переслана за счет его правительства. Пораженный такой любезностью, подполковник Рашевский предложил японцу взять тогда эти деньги в пользу японского

Красного Креста, на что японский офицер тотчас согласился. Получив деньги, он выдал подполковнику Рашевскому соответствующую квитанцию.

Японцы очень восхваляли стойкость и мужество нашего гарнизона, говорили, что, будь мы с ними в союзе, мы покорили бы весь мир и т. п. Вообще во все время этой встречи они держали себя удивительно вежливо и корректно.

Сегодня я случайно узнал про один незначительный, но очень характерный случай из жизни нашей крепости.

Дело в том, что генерал Фок, постоянно нещадно критикующий все и вся, вздумал пуститься в разные изобретения. Между прочим, он настоял на том, чтобы были сооружены особые металлические щиты с ножками. В щитах этих должны были быть проделаны прорезы по точной фигуре ружья и небольшое отверстие для мушки. За таким щитом, по мнению изобретателя, стрелок должен был чувствовать себя в полной безопасности и преспокойно уничтожать японцев.

После необыкновенных усилий, хлопот и труда щиты были наконец изготовлены и выданы для пробы на Куропаткинский люнет.

Немного времени спустя один из офицеров, посетивших этот пункт, обратил внимание на новое изобретение и удивился только, что оно поставлено «кверх ногами».

— Что, ты пользуешься этими щитами? — спрашивает он ближайшего стрелка.

— Так точно, Ваше Высокоблагородие! — отвечает солдатик.

— Да как же ты из-за них стреляешь? — допытывает его офицер.

— Да разве можно, Ваше Высокоблагородие, стрелять из этой дырки? Стреляем мы, конечно, поверх щитов, а в дырочку только смотрим за японцем, — отвечает решительно стрелок.

Оказалось, что сам-то генерал Фок даже и не поинтересовался дальнейшей судьбой своего изобретения, выполнение которого стоило столько труда и энергии.

25 ноября

Сравнительно тихо.

С Высокой горы весь наш западный фронт и Новый Город видны как на ладони.

Японцы усиленно обстреливают сегодня наш флот 11-дюймовыми снарядами, а 5-е временное укрепление, которое

сильно мешает своим огнем их поступательным работам к 5-му форту, 6-дюймовыми снарядами.

Слыхал, будто генерал Церпицкий умер от раны.

Сегодня я расспрашивал одного раненого стрелка о последних наших боях на Плоской горе. Вот его короткий, характерный рассказ.

— Так что, Ваше Высокоблагородие, сначала ён зачал наши бойницы из пулеметов пулями поливать, а потом шрапнелью начал сыпать да мины из аппаратов пущать, чтобы блиндажи наши разбить. Все это мы терпели, ну а когда зачал ён 11-дюймовыми бомбами землю ровнять на месте наши окопов, тут, верное слово, трудно нам стало; все же трое суток вытерпели.

Я здесь должен прибавить, что Плоскую гору японцы у нас не взяли, а мы сами ее оставили в ночь на 23 ноября, спокойно отойдя на следующую линию обороны.

Многие офицеры вполне сознают все отчаянность и безотрадность положения как самой крепости, так и ее защитников. И вот среди них, уже столько раз рисковавших своей жизнью, является теперь какое-то глухое озлобление и на наше правительство, и на генерала Куропаткина, который за 10 месяцев войны не мог сколько-нибудь облегчить нашей участи и хотя отчасти оправдать его обещания на выручку. Между тем крепость выполнила свою задачу: она привлекла на себя 100-тысячную армию японцев, задержала ее под своими стенами и до сих пор, в течение 10 месяцев, геройски защищается от неизмеримо сильнейшего противника.

Сегодня я беседовал с одним из защитников 3-го временного укрепления и могу привести несколько из рассказанных им эпизодов.

Однажды комендант форта заметил, что после взрыва брошенной в наружный ров форта ручной гранаты в форт прилетел кусок человеческого мяса.

— Петров! Посмотри, что, теплое мясо? — приказывает офицер.

— Никак нет, Ваше Высокоблагородие, холодное, — докладывает солдат.

Публика недовольна, значит, граната разорвала труп, а не живого человека. Дело в том, что во рву форта уже более месяца сидят японцы, но вылезти оттуда на самый форт не могут. Скалистый же грунт местности не дает им возможности устроить подкоп и взорвать форт.

Другой раз на том же форту военному инженеру капитану Затурскому, ведущему контрминную систему, понадобилось посмотреть в наружный ров, что там делают японцы.

На вызов охотников не оказалось.

— Все равно, Ваше Высокоблагородие, креста не дадут, а сами изволите знать, дело это очень опасное, — говорили солдаты.

— Ну, а за 5 рублей полезешь посмотреть? — предлагает капитан Затурский.

— За 5 рублей — это с большим удовольствием, — отозвалось несколько человек сразу.

С тех пор наши стрелки за 5 рублей производят рекогносцировки наружного рва, постоянно рискуя своей жизнью.

Сегодня слыхал, что в крепости вполне способных носить оружие осталось не более 12 600 человек.

26 ноября

Тепло. Сравнительно тихо.

Днем японцы обстреливали порт 6-дюймовыми снарядами. На Высокой они поставили горные орудия и из них ведут стрельбу по городу.

Мы же Высокую обстреливать не можем за неимением снарядов.

Сегодня генерал-адъютант Стессель сообщил, что им получено известие о приходе к Артуру еще одной свежей японской дивизии.

Нечего сказать, приятная новость!..

Настроение гарнизона самое мрачное.

Ночь темная.

На Высокой у японцев каждую ночь горят три больших красных фонаря.

27 ноября

С утра поднялся сильный ветер и температура понизилась.

Японцы продолжают обстреливать город и эскадру. Кажется, уже все наши корабли пошли ко дну.

Единственный способный еще к плаванию броненосец «Севастополь» вышел в море и стал на якорь у горы Белый Волк.

Весьма вероятно, что он думает прорваться в Чифу и там разоружиться.

Цинга в крепости растет с каждым днем. Госпиталя

переполнены.

Вообще положение крепости совершенно безнадежное. В городе поговаривают даже о ее сдаче.

Ночь темная и холодная. В море сильная волна. На Высокой сегодня огней почему-то не видно.

Сегодня исполнилось 10 месяцев со дня первой бомбардировки Артура. Генерал-адъютант Стессель в своем приказе за № 903 поздравляет гарнизон с 10-месячной обороной крепости. Вот что гласил этот приказ:

Поздравляю вас, славные защитники 10-месячной обороны крепости! 27 января, около 11 часов дня, перед Артуром показалась эскадра противника и скоро открыла огонь по нашей эскадре, стоящей тогда на наружном рейде, и по батареям берегового фронта, особенно по Электрическому утесу. Бомбардировка продолжалась около часа.

Я лично видел славную работу артиллеристов Электрического утеса капитана Жуковского. Эскадра противника быстро уходила от нашего меткого и сильного огня.

Ныне ровно 10 месяцев со дня начала войны, 10 месяцев Артур держится, не получая ни подкрепления, ни снарядов, ни продовольствия. Что может быть выше этой стойкости, мужества и отваги!

Слава Богу, Царю Небесному, Слава вам, славным героям, войскам Русского Батюшки Царя!

Генерал-адъютант *Стессель*

28 ноября

Сегодня японцы из горных орудий и Высокой горы обстреливают город.

Во время моей поездки на дрожках с капитаном А. один снаряд разорвался около нас в каких-нибудь 10 саженях.

Другой снаряд, вероятно 120-миллиметровый, попал в Дальнинскую больницу, находящуюся в Новом Городе. Трудно себе представить весь ужас несчастных раненых и больных. Эти страдальцы бежали по страшному холоду на левый фланг крепости. При виде их у всех невольно сжималось сердце. Закутанные в халаты, в шинели нараспашку, в одеяла, некоторые на костылях, они представляли ужасную картину. Некоторые, особенно изнуренные цингою, шли чуть ли не в течение целого дня от Нового Города до казарм 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Да и сами эти казармы далеко не могли

служить хорошим пристанищем: это были полуоконченные и очень холодные помещения.

Сегодня днем к берегам Ляотешаня пристали две шаланды. Одна с семьей полуголодных китайцев, другая, кроме нескольких китайцев, привезла с собой небольшие запасы луку и чесноку.

Слыхал, что при последнем заседании совета обороны крепости начальником штаба укрепленного района полковником Рейсом, который заседал в совете, как представитель генерал-адъютанта Стесселя, был предложен вопрос: «О пределе сопротивления крепости». Против обсуждения этого вопроса восстали все лица совета и в особенности комендант, генерал-лейтенант Смирнов.

Тонкий вопрос полковника Рейса был всеми отлично понят, хотя сам полковник Рейс и уверял впоследствии, что его-де «неправильно поняли»...

Ввиду окончательного потопления японцами нашей эскадры адмирал Вирен отдал такой приказ.

ПРИКАЗ

командующего отдельным отрядом броненосцев и крейсеров в Порт-Артуре

Порт-Артур,

28 ноября 1904 года

№ 184

Дорогие товарищи по отряду! За последние дни нас постигло большое горе и несчастье: почти все суда отряда потоплены неприятельскими 11» снарядами. С 14 сентября в продолжение двух с половиной месяцев ежедневно днем и часто ночью суда обстреливались неприятелем, но вы с портовыми мастеровыми оставались все время на судах и часто под огнем исправляли, по возможности, все повреждения и тушили пожары, работая главным образом по ночам, и успели починить почти все главные повреждения, но всему есть мера, на все воля Господа Бога; в четыре дня все ваши работы на судах пропали даром.

С возвращением судов после боя 28 июля весь отряд начал деятельно, всеми средствами помогать крепости для борьбы против неприятеля. Вы сами лучше всех знаете, что вами сделаны дневными и ночными работами по установке орудий, перевозке их, замене испорченных, по копанию и устройству погребов и блиндажей, доставке снарядов и проч., не говоря уже о неустанной работе комендоров, минеров и машинистов, и, наконец, ваши молодецкие действия в окопах и передовых позициях при отбитии штурмов в августе, сентябре, октябре и особенно в ноябре при защите Высокой горы, где вы заслужили особенную похвалу сухопутных начальников, о чем мне лично

они неоднократно говорили. Да иначе и не могло быть. Вы исполнили долг присяги и, помогая защищать крепость, защищали свои корабли. Теперь мы все перебрались на берег и до последнего человека примем участие в дальнейшей защите крепости.

Моя глубокая благодарность гг. командирам, офицерам и нижним чинам и мастеровым, работавшим на судах, за их самоотверженную и геройскую службу, особенно в последние дни при спасении остатков боевого и прочего имущества под страшным огнем неприятеля. У всех вас совесть спокойна, вы делали все, что могли и что вам приказывали, будьте спокойны и дальше уповайте на Бога, продолжайте также исполнять свой долг, как и до сих пор, и помните, что только тот может победить, кто дольше выдержит.

Контр-адмирал *Вирен*

29 ноября

Японцы продолжают обстреливать Новый Город.

Несколько снарядов попало в дом Никобадзе, где находится один из наших госпиталей. Что там при этом произошло, трудно описать...

В Новом Городе царит невообразимая паника. Несчастная публика при первых выстрелах разбегается во все стороны, словно во время землетрясения.

Японцы во время обстреливания 5-го временного укрепления 11-дюймовыми снарядами разбили помещение прожектора.

Сегодня каким-то чудом прорвался к нашим берегам пароход под английским флагом, который привез нам большой груз белой муки. Это неожиданная и большая помощь крепости.

Упавший было духом гарнизон начинает немного оживать, но общее настроение все же подавленное.

К вечеру разнеслась молва, что скончался адмирал Вирен. По словам одних, он умер от разрыва сердца, другие же говорили, что он застрелился. Точного ничего узнать не мог.

Поздно вечером мне пришлось проезжать верхом мимо нашего кладбища у подошвы Ляотешаня.

Унылое и скучное место. Огромные горы Ляотешаня как будто нависли над ним своими мрачными громадами.

Сотни белых деревянных крестов с лаконическими надписями и без них безмолвно говорят об ужасах войны...

Сколько молодых, полных надежд жизней погребено здесь!

Вспомнит ли Россия об этих сынах своих, положивших свою жизнь за ее «исторические ошибки»?

И мне пришли на память стихи Некрасова:

Одне я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей...
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

Мне сделалось почему-то холодно и страшно, я пришпорил лошадь и ускакал прочь от этого безмолвного царства смерти...

30 ноября

Сегодня я лично наблюдал, как японцы лиддитовыми снарядами расстреливали 11-й полевой запасный госпиталь на Тигровом полуострове.

Я видел, как два снаряда попали в самое здание, а около восьми снарядов легли перелетами и недолетами.

Трудно описать картину паники и ужаса несчастных больных.

В этом госпитале лежало до 1000 больных тифом, дизентерией и цингой.

Эти страдальцы, кто в состоянии был еще двигаться, бежали из госпиталя в чем были — в туфлях на босу ногу, в серых халатах и закутанные в одеяла, бедные больные разбегались во все стороны, спасаясь от новых японских снарядов. Но многие прикованные к кровати должны были спокойно ждать своей участи...

Японцы сегодня расстреливали также пароход Красного Креста «Монголия», а в полдень своей стрельбой зажгли один коммерческий пароход, который и горел целую ночь.

Вместе с отсутствием жизненных припасов у нас также не хватает фуража для лошадей. Оставшиеся китайцы обдирают скалы и вот это жалкое подобие сена продают по 1 руб. 50 коп. за пуд.

На Высокой горе японцы теперь разгуливают совершенно спокойно и, чтобы обезопасить себя от дальнейших попыток с нашей стороны атаковать ее, построили целые ряды проволочных заграждений.

Ветрено и холодно. К вечеру пошел снег.

Сегодня во время японской стрельбы сильно пострадал магазин Чурина. Воспользовавшись этим, наши солдатики ночью бросились его грабить. Когда их начали преследовать, они отвечали выстрелами

Декабрь

1 декабря

Ура! 1 декабря! Мог ли кто-нибудь из оставшихся в живых защитников Порт-Артура 10 месяцев тому назад подумать, что осада нашей крепости затянется так надолго!..

Холодно... Ночью выпал снег.

На фоне сплошного белого ковра контуры наших гор обрисовываются как-то особенно резко и отчетливо.

Старый и Новый Город обстреливаются сегодня японцами довольно усиленно.

Стреляют и по госпиталям, несмотря на то что на многих из них прежние флаги Красного Креста заменили новыми значительно больших размеров.

Трудно предположить, что японцы их не видели, в особенности после того, как в их руках находится Высокая, самый возвышенный пункт крепости.

Говорят, что особенно сильно пострадали 6-й и 9-й госпитали. Здание прострелено во многих местах. Не обошлось и без жертв, как среди больных и раненых, так и среди врачебного персонала.

Слыхал, что, кроме того, японские снаряды сильно разрушили Русско-Китайский банк.

На Дивизионной горе японцы, как говорят, поставили два пулемета и поливают оттуда пулями весь город.

Около магазина Соловья ранены два солдатика.

Сегодня японцы додумались обстреливать перекидной стрельбой через 6-й форт и батарею № 2 Тигрового полуострова наш единственный уцелевший броненосец «Севастополь», который стоит у перешейка, прижавшись к утесам Тигрового полуострова.

Японцы выпустили при мне всего два-три снаряда, но все неудачно.

Правда, надо отдать справедливость, что такая перекидная стрельба через всю крепость представляет очень нелегкую задачу.

Вот уже и полночь... В то время как я пишу эти строки, с моря доносится зловещий гул орудий, нарушающий тишину ночи. Фосфорические вспышки выстрелов освещают небо.

Это броненосец «Севастополь» и береговые батареи отбивают атаки японских миноносцев, решившихся доконать наш единственный способный еще к плаванию броненосец.

Да поможет Бог нашим морякам!

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района

Декабря 1-го дня.

Крепость Порт-Артур

№ 915

По сообщению китайцев:

1) На севере дела у японцев очень плохи. На севере от Ляояна недели две тому назад было жестокое сражение у русских с японцами. Японцы разбиты, причем у них выбыли из строя от 40 до 50 тысяч человек убитыми и ранеными. У русских потери также значительны, но меньше японских. Японцы отступают частями на Фын-Хуан-Чен и на Гайчжоу. Русские преследуют их по пятам.

2) Инкоу будто бы уже занято русскими, а также и Да-Ши-Чяо. Ляоян также очищен японцами. Среди японских войск на севере паника.

3) Войска японские, предназначавшиеся под Порт-Артур, направлены, ввиду изменившегося положения дел, на север. Но под Порт-Артуром их все-таки осталось не менее 30 000 тысяч человек, особенно на левом нашем фланге. С этими силами японцы не осмелятся пытаться брать Порт-Артур, хотя штурм отдельных участков они все-таки думают производить.

4) Взять Порт-Артур японцы считают теперь уже для себя необходимым по тому соображению, что, взяв Порт-Артур, они надеются на возможность заключения мира с русскими. Если же Порт-Артур они не возьмут, то им придется поспешить убираться восвояси в Японию.

Начальник Квантунского укрепленного района

генерал-адъютант *Стессель*

2 декабря

Ветрено и холодно.

Слыхал, что вчера ночью броненосец «Севастополь» был атакован японскими миноносцами два раза: один раз в 11 часов, другой — в 2 часа ночи.

Несмотря на сильный огонь нашего броненосца и береговых батарей, японцы все-таки успели пустить в него четыре мины. Три из них были удержаны сетями и на них взорвались, четвертая же хотя и взорвалась тоже на сети, но при этом попортила бок броненосца, и одно из его отделений наполнилось водой.

Говорят, будто один из семи миноносцев, атаковавших «Севастополь», поплатился за свою смелость и был потоплен нашими выстрелами. В отражении атак принимали деятельное участие батарея № 2 Тигрового полуострова и «Соляная».

По Новому Городу японцы особенно усиленно стреляли сегодня после обеда; в банке все стекла от сотрясения воздуха разбиты, и он сегодня закрыт.

Один снаряд попал сегодня в магазин «Кунст-Альберс», который покинул свое прежнее помещение и расположился в Новом Городе, в доме Жигулева.

В Старом Городе особенно усиленному обстреливанию 11-дюймовыми лиддитовыми снарядами подвергся Инженерный городок. Генерал-адъютант Стессель и штаб укрепленного района давно уже выехали из этого городка и разместились в районе 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, который пока еще не подвергался обстреливанию. Сам генерал-адъютант Стессель поселился в квартире бывшего командира 25-го В.-С. стр. полка полковника Селенинова.

В зданиях Инженерного городка остались жить только комендант, генерал-лейтенант Смирнов и начальник инженеров полковник Григоренко.

Японцы продолжают укреплять Высокую гору. Все обращенные к нам ее склоны усилены проволочными заграждениями.

Здесь я помещаю приказ со списком офицеров, убитых и раненых на одной только Плоской горе за время ноябрьских штурмов.

Общие же потери за все ноябрьские штурмы составляют: 153 офицера и 6586 нижних чинов, из них убитых: 37 офицеров и 1148 нижних чинов.

ПРИКАЗ

по Западному фронту Сухопутной обороны крепости Порт-Артура

Декабря 2-го дня 1904 года.

Крепость Порт-Артур

§1

При сем объявляю список гг. офицерам убитым, раненым и контуженным на Плоской горе за время боев с 13-го по 22 ноября сего года.

Список

№ п/п

№ В.-С. стр. полков

Чин и фамилия

Какого числа убит, ранен или контужен

1. 5-го полка
Штабс-капитан Астафьев
Убит 16 ноября
2. 27-го полка
Зауряд— прапорщик Полищук
3. 25-го полка
Подпоручик Селиванов
Ранен 16 ноября
4. Штабс-капитан Чурбанов
Ранен 14 ноября
5. Штабс-капитан Бересторуд
Ранен 16 ноября
6. Капитан Трофимович
7. Подпоручик Седельницкий
8. Поручик Османов
9.Поручик Стариков
Ранен 14 ноября
10. Зауряд-прапорщик Буторин
Ранен 16 ноября
11. Зауряд-прапорщик Колбаса
12.5-го полка
Подпоручик Иванов
(остался в строю) Контужен 17 ноября
13. 25-го полка
Поручик Суворов
Контужен 18 ноября
14. 27-го полка
Штабс-капитан Крамаренко
Контужен 17 ноября
15. Подпоручик Августовский
Контужен 14 ноября
16. Поручик Михалев
Контужен 18 ноября
17. Поручик Ручьев
Контужен 16 ноября
18. Зауряд-прапорщик Аликин
***Всего*:** Убитых офицеров — 2 человека
Раненых офицеров — 9 человек
Контуженых офицеров — 7 человек
Полковник *Ирман*

3 декабря

Утром всю крепость облетела печальная новость: около 11 часов минувшей ночи в бетонном каземате 2-го форта случайно попавшей 11-дюймовой лиддитовой бомбой убиты находившиеся там:

Начальник 7-й В.-С. стр. дивизии генерал-майор Кондратенко.

Командующий 28-м В.-С. стр. полком Генерального штаба подполковник Науменко.

Военные инженеры, подполковник Рашевский и штабс-капитан Зедгенидзе.

26-го В.-С. стр. полка поручик Сенкевич.

28-го В.-С. стр. полка штабс-капитан Кавицкий.

7-го Запасного батальона штабс-капитан Триковский.

Зауряд-прапорщики Смоляников и Неелов.

Семь человек отделались ранами, в числе их: комендант 2-го форта поручик Фролов, зауряд-прапоршики Аров и Пепельницкий, техник-волонтер Потапов и др.

Один только саперный прапорщик Верг каким-то чудом остался целым и невредимым.

Убиты храбрейшие защитники крепости, которая в лице их понесла ничем не вознаградимую тяжелую утрату.

Никаких подробностей пока не знаю.

Сегодня рассказывали, будто бы в выгружаемом пароходе между кулями муки нашли двадцать пулеметов. Если только это верно, то такая находка окажет крепости существенную поддержку.

Ввиду того что японцы продолжают обстреливать наши госпитали и не далее как на днях один из снарядов попал в дом «Кунст-Альберса» в Новом Городе и вторично ранил двух находившихся там на излечении офицеров, уполномоченный Красного Креста егермейстер Балашов вошел по этому поводу в переговоры с японцами. Результаты этих переговоров пока мне неизвестны.

Вообще егермейстер Балашов удивительно горячо принимает к сердцу все дела и нужды Красного Креста, и его заслуги в этом отношении неисчислимы.

В ночь на 3 декабря японские миноноски опять атаковали броненосец «Севастополь». Снова целую ночь на Перешейке гудели орудия.

Подробностей не знаю.

4 декабря

Ветрено и холодно. Погода хмурится и как будто сочувствует новому, тяжелому горю осажденной крепости...

Хоронят жертвы 2-го форта.

Я никогда не забуду этой печальной картины: девять простых офицерских гробов с жертвами одного снаряда в скромной, обращенной в церковь, казарме, одна стена которой пробита тоже японским снарядом.

На похороны собралось довольно много офицеров. Многие искренне плакали.

Все девять гробов были опущены в могилы, вырытые на живописном бугорке под Крестовой горой, откуда открывается вид на унылое побережье нашего Квантуна.

Спите мирно, герои, не разбудят теперь вас ни бомбардировки вашего Артура, ни вопли и стоны многострадальной Русской земли!

Сегодня японцы усиленно обстреливали 5-й форт. Оказались подбитыми одна пушка Канэ и одна 75-миллиметровая, а к полудню японский снаряд попал в патронный склад и взорвал его, при этом погибло до 400 унитарных снарядов для 75-миллиметровых орудий.

Благодаря счастливой случайности несчастий с людьми не было.

Сегодня же японцы на этот форт повели сапу.

Кроме того, сильному обстреливанию подверглись 5-е Временное укрепление и батарея Лит. Д.

Вечером японцам удалось отбить у нас одну маленькую горку, впереди 5-го форта, оборонявшая ее застава 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка принуждена была отступить со своих позиций.

Сегодня умер от раны командир 1-й роты 27-го В.-С. стр. полка капитан Трофимович, который со времени последней турецкой войны, то есть в течение 27 лет, беспрерывно командовал этой ротой. Своей удивительной храбростью и хладнокровием в минуты опасности, редкой скромностью и спокойствием капитан Трофимович выделялся среди офицеров своего полка, которые называли его «своим человеком». Во время последних боев под Высокой он был тяжело ранен в грудь навылет шрапнельной пулей «нашей же артиллерии».

Сегодня егермейстер Балашов поехал к японцам и просил их не стрелять по нашему Красному Кресту.

Японцы ответили изысканным письмом на английском языке на имя генерал-адъютанта Стесселя, в котором сообщали ему, что установки их орудий расшатались, а сами орудия сильно расстреляны, вследствие чего некоторые снаряды и попадают в

здания Красного Креста.

Несмотря на столь явную ложь, японцам все-таки, по их просьбе, был отправлен план с обозначением всех госпиталей.

Во время последних штурмов на правом фланге был убит один из японских принцев крови, принимавший личное участие в осаде Порт-Артура. Японцы просили разрешения отыскать его тело и взять себе. Разрешение это им было дано. Однако тело принца найти не удалось. Но один наш солдатик случайно нашел саблю с древним самурайским клинком, которая, судя по всему, принадлежала убитому принцу. Клинок этот был возвращен японцам.

И вот, как у нас говорили, в благодарность за это, японцы сегодня доставили нам в крепость две двуколки, нагруженные тюками нашей почты. Очевидно, она была ими захвачена на одной из шаланд, отправленных к нам из Чифу. Я сам совершенно неожиданно получил письмо из России от матери, помеченное 9 сентября.

Кроме почты, японцы прислали нам поименный список наших пленных, которых оказалось около 200 человек нижних чинов и 6 офицеров.

Выгрузка муки с прорвавшегося недавно в Артур парохода близится уже к концу.

Вопреки слухам, никаких пулеметов на пароходе не оказалось. Этого, впрочем, и следовало ожидать.

Доставка муки в порт у нас происходила исключительно по ночам, так как днем проход в гавань подвергался сильному обстреливанию. Японцы, к несчастью, заметили этот наш маневр и с некоторого времени начали обстреливать проход и по ночам.

Сегодня я узнал, что адмирал Вирен жив и здоров. Оказывается, что общая молва схоронила вместе с несчастной нашей погибшей эскадрой и ее адмирала.

ПРИКАЗЫ

по войскам Квантунского укрепленного района

4 декабря 1904 года.

Крепость Порт-Артур

№ 924

Добровольная сестра милосердия Вильгельмина Криг 22 ноября, не обращая внимания на явную опасность для жизни, добровольно прибыла на перевязочный пункт под Высокой горой во время штурма горы и подавала посильную помощь раненым под сильнейшим огнем противника, причем ею была также подана первая помощь покойному генерал-майору Церпицкому.

Генерал-майор Никитин и полковник Ирман лично были свидетелями ее храбрости и самоотверженности.

За человеколюбивый подвиг и самоотверженность сестра Вильгельмина Криг награждается серебряной медалью с надписью «За храбрость» на Георгиевской ленте.

№ 926

Все флаги Красного Креста, поставленные на разных околодках и лазаретах, особенно в Новом Городе, — снять, отметив их на стене в белом кругу красным крестом, а флаги Красного Креста иметь только на госпиталях и большие казармы 9-го В.-С. стр. полка передать егермейстеру Балашову тоже под госпиталь. Я надеюсь, что после переговоров егермейстера Балашова с уполномоченным от японского командующего армией японцы воздержатся стрелять специально по нашим госпиталям, где лежат раненые и больные.

Начальник Квантунского укрепленного района
генерал-адъютант *Стессель*

5 декабря

День ясный; сравнительно тепло.

С полудня японцы начали ожесточенно обстреливать некоторые пункты на правом нашем фланге; почти одновременно с этим обнаружено было наступление отряда японцев, человек в 50, на деревню Яхудзуй на левом фланге крепости.

Около 2 часов дня удачный выстрел с одного из наших фортов взорвал у японцев на Высокой горе пороховой погреб.

ПРИКАЗ
по войскам Квантунского укрепленного района
5 декабря 1904 года.
Крепость Порт-Артур
№ 931

Гордитесь, славные воины, подвигом броненосца «Севастополь», подвигом героя командира капитана 1-го ранга Эссен, гг. офицеров и команды; пусть в сердцах ваших этот славный подвиг займет место, и пусть каждый из вас с гордостью будет передавать родине и потомству, как броненосец «Севастополь», оставшись целым и один, отважился выйти на рейд в ночь на 26 ноября и, будучи атакованным подряд 5 ночей, со славой геройской отбивал атаки 20 неприятельских миноносцев. Подвиг этот не должен никогда изгладиться из памяти вашей.

Вы боевые воины и, разумеется, уже научились ценить доблести ваших соратников-моряков. Ура героям броненосца

«Севастополь».

Начальник Квантунского укрепленного района
генерал-адъютант *Стессель*

6 декабря

Сегодня я узнал, что две полуроты 27-го В.-С. стрелкового полка (3-й и 9-й роты) предприняли наступление на окопы, занятые японцами перед 5-м фортом.

Нашим стрелкам удалось почти без выстрела подойти к неприятелю и неожиданным натиском выбить его из окопов. Однако удержаться в занятой позиции стрелки не смогли и принуждены были отступить.

Во время атаки оба зауряд-прапорщика, командовавшие полуротами, были ранены: Пилевин — в кисть руки, ногу и плечо, а Надуев — в живот. Эта неудачная вылазка обошлась нам в 35 раненых и 4 убитых нижних чинов.

5-е временное укрепление слабо обстреливается японцами.

7 декабря

Тепло. День ясный.

Броненосец «Севастополь» сел кормой на дно. Сегодня с него начали выгружать артиллерию.

Японцы за последнее время стали очень смелы и вне нашего ружейного огня ходят совершенно открыто, сознавая свою полную безнаказанность, так как артиллерия наша принуждена молчать за недостатком снарядов.

Против одного нашего 5-го форта японцы выставили до 30 полевых орудий.

Пароход с мукой сегодня окончил разгрузку и, снявшись с якоря, в 3 часа дня ушел в Шанхай.

Вчера мы оставили 2-й форт, где все до такой степени разрушено, что для гарнизона не оставалось никаких укрытий. Незадолго до нашего ухода японцы произвели один за другим два взрыва.

Один взрыв оказался неудачным, так как произошел в сторону самих же японцев. Зато другой произвел небольшой обвал в нашем рву. На этот обвал тотчас выскочили офицер и четыре сапера. Но и после этого японцы, как я слыхал, долго не

решались произвести открытого штурма.

Наш же гарнизон был слишком измучен бесконечным и бессменным своим пребыванием в самой ужасной боевой обстановке и вряд ли бы смог оказать существенное сопротивление целому ряду новых штурмов.

Ввиду всего этого и было отдано приказание от высшего начальства об очищении форта.

Так пал, или, вернее сказать, был оставлен нами 2-й форт, который в течение трех месяцев отбивал беспрерывный ряд ожесточенных штурмов и который так обильно был полит кровью лучших и храбрейших защитников Порт-Артура.

Вообще 2-й форт прослыл самым опасным пунктом крепости, и назначения на него за последнее время боялись, как чумы.

Каждый, имевший несчастье попасть на этот кровавый пункт, шел туда как на верную смерть.

Вместо убитого генерала Кондратенко начальником сухопутной обороны назначен генерал Фок.

Комендант крепости генерал-лейтенант Смирнов просил генерала Стесселя назначить его на этот пост, но его просьба была отклонена.

Первым же распоряжением генерала Фока было — приготовить ему во всех штабах, как больному, теплые помещения.

Так называемые дачные места, расположенные вблизи Золотой горы, до сих пор не подвергались обстреливанию со стороны японцев. В этих-то наиболее безопасных местах и скопилась вся масса тех обывателей, которая в обороне крепости никакого участия не принимала. Покинутые своими хозяевами дома были переполнены незваными гостями.

Многие из этих беглецов, как говорят, вырыли для себя пещеры, куда и намеревались скрываться в случае бомбардировки. Этим «храбрецам» обитателям дачных мест в крепости дали прозвище «пещерников». Таким образом, у нас были: «Николай Пещерник», «Евгений Пещерник», «Иван Пещерник» и т. д. Все они были хорошо известны всему гарнизону Порт-Артура.

8 декабря

Холодно, идет мелкий снег.

С раннего утра японцы начали обстреливать 11-дюймовыми снарядами Новый Город. Выстрелы раздавались регулярно через

каждые 10 минут.

Один из снарядов зажег громадный склад товаров фирмы «Кунст-Альберо в Новом Городе, который и сгорел дотла.

Около 10 часов утра бомбардировка прекратилась.

Осматривая сегодня в подзорную трубу Высокую гору, я заметил группу японских офицеров, человек в 15, которые, разглядывая окружающую местность, очевидно, решали какой-то важный стратегический вопрос.

Цинга в городе все растет и начинает принимать угрожающие размеры.

Настроение в гарнизоне угнетенное.

На днях в Красном Кресте после ампутации ноги скончался волонтер техник Потапов, тяжело раненный еще 2 декабря во время известной катастрофы на 2-м форту.

Это был удивительно преданный человек, который всюду сопровождал известного своей храбростью военного инженера Рашевского, погибшего в ту же роковую ночь.

9 декабря

Сегодня рано утром японцы совершенно неожиданно, почти без выстрела, бросились на позицию у Малой Голубиной бухты.

Поручик Муратов с 85 стрелками не выдержал неожиданного натиска и отступил. Одновременно с этим японцы атаковали укрепленный утес, находящийся влево от позиции поручика Ерофеева. Японцы сбили оттуда наших стрелков и быстро заняли этот важный тактический пункт нашей позиции. Часть их при этом переправилась на утес на шлюпках с другого берега залива.

Потери, понесенные в этом деле обеими сторонами, были сравнительно очень незначительны: так, у нас при схватке на утесе заколото штыками трое стрелков и двое ранено. Японцам достались в добычу одна пушка и до 6000 ружейных патронов.

Вообще наступление их на Малой Голубиной бухте отличалось внезапностью и необыкновенной стремительностью и потому и увенчалось полным успехом.

Около полудня японцы дали несколько орудийных выстрелов по позиции поручика Ерофеева, но дальнейшей атаки не предприняли.

Против 5-го форта японцы по-прежнему деятельно ведут сапу.

По городу, по обыкновению, велась стрельба 11-дюймовыми снарядами.

Смертность в госпиталях необыкновенная. Так, в 5-м и 2-м

запасных госпиталях за одну прошлую неделю умерло от тифа, дизентерии и главным образом от цинги 275 человек.

10 декабря

С 4 часов утра японцы открыли огонь по 5-му временному укреплению, батарее Лит. Д, редуту Лесной Горки и, главным образом, по 5-му форту.

Вероятно, они имели в виду завладеть нашими горками, которые лежат впереди и вправо от 5-го форта. Горки эти сильно мешали японцам в наступательном движении их сапы.

В 9 часов утра я заметил, что от беспрерывной бомбардировки фугасными бомбами часть брустверa левого фаса на 5-м форту обвалилась. Кроме этого, в исходящем его углу образовалась большая брешь. Причина этих разрушений лежала в том, что все брустверы 5-го форта представляли собой не что иное, как груду битого камня, насыпанную над крутым откосом, которая и сползла очень легко вниз от взрывов лиддитовых фугасных бомб.

Вообще нужно сказать, что 5-й форт к началу осады был еще далеко не окончен.

Около полудня один из японских снарядов зажег на 5-м форту здание прожектора, которое и горело часов до 5 дня. Другой удачно попавший снаряд подбил второе 6-дюймовое орудие Канэ. Потушить начавшийся пожар не было никакой возможности, так как японцы по пожарищу сосредоточили сильный огонь. Клубы черного дыма от пожара перемешивались с густым дымом от взрывов лиддитовых снарядов.

Картина была тяжелая...

Японцы усиленно обстреливали сегодня и 5-е временное укрепление.

На Высокой горе они между тем продолжают деятельно укрепляться, а на месте порохового погреба, взорванного у них недавно одной из наших батарей, они успели уже построить новый и обсыпать его целой горой камня и земли.

Генерал Фок, которому поручена теперь вся оборона крепости, ночевал сегодня почему-то на броненосце «Севастополь», а весь сегодняшний день боя провел сначала на 2-й Тигровой батарее, а потом объезжал разные пункты левого фланга крепости, где все было спокойно.

Только под вечер, после обеда у гостеприимного командира 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковника

Петруши, генерал Фок уехал в Новый Город.

Днем японцы опять вели перекидную стрельбу по броненосцу «Севастополь» и канонерке «Отважный». Стрельба отличалась удивительной меткостью.

С обоих судов поспешно снимают артиллерию.

Настроение в гарнизоне самое угнетенное.

На выручку уже давно никто не надеется.

11 декабря

Тихо. День ясный.

Оказывается, вчера японцы опять вели наступление на 3-й форт, который, однако, отбил все их атаки с громадными для них потерями.

На этом же форту произошел следующий трагический случай: зауряд-прапорщик Гусков слишком долго задержал в своих руках уже зажженную ручную гранату. Фитиль сгорел, и граната разорвалась у него в руках, убив на месте его самого, а также штабс-капитана Носова и одного стрелка.

Броненосец «Севастополь» подвергся сегодня опять усиленному обстреливанию японцев. Всего по нему выпущено было до 60 снарядов, и из них только три попали в цель.

Сегодня совершенно случайно мне пришлось познакомиться с артиллерийским капитаном Гобятой, выдающимся офицером, отлично знающим свое дело.

При последних штурмах Высокой генерал Кондратенко послал капитана Гобяту сверить его часы с часами коменданта этого укрепления. Исполняя это поручение, капитан Гобята прибыл на Высокую гору и здесь был тяжело ранен в рот с повреждением челюсти... Странное было поручение!

Сегодня опять встретился в одном укромном уголке Нового Города со штабс-капитаном К., который под разными предлогами преисправно отсиживал оборону Порт-Артура в своей комнате.

Каждый раз при встрече с ним я чувствовал какую-то неловкость...

Ночью стрельбы не было слышно.

12 декабря

Погода отличная.

С назначением генерала Фока на должность начальника сухопутной обороны во всех распоряжениях стало заметно какое-то колебание и неуверенность.

По его приказанию начали укреплять Ляотешань, на котором предполагается поставить морские орудия мелких калибров, снятые с затопленных наших судов.

Сравнительно тихо; лишь кое-где изредка слышатся орудийные выстрелы.

Несмотря на все тягости и невзгоды осады, на позициях по-прежнему идет азартная карточная игра, которая нередко оканчивается крупными недоразумениями.

Настроение у всех самое подавленное.

Особенно в угнетенном состоянии находится высшее начальство в Старом Городе.

Быстро растущий недостаток в продовольственных припасах грозит в ближайшем будущем новыми ужасами.

А число больных все увеличивается и увеличивается с каждым днем...

13 декабря

Погода отличная, тепло.

На позициях как будто чувствуется некоторое затишье.

На восточном фронте самое незначительное расстояние отделяет наших стрелков от японцев, последние вперед более не продвигаются.

Вообще осадные работы японцев в значительной степени утратили свой прежний характер кипучей энергии и словно застыли.

За последнее время японцы начали обстреливать по ночам главную нашу дорогу, идущую из Старого в Новый Город, шрапнелью, так как по ней все время с шумом тянутся бесконечной вереницей наши двуколки.

14 декабря

Сегодня японцы усиленно обстреливают Курганскую батарею и 3-й форт.

Ночью, обходя позиции, я зашел на 5-й форт. Этот форт представляет собой груду камня, так как война застала его почти

в самом начале постройки.

Я зашел в блиндаж: все помещение оказалось битком набито исключительно молодыми офицерами. Старший из них был военный инженер капитан Верее, который бессменно находился на форте и вел все оборонительные работы.

Условия, в которых приходилось жить и работать этим достойным защитникам форта, были самые тяжелые. И офицеры, и нижние чины терпели сильный недостаток решительно во всем, начиная с пищи и кончая одеждой.

На батарее Лит. Д, куда я тоже заглянул, оставалось около 60 снарядов на все 6 орудий.

ПРИКАЗЫ

по войскам Квантунского укрепленного района

14 декабря 1904 года.

Крепость Порт-Артур

№ 959

Командующий В.-С. стр. полком подполковник Глаголев 13 сего декабря от ран, полученных в бою с японцами, помер. В.-С. стр. полк предписываю принять на законном основании 5-го В.-С. стр. полка подполковнику Сейфулину. О приеме донести по команде.

№ 960

Вновь прошу наших священников объезжать и обходить полковые участки обороны, дабы дать возможность нашим геройским защитникам помолиться на Святом Кресте и, приложившись к нему, получить благословение и услышать слова духовного отца. Я знаю, что все служители алтаря выполнят это, так же как на Высокой священники 5-го и 27-го В.-С. стрелкового полков, с крейсера «Баян» и броненосца «Победа» исполнили свой долг, как только может исполнить его верующий христианин.

Командирам частей представлять возможность бывать священникам на позициях и указать время.

№ 961

Начальник сухопутной обороны генерал-лейтенант Фок, при рапорте от 12 сего декабря за № 20, представил рапорт коменданта форта № 2, 25-го В.-С. стрелкового полка штабс-капитана Кватца о порядке очищения форта и копии с записок бывшего командующего В.-С. стрелковым полком подполковника Глаголева к штабс-капитану Кватцу. В заключение своего рапорта генерал-лейтенант Фок доносит, что он признает все распоряжения, как подполковника Глаголева, так и штабс-капитана Кватца, совершенно правильными. Прочтя рапорт штабс-капитана Кватца от 10 декабря за № 60 и две служебные записки подполковника Глаголева, я вижу, что мое приказание об

очищении форта № 2 было приведено в исполнение генерал-лейтенантом Фоком образцово, за что долгом и особенным удовольствием считаю объявить его превосходительству сердечную благодарность. Форт № 2 поглотил во все время его обороны массу геройских защитников: сначала капитан 25-го В.-С. стрелкового полка Резанов, затем поручик того же полка Фролов и штабс-капитан Кватц исполнили долг на славу, несмотря на громадные потери. 5 декабря японцы взорвали форт, и защитники форта были принуждены сесть за траверс и казематы, мост был сломан. Положение стало отчаянное; не нанося врагу существенного вреда, приходилось или, выводя защитников, взорвать форты и сохранить геройский гарнизон для дальнейшей борьбы с врагом, или сидеть и ждать, когда уничтожат всех. Я приказал генерал-лейтенанту Фоку вывести гарнизон и затем взорвать форт, так как подготовить к взрыву давно уже мною было приказано. Все распоряжения генерал-лейтенантом Фоком были отлично выполнены, гарнизон в полном порядке выведен, Куропаткинский люнет обеспечен, и, когда все было подготовлено, форт взорван, и наши герои защитники от взрыва не пострадали.

Из рапорта штабс-капитана Кватца видно, что в этот трудный период для форта поведение гг. офицеров и нижних чинов было геройское.

Квантунской крепостной артиллерии поручик Голдин руководил лично стрельбой, оставшись только с тремя нижними чинами, сам наводил орудия и несколько раз удачными выстрелами картечью сбрасывал вскакивающих японцев на бруствер обратно в ров. Один раз, когда группа японцев в несколько человек бросилась на гребень бруствера, он скомандовал орудию стрелять, сам схватил винтовку и на моих глазах уложил первого же японца, который во весь рост показался на бруствере.

Мичман Витгефт, придя на форт со своими моряками в поддержку гарнизону и получив от меня указания, где на бруствере поместить своих, лично расставил всех моряков, указал им задачу, лично руководил бросанием бомбочек, а в то же время, когда одна из пироксилиновых бомб попала в бруствер и разрушила его, убив около 15 человек, когда люди, оглушенные, бросились с бруствера, он своим примером, вскочив сам на бруствер, задержал всех, восстановил полный порядок, и под его наблюдением бруствер был быстро заделан.

26-го В.-С. стрелкового полка подпоручик Витвинский руководил по моему приказанию обороной горжи, и, несмотря на убийственный огонь с редутов, он все время находился на горже и

даже лично указывал цели матросу, который стрелял из 37-миллиметровой пушки по японским окопам перед люнетом Куропаткина и разрушил их до основания.

25-го В.-С. стрелкового полка зауряд-прапорщик Иван Колесов в то время, когда одна из пироксилиновых бомб попала в то место бруствера, где стоял пулемет и завалило его мешками, он, несмотря на то что сам был придавлен и сильно ушиблен, быстро выскочил, прекратил общее замешательство, приказал вытаскивать пулемет, лично помогая в этом стрелкам, а пулеметчикам приказал тут же его чистить, что и было исполнено, так что в короткий промежуток времени пулемет был поставлен на свое место и начал опять действовать.

Командир 3-й роты 7-го запасного батальона зауряд-прапорщик Трофим Баранов и его младший офицер Михаил Корсунов выделились своей храбростью; все время находясь на бруствере, руководили бросанием бомбочек, оба ранены, отказались идти на перевязочный пункт, а ограничившись перевязкой фельдшера, вернулись обратно на бруствер и ушли только тогда, когда форт был всеми оставлен.

Саперный офицер штабс-капитан Адо пришел на форт приблизительно через полчаса по получении записки. Материалы для взрыва казематов были принесены на форт еще засветло, часть фугасов ко времени прихода штабс-капитана Адо уже была заложена нижними чинами и оставалось заложить только два фугаса.

Подполковник Глаголев во 2-й записке пишет: эти выдающиеся подвиги должны быть в памяти у каждого. Геройское поведение офицеров дало возможность спасти гарнизон форта. С благодарностью вспоминаю память покойного подполковника Глаголева, приношу свою душевную благодарность коменданту форта штабс-капитану Кватцу, поручику Галдину, мичману Витгефту, подпоручику Витвинскому, зауряд-прапорщикам Колесову, Баранову и Корсунову и саперной роты штабс-капитану Адо за своевременное исполнение работ на форту. Прошу немедля войти с представлением о награждении сих достойных офицеров по их заслугам. Нижним чинам форта № 2 за всю их геройскую службу объявляю мое спасибо и представить немедля по 5 человек на роту для награждения знаком отличия Военного ордена. Ныне мы утвердились на Куропаткинском люнете и положение наше гораздо улучшилось.

Начальник Квантунского укрепленного района
генерал-адъютант *Стессель*

15 декабря

Вчера ночью я пробрался в Старый Город, где и остался ночевать у одного моего приятеля. Целую ночь мы с ним беседовали об отчаянном положении крепости. Отсутствие продовольствия, все усиливающиеся болезни, страшное утомление гарнизона и, наконец, не прекращающиеся раздоры между начальством — все это, вместе взятое, грозило крепости скорым падением. С грустью пришли мы к тому выводу, что дни нашего Порт-Артура, вероятно, уже сочтены...

С утра японцы открыли страшную бомбардировку нашего правого фланга. Опять поднялся адский грохот канонады, о котором может себе составить представление только тот, кто лично испытал все ужасы осады Порт-Артура...

Опять весь гарнизон покрылся черным дымом от взрыва лиддитовых снарядов и злыми, белыми облачками от разрыва шрапнели. Все это перемешивалось с густыми клубами желтой пыли...

Около этого времени японцы произвели два взрыва на 3-м форту. Хотя взрывы (мины), как я слыхал, и не удались, но все же они произвели на гарнизон форта известное моральное впечатление.

Телефонное сообщение оказалось прерванным.

Вообще положение 3-го форта очень тяжелое. Бомбардировка его окончилась только около 2 часов дня, ружейная же трескотня продолжалась до самой ночи.

Общее настроение в высшей степени угнетенное и подавленное.

Сегодня опять в госпиталь прибыла масса новых раненых. Мест для них положительно нет. Ввиду страшной скученности цинготные заболевания грозят разрастись до ужасающих размеров.

Вечером узнал, что мы, по приказанию генерала Фока, очистили 3-й форт, который и был тотчас же занят японцами. Сдача его должна сильно повлиять на дальнейшую судьбу крепости, так как по своему положению форт этот был как бы опорным пунктом для целого ряда наших укреплений.

Здесь я помещаю список некоторых цен на жизненные припасы за последнее время.

Конина — 50-75 коп. фунт.

Воловье мясо — 2-2 руб. 40 коп. фунт. (Но и это мясо на базаре можно было получить только случайно.)

Индюшка — 50-75 руб. штука.

Курица — 20-25 руб.

Гусь — 40-50 руб.
Яйца — 1-2 руб. штука.
Головка чесноку — 20-30 коп. штука.
Пуд сена — 1-1 руб. 50 коп.

16 декабря

Очень холодно и ветрено.

До сих пор не удалось узнать никаких подробностей сдачи 3-го форта, этого важнейшего пункта нашей крепости.

Сегодня я заехал в Старый Город и был прямо поражен представившейся мне картиной полного его разрушения. Редкий дом не пострадал от бомбардировки.

В самом доке лежит разбитый японскими снарядами минный транспорт «Амур». Мачты и трубы его касаются земли, а обнаженное дно судна блестит на солнце.

Около 2 часов дня один снаряд попал в Офицерское экономическое общество и своим разрывом убил одного и ранил трех приказчиков-солдат.

К вечеру японцы своей стрельбой зажгли канонерку «Бобр». Пожар продолжался целую ночь, и наутро от канонерки остался только обгоревший остов. Так кончило свое существование судно, с которым было связано еще свежее воспоминание о геройском бое под Таку в 1900 году.

Гарнизон с каждым днем все более и более падает духом и отчаивается в возможности отстоять крепость...

17 декабря

По-прежнему холодно, хотя ветер и утих.

Сегодня японцы ожесточенно обстреливали Минный городок, порт и Новый Город. На восточном фронте они с неменьшей энергией бомбардируют 3-е временное укрепление.

Сегодня мне пришлось беседовать с двумя докторами 6-го госпиталя, Белоусовым и Абрамовичем. Раньше их госпиталь помещался в здании областных управлений в Новом Городе. После последних бомбардировок здание это оказалось почти совершенно разрушенным, так как получило до ста 11-дюймовых лиддитовых бомб. После этого госпиталь был переведен в полуоконченные казармы 28-го В.-С. стрелкового полка и в

настоящую минуту битком набит ранеными и больными.

Положение больных очень тяжелое, так как цинготные заболевания не позволяют зарубцеваться ранам. Цинга еще более увеличивается от холода, который постоянно царит в помещении госпиталя.

Крепости угрожает голод...

Последние продовольственные припасы приходят к концу. Завтра режут у нас в коммуне последнего осла.

Сегодня японцы своими снарядами зажгли сарай в нашем Арсенале, в котором сгорели все старые китайские патроны и снаряды, вывезенные нами некогда из Тяньцзиня.

Вчера, одновременно с канонеркой «Бобр», сгорели и богатые склады Азиатской компании.

В последнее время японцы стали нам подбрасывать фотографические карточки, снятые с наших пленных, находящихся у них в Японии. Этим они, очевидно, надеются до известной степени поколебать стойкость нашего гарнизона.

18 декабря

Едва начал брезжить день, как я был разбужен страшной артиллерийской канонадой. Гул стрельбы все усиливался и усиливался.

Оказалось, что японцы начали обстреливать разом все атакованные ими пункты правого фланга, а также и 4-й форт, который своей стрельбой все время сильно мешал их дальнейшему наступлению.

Одно время даже разнеслась весть, что японцы повели на этот форт атаку.

Главный свой удар, однако, они направили на 3-е временное укрепление.

Ожесточенная канонада продолжалась до вечера. Ночью на всем протяжении правого фланга шла сильная ружейная перестрелка.

Точных результатов этого дня пока не знаю.

Энергия и бодрость духа начинают покидать не только офицеров, но и солдат, которые не в состоянии теперь выдерживать того, что так легко переносили раньше.

Вечером узнал от командира 27-го В.-С. стрелкового полка полковника Петруши, что весь резерв левого фланга крепости состоит из 9-й роты слабого состава, писарской команды и «скорбутной роты».

Оригинальный резерв!..

Я знаю несколько офицеров, которые были тяжело ранены и даже ампутированы, но, несмотря на это, считали себя счастливыми, что наконец могли, хоть в госпиталях, отдохнуть от перенесенных ужасов и треволнений. Этот факт лучше всего показывает, насколько тяжела была жизнь и служба на позициях осажденного Порт-Артура. Но и в госпиталях не приходилось им долго отдыхать, так как мало-мальски оправившихся офицеров немедленно опять отправляли на позицию.

В настоящее время героев на новые подвиги почти не находится, энергия у все ослабела, у всех одна только мысль — отдых...

Все чаще и чаще раздаются в крепости голоса о скором падении нашего многострадального Артура...

19 декабря

С раннего утра японцы опять открыли огонь разом по всем позициям нашей крепости.

Самой ожесточенной бомбардировке подвергся одновременно и правый, и левый фланги.

Ружейная трескотня и кудахтанье пулеметов слышались со всех сторон. Трудно было разобраться во всем этом аде стрельбы, трудно было определить даже приблизительно тот пункт, куда был направлен главный удар японцев в этот день. Они, очевидно, решили перейти в наступление разом на всех пунктах.

Достаточно подготовив себе наступление артиллерийским огнем, японцы повели атаку на позицию Голубиной бухты.

Наша пехота, переутомленная и измученная, не могла на этот раз отстоять свою позицию и без особого сопротивления сдала.

Началось беспорядочное отступление... Солдатики прятались в рытвины и за камни, отстреливаясь от наседавшего врага, но удержать напора японцев не могли.

Здесь мне пришлось с очень близкого расстояния наблюдать, как японская пехота стройной цепью бежала вперед и занимала наши окопы. Наступление совершалось в образцовом порядке.

Наши стрелки покинули свои позиции, отступили и стали занимать 41-ю высоту. Особого артиллерийского огня здесь не было, хотя некоторые офицеры и уверяли впоследствии, что японцы их засыпали снарядами.

Около 8 часов вечера мне сообщили печальную весть, что за этот роковой день пал целый ряд наших укреплений, а именно:

батареи Заредутная, Волчья и Курганная, 3-е временное укрепление, Малое Орлиное Гнездо и вся Китайская стена.

Переход всех этих пунктов, вместе с позицией Голубиной бухты, в руки японцев должен самым роковым образом отразиться на дальнейшей судьбе крепости.

Настроение в гарнизоне самое подавленное. Теперь уже открыто раздается масса голосов о полной невозможности дальнейшей обороны крепости...

Госпиталя переполнены новыми многочисленными партиями раненых.

Поздно вечером на батареях была получена телефонограмма: «Не открывать самим огня и тем не раздражать японцев».

Эта телефонограмма привела нас в полное недоумение...

Не долго суждено было нам ждать разрешения этой загадки...

Ночью на Золотой горе был поднят какой-то непонятный для меня сигнал. В то же время в порту, вблизи наших полузатопленных кораблей, я увидел какие-то взрывы... За темнотой ночи трудно было что-либо разобрать.

В Старом Городе что-то горело...

В полночь я вышел из дому. Тихая и темная ночь окутала своим мраком нашу многострадальную крепость. Разные мысли бродили у меня в голове... Я думаю, мало кому спалось...

Всех томило какое-то неясное предчувствие, что в эту тихую, темную ночь должно совершиться что-то ужасное, что-то роковое.

20 декабря

Свершилось!..

Так много разных мыслей наполняют мою голову, что не знаю, с чего и начинать.

Сегодня я окончательно узнал, что наша крепость еще вчера вступила с японцами в переговоры о... сдаче.

Долго не хотелось верить этой ужасной новости. Неужели же в самом деле сдача?.. Неужели не осталось ни малейшей надежды ни на дальнейшее сопротивление, ни на выручку?..

Не могу выразить словами того чувства, которое овладело мной при этом известии: тут была и какая-то неловкость, и вместе с тем тупая боль и досада, что вся наша геройская 11-месячная оборона, стоившая таких жертв, так неожиданно и глупо кончилась...

В полдень я попал в собрание одного полка, куда были приглашены все офицеры. Я заметил, что и они испытывали

какую-то неловкость и неудовлетворенность. Все они по возможности избегали разговаривать о случившемся.

Сегодня я узнал причину виденных мною прошлой ночью взрывов: это наши моряки взрывали все наши суда, краны и проч. Около 10 часов утра сдвинули с места и погрузили в море сидевший уже кормой на мели последний наш броненосец «Севастополь» и канонерку «Отважный».

Единственные уцелевшие шесть наших миноносцев, захватив знамена полков, ушли, кажется, ночью в море, чтобы прорваться в Чифу.

Некоторое время в крепости упорно держался слух, что комендант генерал-лейтенант Смирнов застрелился, другие же уверяли, что он только тяжело ранил себя в голову.

Объясняли это тем, что он все время был против сдачи крепости и теперь, не желая перенести этого позора, решился покончить с собой.

День прошел в каком-то напряженном нервном ожидании.

Днем начали зарывать снаряды и патроны и уничтожать подрывные материалы.

Бездымный порох сожгли.

Но орудия приказано было не портить, хотя у инженеров и в минной роте были уже приготовлены для этой цели подрывные патроны. Несмотря на это запрещение, некоторые командиры батарей все же испортили отдельные части орудий настолько, что привели их в полную негодность.

Вечером я поехал посмотреть на пожарище.

Картина была грандиозная и потрясающая.

Была тихая, теплая ночь.

Горел Минный городок, где время от времени раздавались взрывы снарядов; пылало что-то в Старом и Новом Городе; видно было страшное пожарище в порту, и, наконец, догорали остатки нашего доблестного флота...

Это была предсмертная агония нашего бедного Порт-Артура, это горели русские, народные деньги...

Я весь погрузился в созерцание этой тяжелой картины, пробуждавшей во мне печальные думы. В это время подошел ко мне подвыпивший солдатик и вывел меня из задумчивости следующими словами: «Все горит, все прахом пропадает! Скажите, Ваше Высокоблагородие, за что же мы сражались, за что так страдали, за что столько пролито здесь нашей солдатской крови ?»

Я не мог ничего ответить.

Слезы душили меня...

ПРИКАЗ

по войскам Квантунского укрепленного района
20 декабря 1904 года.
Крепость Порт-Артур

Герои-защитники Артура! 26 января сего года Артур впервые был потрясен выстрелами неприятеля; это миноносцы атаковали нашу эскадру, стоявшую на рейде; с тех пор прошло одиннадцать месяцев. Сначала бомбардировки крепости с моря, затем, начиная с начала мая, бои уже на сухопутье; геройская оборона Киньчжоусской позиции получила справедливую оценку по заслугам. По оставлении нами Киньчжоусской позиции и начались знаменитые бои на передовых позициях, где не знаем, чему удивляться — упорству или настойчивости противника, сосредоточившего против нас большое превосходство сил и особенно артиллерии, или вашей необыкновенной отваге и храбрости и умению нашей полевой артиллерии. Позиции у Суанцайгоу, Талингоу, Юпилазы, Шининцзы, высоты 173-163-86 — Зеленые горы, всегда останутся в памяти у нас, участников и потомства. Все будут удивляться, как отбивались и погибали на Юпилазе и других позициях!..

Начиная с середины мая и до 17 июля вы держали противника вдали от крепости, и только в конце июля он смог обстреливать верки крепости.

Приказ не может указать всех тех геройских подвигов, всего того героизма, который проявлен гарнизоном с 26 января и проявляется по сие время; подойдя к крепости, к нашим ближайшим передовым позициям: Дагушань, Сяоташань, Угловая, Кумирнский. Водопроводный, 1-й и 2-й редуты, вы долго сдерживали противника перед крепостью, а Высокая — сколько она оказала заслуг и геройства.

Иностранцы уже в сентябре диву давались, как мы держимся, не получая ничего извне. Да, действительно, это беспримерное дело. Громадное число убитых и умерших указывает на то упорство, которое проявили войска, и на тот необычайный, нечеловеческий труд, который вы несете, только вы, славные воины Белого Царя, и могли это вынести. Одиннадцатидюймовые бомбы, этот небывалый фактор войны, внесли страшные разрушения, лучше сказать — уничтожение всего; еще недавно, 2 декабря, наш герой генерал-майор Кондратенко с 8 славными офицерами были убиты наповал разрывом подобной бомбы, разорвавшейся в соседнем каземате 2-го форта; никакие преграды и закрытия не спасают от 15-19-пудовых бомб. Все наши госпитали и больницы ныне расстреляны. Суда эскадры через 3-4 дня после занятия Высокой тоже расстреляны. Бетоны на фортах и орудия подбиты. Снаряды почти иссякли или уничтожены;

кроме того, еще цинга; враг этот тоже неумолимый и беспощадный. При всем том, если ваша храбрость, мужество и терпение не имеют границ, то всему есть пределы, — есть предел и сопротивлению. По мере сближения неприятель подводил и батареи, и наконец Артур был опоясан кольцом; начались штурмы, начиная с августа, в продолжение сентября, октября, ноября и декабря. Штурмы эти не имеют ничего похожего во всей военной истории; на этих штурмах об ваши груди, как об скалы, разбилась многочисленная армия храброго врага. Пользуясь превосходством огня на самых близких расстояниях, артиллерия наносила нам всегда огромный вред. Наконец, все порасходовали, а главное — защитников: из 40 тысяч гарнизона на 27-верстной обороне осталось менее 9 тысяч и то полубольных. При таких обстоятельствах и после взятия противником главнейшего форта № 3, укрепления № 3 и всей Китайской стены, Куропаткинского люнета, батареи Лит. В., то есть почти всего восточного фронта и на западном до Ляотешаня, продолжать оборону значило подвергать ежедневно бесполезному убийству войска наши, сохранение коих есть долг всякого начальника. Я с полным прискорбием в душе, но и с полным убеждением, что исполняю священный долг, решился прекратить борьбу и, установив наивыгоднейшие условия, очистить крепость, которая теперь уже, с потоплением судов эскадры, не имеет важного значения; оттянуть силы неприятеля от главной армии: мы выполнили это; более 100-тысячной армии разбилось о ваши груди. Я с сокрушением в сердце, но и с полнейшим убеждением, что исполнил священный долг перед Царем и Отечеством, решил оставить крепость.

Славные герои, тяжело после 11-месячной обороны оставить крепость, но я решил это сделать, убедившись, что дальнейшее сопротивление даст только бесполезные потери воинов, со славой дравшихся с 26 января. Великий Государь наш и дорогая Родина не будут судить нас. Дела ваши известны всему миру, и все восхищались ими. Беру на себя смелость, как генерал-адъютант Его Величества, благодарить вас Именем Государя Императора за вашу беспримерную храбрость и за беспримерные труды во все время тяжелой осады, осады, вырвавшей из строя более 34 тысяч защитников. С чувством благоговения, осенив себя крестным знамением, помянем славные имена доблестных защитников, на полях брани за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших, начиная от генералов до рядовых борцов. Великое спасибо вам, дорогие храбрые товарищи, за все вами содеянное!.. Долгом почитаю принести мою благодарность доблестным начальникам вашим, моим сотрудникам в боевых делах. Благодарю

беззаветных тружеников врачей, ветеринаров, Красный Крест и сестер. Благодарю всех тех, кои оказали обороне услуги: велосипедистов, извозчиков и др. Объявляя заслуженную благодарность оставшимся в живых и достойным начальникам вашим, почтим, боевые товарищи, память павших со славою и честью во всех боях и битвах сей кровопролитной кампании. Да ниспошлет Господь мир праху их, а память о них вечно будет жить в сердце благодарного потомства.

Условия передачи будут объявлены в приказе. Ныне и впредь до возвращения на родину вы поведете себя как достойным воинам надлежит, и в годину нашего тяжелого испытания будете молиться Господу, и не омрачите славного имени никаким недостойным проступком, помня, что на вас смотрят Царь, Россия и все державы. Надо, чтобы знали и ведали, что русский воин тверд и в счастье, и в тяжелом, Богом посылаемом, испытании.

Начальник Квантунского укрепленного района
генерал-адъютант *Стессель*

21 декабря

Целую ночь я не мог сомкнуть глаз.

Масса самых разнообразных мыслей переполняла мою больную голову...

Около часу ночи я получил телефонограмму с приказанием быть 21 декабря в 9 часов утра у Краматорной Импани в комиссии по сдаче.

Разбудив людей, я начал разбираться.

Рано утром я должен был покинуть свое скромное жилище на одном из фортов, где я прожил около 4 месяцев и где было пережито так много душевных треволнений.

Сердце мое сжалось.

Мне тяжело было оставлять те места, где я проработал почти семь лет, где так много потрачено и труда и энергии. Мне стали дороги эти голые, мертвые скалы, так обильно политые теперь русской кровью...

Все это надо было бросить, со всем этим надо было проститься...

Когда я предавался моим печальным размышлениям, в комнату вошел старый запасный солдат, приехавший со мной в Артур еще во время его занятия нашими войсками в 1898 году.

На глазах у него дрожали слезы. Этот бравый служака, видевший и перенесший так много, теперь мог только вымолвить:

— Ваше Высокоблагородие, сдались!.

Нервы не выдержали, и я вместе с ним разрыдался...

Горечь тоски моей вылилась в этих невольных слезах...

Мне жаль было моего Артура.

В 9 часов утра я был у Краматорной Импани.

С одной стороны проволочного заграждения стояли русские офицеры, а с другой — японцы. Последние были несколько надменны, но держали себя вполне корректно.

На наше первое свидание приехали и вылезшие на свет Божий многие из дачных «пещерников».

Давненько мы их не видели!

Теперь вся эта публика расхаживала здесь с важным и озабоченным видом.

Переводчиков у нас своих не было, и пришлось пользоваться японскими.

Здесь я познакомился с японским офицером Генерального штаба, который знал немецкий язык. Мы разговорились.

Он сообщил мне, что генерал Куропаткин находится на Шахэ, а Балтийская эскадра около берегов Африки...

«Так вот где наша выручка!» — подумал я.

От этого же офицера я услышал первый комплимент за поразительную оборону Порт-Артура. Но вместе с тем он выразил полное свое недоумение по поводу столь неожиданной для них сдачи.

«Мы предполагали, что вы будете обороняться до самой центральной ограды», — говорил мне японец. Мне стало как-то неловко.

От него же я узнал, что потери японцев под Порт-Артуром, по их собственному подсчету, доходили до 55 тысяч, на Зеленых горах — до 10 тысяч, на Цзиньчжоусской позиции — до 5 тысяч.

Всего, следовательно, Артур японцам обошелся в 70 000 человек!

В город японцы вошли небольшими партиями и тотчас же начали в нем хозяйничать. Прежде всего они быстро поставили телефонный провод.

Наши же солдаты первым делом начали пьянствовать и безобразничать. Я удивлялся, где только они успели добыть водки.

Гарнизон начал разоружаться.

В крепости поднялась суета и бестолочь. Никаких определенных распоряжений ни у кого из нашего начальства, по обыкновению, нельзя было добиться.

(В конце концов автору удалось ознакомиться с документами капитуляции, которые он и приводит в дневнике.)

КАПИТУЛЯЦИЯ КРЕПОСТИ ПОРТ-АРТУР

Статья первая

Русская армия, флот, охотники и должностные лица крепости и в водах Порт-Артура становятся военнопленными.

Статья вторая

Все форты и батареи, броненосцы, корабли, лодки, оружие, амуниция, лошади и все другие предметы войны, равно как и деньги и другие предметы, принадлежащие Русскому правительству, должны быть переданы Японской армии в том виде, в котором находятся в данный момент.

Статья третья

Если две предыдущие статьи будут приняты, то, в виде гарантии за точное исполнение, Русская армия и флот должны вывести все гарнизоны из всех фортов и батарей на Исудзань, Шоашизань, Тайаншиншинзань и со всей цепи холмов на юго-востоке от вышепоименованных гор и передать форты и батареи Японской армии 3 января до полудня.

Статья четвертая

Если будет замечено, что Русская армия и флот разрушают и каким бы то ни было способом изменяют настоящее состояние предметов, помеченные в статье второй, после подписания капитуляции, Японская армия прекратит всякие переговоры и будет иметь свободу действий.

Статья пятая

Русские военные и морские власти должны выбрать и передать Японской армии планы укреплений Порт-Артура и карту с указанием мест фугасов, подводных мин и других опасных предметов, таблицу организации армии и флота, находящегося в Порт-Артуре, номенклатуру военных и морских офицеров, определяющую их чин и обязанности, то же самое относительно военных и гражданских чиновников, то же самое о броненосцах, кораблях и лодках с номенклатурой их экипажа и таблицу, показывающую число, пол, расу и профессию мирных жителей.

Статья шестая

Все оружие (включая и носимое частными лицами, амуниция, предметы, принадлежащие Правительству, лошади, броненосцы, корабли и лодки со всем находящимся на них) кроме частного имущества должны быть в порядке содержимы на прежних местах. Способ передачи их должен быть решен русско-японским комитетом.

Статья седьмая

В воздаяние почести храбрым защитникам Порт-Артура русским военным и морским офицерам и чиновникам разрешается носить холодное оружие и иметь при себе предметы, необходимые для их жизни, и решено, что те из офицеров, охотников и чиновников, которые дадут письменное обещание не браться снова за оружие и ни в каком случае не действовать против интересов Японии во время настоящей войны, могут отправиться на свою родину.

Каждый офицер имеет право иметь одного денщика, который, как исключение, освобождается от письменного обещания.

Статья восьмая

Обезоруженные унтер-офицеры, солдаты и моряки Русской армии и флота, а также охотники должны двинуться целыми частями под командой их непосредственных офицеров к месту сбора, указанному Японской армией, в присвоенной им военной форме, имея при себе походные палатки и собственные вещи первой необходимости. Детали этого будут указаны японским комитетом.

Статья девятая

Для ухода за больными и ранеными и обеспечения пленных санитарный персонал и интендантская часть Русской армии и флота в Порт-Артуре должны оставаться до тех пор, пока Японская армия считает их необходимыми, и оказывать услуги под управлением японских санитарных и интендантских чинов.

Статья десятая

Размещение частных жителей, передача административных дел и финансов города вместе с документами относительно последних и другие дела, связанные с исполнением настоящей капитуляции, должны быть рассматриваемы в дополнении, которое имеет такую же обязательную силу, как и статьи капитуляции.

Статья одиннадцатая

Настоящая капитуляция должна быть подписана уполномоченными обеих сторон и вступить в силу тотчас же после подписания.

Шуй-Ши-Ин, 2 января 1905 года.

(Подписи)

Переводил прапорщик *Малченко*

ДОПОЛНЕНИЕ к капитуляции Порт-Артура, подписанной 2 января 1905 г.

Разъяснение I

Для исполнения капитуляции должны быть назначены Японскими и Русскими властями следующие комитеты:

I) Комитет относительно 6-й статьи капитуляции, состоящей из:

а) подкомиссии для фортов, батарей орудия, амуниции и проч. на суше;

б) подкомиссии для броненосцев, кораблей и лодок;

в) подкомиссии для провиантских складов;

д) подкомиссии для удаления опасных предметов.

II) Комитет относительно 8-й статьи капитуляции;

III) Комитет относительно 9-й статьи капитуляции;

IV) Комитет относительно 10-й статьи капитуляции.

Разъяснение II

Комитеты, упомянутые в разъяснении первом, должны быть в Шуй-Ши-Ине ровно в 9 часов утра 3 января и приступить к исполнению возложенных на них обязанностей.

Разъяснение III

Армия и флот, находящиеся в крепости Порт-Артур, должны выступить по частям согласно установленному Японской армией плану так, чтобы голова колонны прибыла к восточному концу крепости ровно в 9 часов утра 5 января для получения приказаний от комитета согласно 8-й статьи капитуляции. Только офицерам и чиновникам позволено иметь холодное оружие. Унтер-офицерам, солдатам, матросам не разрешается иметь никакого оружия.

Все лица ниже офицеров должны иметь при себе на одни сутки провизии.

Разъяснение IV

Русские должностные лица, не принадлежащие к армии или флоту, должны образовать группы по специальностям и следовать за войсками, упомянутыми в разъяснении третьем. Те должностные лица, которые не были внесены в списки волонтеров, должны быть освобождены без всякого обещания.

Разъяснение V

Для передачи фортов, батарей, зданий, складов и прочих предметов должны быть назначены по несколько офицеров, унтер-офицеров и других лиц и таковым остаться там, где эти предметы находятся.

Разъяснение VI

Лица, входящие в состав Русской армии и флота, добровольцы и должностные лица, которые будут носить оружие после 9 часов утра 5 января или же явятся на место сбора, подвергнутся достойному обращению со стороны Японской

армии, кроме больных и раненых.

Разъяснение VII

Необходимые предметы, составляющие часть собственности офицеров, гражданских чиновников и должностных лиц, помеченные в седьмой статье капитуляции, будут подвергнуты осмотру, если сочтут нужным, и их багаж не должен превышать веса, дозволенного офицерам соответствующего чина Японской армии.

Разъяснение VIII

Военные и морские госпитали и госпитальные суда в Порт-Артуре будут осмотрены японским комитетом и будут использованы согласно правилам, выработанным этой комиссией.

Разъяснение IX

Мирные жители могут продолжать спокойно жить, и тем из них, которые пожелают оставить Порт-Артур, будет разрешено взять с собой всю их частную собственность. Семействам офицеров и чиновников, которые пожелают уехать, Японская армия представит все удобства, какие в ее силах.

Разъяснение X

Если Японская армия найдет нужным некоторых из жителей Порт-Артура выселить, то они обязаны сделать это своевременно и путем, указанным сей армией.

Разъяснение XI

Русский комитет, помеченный в десятой статье капитуляции, должен сообщить условия администрации и финансов и передать тому же комитету все документы и общественные суммы, относящиеся к этим делам.

Разъяснение XII

Японские военные пленные, находящиеся теперь в Порт-Артуре, должны быть переданы японскому комитету, упомянутому в девятой статье капитуляции в 3 часа пп. 3 января.

Шуй-Ши-Ин.

2-го января 1905 года.

Составлена в двух экземплярах и подписана уполномоченными.

Переводил прапорщик *Малченко*

22 декабря

Сегодня получил приказ о назначении меня в комиссию по сдаче батарей Тигрового полуострова японцам.

Откровенно говоря, мне было как-то особенно горько и

обидно, что именно мне приходится сдавать японцам то, над чем я проработал почти семь лет моей жизни в Артуре.

На пристани у порта я встретился с капитаном Битнером, и мы вместе с японскими офицерами отправились на Тигровый полуостров.

В числе японцев один оказался православным и отлично владел русским языком. Кроме того, с нами ехал еще переводчик, который был одет в русское офицерское пальто с серебряными пуговицами с орлами. Этот последний подошел к нам и, хихикая, обратился ко мне:

— А я вас хорошо знаю.

Оказывается, этот японец еще до войны долгое время жил и работал в фотографии г-на Грибанова. Очевидно, кроме работы в фотографии, он между прочим занимался и шпионством.

Одновременно с нами японская рота в полном порядке села на баркас и переправилась через пролив на Тигровый полуостров.

Сначала мы взошли на Артиллерийскую батарею. Здесь японцы получили от нас четыре 6-дюймовых орудия в 190 пудов и по 5 снарядов на каждое орудие.

Приняв орудия, японцы подошли ко мне и попросили выдать им и таблицы стрельбы. Я с самым невинным видом начал уверять их, что мы стреляем без всяких таблиц, прямо на глазок. Японцы, конечно, этому не верили и, лукаво улыбаясь, очевидно, считали меня за необыкновенного нахала.

К несчастью, все дело испортил не в меру услужливый командир этой батареи, штабс-капитан Х., который неожиданно принес и передал японским офицерам свои таблицы.

Те чрезвычайно обрадовались, благодарили любезного штабс-капитана, а в мою сторону кидали самые недружелюбные взгляды.

Я сделал вид, что не заметил поступка нашего не в меру наивного штабс-капитана.

Японцы долго и внимательно осматривали наши орудия, удивлялись малому количеству оставшихся снарядов и наконец, в довершение всего, потребовали показать им все приемы заряжания орудий. Но против этого я решительно восстал и наотрез отказался исполнить их требование.

Японцы опять на меня покосились. Я же нарочно продолжал шутить самым развязным образом.

— Охота вам, — говорил я японцам, — учиться еще стрелять из наших пушек, все равно скоро их нам отдадите обратно. Ну а когда я приеду к вам с генералом Куропаткиным в Токио, то буду принимать от вас пушки и без такого подробного осмотра.

Японцы громко смеялись и, очевидно, были поражены моим

нахальством.

Вскоре мы дошли до большого склада слесарных инструментов, принадлежавшего Артиллерийскому ведомству. Инструменты были совершенно новые.

Здесь я заметил, что в глазах у японцев сверкнул какой-то огонек. Они, очевидно, поняли, что перед ними богатая добыча. Действительно, склад стоит около сорока тысяч рублей.

Здесь японцы опять набросились на нас и стали требовать описи, но ее при нас не оказалось. Японцы, привыкшие к строгому порядку во всем, были прямо поражены на каждом шагу полным его отсутствием у нас, русских.

Требования описи были не только настойчивы, но носили даже угрожающий характер. С величайшим трудом удалось мне успокоить и убедить японцев, что требуемые описи они могут получить впоследствии в Артиллерийском управлении.

На 9-й батарее японцам достались три 6-дюймовые пушки Канэ, сильно расстреленные. Две другие пушки совершенно испорчены: одна из них была подбита японским снарядом, другая разорвалась во время собственного выстрела.

Дальнейшее сопутствование японцам в их путешествии по батареям я считал для себя совершенно излишним, почему раскланялся и уехал назад в город.

* * *

Все правительственные учреждения в городе были закрыты.

Японцы группами разъезжали и расхаживали по нашему Артуру.

Среди наших солдат еще днем началось повальное пьянство и неразлучно связанные с ним безобразия и буйства. К вечеру и особенно ночью бесчинства, творимые солдатами и матросами, достигли угрожающих размеров. Проезжая вечером по Новому Городу, я слыхал в разных местах крики и выстрелы. Ночью наши солдаты подожгли казармы 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, которые и горели целую ночь.

Днем матросы и солдаты разбили типографию «Нового края» и уничтожили находившийся там склад газет за пять лет.

Самому беспощадному разграблению подвергся магазин Чурина. Материи рвались тут же на улице на куски...

Все эти безобразия принуждали японцев поспешить с выводом нашего гарнизона из крепости.

23 декабря

Погода чудная. Тепло.

Сегодня с раннего утра начали выводить гарнизон из крепости.

Всю квартирную обстановку, вещи, белье, платье и вообще всю утварь пришлось оставить.

Согласно капитуляции, можно было взять только самые необходимые вещи, в общей сложности не более пуда.

Проходя по Новому Городу, я увидел новое пожарище. Оказывается, наши солдаты зажгли казармы 12-го В.-С. стрелкового полка, а недалеко от 5-го временного укрепления — Саперные казармы. Внутри последних, вероятно, нарочно была положена масса ружейных патронов, так что пожарище сопровождалось все время взрывами целых ящиков их зараз.

Вдали у подошвы «Новой батареи» горела лесопилка китайского купца Тайхо.

Не обошлось и без кровавых столкновений.

Трое наших солдат, напившись, полезли грабить, а может быть, и поджигать цейхгаузы одного полка. К зданию этому были уже приставлены японские часовые. Японцы всячески старались отогнать наших солдат, но все их усилия были тщетны: наши буяны продолжали лезть, не обращая никакого внимания на часовых. Тогда те примкнули штыки и... перекололи не в меру расходившихся наших солдат.

Приемка нашего гарнизона сильно затягивается. Сегодня за весь день успели принять только 5-й и 16-й В.-С. стрелковые полки.

Вечером пришлось вернуться для ночлега назад в город. Японцы хозяйничали, распоряжаясь в нашем Артуре с замечательным умением, но держали себя вполне корректно...

24 декабря

Погода стоит отличная.

Вчера ночью наши солдаты бросились грабить магазин золотых вещей г-на Вирта. Разбили его помещение, а внутри все перебили и часть успели разграбить.

Вообще, насколько поведение «победителей» поражает каждого своей корректностью, настолько поведение «побежденных» отличается безобразием и буйством.

Сегодня утром японцы принимали 14-й В.-С. стрелковый полк.

Генерал Фок, находясь в обществе офицеров Генерального

штаба Японской армии, пропускал мимо себя части нашего гарнизона.

14-й полк что-то замешкался, тогда генерал Фок неожиданно крикнул:

— Где 14-й полк?! Всегда и везде опаздывает! Передайте командиру полка, полковнику Савицкому, чтобы он не боялся, здесь не стреляют!

Такие оскорбительные слова были брошены тому самому славному 14-му полку, который потерял за время осады три четверти своего состава и командир которого, полковник Савицкий, был ранен!

Выходка генерала Фока поразила всех своей бестактностью. К тому же добрая половина офицеров японского Генерального штаба, окружавших генерала Фока, понимала по-русски и, вероятно, немало была удивлена, слыша, как русский генерал «приветствует» свой боевой полк.

Проезжая сегодня по Новому Городу, я видел большой вьючный караван японского Красного Креста, который направлялся к нашим госпиталям. Наше же начальство, в пылу общей сумятицы и растерянности, совершенно забыло о несчастных больных и раненых.

Переговоры по капитуляции крепости велись тремя офицерами нашего Генерального штаба, а именно: полковником Рейсом и подполковниками Дмитриевским и Хвостовым.

Единственная льгота, которую удалось выговорить у японцев, была возможность отъезда в Россию всем офицерам; давшим соответствующую подписку.

Государь Император своей телеграммой разрешил желающим гг. офицерам вернуться в Россию, а остальным предложил «разделить тяжелую участь своих солдат в японском плену».

Комендант, генерал-лейтенант Смирнов, первый заявил, что идет в плен, и сейчас же послал об этом донесение генерал-адъютанту Стесселю.

Среди остальных офицеров начались колебания. В конце концов после долгого обсуждения решили ехать в Россию:

Генерал-адъютант Стессель и весь его штаб во главе с полковником Рейсом.

Все офицеры Генерального штаба и военные инженеры.

Командиры бригад, генерал-майоры Надеин и Горбатовский.

Командиры полков:

5-го В.-С. стрелкового полковник Третьяков.

14-го — полковник Савицкий.

15-го — полковник Грязнов.

25-го — подполковники: Некрашевич, Поклад.

27-го — полковник Петруша.

28-го полковник Мурман.

Командир минной роты подполковник Бородатов.

Командир 2-й батареи 7-го В.-С. стрелкового дивизиона Швиндт.

Остальных не помню.

В плен пожелали идти:

Комендант крепости генерал-лейтенант Смирнов.

Командир крепостной артиллерии генерал-майор Белый и большинство его офицеров.

Командир 26-го полка полковник Семенов и большинство его офицеров.

Командир саперной роты подполковник Жеребцов.

Командир телеграфной роты подполковник Глоба и все его офицеры.

Командиры артиллерийских дивизионов полковники Ирман и князь Мехмандаров и большинство офицеров полевой артиллерии.

Генерал-лейтенанты Фок и Никитин.

Кроме того, много пошло в плен и офицеров флота.

Все войска наши проходили мимо японских офицеров, которые их выстраивали, точно пересчитывали и направляли по дороге в г. Дальний.

Офицеры, желающие ехать в Россию, входили в особую палатку, над которой стояла надпись «Место клятвы», и расписывались на разложенных там листах.

На заголовке листов было написано:

«Мы, нижеподписавшиеся, объявляем под клятвой не поднимать оружия и не действовать никаким способом против интересов Японии до самого конца настоящей войны».

Около проволочного заграждения, в ворота которого дефилировали наши войска, стояла кучка японских офицеров и солдат.

Никаких воинских почестей японские войска нам не отдавали. Такое пренебрежение действовало на всех нас самым угнетающим образом.

К стыду нашему, никто из нашего начальства не знал точно численности гарнизона крепости. Все мы потому с нетерпением ждали, когда японцы нас пересчитают и сообщат нам, наконец, точную его цифру.

Вообще приходится сознаться, что насколько точно и определенно было все расписано и распределено у японцев, настолько у нас во всем царила полная бестолковщина. Чем занято было наше начальство и штабы, никто не знал.

Могу сказать только одно, что если и происходили какие-нибудь задержки и недоразумения, то исключительно по вине нашего же начальства.

Нужно заметить, что количество пленных нижних чинов стало значительно больше того количества, которое значилось в частях по последним спискам. Происходило это оттого, что всех больных и раненых мало-мальски поправившихся велено было выписать из госпиталей и отправить в свои части. Эти несчастные, полубольные, едва державшиеся на ногах, рвались теперь попасть в свои роты, чтобы в плену находиться в близком кругу своих боевых товарищей.

Кроме того, выползли на свет Божий и те, которые всю осаду преспокойно отсидели в разных «пещерах» и «блиндажах». Теперь, когда всякая опасность миновала, они, конечно, всячески стремились протиснуться вперед и первыми уйти в г. Дальний.

25 декабря

Сегодня, после множества хлопот и суеты, японцы нас, наконец, пересчитали, переписали и приняли. Это было уже под вечер. На ночь японцы нас отправили в одну из ближайших деревень. В этой-то разрушенной деревушке нам, маленькой группе офицеров, и пришлось переночевать.

Единственная уцелевшая фанза (изба) была занята японским майором и его офицерами.

Мы начали роптать.

К нам вышел маленький подвижный японский офицер, который довольно прилично говорил по-французски и по-немецки.

Я обратился к нему и объяснил ему причину нашего недовольства.

Офицер тотчас же вызвал нескольких японских солдат, которые тут же начали из досок и циновок строить нам шалаш, несмотря на то что мы сами имели в эшелоне целую роту саперов.

Через каких-нибудь полчаса шалаш был готов, и мы, «побежденные», разлеглись в нем на ночевку.

Тот же офицер попросил сообщить ему сведения о количестве нижних чинов и офицеров и выдал нам провизию: галеты, мясные консервы, прекрасный буковый уголь для костров и овес для лошадей.

Офицерам в виде особого внимания было принесено 5 бутылок рома и 6 бутылок виски.

Немного спустя ко мне пришел опять тот же японский офицер и сказал, что он готов всем нашим солдатам выдать на ночь циновки, но с тем условием, чтобы их ему потом вернули.

Дело в том, что прошлой ночью войска наши, ночевавшие на этом же месте, сожгли все выданные им циновки, а между тем их так трудно здесь достать, да и в обыкновенное время каждая из них стоит около 50 копеек.

Я спросил начальников отдельных частей, могут ли они поручиться, что солдаты их не растеряют и не сожгут циновки и тем не введут японцев в лишние расходы.

Наши командиры ответили отрицательно, и нашим солдатикам так и пришлось ночевать на сырой земле.

Расположившись в нашей палатке, мы затащили к нам японского офицерика поужинать и выпить.

Исполнив все свои служебные обязанности, маленький японец залез, наконец, хихикая, к нам в палатку. Поднося ему рюмку за рюмкой, мы, наконец, напоили нашего победителя. Нашелся среди нас капитан Р., говоривший немного по-японски, который и начал рассказывать веселые анекдоты на японском языке, от которых маленький японец прямо помирал со смеху.

Капитан Р., между прочим, показал японцу чудные золотые часы с массой брелков и с веселой картинкой под нижней крышкой.

Японец был в восторге и хохотал до упаду. Дорогая вещь, однако, произвела на него, по-видимому, сильное впечатление. Обернувшись ко мне, он сказал по-немецки, что был бы очень доволен, если бы русские офицеры подарили ему что-нибудь на память.

После обсуждения этого вопроса компания решила отцепить у капитана Р. один из его бесчисленных брелков и подарить, японцу. Это было тотчас исполнено, и японец получил на память золотой складной карандаш, чем и был страшно доволен.

Я от него получил визитную карточку (...).

Этот японский капитан, по его словам, несколько раз участвовал в сражениях, был ранен под Высокой горой в сентябрьских штурмах, затем ездил в Японию лечиться, после этого штурмовал наши позиции на Малой Голубиной бухте в декабре и, наконец, на днях должен был выступить со своим полком к Мукдену.

Из его слов выяснилось, между прочим, что под Артуром до последней минуты было сосредоточено для ведения осады более сорока тысяч японских войск.

Большинство этих войск под командой генерала Ноги должны были на днях выступить на север.

26 декабря

Все встали рано.

Наскоро закусив, мы собрались в дальнейший путь.

Любезность и услужливость японцев и на этот раз нам помогли. Они взяли часть наших вещей на своих вьючных лошадей и вызвались доставить все это до станции железной дороги.

Мы тронулись в путь.

Часть офицеров шла пешком, часть ехала в своих экипажах.

День был отличный. Было так тепло, что многие шли, расстегнув пальто.

Японцы вели нас к Дальнему далеким кружным путем. Делалось это для того, чтобы мы не могли рассмотреть их осадных работ.

Однако кое-что все-таки удалось увидеть.

Осадные работы японцев под Артуром поражали своими грандиозными размерами. По всем позициям, например, были проведены переносные железные дороги.

В одном месте мы встретили группу японцев человек в 30, которые на лямках везли 120-миллиметровое орудие с удивительной быстротой, почти на рысях. Все было обдумано до мелочей и пригнано замечательно аккуратно, и громадное тяжелое орудие под дружные крики японцев-кули: «Гейша, гейша!» — быстро двигалось от Артура на север к армии генерала Куропаткина.

Здесь я обратил внимание, что одно колесо у орудия было подбито и испорчено. Очевидно, один из наших снарядов упал вблизи этого орудия и, конечно, вывел кого-нибудь из строя.

Наш эшелон конвоировался весьма небольшим отрядом пехоты, под командой одного офицера. На полпути нам сделали привал и роздали консервы.

Привал наш находился недалеко от громадного интендантского склада. Я из любопытства пошел его осматривать.

Бунты с мешками, ящики с консервами, прессованное сено, древесный уголь в особых мешках из рогожи и пр. — все это лежало в удивительном порядке.

Здесь я обратил внимание на запасы свежей китайской капусты, аккуратно разложенной на особых стеллажах из бамбука.

Всему этому порядку и чистоте, я думаю, позавидовали бы

даже немцы.

К железной дороге, на одиннадцатую версту, мы прибыли поздно вечером.

Сделав не менее 24 верст, мы все страшно устали.

В этом месте, около самой железной дороги, японцы поставили нам большие парусиновые палатки, внутри которых стояли железные печки. Кое-как закусив, мы легли опять на голую землю, подложив лишь под себя по циновке.

Ночь была хотя и без ветра, но очень холодная. Железная печь быстро остывала, лишь только в нее переставали подкладывать новые порции угля.

Все мы сильно мерзли и кутались в свои единственные пальто.

Однако, несмотря на холод и неудобства, все скоро заснули, утомленные большим дневным переходом.

27 декабря

За ночь все сильно промерзли и простудились, так что утром большинство кашляло.

После долгих хлопот мне удалось в полдень выехать в г. Дальний на поезде, который вез пленных артиллеристов Квантунской крепостной артиллерии.

Часть офицеров попала в закрытый вагон, а остальным пришлось ехать на открытых платформах.

По приезде в г. Дальний нас пропустили через карантин, где доктор подробно осматривал каждого. Кроме того, нас здесь снова точно пересчитали.

После всей этой процедуры мы наконец вошли в самый город.

На улицах царило сильное оживление. Масса китайцев и японцев с величайшим любопытством и даже удивлением смотрела на толпу русских офицеров, уныло бредущих пешком под слабым конвоем японских солдат.

Думаю, что мы представляли собой не особенно веселую картину.

Наконец мы добрались до недостроенного здания, предназначавшегося некогда для мужской и женской гимназии.

Здесь нас снова переписали. Тем, кто выразил желание ехать в Россию и дал требуемую подписку, надели на левый рукав синюю повязку.

Перед входом здания, где мы должны были ждать парохода, выставлен был большой деревянный щит с надписью: «Квартира

для плена».

В этой-то «квартире для плена» нас и разместили самым ужасным образом.

О каких-либо удобствах не было и помину.

Здание было едва приспособлено для жилья. Часть окон была заделана, в остальных вставлены маленькие переплеты.

Вообще помещение это очень напоминало пересылочную тюрьму.

Я вместе с остальными товарищами по несчастью расположился на полу в большой комнате.

Посередине нашего помещения был поставлен большой деревянный ящик с золой, и на ней горел японский древесный уголь. На этой импровизированной жаровне готовили себе ужин. Сообразительные денщики умудрились достать какую-то сковородку, и на ней шипела аппетитная яичница с ветчиной.

Посмотрел я на это соблазнительное яство, проглотил набежавшую в рот слюну и невольно подумал: «Ведь всего семь дней тому назад в Порт-Артуре за это самое блюдо пришлось бы заплатить бешеные деньги. Десяток яиц еще, пожалуй, можно было бы достать по 2 руб. за штуку, но что касается ветчины, то ее добыть было еще труднее».

Соблазненный зрелищем вкусного блюда, я отдал и своему юркому вестовому соответствующее распоряжение, а сам, предвкушая будущее блаженство, лег на полу, на грязный соломенный японский тюфяк, и задумался.

Итак, я в плену: грязный, немытый, обросший бородой, в грязном засаленном сюртуке и порванном пальто, голодный и усталый нравственно и физически, лежу на соломе в комнате, похожей скорее на хлев, чем на человеческое жилье...

Вспомнились мне слова гальского полководца Брена, воскликнувшего при взятии Рима: «Горе побежденным!»

Да, мы побеждены, и это наш справедливый удел...

Мысли мои начали путаться, и я заснул...

— Ваше Высокоблагородие, яичница готова, — раздалось внезапно у меня над ухом.

Я вскочил, протер глаза и подошел к столу, где кроме яичницы мой нижегородец умудрился зажарить и курицу.

Оказывается, что у японских солдат можно было достать решительно все, конечно, за приличное вознаграждение. Оно, впрочем, было пустяками сравнительно с теми ценами, которые господствовали у нас в последние дни в Порт-Артуре.

Вечером явился к нам японский переводчик, который и выдал нам так называемый «казенный паек», а именно на 25 человек офицеров нам отпустили: 5 белых хлебов, одну коробку масла и

одну средней величины коробку корибефа[6].

При этом японец извинился за японское начальство, которое, ввиду внезапного падения Порт-Артура, не могло устроить гг. офицеров более удобно.

Здесь же, в разговоре с моими сожителями, офицерами, я узнал приблизительную цифру Артурского гарнизона, который сдался японцам и вышел из крепости.

Вот эти цифры:

4-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия

5-й В.-С. стрелковый полк — 1245 чел.
13-й « — 638 чел.
14-й « — до 800 чел.
15-й « — до 1400 чел.
16-й « — до 900 чел.

1-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия

25-й В.-Сиб. стрелковый полк — до 1520 чел.
26-й « — до 1000 чел.
27-й « — до 2297 чел.
28-й « — до 2480 чел.
Квантунская крепостная артиллерия — до 2860 чел.
Саперная рота — до 268 чел.
Телеграфная — до 60 чел.
Минная — до 143 чел.
Железнодорожная рота — до 150 чел.
Полевой артиллерии — до 1100 чел.
Моряков — до 5600 чел.

Более точных цифр узнать было нельзя, они были известны только японцам...

Таким образом, всего из крепости вышло приблизительно до 22 381 человек, не считая гг. офицеров.

Откровенно говоря, я никак не ожидал такой большой цифры.

Тут я невольно вспомнил слова одного солдатика, произнесенные им еще во время дефилирования наших войск перед японскими счетчиками при выходе из Артура: «На позициях-то никого не видать было, а домой-то теперь народу сколько прет!»

И он был прав...

Правда, среди них была масса раненых и больных, совершенно негодных для строя. Объясняется все это, во-первых, приказом генерала Стесселя, а во-вторых, и их собственным желанием идти в японский плен вместе со своей ротой и боевыми товарищами.

Странно только одно, что штаб укрепленного района всегда давал нам во время осады цифры нашего гарнизона гораздо меньшие.

Здесь я случайно познакомился со штабс-капитаном 13-го В.-С. стрелкового полка Балиным, который сообщил мне приблизительное число своих солдат, которые до конца находились на позиции и оттуда прямо были сняты и уведены в плен.

Таким образом, 13-й полк, имевший в начале осады более 3000 человек, оставил выбывших из строя при обороне Порт-Артура 2340 человек. Из числа идущих в плен половина была больных и раненых.

Надо, однако, думать, что наибольшие потери были в 5-м В.-С. стрелковом полку, который в течение осады три раза наполнял свой состав из запасных батальонов, денщиков и госпитальных команд.

28 декабря

Ночью произошел неприятный инцидент. Двое наших зауряд-прапорщиков успели до того напиться, что завязали между собой драку. Японцам пришлось вмешаться в дело и связать этих «русских варваров»...

Около 10 часов утра всех офицеров, которые дали подписку, вывели на двор и начали снова пересчитывать. Однако это оказалось не столь легко выполнимо. Офицеры то сходили с места, то совсем уходили, то вдруг опять появлялись.

Единственного японского переводчика совсем сбили с толку своими расспросами: когда поедем, куда приедем, где Куропаткин, где наш флот, купите мне пива, как мне быть с вещами, на каком пароходе повезут нас в Россию и т. д. и т. п.

Кое-как, отбиваясь от всей этой надоедливой публики, переводчик роздал нам билеты на пароход, и мы пешком отправились к пристани.

Проходя по городу, я обратил внимание на громадные склады японского интендантства. Тут лежали груды мешков, угля,

консервов, прессованного сена и т. п. Все бунты были удивительно аккуратно покрыты циновками и брезентами.

Тут же мы увидели массу 11-дюймовых лиддитовых снарядов, которые не успели доехать до Артура.

При виде всего этого опять невольно подумаешь: какую отличную службу сослужил японцам наш город Дальний и как мы были близоруки и самонадеянны...

Около самого парохода нам пришлось еще довольно долго дожидаться.

Здесь со всех сторон японцы снимали с нас фотографии.

Вскоре были вызваны на пароход сперва штаб-офицеры, а вслед за ними и остальное офицерство.

После неизбежной в этих случаях сутолоки и перебранки гг. офицеры кое-как наконец разобрались и разместились. Немного спустя подали нам обед, который состоял из супа, большой порции мяса с картошкой и блинчиков.

Салфеток почему-то не дали. Уж не подумали ли японцы, что мы настолько одичали, что начнем в них сморкаться...

Усиленные просьбы о пиве были довольно грубо отклонены японцами.

Однако у более предусмотрительных оказались запасы виски, и наше офицерство не раз бегало прикладываться к нему в свои каюты.

Наконец пароход наш двинулся в путь и осторожно пошел, придерживаясь левого берега залива.

Несмотря на то что наш пароход был далеко не из первоклассных, все мы на нем чувствовали себя отлично. После всех мытарств в Артуре и нашего путешествия к г. Дальнему даже и его скудная обстановка казалась нам роскошной. Все прошлое отошло куда-то далеко, далеко...

Я начал рассматривать моих товарищей по путешествию. Среди многих, известных всему Артуру лихих и храбрых офицеров, из которых большинство теперь были ранены, я увидел лица совершенно незнакомые.

— Кто этот офицер? — спрашиваю одного моего знакомого, указывая на толстую и довольно флегматичную фигуру.

— Это знаменитый подполковник Ш. Он подал рапорт о болезни в начале войны и выздоровел только к 22 декабря. Вот почему Вы его и не знаете, — отвечал мне мой приятель.

В разговоре с офицерами я, между прочим, узнал, что многие старшие офицеры японского осадного корпуса Артура сочли своим долгом, по прибытии в крепость, сделать нашим начальникам частей визиты.

Так, начальник инженеров Японской армии полковник

Сакакибара был с визитом у нашего начальника инженеров крепости, полковника Григоренко. После обычных приветствий полковник Сакакибара задал полковнику Григоренко следующие вопросы:

— Получили ли вы хоть раз в крепости партию снарядов?

— Нет, ни разу.

— Зачем вы укрепляли Ляотешань?

— Надеялись в крайности там держаться.

— Довольны ли вы ведением японцами осадных работ под Порт-Артуром ?

— Нахожу, что они велись отлично.

Здесь же я узнал, что японцы под Артуром имели всего 540 орудий разных калибров, из них 32 орудия были 11-дюймовые гаубицы. Кроме того, четырех гаубиц того же калибра они не успели еще установить.

Вот из скольких орудий японцы бомбардировали наш бедный Порт-Артур!

29 декабря

Погода отличная.

Пароход, плавно разрезая мелкие волны, проходит мимо Корейского архипелага.

Публика после спокойного проведенного дня отдохнула и мечтает о России.

Все прошлое забыто и осталось где-то вдали...

Японцы обращаются с нашим офицерством сухо, а подчас крайне пренебрежительно.

30 декабря

Ночь прошла спокойно.

Несмотря на маленькую качку, все благодушествуют.

В 12 часов дня вдали показались острова Японии, а около 5 часов вечера мы уже входили в знаменитую бухту г. Нагасаки. Перед входом в нее всем нам велено было спуститься в свои каюты и занавесить окна. Делалось это для того, чтобы мы не могли рассмотреть береговых укреплений г. Нагасаки, на которых кое-где строились новые батареи.

Всем офицерам, едущим в Россию, предложено было

пересесть на катера, а вещи свои свалить в особую баржу.

Всех нас высадили в карантин, заставили там принять ванну, между тем как платье наше подверглось тщательной дезинфекции.

Несмотря на то что нас, офицеров, было довольно много, никакой путаницы ни в вещах, ни с платьем не произошло. Всякий получал свое.

Забавно было видеть всю эту артурскую публику в белых керимонах (халатах), сидевшую в ожидании своего белья и одежды.

Многие начали было кричать, что это беспорядок и то и другое, но японцы ни на какие протесты не обращали ни малейшего внимания и строго придерживались раз намеченного плана.

Здесь нас снова пересчитали и, наконец, повезли на катерах в дер. Иноса, расположенную на другом берегу Нагасакской бухты. Высадившись там уже ночью, мы при свете факелов отправились пешком в самую деревню, расположенную на небольшой возвышенности.

В маленьком саду, около какого-то здания, нас встретили представители города. Переводчик, бывший владивостокский парикмахер, держал к нам речь, в которой приветствовал нас с благополучным прибытием в Японию.

После этого любезного приветствия нам был предложен чай и мандарины.

Немного спустя тот же оратор заявил нам, что мы будем размещены по трое в деревне Киоса.

Здесь же нам роздали особые планчики, на которых были точно обозначены границы, за которые пленным ходить запрещалось, а также и места переправы на другой берег.

На том же планчике, на обороте, были написаны по-русски правила, которых мы должны были придерживаться как военнопленные и которые гласили следующее:

Точная копия

Уведомляю, что с целью поддержать порядок военного положения и для охраны всех чинов установлено следующее:

1) Место ночлега — Киоса.

2) За границу ночлежного места можно выехать свободно, но только в округах, означенных на плане.

3) Выезжающему и возвращающемуся следует сесть в шлюпку только на пристанях, указанных на плане.

4) Время выезда и приезда с 9 часов утра и до 4 часов вечера.

5) Во время выезда для охраны всех чинов может быть назначен полицейский чиновник.

6) Письменное сообщение позволяется за исключением шифрованных.

10 января 1905 года

Губернатор *Аракова Еситаро*

Через некоторое время дошла очередь и до нас, и я с двумя моими сотоварищами отправился в отведенный нам для ночлега дом.

Была теплая ясная ночь...

Мы пробирались узенькими японскими улицами и наконец пришли к назначенному дому, который должен был заменить нам гостиницу.

Нас встретила хозяйка дома, маленькая веселая и подвижная японка, отлично говорившая по-русски. Звали ее О-Ками-Исо.

Я взошел в наше новое обиталище.

Не раз уже, путешествуя и раньше по Японии, я сразу узнал, что такое представляло собой отведенное нам помещение.

На просьбу мою перевести меня в какой-нибудь другой приют переводчик заявил, что и остальные мои товарищи будут размещены в подобных же «домах». Делать нечего, пришлось покориться своей участи.

Я попросил хозяйку дать нам на ужин яиц и какой-нибудь зелени, а сам пошел на второй этаж, в отведенную мне комнату. Везде господствовала та удивительная чистота и порядок, которые так поражает всякого европейца, попавшего в Японию.

Спать надо было по японскому обычаю, на полу, на особых тюфяках и закрываясь толстыми одеялами. Весь дом, хотя и двухэтажный, был почти сквозной, так как часть стен и потолок были бумажные. Ввиду этого температура в доме была та же, что и на дворе.

Вскоре подали мне мой ужин: яйца, картошку, масло и редиску.

Я заявил хозяйке, что за все буду ей платить лично, помимо переводчиков. К ужину пришли к нашему столу и все прекрасные обитательницы пансиона. Надо сознаться, все они были удивительные рожи.

Очевидно, пансион был не из первоклассных.

Когда мы укладывались спать, наша хозяйка, восхваляя прелестных обольстительниц, заявила, что японское правительство распорядилось самым тщательным образом осмотреть всех женщин и оставило здесь только вполне здоровых и что поэтому русским офицерам нечего бояться в будущем какого-нибудь воспоминания...

Откровенно признаюсь, что такой предупредительности и заботливости я никак не ожидал от наших победителей!

31 декабря

Сегодня целый день моросит дождик.

Утром по моей просьбе нам подали бифштекс, лангусты и чримсы (род раков). После завтрака я вышел на улицу. Несмотря на маленький дождик, я с наслаждением прошелся по берегу залива. В голове моей теснились воспоминания о прежних моих путешествиях по прекрасной Японии. Мог ли я тогда думать, что вскоре попаду сюда военнопленным! Правда, еще задолго до войны отношения наши с Японией начали портиться. Это, конечно, было следствием занятия нами злосчастного Порт-Артура.

Уже во время Китайского похода, в котором мне тоже довелось побывать, японцы нас явно сторонились. Даже наши солдаты тогда это подметили и очень метко выразили это словами: «Японец щетинится на нас».

Между тем до занятия нами Артура не было ни одного народа, который был бы так к нам расположен, как японцы.

Я вернулся домой только к полудню, когда нам на квартиру принесли «казенный обед».

Вечером наша маленькая коммуна решила встретить сообща Новый год.

В одной маленькой японской гостинице, где мы все собрались, наш распорядитель, решившись до отвала накормить нас мясом, которого мы так давно не ели в Порт-Артуре, ухитрился заказать на 12 человек не более не менее как: две курицы, две утки, два гуся и одного индюка, не считая разных закусок, консервов, рыбы и проч.

Японец-повар, очевидно, был страшно изумлен такими неслыханными аппетитами «русских варваров». По счастью, однако, он догадался сократить заказ на одного гуся и индюка, тем более что последнего не могли найти в Нагасаки.

Встреча Нового года прошла довольно весело. Распорядитель умудрился достать не только водки Смирнова, но и шампанского.

Но все же, несмотря на хорошие аппетиты, мы при всем желании не могли одолеть всего заказанного и оставили нетронутым добрую его половину.

Утомленный за день, я потихоньку ушел, мои же приятели сражались в макао до самого утра

1905 год

1 января

Чудный, ясный солнечный день. Тепло.

Ходим без пальто.

Масса японцев, торговцев разными мелкими японскими безделушками, построили из парусины и бамбука род шалашей и бойко распродают свои товары нашим артурцам.

В 2 часа дня приехал в дер. Киоса генерал-адъютант Стессель.

Кроме него прибыла масса артурских дам и жен офицеров. Жизнь в деревне сильно оживилась.

О дальнейшем нашем путешествии ничего пока не слышно.

Днем к нам просили позволения зайти два пожилых почтенных японца, желавшие лично от нас узнать некоторые подробности о последних днях Порт-Артура.

Мы охотно дали свое согласие.

Японцы эти пришли только к вечеру и очень обстоятельно и вежливо расспрашивали нас по интересующим их вопросам.

2 января

Сегодня прошел слух, что генерал-адъютант Стессель получил от Императора Вильгельма II какой-то почетный орден.

Теперь все начальство разделилось на два противоположных лагеря. Большинство, надеясь получить побольше наград, примкнуло к партии генерал-адъютанта Стесселя, меньшинство — к партии генерал-лейтенанта Смирнова. Последняя партия — в опале.

Ловкие люди умело пользуются этим обстоятельством и пробивают себе путь к разным наградам.

Сегодня японцы удивили нас своей осведомленностью: они пришли к нам и поздравили полковников Рейса, Третьякова, Ирмана и Савицкого генералами, а первых трех, кроме того, и с получением Георгиевских крестов.

В подтверждение всего этого они показали номер нашего «Инвалида». Таким образом, японцы и за наградами нашими следили очень аккуратно.

Вчера еще полковник, а сегодня уже молодой генерал Савицкий успел откуда-то достать генеральские погоны и важно

щеголял теперь в них по деревне.

Японские торговцы работают на славу. Товары быстро раскупаются. Особенно усердствуют дамы.

Сегодня японцы приняли от нас телеграммы для отправки в Россию.

Многие офицеры одели штатское платье.

3 января

Погода отличная.

На японском базаре нашими дамами раскуплены почти все мелочи и безделушки. Вообще г. Нагасаки за время пребывания наших пленных заработал несколько десятков тысяч рублей.

Кроме того, японцы очень бойко торговали «водкой Смирнова» и «табаком фабрики Кушнарева».

Оба эти продукта оказались фальсификацией, до которой японцы удивительные мастера.

На завтра ждем прибытия французского парохода, который нас и должен доставить до Шанхая.

4 января

Сегодня пришел давно ожидаемый французский пароход «Австралия», на котором мы поедем до Шанхая.

Утром мы, забрав все свои пожитки, отправились на пристань.

Наша хозяйка О-Ками-Исо в благодарность за нашу щедрую плату подарила каждому из нас по безделушке.

Мы же за ее внимание и любезность купили ей шелковый платок.

Весь пансион провожал нас до порога своего дома, а сама хозяйка сопровождала нас до самой пристани.

На пристани царило сильное оживление. Особенно волновались, конечно, дамы.

Яркое солнце освещало чудную Нагасакскую бухту. Многое было еще в зелени. Воздух был чист и мягок.

Я покидал эту очаровательную страну, и, вероятно, навсегда!..

Вскоре показался генерал Стессель со своей супругой, в сопровождении всей свиты.

Все японцы с каким-то удивлением и любопытством разглядывали рослую фигуру нашего генерала, с именем которого было связано столько рассказов и слухов об ужасах осады и обороны Порт-Артура.

Генерал Стессель с черной повязкой на голове, прикрывавшей рану, окруженный своими приближенными и личными японскими переводчиками, первый отчалил от берегов Японии.

С этого момента японцы передали все хлопоты и попечения о дальнейшей нашей судьбе нашему начальству.

Вследствие этого у нас опять, конечно, поднялась та сутолока и беспорядок, который всегда был отличительным свойством нашей нации вообще, а нашего начальства в особенности.

Ни от кого ничего нельзя было добиться.

Несчастный капитан парохода выбивался из сил, стараясь водворить хоть какой-либо порядок при распределении кают между офицерами.

Начальство же и штабные захватили себе лучшие каюты, а до других им не было никакого дела.

О каких-либо распоряжениях никто и не подумал.

Многие невольно пожалели, что нет японцев, которые, конечно, обо всем бы позаботились и устроили бы всех как следует.

После долгой перебранки, сутолоки и всего того хаоса, который всегда сопровождает русских людей при их переездах, мы кое-как разобрались.

К вечеру, однако, подполковник Генерального штаба Дмитриевский принужден был взять на себя нелегкую задачу успокоить пассажиров, так как капитан парохода окончательно выбился из сил.

Французы нас накормили хорошим обедом и напоили нас отличным вином.

Публика благодушествует.

Я вышел на палубу.

Вдали были еще видны берега Японии. Не знаю, какой привет мне послать ей: «прощай» или «до свидания?». И я послал этой очаровательной маленькой стране, этим маленьким деятельным и энергичным людям свое «до свидания».

Биографическая справка Военный инженер полковник М.И. Лилье (1868-1941).

Михаил Иванович Лилье родился 10 февраля 1868 года в дворянской семье. Вероисповедания православного. Образование получил во Владимирском Киевском кадетском корпусе, 2-м военном Константиновском и Николаевском инженерных училищах и Николаевской инженерной академии.

Начал службу после окончания полного курса в кадетском корпусе во 2-м военном Константиновском училище юнкером рядового звания 13 сентября 1887 года, 7 сентября 1888 года произведен в унтер-офицеры. Учебу в Николаевском инженерном

училище начал 14 октября 1889 года. По его окончании произведен в подпоручики с назначением в 6-й саперный батальон 10 апреля 1890 года. 30 апреля 1892 года произведен в поручики.

1 августа 1893 года командирован в Николаевскую инженерную академию. 19 мая 1896 года произведен в штабс-капитаны. Окончил академию 7 июня 1896 года и был назначен в распоряжение начальника инженеров Московского военного округа. 5 апреля 1898 года назначен в распоряжение начальника инженеров Приамурского военного округа. Произведен в капитаны 5 апреля 1898 года. В числе офицеров Управления заведующего инженерной частью на Квантунском полуострове командирован в Порт-Артур 29 октября 1898 года. Зачислен в штаб Владивостокского крепостного инженерного управления с оставлением в числе прикомандированных офицеров 9 апреля 1899 года. Назначен руководителем работ Квантунского областного инженерного управления 27 декабря 1900 года.

27 января 1904 года назначен в распоряжение начальника инженеров крепости Порт-Артур и находился в составе Порт-Артурского инженерного управления во все время обороны крепости. 15 апреля 1905 года назначен в распоряжение начальника инженеров Петербургского военного округа. С 28 октября того же года находился в распоряжении начальника инженеров Кронштадтской крепости. 21 февраля 1906 года назначен в штат обер-офицеров 2-й Санкт-Петербургской инженерной дистанции. Через некоторое время переведен на должность начальника Новгородской инженерной дистанции (точные даты не указаны). В апреле 1908 года ему было присвоено звание подполковника. 22 июня 1910 года назначен председателем ремонтного комитета Санкт-Петербургского инженерного управления.

Высочайшим приказом от 14 мая 1912 года уволен в отставку.

Приказом главнокомандующего армиями Северного фронта и в связи с собственным желанием определен на службу с зачислением в число чинов резерва при Управлении инспектора инженерной части Петроградского военного округа 12 декабря 1915 года, назначен старшим производителем работ 1-го строительства укрепленных позиций Северного фронта в Финляндии. Переведен в управление 2-го строительства 20 ноября 1916 года. 7 июня 1917 года за усердную службу был представлен к производству в чин полковника.

Уволен в отставку по собственному желанию 16 декабря 1917 года.

Имел ордена: Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (18 марта 1907 г.), Св. Анны II ст. с мечами (11 сент. 1905 г.), Св. Станислава III ст. с мечами и бантом (15 мая 1901 г.), Св. Станислава III ст. (27 дек. 1900 г.), медали: серебряную на Александровской ленте в память царствования императора Александра III (1896 г.), офицерский крест французских колоний Камбоджи (1901 г.), за Китайский поход 1900-1901 годов и осаду Порт-Артура.

Был женат на Татьяне Николаевне Бернард и имел дочь Киру (род. 8 янв. 1913 г.).

Родового и благоприобретенного имущества не имел.

Сведений за более позднее время, а также каких-либо фотографических материалов в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) не имеется.

Справка составлена на основе ответа РГВИА № 856 от 21.08.1992, подписанного директором архива В.А. Рыбиным, на запрос г-жи З.И. Лилье (г. Киев).

Словарь некоторых терминов, применяемых в дневнике

Байонет — штык.

Брандер — груженные балластом старые суда, которые затопляли в узком фарватере. Японцы с помощью брандеров пытались запереть русскую эскадру в Порт-Артуре.

Брекватер — волнорез, служит для ограждения места стоянки судов.

Бруствер — небольшая насыпь, часть траншеи, предназначена для удобства при стрельбе, защите от пуль, осколков снарядов.

Гаолян — китайское просо, зерновое и кормовое растение.

Гласис — гребень наружного рва или откос, земляная насыпь впереди наружного рва крепости. Возводится для улучшения обстрела местности.

Джонка — китайское судно с высоко поднятой кормой, разрисована, нос 4-угольный, низкий, имеет каюты.

Камуфлет — разрыв артиллерийского снаряда под землей.

Капонир — огневое оборонительное сооружение для ведения огня.

Кессон — устройство для местного осушения и ремонта подводной части корпуса судна.

Кильватер — строй кораблей, идущих друг за другом с одинаковым расстоянием между ними.

Мина Уайтхеда — самодвижущаяся мина-торпеда.

Минный заградитель — боевой надводный корабль, предназначенный для постановки минных заграждений против надводных судов.

Сапа — траншея, применяемая при осаде крепости, для постепенного приближения под огнем противника, к его укреплениям.

Фанза — изба.

Фашина — стянутая связка хвороста, при строительстве оборонительных сооружений

Шаланда — мелкосидящее несамоходное судно, применяемое для разгрузки или погрузки судов.

Эполимент — боковая часть бруствера.

Эскарп — земляное заграждение в виде высокого (2-3 м) крутого среза ската местности, обращенного к противнику.

notes

Примечания

1

Речь идет о знаменитом кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Там же похоронены мать М.И. Лилье Мария Александровна (1845-1933) и жена Татьяна Николаевна (1869-1952). (*Примеч. ред.*)

2

См. краткий словарь терминов в приложении.

3

Здесь и далее знак вопроса автора дневника.

Правильно: Орбелиани. (*Примеч. ред.*)

5

Удивительно, что японцы всегда почти предпринимали свои наступления или 13-го числа, или 26-го (26 кратное 13). Действительно, 26 января — атака японских миноносцев нашей эскадры; 13 мая — Цзиньчжоу, 13 июня — начало боя на Зеленых горах. Это число 13 постоянно у них фигурировало и при дальнейшей осаде Порт-Артура. Очевидно, японцы почему-либо считали это число для себя счастливым.

6

Корибеф — готовая и уже вареная солонина, закупоренная в особых жестянках.